Н. А. БУХБИНДЕР

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ЛЕНИНГРАД
АКАДЕМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

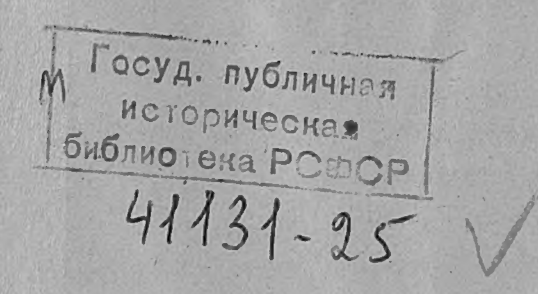
Н. А. БУХБИНДЕР

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ПО НЕИЗДАННЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ

ЛЕНИНГРАД
АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

ГРАФИЧЕСКИЕ
МАСТЕРСКИЕ
КОВЕНСКИЙ, 2

Ленинградский Гублит № 11932 Тираж 4.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой законченную часть задуманной работы „История евреев в России“, рассматриваемой мною в свете материалистического понимания истории.

В своем труде я, помимо опубликованной литературы, широко использовал недоступные дореволюционным исследователям материалы из архива Департамента полиции.

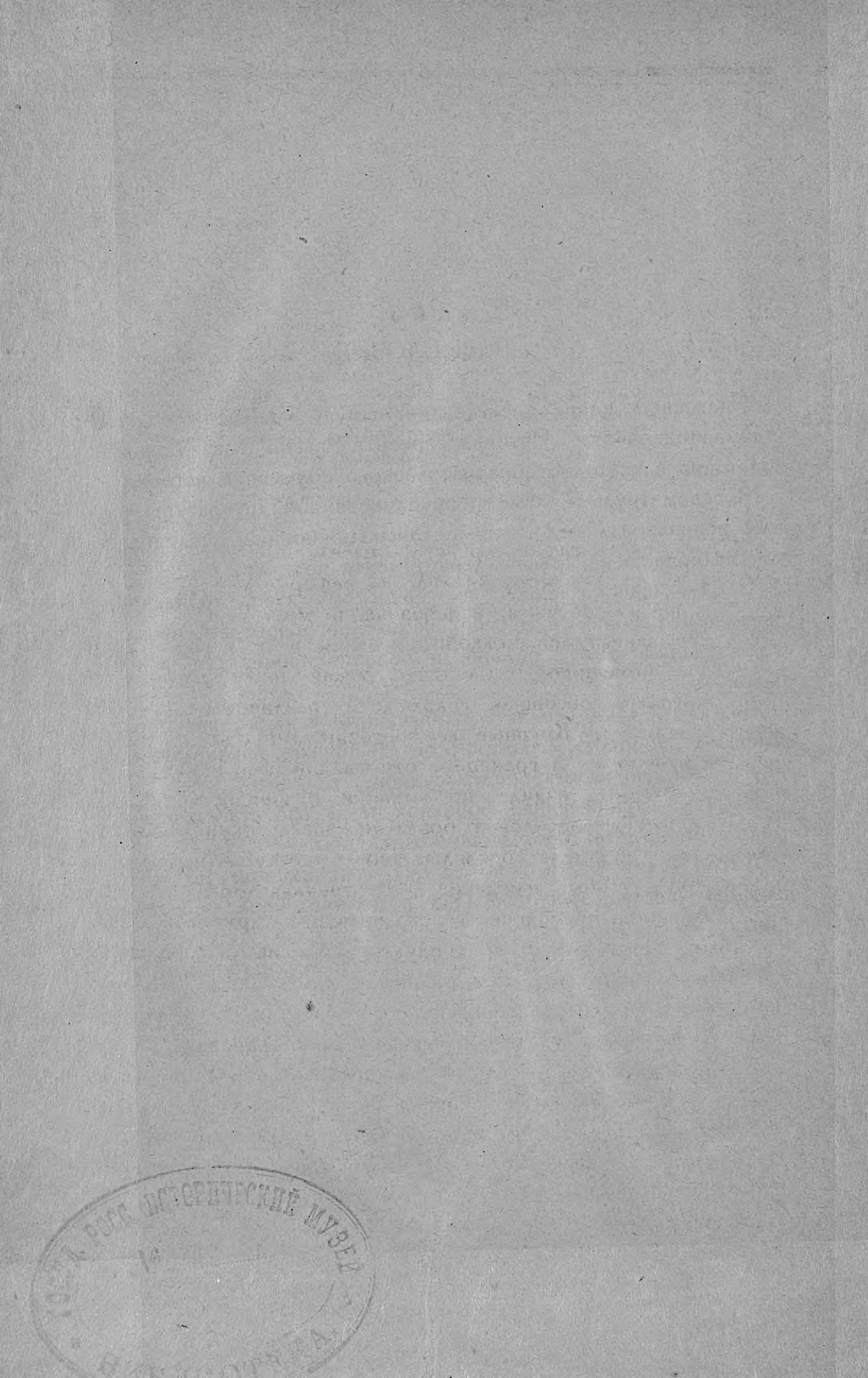
Следуя шаг за шагом по тернистому пути, пройденному еврейским рабочим в России, радуясь его победам, печалясь его неудачам, я все больше и больше проникался к нему любовью.

Бодрость духа вселяют необычайные усилия этих париев, сумевших побороть гражданское бесправие, экономический гнет и вековую власть предрассудков.

Забитый, приниженный, обездоленный раб стал гордым и смелым борцом за социальную революцию.

Автор считал бы свою задачу выполненной до конца, если бы чувства этого порядка в полной мере передались и читателю.

Н. А. Бухбиндер.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Глава I

Очерк социально-экономической жизни евреев в России в XIX веке. — Еврейский быт в до-реформенное время. — Распад его под влиянием развития капитализма в России. — Профессиональный состав еврейского населения в конце XIX века. — Участие евреев в торговле, сельском хозяйстве, ремесле и фабрично-заводский промышленности. — Еврейский ремесленный и фабрично-заводский пролетариат. — Условия труда. — Заработная плата. — Рабочий день. — Жилищные условия.

В XIX веке в жизни еврейского населения в России произошли крупнейшие изменения. В до-реформенное время оно жило, главным образом, в деревнях и местечках. Большая часть его занималась мелкой торговлей и посредничеством: скупало у помещиков и крестьян урожай, перепродавало его более крупным торговцам, снабжало их различными ремесленными изделиями. Крупные же торговцы (их было немного) вели торговлю с за-границей: отправляли хлеб и лес в Данциг, Кенигсберг, ездили на ярмарки в Лейпциг. Другая часть еврейского населения брала казенные откупа, подряды и поставки, содержала постоялые дворы, почту, арендовала у помещиков питейные заведения. Внутренняя торговля сосредоточивалась на периодически устраивавшихся ярмарках. Туда крестьяне привозили свои продукты, обменивали, продавали и приобретали нужные им в хозяйстве ремесленные изделия. Ремесленный класс среди еврейского населения был невелик. Занятие ремеслом считалось уделом простонародья. К ремеслу относились презрительно. В еврейской общинной жизни буржуазия, имевшая в своих руках кагальную власть, ограничивала ремесленников в правах, местами облагала их специальными или повышенными налогами, сдавала в кантонисты и рекрутские наборы их детей в бо́льшем числе, нежели остального населения. В ту пору среди евреев был значителен слой духовенства: раввинов, шойхетов (резники), магидов (про

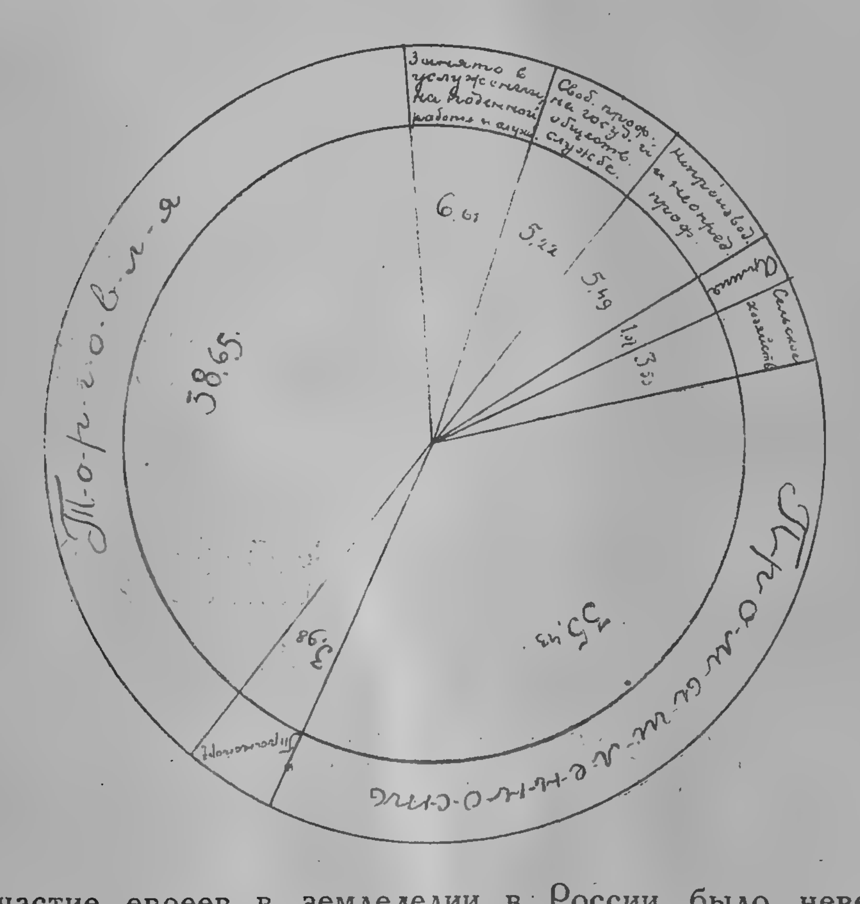
поведники) и проч. В до-реформенное время благосостояние еврейского населения было плохое: почти все оно жило в крайне бедственных условиях.

60-ые и дальнейшие годы, отмеченные быстрым ростом в России промышленного капитализма, сильно потрясли старый еврейский быт. С отменой крепостного права и нача лом оживленнейшего железнодорожного строительства еврей ское население оказалось выбитым из обычной колеи. Прежние их занятия находили себе малое применение. Помещик, около которого раньше кормилось местечковое еврейское население, обслуживая его различными посредническими услу гами, теперь больше в нем не нуждался: минуя мелких перепро давцев, он начал сам торговать хлебом и вывозить его за границу. Из местечек и деревень еврейское население потя нулось в города. В сравнительно короткое время вырос целый ряд густо населенных еврейских городских центров. Выбитое из обычной колеи еврейское население забыло о прежнем предрассудке и устремилось к ремеслам. Скоро среди еврейства вырос большой класс ремесленников. К концу XIX века он оказался настолько многочисленным, что был обречен на ожесточенную конкурренцию. Вместе с тем вырос и класс наемных рабочих: появился значительный еврейский ремесленный пролетариат, который вскоре начал вести органи зованную экономическую и политическую борьбу.

В 60-ых годах крупный еврейский капитал устремился в железнодорожное строительство, организации банков, акцио нерных обществ и пр. Правительство шло этому навстречу: нуждаясь в капиталах, оно дало им различные льготы и привилегии. Золотая пора еврейского купечества длилась, однако, недолго. Уже в конце 60-х годов, после выстрела Каракозова, когда началась правительственная и общественная реакция, обозначился поворот и в политике правительства в еврейском вопросе. Ограничительная политика достигла своего апогея в 80-х годах. Выросший из дворянства и город ского мещанства, значительный класс капиталистов-христиан завопил о захвате „жидами“ торговли и промышленности, о еврейском „засильи“ и пр. При Александре III издаются

„временные правила“ 3 мая 1882 года. Евреям воспрещается селиться в деревнях „черты оседлости“, приобретать земли, арендовать фермы или управлять имениями. В его же царствование, в 1881 г., происходит целая полоса еврейских погромов и в 1891 г. изгнание евреев из Москвы.

В конце XIX века, по данным всеобщей переписи, профессиональный состав еврейского населения в России рисуется в следующем виде:

Участие евреев в земледелии в России было невелико.

В начале XIX века, при Александре I и Николае I, правительство привлекало еврейское население к занятию земледельческим трудом, отводило земли и давало различные льготы, в частности освобождало от тяжелой 25-летней военной службы. Благодаря этому образовалось некоторое количество евреев земледельцев. Однако, во второй половине XIX века политика правительства, раньше направленная к поощрению занятия евреев земледелием, коренным образом изменилась, и

так называемыми „временными правилами“ 3 мая 1882 г., как мы сказали выше, воспрещено было евреям селиться в деревнях „черты оседлости“, приобретать земли, арендовать фермы или управлять имениями. Вследствие этого ограничительного закона дальнейший рост еврейского крестьянства приостановился.

В конце XIX века в России сельско-хозяйственным трудом жило евреев:

	душ
Хлебопашеством в колониях	51.539
Специальными отраслями сельского хозяйства	64.563
Землевладением и арендою	19.930
Полевыми работами	12.901
Итого	148.933 [1]

Приблизительный расчет численности колониального населения, действительно занимающегося хлебопашеством в строгом смысле этого слова, следующий:

Губернии:	Число семейств:	Число душ:
Северо и Юго-Западные	2.841	17.568
Херсонская и Екатеринославская	3.982	23.520
Бессарабская	674	3.301
Привислянские	1.430	7.150
Итого	8.927	51.539 [2]

О количестве лиц, занятых специальными отраслями сельского хозяйства, мы располагаем следующими данными, собранными корреспондентами еврейского колонизационного общества:

Огородничеством и плодоводством	11.299
Молочным хозяйством и пахтарным промыслом	7.454
Табаководством	1.695
Виноградарством и виноделием	780
Пчеловодством	200
Разными специальными культурами	93
Итого	21.521 [3]

Обследование, произведенное этими корреспондентами в конце XIX века, выяснило печальную картину состояния еврей

[1]) Сборник материалов об эконом. положении евреев в России, издание „Е. К. О.“, СПБ., 1904, т. I, стр. 10.

[2]) Ibid, стр. 7.

[3]) Ibid, стр. 9.

ских колоний. Система хозяйства там была хищническая. Обработка почвы—примитивная, заимствованная у соседей-крестьян. Вследствие недостаточного количества земли не практиковалась паровая обработка полей, не практиковалась и смена между пашней и выгоном. Таким образом, пашня засевалась почти беспрерывно. Навозное удобрение полей в колониях Херсонской и Бессарабской губерний было неизвестно. Все это понижало экономическое благосостояние населения по мере его увеличения и соответственного уменьшения земли, приходящейся на едока [1]).

Как мы выше сказали, ремесленный труд был очень распространен среди евреев. Корреспондентами „ЕКО“ было зарегистрировано 500.986 ремесленников-евреев, которые составляли 13,2% еврейского населения, по отношению к которому имеются эти данные [2]). О распространенности ремесленного труда свидетельствует занятие им в 25 губерниях Западной России в среднем от 1/10 до 1/5 всего еврейского населения [3]).

Обычно еврейская ремесленная мастерская небольших размеров с одним или несколькими рабочими. Вместе с хозяином работают и его дети.

Благосостояние еврея-ремесленника было плохое, вследствие большой конкурренции и низкого уровня развития его техники. Ремесленник, едва изучив ремесло, открывал мастерскую и стремился стать хозяйчиком.

Капитализация ремесла привела к замене простых форм изготовления и сбыта ремесленных изделий более сложными. На ряду с работой ремесленника непосредственно на потребителя, наблюдалось производство для сбыта на ярмарках. Впоследствии стало быстро расти массовое производство по заказу магазинов и для вывоза на дальний рынок. В последнем случае ремесленник был уже совершенно разобщен с потребителем, и в большинстве случаев работал из сырья предпринимателя. Его положение теперь, по виду самостоятельного хозяйчика, мало чем отличается от наемного рабочего.

[1]) Ibid, стр. 29.
[2]) Ibid, стр. 189.
[3]) Ibid, стр. 190.

„Они отличаются от настоящих фабричных рабочих лишь тем, что им приходится сплошь и рядом работать при гораздо худших гигиенических условиях, чем на фабрике, что заработная плата их ниже, и что их материальные интересы менее охраняются существующими узаконениями, нежели интересы и здоровье фабричных рабочих“ [1]).

В ремесле, в широких размерах, было распространено пользование детским и женским трудом. В некоторых губерниях в целом ряде ремесл замечалось превышение учеников над подмастерьями. Это происходило вследствие того, что условия ремесленного производства в этих губерниях вынуждали мастеров не столько заботиться о хороших качествах изделий, сколько о дешевизне их. Об участии женщин в ремесле в выше цитированном „Сборнике об экономическом положении евреев в России“ читаем следующее: „Еще в недалеком прошлом еврейка-ремесленница представляла собой явление исключительное, единичное: еврейская женщина больше занималась торговлей, содержанием постоялых дворов и т. п., ремесленный же труд считался занятием, роняющим честь еврейки „хорошего происхождения“. Ныне же условия жизни значительно изменились: все чаще предъявляется спрос на произведения женского ремесленного труда, и все чаще еврейская женщина, оставляя отжившие свое время предрассудки, становится под влиянием нужды в ряды профессиональных ремесленниц“. Всех женщин-ремесленниц в 25 губерниях было зарегистрировано 76.548. По отношению к общему числу ремесленников они составляют 15,3% [2]). Заняты они, главным образом, как модистки, портнихи, белошвейки, чулочницы, папиросницы, перчаточницы и т. д.

Очень слабо был распространен среди евреев фабрично заводский труд. По сведениям корреспондентов „Е. К. О.“, всего этим трудом было занято 33.933 человека, среди них — мужчин 20.081, женщин — 6.586, детей — мальчиков 2.407 и девочек — 2.841.

---

[1]) Ibid, стр. 219.
[2]) Ibid, стр. 205.

Евреи работали, главным образом, на еврейских фабриках. В Польше число евреев-рабочих на нееврейских фабриках было самое минимальное. „На 311 нееврейских фабриках с двигателями приходилось всего 353 еврея-рабочих, а на 140 нееврейских фабрик без двигателей—74 еврея-рабочих, т. е. в среднем даже меньше одного рабочего-еврея на одну нееврейскую фабрику.

Евреи находят значительно большее приложение своего труда на еврейских фабриках без двигателей, чем с двигателями. Так, из 27.582 рабочих, которые были заняты на еврейских фабриках с двигателями, евреев-рабочих было 5.236 человек, т. е. 18,9% общего числа рабочих; на еврейских же фабриках без двигателей в числе 15.429 рабочих-евреев было 6.718 чел., или 43,7% общего числа рабочих.

Переходя к отдельным районам и пунктам, мы замечаем почти всюду то же явление: везде евреи играют второстепенную роль в фабричной промышленности“ [1]).

Говоря о профессиональном составе еврейского населения, следует указать еще на небольшое число евреев-чернорабочих. Обследование „Е. К. О.“ насчитывает в 15 губерниях „черты еврейской оседлости“ и 10 губ. Ц. Польского (без Одессы, Лодзи, Киева, Могилева и Ковны, о коих не было сведений) чернорабочих не менее 105.000 человек, т. е. около 2% всего еврейского населения этих губерний. К ним отнесены: извозчики, легковые и ломовые, водовозы и водоносы, сплавщики леса, дровосеки и пильщики, мостовщики и землекопы, тряпичники, золотари, носильщики, грузчики, поденщики и выходящие на полевые работы [2]).

В заключение мы должны остановиться на условиях труда еврейского пролетариата: рабочем дне, заработной плате и т. д. Следует заметить, что положение еврейского рабочего было значительно хуже положения русского. Там, по крайней мере, существовала фабричная инспекция, наблюдавшая за исполнением законов об условиях труда, как никак, все же клавших границу эксплоатации рабочего. Еврейский же пролетариат,

---

1) Ibid, т. II, стр. 115.
2) Ibid, т. I, стр. 394 и 55 табл. во II т.

занятый почти исключительно в мелкой ремесленной промышленности, был отдан на безграничную эксплоатацию хозяина: он работал столько, сколько этого хотел последний. В Гомеле, например, в конце 90-х годов рабочий день продолжался от 8 часов утра и до 12 часов ночи, а по четвергам — до рассвета, таким образом, он был продолжительностью в 16 — 17 час., столяры работали также 17 часов, сапожники — 18 часов [1]), булочники — 18 часов [2]) и т. д. В начале 900 годов в Минске сапожники работали до поздней ночи, а в сезонное время — всю ночь, переплетчики — 15 — 16 час., шапочники — 15 час., ткачи — 14 час., слесаря — 18 часов, конфетницы (девочки) — 20 часов, а в сезонное время — всю ночь [3]), в Киеве — портные работали — 13 — 15 часов [4]), в Двинске на фабрике Закса — 15 — 16 час. [5]), в Житомире жестяники — 15 — 16 час. [6]), в Бердичеве сапожники — 16 — 17 часов [7]), в Петрокове портные — 18 час. [8]), в Рогачеве столяры — 18 часов [9]), в Бердичеве в белошвейных мастерских работали с самого рассвета и до полуночи (нередко и за полночь), причем перерывов на завтрак и обед — никаких [10]), токари, резчики по дереву, работницы верхнего дамского платья — 17 — 18 час., пекари — 18 — 20 час., в Дубровне ткачи — 20 час. [11]), вашовники 13 — 14 час. в воде, в Шавлях приказчики — 18 — 20 часов и т. д.

Мы привели данные о продолжительности рабочего дня в нескольких городах; следует, однако, указать, что то же самое происходило везде, где работал еврейский рабочий.

Заработная плата была очень низкая. В начале 900 годов в Минске сапожники зарабатывали до 6 рублей в неделю, сле

---

[1]) Д. ист. рев. арх., № 5, ч. 31, л. 5, т. 2, 1898 г., л. 23.
[2]) „Последние Известия“ № 108.
[3]) „Дер идишер арбайтер“ № 10 и „Дер Минскер арбайтер“ № 10.
[4]) „Последние Известия“ № 45.
[5]) „П. И.“ № 47.
[6]) „П. И.“ № 80.
[7]) „П. И.“ № 89.
[8]) „П. И.“ № 93.
[9]) „П. И.“ № 94.
[10]) „П. И.“ № 113.
[11]) Генрих Даган, Еврейский пролетариат, изд. В. Кугеля, 1906, стр. 9.

саря, в лучшее время и лучшие рабочие, 6 рублей в неделю, но таких было мало, другие зарабатывали меньше, были и такие, что получали 2 рубля, конфетницы — 2 — 3 рубля в месяц, на канатной механической фабрике у Моносзона получали девушки: от 60 коп. и до 1 руб. 20 коп. в неделю, мальчики от 50 коп. и до 1 р. в неделю, рабочие от 1 р. 20 коп. и до 2 р. 50 коп., рабочие слесаря — от 3 и до 5 руб. в неделю, переплетчики зарабатывали 12 — 14 руб. в месяц, ткачи — самые лучшие — получали 14 руб. в месяц, но таких было мало, большинство зарабатывало 10 — 12 руб. в месяц, некоторые довольствова лись 6 — 7 р. в месяц, в 1895 г. зарабатывали от 6 до 14 р., в 1898 г. в среднем — 18 руб., в 1900 г. — до 24 руб. и неко торые 30 руб. [1]). В Житомире жестяникам за день работы на крыше, даже в самые жаркие дни, платили не более рубля [2]), в Бердичеве 20 — 25-летние приказчики получали по большей части 1 руб. 50 коп. — 2 руб. в неделю; пожилые, обремененные семействами, прослужившие в магазине 15 — 20 лет, получали 4 — 5 руб. в неделю [3]); там же в белошвейных мастерских заработная плата лучшего рабочего не превышала 4 р. 50 коп. в неделю, а лучшая работница не зарабатывала больше 8 руб. в месяц. Существовала здесь поурочная и поштучная работа [4]). В Гомеле булочники получали вместо платы хозяйские харчи [5]). В Ченстохове на фабрике, где изготовляли палки и остовы зонтиков, рабочие за 11½ часов работы зарабатывали 4 — 5 р. в неделю, девушки — от 1 руб. 80 коп. до 2 рублей 50 коп. в неделю. Некоторые девушки, особенно прилежные и ловкие, зарабатывали даже 3 рубля в неделю [6]), в Белостоке ткачи зарабатывали за 11 час. рабочий день самое большое 1 руб. 20 коп. и только в исключительных случаях — 1 руб. 50 коп. Они получали поштучную плату — 9 коп. с мотка, при чем

---

[1]) „Дер идишер арбайтер“ № 10 и „Дер Минскер арбайтер“ № 10.

[2]) „П. И.“ № 80.

[3]) „П. И.“ № 89.

[4]) „П. И.“ № 113.

[5]) „П. И.“ № 108.

[6]) Д-р С. Р. Ландау, Среди еврейского пролетариата, Одесса, 1905 г., изд. „Кадимо“, стр. 32.

пол-копейки с мотка отсчитывалось в пользу мастера. Шпульницы, из которых на два станка приходилось по одной работнице, получали 30 коп. в день, другие работницы — 3 — 4 руб. в неделю [1]), там же на табачной фабрике Яновского рабочий зарабатывал 1 руб. — 1 руб. 50 коп., девушки — 30 — 40 коп в день [2]). В Вильне перчаточники получали 12, 10 и 8 руб. в месяц, женщины — 6 руб. и меньше [3]). В Дубровне ткачи зарабатывали 75 коп. или 1 руб. в неделю, и на такой заработок жила семья в 6 — 8 человек [4]). Плата как на фабрике, так и в мастерской ремесленника не превышала 3½ — 4 рублей в неделю; часто встречалась плата в 2½ — 3 руб.; низкая плата доходила иногда и до 1½ — 2 рублей [5]). В Вильне чулочницы зарабатывали средним числом 8 рублей ежемесячно, и это не считая частой безработицы и трехрублевого налога за право держать машину [6]). „Вашовники" — рабочие, занимающиеся специально выгрузкой бревен из реки Вилии на берег и складкой их,—зарабатывали в Вильне от 80 к. до 1 руб. 20 коп. в день, средний заработок — 1 руб. Этот труд протекал в особо скверных условиях: приходилось по 13 — 14 часов проводить по колени в воде [7]).

Для полноты картины условий труда еврейского рабочего необходимо указать, что работать им приходилось в крайне антисанитарных условиях. Жили еврейские рабочие в ужасающей скученности: в грязных жилищах, без воздуха и света. Туберкулез и другие болезни находили здесь большую жатву, быстро приближали их к вымиранию и вырождению. Известный еврейский экономист Я. Лещинский вполне правильно писал о положении еврейского пролетария:

„Пауперизм — бедность и нищета, нужда и голод в подлинном смысле этого слова; sweating-system — впалые груди, ис

[1]) Ibid, стр. 38 — 39.
[2]) Ibid, стр. 40.
[3]) „Последние Известия" № 157.
[4]) Генрих Даган, стр. 9.
[5]) Ibid, стр. 9.
[6]) Ibid, стр. 12.
[7]) „Сборник Е. К. О.", т. I, стр. 405.

сохшие глаза, бледные, худые лица, больные, туберкулезные легкие, — вот картина еврейской улицы, вот условия, при которых еврейскому фабричному пролетариату приходится бороться за социальные реформы, за будущий идеал . . . и кто может, бежит из еврейской улицы, кто только имеет физическую силу и материальные средства, бросает темную еврейскую улицу, ищет, бросается во все стороны мира“ [1]).

Достаточно полно характеризуют условия труда еврейского рабочего следующие слова М. Балабанова, сказанные по другому поводу, о положении русских фабрично-заводских рабочих:

„Ничем неограниченная продолжительность рабочего времени, низкая заработная плата, обеспечивающая полуживотное существование, широкая эксплоатация женского и детского труда, примитивная техника производства, превращавшая фабрики в машины для калечения людей, бесконечные штрафы, вся обстановка найма, закабалявшая рабочих, жилища, в которых люди валялись, как падаль, — все это отдавало в подлинном смысле кровью живого человека, выкачиваемой расчетливо, хладнокровно, по-хозяйски, с шейлоковским бессердечием к участи этих жертв вампировой жажды. Ни одной точки, на которой мог бы отдохнуть глаз, эта картина не дает. Она лишена какого-нибудь лоска „цивилизации“, какого-нибудь культурного прикрытия, она — в том виде, в каком ее родила мать-земля капиталистическая, без прикрас, не обученная еще обману путем провозглашения „гармонии интересов“, социального мира, устраняющего или притупляющего классовую борьбу, и прочих прекрасных вещей, в капиталистической природе вообще не существующих. Никакого противодействия, с которым нужно было считаться, капитал не встречает. Капитал и труд стоят один против другого, — капитал, к услугам которого все силы этого мира, труд, придавленный экономической зависимостью, бесправный и бессильный“ [2]).

---

[1]) Я. Лещинский, „Der Jüdischer Arbeiter“, стр. 68.

[2]) М. Балабанов, „Очерки по истории рабочего класса в России“, Киев, 1924, ч. 2, стр. 155 — 156.

Глава II

Революционное движение среди еврейского населения в 70-ых годах. — Кружки в Вильне, Минске и др. гор. — Их состав и характер деятельности. — Проект „Соц. револ. союза“. — А. Либерман. — Журналы: „Haemeth“ и „Assefath chachamim“. — М. Н. Драгоманов и еврейский вопрос. — Попытка социалистической пропаганды на разговорно-еврейском языке в 1880 г. — Воззвание группы социалистов-евреев. — Неудача проекта создания „Вольной еврейской типографии“. — „Arbeiter-Zeitung“.

I

Начало революционного движения среди еврейского населения в России относится к 70 гг. Обширный поток „хождения в народ“ увлек и чуткую еврейскую молодежь.

Центром, где сосредоточивалась революционная пропаганда, в ту пору являлось виленское раввинское училище. Рассадником революционных идей оно стало не случайно: сюда поступали дети бедных родителей, отчасти сироты. В атмосфере раввинского училища они порывали с традиционными обычаями, отчасти стояли в стороне от косневшей в предрассудках еврейской массы и представляли собой прекрасный материал для революционера-пропагандиста: быстро и легко воспринимали новые идеи.

Первым начал революционную пропаганду ученик виленского раввинского училища Янкель-Абель Финкельштейн. К сожалению, об этом человеке, заслуживающем большого внимания, мы располагаем немногими сведениями.

Он родился в 1851 г. и был мещанином гор. Владиславова, Сувалкской губ.

В раввинском училище Финкельштейн отличался самостоятельным, независимым характером. У начальства он был на скверном счету и причинял ему много беспокойства: был дерзок, упорно не являлся к утренней молитве и часто самостоятельно отлучался в город, его неоднократно подвер

гали различным наказаниям. Однажды окружный инспектор Мысловский, посетив училище, предложил ученикам написать сочинение на тему: „О просветительном значении раввинов“. Финкельштейн в своей работе употребил „дерзкие выражения, показывающие его неуважение к христианской и иудейской религии“.

В 1872 г. он устроил в виленском раввинском училище библиотеку нелегальной социалистической литературы. Книги эти он давал для чтения ученикам раввинского училища и некоторым посторонним лицам за плату от 50 коп. и до 5 руб., но больше — бесплатно. Библиотеку он хранил частью в раввинском училище и частью на квартире у своего родственника — дяди.

Свою деятельность он не ограничил устройством только нелегальной библиотеки, но задумал создать большое „образовательное общество“. У него найден был при обыске устав этого общества. К сожалению, среди архивных материалов он не сохранился.

Финкельштейн имел связь с московскими революционными кружками 70 гг. На это указывает следствие, которым было установлено, что библиотеку свою он составил из книг, присылаемых ему из Москвы студентом Московского Университета Клячко [1]).

---

[1]) Этот последний стоял во главе московского университетского кружка „чайковцев“ и был выдающимся революционным работником. О. В. Аптекман о нем пишет следующее:

„Клячко — человек, вполне выработанный, энергичный, с выдающимися организаторскими дарованиями, неутомимый, непосредственно сносился с петербургскими чайковцами; они нет-нет да наезжали к нему в Москву, отправляли ему транспорты книг, поставили его в центр заграничной эмиграции, с которой он вел сношения разными способами... Московский кружок чайковцев являлся передаточной станцией для организации пропаганды повсеместно во всей России. Это — второй, дополнительный, штаб революционного авангарда 70-х гг., и Клячко оказался на высоте своего положения. Осторожный, он попадается не раз, но легко выпутывается и остается на свободе, неутомимо продолжая ткать свою революционную ткань, развертывая ее все шире и шире.

Вот как член петербургского кружка чайковцев Л. И. Корнилова характеризует Клячко: „В деле движения молодежи Натансон — фанатик, а второй за ним — Клячко, и если бы побольше было таких деятелей, то исполнение святого дела много подвинулось бы вперед“. (В. Аптекман. Московск. рев. кружки. „Русское Прошлое“ № 2, стр. 32).

В 1872 г., повидимому вследствие доноса, деятельность нкельштейна стала известна училищному начальству. Ми терство народного просвещения уволило его из раввинского училища без права поступления в иное военное или граждан ское учебное заведение. Вслед за тем генерал-губернатором он был выслан из пределов Виленской губернии на родину, в Сувалкскую губернию, с подчинением надзору полиции.

Впоследствии Финкельштейн бежал за границу и одно время состоял студентом Кенигсбергского университета. Там он про должал работать в революционном движении и в частности о транспорту революционных изданий. Ведя скитальческую эмигрантскую жизнь, он подолгу жил в Женеве, Лондоне, Париже и Берлине [1]).

II

После высылки Финкельштейна революционная пропаганда среди учащихся виленского раввинского училища временно приостановилась, но вскоре опять возобновилась.

Теперь повел ее ученик училища Арон Зунделевич, впо следствии видный народоволец.

В 1872 г. он объединил вокруг себя человек 15, главным образом, учеников раввинского училища. Остальные же были гимназисты и реалисты. В кружок входили: А. Либерман, впоследствии редактор первого еврейского социалистического органа „Haemethe", А. Зунделевич, Лев Семен. Вайнер, Иохельсон, Лейба Давидович и другие. Вообще состав его был непостоянный; одни уходили, другие, новые, примыкали: по преимуществу приезжавшая на каникулы учащаяся молодежь.

Кружок еженедельно собирался на квартире у Зунделевича, здесь читали и разбирали нелегальную литературу.

Получали они ее из Петербурга, благодаря тому, что им чрез посредство Анны Михайловны Эпштейн удалось связаться с петербургскими революционными деятелями.

---

[1]) Д. III Отд. Соб. Е. В. К., III экс., 1872 г. № 147. Ср. Б. Фрумкин. „Из ист. рев. движ. среди евреев 70 гг." Евр. Старина, 1911 г., вып. I, стр. 227, примечание.

Участники кружка мечтали о широкой работе среди масс. „Тогда казалось, — рассказывает А. Зунделевич, — что всего удобнее и легче проникнуть в среду рабочих, если самому быть рабочим. Для этого считали весьма важным изучение какого-нибудь ремесла..... Мы наняли еврея сапожника, который приходил ежедневно на несколько часов на мою и В. И. Иохельсона квартиру за городом и обучал нас и еще 2—3 товарищей сапожному ремеслу. При этом была сделана довольно бесплодная попытка спропагандировать учителя“ [1]).

Кружок провалился при следующих обстоятельствах. Кто-то донес начальству виленского учительского института, что среди учеников распространена нелегальная литература. Членами педагогического совета виленского учительского института — Штейнбергом, Волем и др. — в ночь на 30 июня 1875 г. был произведен обыск и просмотр принадлежавших ученикам института вещей, книг и тетрадей, при чем нашли нелегальные книги у учеников I класса — Цунзера „1773—1873 гг., в память столетия пугачевщины“ изд. 2-е, Лондон, и у ученика II класса Наума Рабиновича „Отщепенцы“ [2]). При допросе они показали: первый, что брошюра о пугачевщине найдена им случайно накануне вечером на улице, а второй, что книга „Отщепенцы“ куплена им на базаре у неизвестного ему солдата. При вторичном допросе они дали другие показания: Цунзер — что найденную у него нелегальную брошюру он получил от б. ученика раввинского училища А. Зунделевича, который, встретив его накануне, сообщил, что составился кружок, в котором „читают разные книги и толкуют о великих реформах“. Зунделевич предложил Цунзеру вступить в члены кружка и дал ему брошюру о пугачевщине. Рабинович сообщил, что книгу „Отщепенцы“ он получил от ученика II класса Вайнера. Вайнер сначала ответил, что это — клевета но потом на очной ставке признался, что, действительно, дал

---

[1]) Б. Фрумкин. „Из ист. рев. движ. среди евреев в 70 гг.“ Евр. Стар., 1911 г., вып. I, стр. 225.

[2]) Сообщение во „Вперед“ о том, что при обыске у учеников виленского учительского института нашли еще „Вперед“, т. II и „Сказку о четырех братьях“ — неверно.

ему книгу, которую получил тоже от А. Зунделевича. Вайнер вскоре раскаялся в том, что оговорил своего друга и поспешил предупредить его прежде, чем дело передано было полиции. Оба они благополучно скрылись.

Удалось своевременно скрыться также Либерману и Иохельсону. Ряд других участников кружка остался полиции неизвестен [1]).

Уличенные в хранении нелегальной литературы понесли наказание: Вайнер, который благополучно бежал, был заочно исключен из числа учеников института без права поступления в другое учебное заведение, Цунзер заключен в карцер на 24 часа, с лишением отпуска из института на все летнее каникулярное время до 1 сентября, и Рабинович — карцеру на две недели с ограничением в летнее вакационное время отлучаться только по субботам на три часа с особого каждый раз разрешения институтского начальства. Кроме того, поступки обоих учеников были занесены в штрафной журнал, и балл по поведению был уменьшен двумя единицами [2]).

Кружок, по словам А. Зунделевича, „главным образом имел в виду хождение в народ", то есть, работу среди русского крестьянства; по отношению к еврейскому народу он не ставил себе никаких специальных целей, и продолжать работу среди евреев никто из его членов не предполагал. Исключение составлял только один Либерман, взгляды которого, по словам Зунделевича, „не находили никакого отзвука ни в ком из тогдашних членов кружка". Исключительность точки зрения Либермана заключалась в том, что он смотрел на работу среди евреев „не только как на способ вербовки сил для российской революционной армии, но и как на средство поднять национальное самосознание еврейства, культурно-национальные особенности которого он ценил очень высоко в ряду прогрессивных факторов в деле развития человечества" [3]).

---

[1]) Д. III отд. С. Е. В. К., № 144, ч. 126, 1874—1875 гг.; ср. Б. Фрумкин цит. ст., Иохельсон, Былое, 1918 г. № 13, ст. „Далекое прошлое".

[2]) То же д. III отд., отношение попечителя Виленского учебного округа министру народного просвещения от 12 июля 1875 г. за № 108.

[3]) Б. Фрумкин, ук. ст., стр. 228. Ср. Иохельсон, ук. ст.

III

Вскоре после провала кружка Либермана и Зунделевича революционное движение среди евреев вновь возродилось, на этот раз оно приняло более организованную форму, захватило большое (по тому времени) число участников и распространилось по нескольким городам.

Продолжателем начатого революционного дела явился Л. Давидович, один из участников кружка Либермана и Зунделевича. Ему удалось благополучно избежать ареста. Когда тревога, вызванная раскрытием революционной пропаганды в стенах виленского раввинского института, улеглась, Давидович решил вновь повести ее. Ему удалось не только вновь восстановить кружок в Вильне, но создать новые — в Ельце, Орловск. губ., Двинске, Вит. губ., Минске и Гродне и объединить их в одну организацию.

Виленский кружок составился по преимуществу из учеников виленского учительского института. В него входили: Ария Бенцель Давид Клячко, Лейба Давидович, Моисей Вольфсон, Мирон Зунделевич (брат Арона Зунделевича), Копель Абрамович, Абрам Риман, Моисей и Иеремия Вайнштейн, Меер Барель, Иосель Тривош, Нотель Бендин, Нохим Бройдо, Осип и Софья Равич, Иосель Ромм, Герман Сает, Абель Зак, Сол. Койранский, Шая Вайнер, Мирон Эпштейн, Гирш Вайнель, Рабинович-Черный и другие; девушки: Гита Кремер, Берта Аренштам, Дебора Иосифович, Ревекка Клембоцкая и Гитля Гордон.

В Двинске революционную агитацию вели по поручению Давидовича Элии Сноп (гимназист) и Дмитрий Павлович Беляев.

Любопытную фигуру представлял собой почетный гражданин Беляев.

Он воспитывался в новгородской духовной семинарии, но курса не кончил. Затем Беляев отправился в Петербург, где думал поступить в университет, но за отсутствием средств он этого сделать не мог. Одно время управлял имением, несколько

месяцев работал на стеклянном заводе в качестве чернорабочего, полгода жил в деревне в качестве помощника волостного писаря, а в 1874 г. приехал в Вильну, где служил вольнонаемным писцом в соединенной палате гражданского и уголовного суда. Затем он для революционной пропаганды перевелся в Двинск.

Чтобы связаться с рабочей средой, Беляев и Сноп поступили в слесарную мастерскую. Мастерская была небольшая, работали в ней всего 10—12 человек.

В Минске пропаганду вели Эвенчик и Михаил Рабинович Черный, б. студент Технологического института.

Оба они работали в слесарной мастерской, а по вечерам занимались уроками в некоторых богатых еврейских домах.

Около них организовался небольшой кружок, к которому примкнули двое распропагандированных рабочих — кузнецы Чаплевской и Маттосевич.

Собирались еженедельно и читали нелегальную литературу.

В Гродно в кружок входили: Айзик Слуцкий, Константин Бельский (гимназист), Давид и Исаак Рутенштейны, Соломон Андресс, Марцелий Янчевский, Нагорский, Шантырь и некоторые другие.

В Ельце кружок сорганизовался, главным образом, из учащихся Александровского железнодорожного училища. Участниками его были: Вольфсон, Элиашберг, Аркадий Муд, Кремер, Иеханан Мовшович, Эдуард Зейдлер и некоторые другие.

Была еще сделана попытка организовать кружок в Белостоке. Туда ездил с этой целью член виленского кружка Клячко, но неудачно.

Кружки поддерживали связь между собою: обменивались литературой, их объезжал несколько раз Давидович.

Они находились в сношениях с петербургскими революционными кружками чрез посредство видного пропагандиста Станислава Бельского, студента военно-хирургической академии, снабжавшего их литературой.

Среди них были распространены: „Сказка о копейке", „Сказка о 4-х братьях", „Бог то Бог, да сам не будь плох", „Отщепенцы", „Хитрая механика", „Храбрый воин", „Золотая грамота", „Пугачевщина", „Голод в Самаре", „Парижская Ком

муна", „Что делается на родине?" (из „Вперед"), журнал „Вперед" и другие.

Виленский кружок поддерживал связь с эмиграцией: некоторые члены его вели переписку с Либерманом, посылали корреспонденции во „Вперед" и получали оттуда литературу.

Либерман прислал им „Устав" предположенного „социально революционного союза между евреями в России".

В Двинске намечено было устроить слесарную мастерскую на коммунистических началах и подобную же швейную в Вильне, но за отсутствием средств не удалось этого осуществить.

Любопытно, что, решив повести пропаганду среди еврейских масс, виленский кружок нашел необходимым сделать это на еврейском языке, т. е. то, что в широком масштабе впоследствии осуществил „Бунд". Правда, как сообщает А. Зунделевич [1]), споры об этом велись уже в кружке с 1874 г., но лишь теперь сделаны были практические шаги к претворению этого в жизнь. Так, у Вольфсона при обыске найдена была рукопись на разговорно-еврейском языке, представлявшая собою перевод русской агитационной брошюры. Сделал он этот перевод по поручению Давидовича. В ней „изображалось тягостное положение еврейского сословия в Зап. Европе, угнетенного чрезмерными налогами, при этом проповедуются коммунистические и демократические идеи". (Отнош. нач. Вил. жанд упр. Лосева от 12/IV 1876 г. за № 120).

В марте 1876 г. полицией произведены были в Вильне, Минске, Динабурге (Двинске), Гродно и Ельце многочисленные обыски, окончательно разрушившие революционные кружки.

Почти все арестованные отказались от дачи показаний. Только Ромм, Янчевский и Клячко дали существенные показания. Ромм, Иосель, писарь виленского окружного инженерного управления, касаясь кружка А. Зунделевича, сообщил, что Либерман устроил его в Вильне из 10 чел., среди коих находился Сандлер (Лейба Давидов, скрывшийся). Сандлер

---

[1]) Б. Фрумкин. „Из ист. рев. движ. среди евр. в 70 г.", „Евр. Ст.", 1911, вып. 1.

отправился в Минск по рекомендации его, Ромма, к Эвенчику и там устроил особый кружок. Ромм не желал принадлежать к кружку, находя членов его безграмотными и безнравственными, но действовал отдельно, и, поступивши на военную службу, он убедился, что мужики (воинские нижние чины) понимают не менее членов кружка, и что они недовольны приемом их на службу, а он, Ромм, действует в своей среде без азарта и не подвергаясь опасности. Янчевский Марцелий выдал гродненский кружок и рассказал на допросе, что в Гродно у Слуцкого и Бельского хранится нелегальная литература. Клячко разъяснил деятельность виленского кружка и указал целый ряд членов его.

Провал произошел вследствие того, что двум полицейским агентам — евреям Мордуху Глобусу и Абраму Дислеру—удалось сблизиться с некоторыми членами виленского кружка и даже вступить в члены его. Благодаря этому полиция была прекрасно осведомлена о составе и работе его.

Еще до провала кое у кого возникали предположения, что в кружок проник провокатор, и даже приняты были меры для устранения его. Больше всего подозревали Мордуха Глобуса. По показанию Клячко, Давидович дал ему мышьяк для отравления Мордуха Глобуса, но по малодушию он этого не привел в исполнение.

Давидовичу — самому активному работнику этих кружков — удалось избежать ареста: он своевременно скрылся.

Власти отнеслись к этому делу снисходительно: оно решено было в административном порядке, и участники его получили сравнительно легкое наказание.

К следствию привлечено было 55 чел., в том числе многие совершенно не причастные к революционной пропаганде. Понесли наказание: Абрамович, Янчевский и Борель — 6 мес. тюремного заключения, Слуцкий, Андресс и Конст. Бельский— 2 месяца, Тривош, Бендин, Вайнштейн, Риман и Зунделевич — по 1 м., Зейдлеру, Вайнеру, И. Вайнштейну, Койранскому, Заку, Саету, Осипу Равичу, Нотек, Кремер, Ромму, Бройдо и Софье Равич „сделаны были внушения чрез начальство“; затем все привлеченные к следствию отданы были под надзор

полиции. Мих. Рабинович-Черный, Вольфсон, Ст. Бельский, Г. Ванель сосланы были: первые двое в Вятскую губ., а осталь ные в Архангельскую губ.

Из них Вольфсон вскоре бежал из ссылки за границу, а остальные оставались в ней до марта 1881 г., когда особое совещание при Лорис-Меликове разрешило им поселиться в „местностях, не имеющих постоянного еврейского населения".

Разгром кружков не надолго приостановил революционную пропаганду среди еврейского населения: вскоре полк. Лосев, ведший расследование в Вильне, сообщил в III отделение: „В Вильне освобожденные лица стали собираться, толковать и читать между собою запрещенные книги, оставаясь при прежних убеждениях, но они держат себя осторожно".

В таком виде рисуется революционная пропаганда среди русских евреев в 70 гг. по официальным материалам. Верно ли все это? Трудно ответить на этот вопрос в виду скудости сохранившихся сведений. Можно, например, усомниться в том, действительно ли кружки в Гродне, Ельце и Двинске вели ра боту среди евреев. Не будет ли отвечать более действитель ности, если признаем их попросту общероссийскими, столь многочисленными в 70 гг. в эпоху „хождения в народ". По всей вероятности, все обнаруженные кружки в Вильне, Минске, Ельце, Гродне и Двинске властями искусственно были соеди нены вместе и представлены в виде большого, разбросанного по разным городам „социально-революционного союза".

Для характеристики идеологии евреев-социалистов 70 гг. чрезвычайно интересен „Устав соц.-рев. союза". В нем мы находим идеи о необходимости вести пропаганду на еврейском языке и образовании еврейской партии (секции), что впослед ствии стало душой „Бунда". Любопытна детализация вопро сов организации и конспирации. Последняя напоминает отчасти конспирацию Нечаева. Для истории еврейской социалистиче ской мысли этот документ весьма интересен. „Устав об орга низации социально-революционного союза между евреями в России" раньше нигде не был напечатан и приводится нами полностью:

I. Общие положения

„Мы не считаем возможным не только улучшение общественного положения, но самое существование на долгое время общества при нынешних его основах монопольной собственности и всеобщей конкуренции.

Мы считаем возможным спасение современного общества от неизбежной гибели лишь путем коренного переворота в экономическом, политическом и семейном строе, в видах всеобщей солидарности. Поэтому мы — *социалисты*.

Мы считаем невозможным достичь переворота, который мы имеем в виду, мирным путем и подготовляем насильственный переворот, революцию. — Поэтому мы — *социальные революционеры*.

Мы надеемся достичь нашей цели, во-первых, подготовкою себя для социальной революции, во-вторых, подготовкою самой социальной революции путем трех нераздельных орудий: *пропаганды, агитации и организации*.

Мы подготовляем себя к социальной революции, вырабатывая в себе: ясное понимание требований социализма, солидарность с нашими братьями-социалистами, готовность на все в борьбе с врагами.

Как социалисты, *ясно понимающие требование социализма*, мы разрываем связь с прошлым в его привычках, обычаях и традициях. Лишь те привычки старого мира могут перейти в новый, которые не противоречат всеобщей солидарности и всеобщей равноправности членов нового социалистического общества. Ничто обычное не имеет права существовать, если оно не имеет рационального оправдания. — Мы отрицаем всякую религиозную, национальную или иную традицию, которая мешала бы международному братству всех рабочих, соединенных для борьбы против их эксплуататоров.

Как социалисты, ясно *понимающие требование социализма*, мы можем употреблять в нашей борьбе лишь те средства, которые не противоречат задаче социализма и не марают его знамени; мы можем признавать нашими союзниками и братьями лишь тех лиц, которые сознательно или инстинктивно проник

нуты требованием социалистической солидарности. Никакая монополия экономическая или политическая, никакое честолю бивое стремление к личной власти, никакая эксплуатация братьев и союзников, никакая ложь пред братьями и союзни ками не может быть допущена в среде искренних социали стов. Но для поддержания значения и нравственного влияния дорогого нам знамени социальной революции, мы берем на себя обязательство и в борьбе с врагами и в отношении к индифферентному еще нам обществу употреблять лишь *в крайней необходимости и с особою осторожностью* те ору жия, которые дозволительны в социальной войне, но неосто рожное употребление которых может набросить тень на наше знамя и повредить привлекательности нашего дела.

Как *солидарные* с нашими братьями - социалистами, мы берем на себя нравственную обязанность отдавать *все* наши физические, умственные и нравственные силы на подготовле ние социального переворота и на его совершение, и не счи таем это ни заслугою с своей стороны, ни правом на какое либо большее значение в рядах организующихся революцио неров. Мы считаем это простою и прямою обязанностью каждого из нас, во имя его убеждения во всеобщей солидар ности социалистов.

Как *готовые на все* в своей борьбе с врагами, социалисты должны заранее приготовить себя ко всяким случайностям и жертвам. Окруженные сильными врагами и зная, что в борьбе многие должны погибнуть прежде, чем победа будет на их стороне, социалисты знают, что их материальное благо состояние и самых близких им людей — могут подвергаться опасности, могут и должны быть принесены в жертву, если того потребует дело, и они обрекли себя на все эти случай ности. Социалисты знают, что в случае их уличения врагами они не могут и не должны ни ждать, ни желать пощады от врагов, которым сами объявили беспощадную войну. Они знают это, в виду самой большой опасности они не имеют права унизить своего знамени, запятнать своего дела слабо душием, хотя бы для спасения жизни людей, самых доро гих им.

Только тот может быть принят в ряды борцов за социальную революцию, кто взял на себя нравственную обязанность вырабатывать в себе, насколько может, искреннее понимание и проведение в жизнь идей социализма, горячее чувство и практику солидарности с братьями, неумолимую энергию в борьбе с врагами.

Мы подготовляем социальную революцию, во-первых, ведя *пропаганду* идей социальной революции среди тех, которые в состоянии воспринять эти идеи. Мы подготовляем ее, во-вторых, возбуждая вражду против всех тех групп и учреждений, которые самым своим существованием поддерживают существующее социальное зло, и для возбуждения этой вражды нам служит *агитация* среди всех тех, которые страждут от социального зла, но еще не сознали необходимости бороться против него и его охранителей наступательными действиями, не сознали возможности побороть врагов, если общая борьба будет поддержана всеми единичными силами. Мы подготовляем, наконец, социальную революцию, связывая крепкой и целесообразной *организацией* все ее силы, состоящие как из тех лиц, которые вполне прониклись ее задачами, выработали в себе надлежащую солидарность со своими братьями и надлежащую энергию для борьбы с врагами, так из тех, которые постепенно подготовляются к этому, но не заслужили еще полного доверия выработанных социальных революционеров, так, наконец, из тех, которые по своему положению и общественному страданию составляют естественных союзников социальной революции, но не могли или не могут еще, по житейским условиям, воспринять социального учения.

Соединение упомянутых трех орудий подготовки социальной революции мы признаем существенно необходимым: без *пропаганды*, уясняющей требования социализма, даже удачный взрыв может повести к новым бедствиям, и организация может сделаться орудием честолюбцев; без *агитации* для наступательных действий — пропаганда может никогда не привести к практическому делу; без *организации* и успешного подготовления революционного взрыва невозможно целесообразное ведение пропагандистской и агитационной деятельности, не

возможно даже надлежащее ограждение личностей социальных революционеров, чтобы удлинить по возможности время их деятельности.

II. Пропаганда и агитация

Ничего положительного нельзя сказать о практических приемах пропаганды и агитации, хотя они именно и соста вляют в настоящую минуту едва ли не главную задачу социа листического деятеля в России. Их приемы зависят вполне как от условий, в которые поставлена каждая отдельная лич ность, так и от культурных условий почвы, на которой пропа гандисту-агитатору приходится действовать. Взвешивая пер вые и зная основательно вторые, социалисту приходится со гласовать с ними свою деятельность, но без ущерба делу, без уступок какой-либо доли своего убеждения для мнимой пользы агитации. Когда же деятель думает направить свою деятель ность на незнакомый ему слой общества, он должен тщательно изучить среду, в которой будет действовать; если возможно— должен усвоить себе ее особенности и войти в нее как член этой самой среды; если же это невозможно — должен в том общественном положении, в которое его поставили обстоятель ства, сблизиться со своими будущими товарищами так, чтобы внушить им полное доверие к себе, как к человеку. Лишь воспитав в себе уменье быть *своим* человеком в среде, на ко торую имеешь в виду действовать, можно в самом деле дей ствовать на нее успешно.

III. Организация секций и федераций между евреями Западного края

Мы имеем в виду организовать между евреями Западного края ряд социально-революционных секций, федерированных, как между собою, так с подобными же секциями евреев за границею, или с секциями других национальностей в России и за границей.

Принимая, как выше сказано, начала социализма во всей их обширности, мы тем самым отрицаем не только вражду и противоположение национальностей, но и самую отдельность

их в социально-революционном деле. Социалисты всех наций и рас составляют *одно* братство. Различия национальных и культурных условий разнообразят лишь среду, в которой им приходится действовать, а это *единственное* различие — конечно, временное — вызывает теперь некоторую разницу в способе действия, смотря по местности и по национальности. Оно и побуждает нас принять название *Еврейской секции* русской социально-революционной партии.

Каждый из нас, если условия жизни перенесут его в местность, где большинство социалистов постоянных или возможных — говорит другим языком, состоит из другой народности, поставит себе в обязанность принадлежать к социально-революционной секции, которая там действует, нисколько не имея в виду выделиться из нее, как еврей. Специально для России каждый из нас, находясь вне местности Западного края, будет отдавать свои силы на действие среди русских и вместе с ними для социальной революции в России; но пока мы находимся там, где теперь, в виду необходимости пропаганды и агитации среди евреев на особом наречии, при особых культурных условиях, мы имеем в виду дать начало организации сил, специально назначающих себя на действие в этой особой среде.

Каждый из нас стремится к организации между евреями Западного края социально-революционных *секций*, федерированных, как между собою, так и с подобными же секциями иных национальностей; к организации групп лиц, подготовляемых путем пропаганды и агитации к вступлению в секции; к распространению личного влияния и революционной агитации среди классов, которые, по своему положению, составляют естественных союзников революции.

Еврейская секция русских социалистов занимается преимущественно (если не исключительно) пропагандою среди евреев, направляя свою деятельность преимущественно на рабочих и на бедную молодежь. При случае можно задеть и учеников правительственных учебных заведений и мелкую буржуазию.

Как жители известной местности (Литвы, Польши, Украины, Бессарабии, Кавказа и т. п.), еврейские социалисты в России, образовав секцию, примыкают вполне к местным кружкам дру

гих народностей той же местности, чтобы действовать с ними за одно во всех случаях, когда преследуются социалистические международные цели. Во всех подобных случаях секции еврейских социалистов должны иметь в виду общие местные социалистические интересы, но как звено единой всемирной социально-революционной партии. Еврейская секция обязуется содействовать всеми силами и средствами секциям и членам этой партии и в других местностях России и в других странах.

Социалисты-революционеры, живущие в одном небольшом городе или в одной местности большого города, когда они уверены в своем согласии относительно *понимания* социальных задач, относительно обязанности *солидарности* между собою и относительно энергии в *борьбе* с врагами, составляют *секцию*, которая стремится федерироваться с другими подобными же секциями, стремится расшириться приобретением новых членов из *групп*, подготовляемых к социально-революционному делу ее членами,-стремится подготовить революцию агитациею и личным влиянием на страждущие массы, которые составляют естественных союзников социальной революции. Конечно, при первой возможности, надо образовать в этих массах *подготовительные группы* и из них вырабатывать *секции* союза.

Каждая секция полноправна в ведении своих дел, в выборе лиц для их ведения, и берет на себя лишь добровольное обязательство подчиняться общим постановлениям органов федерации, пока секция в ней находится (с правом выхода из нее, когда угодно), или органа всего союза, если таковой образуется.

Все члены секции равноправны. Каждый из них обязан подчиниться общему постановлению своих товарищей и исполнять их поручения, хотя бы и не соглашался с ними в частностях. На собрании секции занятия и обязанности по общему делу распределяются между членами, насколько возможно — по личному желанию и способности, но вместе с тем и по решению секции и по общему соглашению: это для того, чтобы многие не делали того, что может делать один, и не

оставалось бы дела, никем на себя не взятого. Когда нужно, занятия специализируются, но члены могут в них и чередоваться через более или менее продолжительные сроки. Исполнение членами секции обязанностей по секции совершенно независимо от пропагандистской и агитаторской деятельности членов в их подготовительных группах или вне этих групп. На еженедельных собраниях секции каждый член отдает устный отчет о своей деятельности для секции и о своей пропагандистской и агитационной деятельности. Члены секции имеют право знать все подробности этой деятельности точно так же, как все сведения о деятельности других секций партии, получаемые в кружке, но они берут на себя нравственное обязательство не спрашивать вне крайней необходимости ничего, что не сообщается добровольно всему кружку. Поэтому и о ходе своей пропагандистской и агитаторской деятельности каждый сообщает лишь те факты, которые считает удобным сообщить для общего дела, но обязан отвечать в подробности, если секция потребует этого.

Секция собирается еженедельно для выслушания отчетов, для принятия новых членов и для того, чтобы условиться в общей деятельности. По возможности все члены секции должны присутствовать на ее собраниях. Поэтому, в виду опасности, секции должны быть невелики [1]). Если в секции окажется, примерно, в полтора раза больше означенного числа членов, то секция разделяется на две. Обе эти секции федерируются, но собираются уже отдельно, и сносятся между собою помощью делегатов. Общих собраний всех членов нескольких многолюдных секций лучше бы вовсе не производить, без крайней необходимости [2]).

Секция выбирает из своей среды трех человек, из которых один ведет внутренние дела, служит кассиром, сообщает нужные сведения всем членам секции и служит связью между ними вне собраний секции. Другой есть делегат для сношения с другими секциями и вообще для внешних сношений.

---

[1]) Лучше всего „число“, по понятной причине.

[2]) Об этом случае см. в конце.

Третий заменяет того или другого в случае нужды и помогает им при накоплении дел. Все эти лица могут быть сменены секциею когда угодно, утверждаются заново на каждом собрании секции и при этом собрании не играют никакой особенной роли.

Документов должно иметь как можно менее и хранить их у лиц, вовсе не занимающихся пропагандой. Адресы всего лучше знать наизусть.

Секция по возможности старается содействовать устройству подобных же секций в других городах, где живут евреи, и вступает в связь с секциями других национальностей. Член секции другой национальности, находящийся временно в месте пребывания еврейской секции, есть по праву член этой секции и принимает участие в ее деятельности, насколько ему позволяет знакомство с языком и местным обычаем. При устройстве подобных секций в разных близких местностях (Западного края, Польши, внутренней России, Германии, Австрии), они стремятся устроить федерацию, для действия по возможности согласного и гармонического.

Федерированные секции одного города или одного уезда выбирают из своей среды несколько лиц, которые составляют „Комитет для наблюдения за сыщиками и администрацией", для противодействия мерам правительства и т. п. На время состояния членами комитета эти лица пропагандою *не* занимаются.

Отрицая исключительную собственность, социалисты прежде всего отрекаются от своей личной собственности и передают ее в ведение своего кружка, для употребления на надобности по социально-революционному делу. От пожертвований для общей кассы не должны отказаться даже те из социалистов, у которых едва хватает средств для своего пропитания. Поэтому в каждой секции должны быть устроены *постоянные* взносы, хотя бы весьма незначительные. Большая доля общей кассы (напр., 75%) расходуется на потребность самой секции, меньшая же идет на общие потребности социально-революционной партии. Взносы могут быть равны для всех членов данной секции или кружка.

Федерация секций, близко друг от друга находящихся, выбирает сообща лицо, по возможности безопасное, чрез которое федерация ведет сношение с другими более отдаленными федерациями и с заграничными центрами.

Федерация устраивает в определенные сроки (напр., раз в год) или по мере нужды общие собрания делегатов разных секций и, если найдет нужным, то и постоянное присутствие федерального совета из трех членов, выбранных на общем собрании для удобнейшего сношения секций между собою.

Для расширения организации каждый член, насколько может, ведет пропаганду среди лиц, доступных и наиболее склонных к восприятию социально-революционных идей. Таким образом он образует *подготовительные группы* лиц, которые знают *одного его*, как представителя партии, сносятся с нею чрез него, исполняют поручения по пропаганде, по сбору денег, по передаче книг, но, главное, подготовляются изучением народа и социалистической литературы, а также изучением ремесла, если это возможно, к социально-революционной деятельности; для безопасности социалистических деятелей иногда полезно, чтобы никто из лиц групп не знал о существовании в данной местности социально-революционной секции.

Соображению пропагандиста предоставляется в каждом частном случае вести дело с отдельными лицами, им подготовляемыми, так, чтобы они друг о друге не знали, или разделить их на небольшие группы, или, наконец, составить из них один кружок, которые поддерживали бы друг друга в своем развитии.

По мере возможности члены подготовительных групп предлагаются в члены секции. Предлагающий сообщает товарищам в собрании секции все нужные подробности о предлагаемом; выбор отлагается ими до следующего собрания, чтобы дать каждому из членов секции время собрать со своей стороны сведения о предлагаемом; предлагаемый принимается в члены только по единогласному решению секции, и тогда он вполне равноправен со всеми товарищами.

Вне своей деятельности в секциях и в подготовительных группах, члены партии по мере возможности стараются рас

пространить свое знакомство среди рабочего населения, внушить к себе личное доверие и в лицах, среди которых не считают возможным еще начать социалистическую пропаганду, и агитируют их при каждом удобном случае, чтобы в каждую минуту, в случае взрыва, была возможность расчитывать не только на членов секций и подготовительных групп, но и на более или менее значительный контингент лиц, которые примкнули бы к взрыву вследствие общего раздражения против существующего порядка вещей или из личных связей с членом секции.

Социалисты-революционеры надеются, что им никогда не придется судить своих товарищей за преступления против партии. Каждый, чувствующий, что его энергия в борьбе слабеет, что он не в состоянии противостать искушениям личных привязанностей или буржуазной жизни, имеет право оставить ряды борцов за новый мир и связать свою судьбу с судьбою старого мира. На первых ступенях развития секция и просто единогласным решением может удалить из своей среды члена, который при других хороших качествах оказался бы почему-либо не надежен или излишне любопытен, несмотря на свое нравственное обязательство. Но совершенно понятно, что лица, *много знающие* и оставляющие ряды тайной организации, находятся под ее наблюдением. Лица же, из любопытства или из худших целей входящие временно в тайную организацию, точно так же, как лица, решившиеся почему-либо изменить ей, сами себя ставят врагами союза, и тайная организация пощады им дать не может. Они должны быть сделаны *безвредными*. В подобных экстренных случаях собирается собрание делегатов федерированных секций и выбирает, примерно, шесть лиц *для постановления* и для *исполнения* приговора. Их имена баллотируются во всех секциях; постановление и исполнение *единогласного* приговора поручается трем получившим наибольшее число голосов. Если 6 выбранных лиц не могут прийти к *единогласному* решению — дело оставляется без последствий. В случае крайней и немедленной опасности, грозящей обществу, член которой узнал о ней, он собирает трех товарищей, излагает им дело и свое намерение. Если они все единогласно придут к одному реше

нию, инициатор исполняет свое решение и затем отдает себя и своих 3 советников на суд собрания делегатов. Если они находят, что поступок был вреден для общего дела, собирают экстренное общее собрание членов, кто может прибыть, и если это собрание, большинством 2/3, осудит поступок, принятый на свою ответственность инициатором и его товарищами, не находя для этого поступка никаких облегчающих обстоятельств, то они тем самым исключены из союза.

Tèbèth 5636 (Январь, 1876) [1]).

Еврейские социалисты".

Январь, 1876 год.

IV

Один из главных участников революционной пропаганды среди еврейского населения в 70 гг. Давидович впоследствии пережил глубокую душевную драму. Близко знавший его в те годы еврейский писатель Маркус Каган передает о нем следующее:

Своевременно скрывшись от ареста, Давидович в 1876 г. поступил добровольцем в отряд Черняева. По окончании сербско-турецкой войны он поселился в Киеве, где принимал участие в местных революционных кружках. Любопытно участие его в деле освобождения политического из Чигиринской тюрьмы. Давидович избрал для освобождения его довольно извилистый путь. „Он отправился в г. Чигирин (Киевской губ.) и явился к мещанскому старосте, чтобы узнать, кто из молодых евреев не явился в последний призыв к отбыванию воинской повинности. Оказалось, что не явился к жеребьевке некий Кибрик. Не долго думая, Давидович отправляется в присутствие по воинской повинности, называет себя Кибриком и просит освидетельствовать. Его сдают в солдаты, и, так как партия новобранцев давно ушла, то его, Кибрика-Давидовича, оставляют в местном батальоне. Опытный агитатор, он при

---

[1]) Оригинал на русском языке. Мы пользовались экземпляром, любезно предоставленным нам известным еврейским писателем М. Винчевским (Америка). Курсив подлинника.

обрел себе среди солдат единомышленников, и когда его назначили в караул в местную тюрьму, „дело“ было испол нено. Во дворе тюрьмы подожгли деревянный сарай, и во время тревоги нужный политический арестант исчез.

Однако, и по освобождении политического, Давидович Кибрик оставался на военной службе. Он был переведен, если не ошибаюсь, в Казань, где его определили в военно фельдшерскую школу, он окончил службу военным фельдше ром“ [1]).

В начале 80 гг., под влиянием еврейских погромов, Дави дович совершенно разочаровался в революционной работе. „Он решительно повернул на другой путь, стал еврейским националистом и решил посвятить себя национальному просве щению еврейского юношества. В эти годы он тяготился всем, что ему напоминало о его юношеских похождениях... Не жало вал он в себе былого революционера. Его идеалом стала мечта о духовном возрождении еврейского народа, и он все цело вернулся к литературе и национальному языку“ [2]).

Давидович перевел на еврейский язык Спенсера „О воспи тании“ и поместил ряд корреспонденций в „Русском Еврее“, „Восходе“ и других еврейских журналах и газетах. По его инициативе возникло много кружков, стремившихся к распро странению древне-еврейского языка. Умер Давидович в Одессе в 1898 году.

V

Одним из пионеров революционного движения среди евреев в России был Арон Либерман [3]). Выше мы указали, что он

---

[1]) „Еврейская Старина“, 1911 г., вып. III, стр. 410.

[2]) Там же.

[3]) Арон Либерман родился в местечке Луне, Гродненской губ. Воспи тание получил традиционное, детство провел среди фанатиков-хассидов и на ходился под влиянием дедушки-каббалиста. Позже учился в ешиботе, в Ви ленском раввинском училище и несколько лет состоял студентом Технологи ческого Института в Петербурге, но не кончил его вследствие тяжелых мате риальных обстоятельств. Живя за границей, сблизился с редакцией „Вперед“ и в частности с Лавровым. В 1880 г. покончил самоубийством в Нью-Иорке по причинам романического характера.

был членом виленского кружка. В противоположность осталь ным участникам, Либерман внес идею о необходимости ра боты среди еврейского населения. Очутившись за границей, он сделал попытку осуществить эту идею в широких размерах. В Лондоне в 1876 году Либерман организовал еврейских рабочих в „Общество еврейских социалистов“ (Hebrew socia list Union). Оно устроило несколько больших митингов, лек ций, собеседований и профессиональный союз. Большого успеха это „общество“ среди эмигрантов не имело и в следующем году совершенно распалось. Незадолго до этого Либерман, под влиянием интриг и возникших между ним и другими руко водителями „общества“ разногласий, вышел из него и уехал из Лондона в Вену.

Интересную характеристику Либермана дает в своих воспо минаниях В. Черкезов. „Либермана, — пишет он, — я встретил в редакции „Вперед“, в Лондоне, в 1876 г. Редакция, сотруд ники и наборщики жили в одном доме, в товарищеском обще житии. За исключением П. Л. Лаврова, все мы были молоды, полны революционного идеализма; увлечениям не было пре делов... Либерман между нами был едва ли не самый увле кающийся. Не то, чтобы он произносил горячие речи или вел пылкие, увлекающие споры... Для этого он был слиш ком застенчив, скромен и детски простодушен. Но все его существо было охвачено одною мыслью, одним стремлением. Мысль эта была — братство и солидарность народов на почве социальной справедливости; стремление его было — вести про паганду этих идей среди еврейского народа на его родном языке... В 1876 г., когда Либерман впервые заговорил об этом, даже его еврейским товарищам-социалистам казалось, если не вред ным национализмом, то во всяком случае бесполезным начи нать проповедь социализма на еврейском языке. Многие из лучших еврейских социалистов, бесстрашно работавших в обще русском революционном движении, горячо оспаривали Либер мана. Что удивительного, если русские товарищи смотрели на его начинание с благодушным юмором, находя все дело пустой затеей. Правда, русские товарищи принципиально ни чего не имели против, и А. Л. Линев готов был помогать

Либерману печатать его воззвание и программу, но все же о Либермановском еврейском журнале, о еврейской социалистической пропаганде говорили всегда с благодушной улыбкой. Даже П. Л. Лавров с его всеобъемлющим умом не предвидел, к каким результатам приведет начинание Либермана" [1]).

В Вене в мае 1877 года Либерман выпустил первый еврейский социалистический журнал „Haemeth" („Правда").

„... Не национальная любовь, — сказано в проспекте „Haemeth'a", — побуждает нас издавать этот журнал. Мы не можем предпочитать наш народ другим: одной нации не должно быть оказываемо предпочтение перед другою, как и одному человеку перед другим. Лишь общечеловеческая любовь, любовь к сынам нашего народа, как к людям, а также их бесконечные страдания — побуждают нас сказать им на понятном им языке „правду". Ибо если не мы за них, мы, знающие их жизнь и их горести — то кто же?" [2]).

Всего вышло три номера „Haemeth'a"; в них помещены статьи: „Борьба за существование и ее отношение к обществу", „Биография Якоби", „Социальное положение евреев в Венгрии", „Развитие общества в средние века", „Евреи в Лондоне", „Система Маккиавелли", стихотворения на социальные темы, рецензии, социальный роман и т. д. Журнал не выставляет определенной политической программы, а лишь говорит об экономическом неравенстве, о будущей социальной справедливости, братстве народов и пр.

На третьем номере „Haemeth" закрылся, так как русская цензура запретила его к ввозу в Россию. Вскоре Либерман был арестован австрийскими властями и обвинен в сношениях с иностранными революционерами и в противоправительственной пропаганде [3]).

---

[1]) Б. Ф. Фрумкин. „Из истории революционного движения среди евреев в 70 гг.", „Еврейская старина", 1911 г., вып. II, стр. 235—236.

[2]) Цитир. по ст. С. Л. Цинберга „Первые социалистические органы в еврейской литературе", в „Пережитом", т. I, стр. 243 — 244.

[3]) Либерман был приговорен за проживание по чужому паспорту к 1 месяцу тюрьмы. Будучи выдан австрийскими властями берлинской полиции он берлинским судом был приговорен к 9 месяцам тюрьмы за организацию „противоправительственного об-ва".

После закрытия „Haemeth'a“ М. Винчевский и А. Рабинович попытались продолжать социалистическую агитацию на еврейском языке. Они убедили редактора „Hakol'a“ М. Л. Родкинса издавать журнал „Assefath chachamim“ („собрание мудрецов“). Позже Рабинович от редактирования журнала отошел и фактическим редактором был М. Винчевский. Сотрудничали в „Асефат Хахомим“: Лилиенблюм, Рабинович, д-р Каминер, Шерешевский и др.

Приведем два отрывка из статьи М. Винчевского „Биография Берне“ и из стихотворения д-ра Каминера, дающих представление о характере и содержании „Асефат Хахомим“.

„... О ты, одурманенный и одураченный народ! — пишет М. Винчевский. — Народ, которого многочисленные враги преследуют извне и который внутри опутан сетью предрассудков! Ты, народ мой, только что начал раскрывать глаза, но писатели твои хотят насильно их снова закрыть и направить тебя по ложному пути (намек на Смоленского и его националистическую проповедь). Отвернись, народ мой, от этих твоих благодетелей, не полагайся на них... Пока сохранилась еще жизнь в языке твоих предков, требуй от твоих писателей здоровой пищи, так как те пряности, что они готовят для тебя, не утолят твоего голода... Лучше всего не дать заключить себя в тесные рамки еврейского языка... Не довольствуйся своими потрясателями основ хассидизма и составителями од и баллад в духе безверья. Открой свои глаза и ищи разрешения великих жизненных вопросов... Если твои „знаменитости“ дадут тебе свежую, здоровую пищу — хорошо; если нет — обращайся к немецкой, к русской литературе. Изучай Берне, Гейне, Шекспира, Гете, Шиллера и Лессинга, поучайся у Белинского, Писарева и Добролюбова“ [1]).

В шестом номере помещено стихотворение д-ра Каминера „Долина скорби“ — сплошной вопль возмущенной социальной несправедливостью души. „Я вижу кругом лишь нужду, болезнь,

---

[1]) № 4, ст. Винчевского — биогр. Берне, цит. из ст. С. Цинберга, „Первые социалистические органы в еврейской литературе“, „Пережитое“, т. I, стр. 256.

темноту и невежество. Всюду грабители, ханжи и кровопийцы. С одной стороны кутеж, разврат, безумная роскошь, а с другой — люди гибнут от голода, лишенные света и воздуха... А я, плоть от плоти, кость от кости их, я не могу молчать, я кричу от боли и гнева... Вот вам кровь мою, душу мою. Вот вам огонь негодования, только не остывайте! Не ведай покоя, сердце мое! Бурли и кипи! Стой за правду и ложь за клейми! [1]).

„Сефат Хахомим“, как и „Haemeth“ не имели определенной политической программы, в них находим лишь революционные настроения, которые они хотели пробудить у читателей. Эти журналы назвать социалистическими можно лишь с известными оговорками. М. Винчевский в своих воспоминаниях сам при знается, что это было скорее социалистическое настроение, молодой задор, сочувствие всякому новаторству, всякому рево люционному слову, и заключало в себе больше элементов отрицания всего прошлого, чем ясного понимания будущего [2]).

Всего вышло восемь номеров „Сефат Хахомим“ в 1879 г. М. Винчевский был арестован, так как при аресте у Либермана нашли переписку с ним.

Больше уже не делалось попыток издавать революционную литературу на древне-еврейском языке. В 1880 году группа евреев-социалистов выпустила воззвание к еврейской интелли генции, в коем протестовала против „поголовного удаления евреев-социалистов от своих масс“ и призывала ее работать среди „массы рабочих-евреев“ на „жаргоне“, разговорно-еврей ском языке. В заключение эта группа указывала, что решила основать в Женеве „Вольную Еврейскую типографию“.

Выясняется, что это воззвание появилось по инициативе М. П. Драгоманова [3]). Этот виднейший ученый, политический деятель и публицист Украины относился крайне сочувственно к вопросу о социалистической пропаганде среди евреев. Вду

---

[1]) Цинберг, стр. 257.

[2]) Фрумкин, цит. ст., стр. 537.

[3]) Д. О. Заславский, „М. П. Драгоманов“, Киев, 1924, изд. „Сорабкоп“, стр. 111.

мываясь в положение евреев на Украине, Драгоманов в конце 70 годов перестал считать их „сплошь народом эксплоататоров и паразитов, народом сплошь непроизводительного труда... Драгоманов различал в евреях Украины, на ряду с торговцами, арендаторами, ростовщиками, массу пролетариата — ремесленников, рабочих, учителей. К разряду эксплоататоров Драгоманов относил теперь только треть (приблизительно) народа: остальные могли быть доступны для социалистической пропаганды и в классовой борьбе могли быть солидарны с крестьянством. Но и эти две трети еврейского народа в настоящее время близки к своей буржуазии; они живут в темноте, во власти религиозных и национальных предрассудков, и отделены от других народов стеной взаимного не понимания. Разбудить эту массу могут только социалисты-евреи, и только на языке еврейской народной массы, на „жаргоне". Между тем, еврейские интеллигенты, в том числе и социалисты, уходят от еврейской бедноты, заполняют ряды русских социалистических организаций. Еврейский пролетариат, предоставленный самому себе, остается духовно-убогим, идейно привязанным к старому еврейскому миру" [1]).

Под влиянием этих мыслей Драгоманов сорганизовал небольшую группу евреев-социалистов, которая и должна была повести социалистическую пропаганду среди еврейского населения в Галиции и России.

Для успеха своей деятельности группа считала необходимым в первую очередь создать за границей еврейскую типографию. Однако, остальные эмигранты встретили этот проект крайне враждебно. На эмигрантском собрании, где группа социалистов-евреев попыталась выступить с изложением своей программы, „прием ей был оказан такой, что и у энергичных людей должны были опуститься руки. „Казалось бы, — писал впоследствии Драгоманов, — какое возражение могла вызвать мысль об издании той же „Хитрой Механики" еще на одном языке, или, пожалуй, даже „жаргоне". А между тем надо приписать только чрезвычайным усилиям и такту лица,

[1]) Ibid.

председательствовавшего на вышеупомянутом собрании, что оно не окончилось крупным скандалом. С таким озлоблением отнеслись к нему ораторы из русской и польской социалистической партии, и особенно лица еврейского происхождения“. Изданием листка-воззвания деятельность группы социалистов евреев и ограничилась. Создать еврейскую типографию ей не удалось; для такого „узко-националистического“ предприятия нельзя было найти ни средств, ни работников. Этой замечательной попытке суждено было на время заглохнуть“... [1]).

Идею Драгоманова о необходимости ведения революционной пропаганды на разговорно-еврейском языке народовольцы попытались осуществить в 1881 году в России. Неизвестно кем был издан № 1 гектографированного органа „Arbeiter Zeitung“, который содержал в себе почти дословный перевод двух статей из „Рабочей Газеты“, выходившей под редакцией Желябова. „Arbeiter-Zeitung“, повидимому, большего распространения не получила. Два экземпляра этого издания были найдены в Гродненской губернии [2]).

---

[1]) Заславский, стр. 112.

[2]) Об „Arbeiter-Zeitung“ см. ст. Р. М. Кантора в № 3 „Еврейской Летописи“.

Глава III

Еврейские революционные кружки 80 и начала 90 годов в Вильне, Минске и др. гор. — Период пропаганды. — Содержание пропаганды. — Характер кружков этого периода. — Оторванность от жизни. — Конспирация.

I

Реакция, воцарившаяся в стране в 80 гг. после убийства Александра II, с одной стороны, и увлечение еврейской молодежи националистическими теориями, с другой — сильно отразились на еврейском революционном движении. Оно затихло, но все же окончательно не было уничтожено. То в одном, то в другом городе возникают революционные кружки, они быстро погибают от полицейских преследований, но место их долго не пустеет.

Кружки существовали в Минске, Вильне, Варшаве, Гомеле, Рогачеве, Одессе и Кременчуге.

В 1880 г. в Одессе был образован Владимиром Горнштейном кружок, в который вошли: Шмуль Бернштейн, Ицхок Штейнглас, Осип Райх, Пинхос Левиаш, Мордохай и Вениамин Гречь и др. Кружок наметил издание нелегальной газеты и устройство нелегальной типографии. Весною 1881 г. он слился с другим местным русским кружком [1]).

В Минске пропаганду вел Хаим Шлемов Хургин. В 1882 г. он был привлечен за тайный провоз в Россию из-за границы письма эмигранта Льва Гартмана и в административном по

[1]) „Обзор важнейших дознаний, производившихся в жанд. управлениях“, № 1, стр. 28.

рядке был посажен на 8 месяцев в тюрьму и отдан под особый надзор на три года. Отбывая надзор в Минске, Хургин образовал несколько кружков из еврейских рабочих. Деятельность его имела большой успех: в 1885 году, по словам Хургина, у него в кружках было 160 человек. Число для того времени — огромное. В кружках Хургина, между прочим, участвовали: Рувим Протас (студент Петровской академии), Соломон Мерлинский, Слепян (б. студент), Богданович, два три неизвестных студента, Айзик Рубин, Кивель Шмулевич и друг. Они имели связь с Петербургом, откуда получали народовольческую литературу. Благодаря умелой конспирации, кружки долгое время оставались совершенно неизвестными жандармерии.

С лета 1884 года, совершенно независимо от Хургина, в Минске революционную пропаганду повел студент дерптского университета Эмиль Абрамов Абрамович. Приехав на летние каникулы в Минск, где проживали его отец — зубной врач и сестра, он установил связи с типографскими рабочими и образовал из них кружок, с которым повел занятия. Абрамович был человек очень скромный, простой и приветливый. Благодаря своей обаятельной личности, он скоро приобрел среди рабочих популярность и любовь.

„Абрамович имел необычайное влияние на рабочих, — пишет в своих мемуарах о революционном движении в Минске И. Гурвич, лично близко знавший его, — не только как талантливый лектор, но и как человек редких душевных качеств, беззаветно преданный делу. Это был демократ не только на словах, но и по натуре; в нем не было никакого „генеральства“, с рабочими он держался просто, как товарищ, без всякого проблеска покровительственного тона, он никого не подавлял своим авторитетом, и рабочие искренно любили его и относились к нему с глубоким уважением“. В одной своей докладной записке о еврейском рабочем движении знаменитый жандарм С. Зубатов характеризует Абрамовича, как редкого идеалиста. „... Абрамович, по прозванию „Белый Сапожник“, пишет Зубатов, по принципу, богатых не лечил, у бедных денег не брал, зарабатывал каким-то ремеслом нищенские

гроши, жил впроголодь и весь отдавался пропаганде. Его считали святым и преклонялись пред ним"[1]).

В конце лета следующего года, уезжая в Дерпт, Абрамович привлек к работе в кружках И. Гурвича, который незадолго перед тем вернулся из ссылки.

И. Гурвич в 1879 г., будучи студентом Петербургского университета, был привлечен за печатание народовольческих прокламаций и выслан в Минск под надзор родных; в 1881 г. он вновь привлечен за пропаганду среди молодежи и сослан в Вост. Сибирь на три года. Вернулся из ссылки лишь в 1885 г. В 1890 г. эмигрировал в Америку, с 1894 г. состоял профессором в университете в Чикаго. Скончался в 1924 г.[2]). Летом 1886 г. в минских кружках, руководимых Гурвичем, было 130 человек. Вели занятия, кроме самого Гурвича, его жена, урожденная Кушелевская, последовавшая за ним в ссылку, и сестра Евгения. Участвовали в этих кружках, между прочим, Лев Осипович Рогаллер, И. Резник, Янкель Зверин, Зак, Хейфец, погибший в окт. дни 1905 г. от рук погромщиков в Одессе и др.

Был еще в Минске в 1887 г. кружок, которым руководил Овсей Беллах, служащий газеты „Минский Листок". В этот кружок входили: Г. Поляк, Антон Павловский (фармацевт), Хаим Лихтерман (фармацевт) и др. Кружок был раскрыт по

---

[1]) Ист. революц. архив, департамент полиции, особ. отдел, дело № 5, ч. 48, 1898 г., л. 72. Абрамович род. в июле 1864 г. в Гродне, учился с 1870 г. в Гродненском еврейском начальном училище, в 1872 г. поступил в гимназию, которую кончил в 1882 г., учился в Парижской медицинской школе, из-за нужды вернулся в Россию в мая 1884 г. и поступил в Дерптский университет, который окончил (мед. факультет) в 1888 г. Абрамович в 1889 г. был привлечен за революционную пропаганду в Киеве, пробыл 2 года в тюрьме и был сослан в Вост. Сибирь на 4 года. В 1912 г. вновь был привлечен в Екатеринославе. У него нашли несколько прокламаций к крестьянам и корреспонденции о Ленских событиях, которые он хотел послать в „Правду"; Абрамович был сослан в Вост. Сибирь на 4 года. В 1914 г. он добровольно отправился врачем на войну (Ист.-рев. архив, деп. полиции, дело № 97, ч. 1, 1889 г., 4 дел.; № 496, 1912 г., 5 дел.; № 607, 3 дел., 1897 г. и восп. И. Гурвича в „Былом", № 6, 1907 г.).

[2]) Ист.-рев. архив, деп. полиции, № 596, ос. отд., 1906 г.

доносу Поляка в 1888 г. Беллах был выслан в Восточную Сибирь на пять лет, Лихтерман бежал за границу, Павловский был оставлен под подозрением [1]).

О времени возникновения первого кружка в Вильне имеются противоречивые сведения. Так, Акимов-Махновец пишет, что первый кружок образовался в 1885 г. С другой стороны, в докладе „Бунда“ интернациональному социалистическому конгрессу в Париже в 1900 г. время его возникновения отнесено к 1887 г. О наличии еврейского кружка в Вильне в 1888 г. мы располагаем неоспоримыми сведениями — воспоминаниями И. Гурвича: „... Два года спустя (т. е. в 1888 г.), пишет он, я предпринял объезд главных центров северо-западного края; в Белостоке и Гродне совсем не оказалось рабочих кружков, а в Вильне мне Лев Иогихес („Левка“) сообщил, что у них есть кружок из четырех рабочих [2]). Вместе с Иогихесем пропаганду в Вильне вел Ц. Копельзон („Тимофей“). В 1889 г. кружок был раскрыт по доносу Хаима Граца, заявившего, между прочим, что кружок имел склад нелегальной литературы и поддерживал сношения с варшавскими кружками „Пролетариата“ [3]).

В 1886—87 гг., по сведениям Акимова-Махновца, временно приехал из Минска в Вильну Абрамович и сорганизовал кружок из учащейся молодежи: гимназистов, реалистов, учеников учительского института [4]). В начале 90 гг. в Вильне имелся ряд рабочих кружков, привлекших значительное количество рабочих. Интеллигенты, руководители кружков, собирались еженедельно по субботам и обсуждали общие вопросы движения: вырабатывали программы занятий, распространяли литературу и т. д. В это время пропаганду в Вильне вели интеллигенты: Аркадий Кремер, Гожанский, Матля Средницкая, Люба Левенсон (Айзенштадт), Исай Айзенштадт, Миль,

---

1) „Обзор важнейших дознаний“, № XIV, стр. 95—96.

2) И. Гурвич, Первые еврейские кружки. „Былое“, 1907 г., кн. 6.

3) „Обзор важнейших дознаний“, № XIII, стр. 63.

4) Акимов (Махновец), „Очерк развития социал-демократии в России“, стр. 40.

Ц. Копельзон, Мутник (Глеб) и др. Рабочие кружки объединялись „центром“, составившимся из представителей отдельных кружков.

В Гомеле уже в начале 90 гг. имелись кружки. Состав их был непостоянный, по преимуществу из учащейся молодежи. Кружки наиболее активно работали летом, когда приезжала на каникулы из столиц молодежь. Осенью, после отъезда последних, они обычно распадались [1]).

В 1890 году в Варшаве образовался социал-демократический кружок. Участники его — приезжая из Литвы учащаяся молодежь. У них было желание повести пропаганду среди массы, но не было знакомств с местными рабочими. Позже удалось привлечь к кружку нескольких рабочих, приезжих из Литвы. В 1892 г. кружок этот совместно с польскими социалистами выпустил к 1 мая на разговорно-еврейском языке гектографированную прокламацию в 150 экз. Аресты 1892 г. совершенно разрушили начавшуюся было налаживаться работу. Распропагандированные рабочие — десятка два — присоединились к П. П. С. [2]).

В Кременчуге в 1882 году был раскрыт кружок учащейся молодежи — учеников кременчугского реального училища. В него входили: Хаим Давидов Спиваковский, Хаим Моисеев Ярославский, Лазарь Вульфов Хазанович, Наум Коган, Соломон Энтелев Галацкий, Савелий Миронович Брусиловский и др. Кружок имел библиотеку нелегальных книг [3]) и распространил несохранившуюся прокламацию: — „№ 1. Свободное Слово революционной молодежи“. — Во время следствия Спиваковский, Ярославский и Хазанович скрылись, Абугов, Галацкий и Брусиловский были отданы под особый надзор полиции. Коган был сослан в Зап. Сибирь на 4 года.

---

[1]) Ист.-рев. архив, деп. полиции, № 5, ч. 31. Ср. „Красная Летопись“, № 2 — З. Н. Бухбиндер, „Евр. рабочее движение в Гомеле“.

[2]) „Дер идишер арбайтер“, № 10; Старый знакомый, „Начало евр. движения в Варшаве“.

[3]) „Обзор важнейших дознаний, производившихся в жанд. упр.“, N III стр. 60. Архив деп. пол., №№ 713 — 89 (1889 г.); 3-е делопр. №№ 612 (1882 г.) и 328 (1890 г.).

В 1882 г. студент Харьковского ветеринарного института Абрам Иосифов Марголин сорганизовал в Рогачеве кружок молодежи. В него вошли: Хаим Берков Левин, Давид Зальманов Бродский, Исай Наумов Вольпин, Абрам-Иосиф Сосин и др. Кружок устроил нелегальную библиотеку на средства, которые составлялись из ежемесячных взносов. Количество подписчиков доходило до 70 человек. Сборы на библиотеку производились не только в Рогачеве, но и в других городах: Минске, Бобруйске, Могилеве, Белостоке, Чаусах и Новозыбкове. Помимо того, Марголин предполагал образовать „общество распространения просвещения молодежи обоего пола", устав коего был найден у него при обыске. Марголин, уехав в Харьков, поддерживал сношения с Рогачевом.

На основании перехваченного письма жандармерия обвинила Марголина, Вольпина, Левина, Бродского, Абрама Малкина и Ф. Гросман в выработке плана убийства некоторых должностных лиц. Марголин, Левин и Бродский были сосланы на три года, первый — в Архангельскую губ., а остальные — в Олонецкую губ. Вольпин, Малкин и Гросман отданы были под надзор полиции на два года [1]).

Помимо указанных выше еврейских революционных кружков, в интересующие нас годы имелись еще кружки в Полтаве (1883 г.), Кишиневе (1884 г.), Нежине (1887 г.), Риге (1889 г.) и Могилеве (1889 г.).

Но состав их был смешанным: на ряду с евреями участвовали и другие, и работу они вели не среди евреев.

II

Каково содержание пропаганды, которая велась в еврейских революционных кружках в 80-х и начале 90-х годов?

Хургин в Минске и Горнштейн в Одессе вели народовольческую пропаганду, Абрамович и Гурвич были социал-демократы, но, как признает Гурвич, марксизм их содержал еще в достаточной степени народовольчество. Виленские и варшавские кружки 90 гг. были социал-демократические. Кружки

[1]) Ист.-рев. архив, деп. полиции, IV дел., № 665, 1884 г.

учащихся той эпохи были всецело под влиянием народовольческой идеологии. В рабочих кружках читали: „Беседы о природе“ Зобова, „Два брата“, „Без исхода“, „Хроника села Смурина“, „Один в поле не воин“, „Эмма“. „Что делать“, сказки Щедрина, „Кто чем живет“ Дикштейна, „Наемный труд и капитал Маркса“, „Программа рабочих“ Лассаля и др.

Пропаганда велась на русском языке, не знавших обучали русской грамоте — чтению и письму. Далее рабочим преподавали естествознание, проходили с ними арифметику и т. д. Лишь дав рабочим эти элементарные знания, переходили к ознакомлению их с сущностью социализма. В Минске, например, кружки, руководимые Гурвичем, были трех степеней: 1) кружки грамотности, в которых рабочих учили русскому языку - чтению и письму, 2) кружки естествознания и 3) кружки социалистические. Новички принимались только в кружки первой и второй степени, в кружки третьей степени выбирались лица, прошедшие через кружок второй степени.

По содержанию своему пропаганда, которая велась в еврейских революционных кружках, ничем не отличалась от той, которой придерживались в обще-русских кружках. Еврейскими кружками их можно считать лишь по составу, т. е. по тому, что они вербовали своих членов из еврейской среды, вели революционную работу среди еврейского населения. Любопытно, что уже в кружках Гурвича появилась потребность в литературе на еврейском языке: было поручено Вольману перевести на еврейский язык книжки по естествознанию, но за отсутствием средств они не были изданы.

Пропаганда носила абстрактный, отвлеченный характер. Содержание ее не бралось из повседневной жизни рабочего, и это создавало то, что кружки были оторваны от массы и составляли своеобразный и замкнутый мир.

Пропаганда велась исключительно экономическая. „Об агитации на почве других общественных интересов, — пишет Л. Мартов, — на почве политического, гражданского, национального гнета, на почве культурных интересов, — не было и речи“.

О том, какое значение придавали рабочие кружкам, видим в речи одного рабочего, сказанной на празднике 1 мая 1892 г. в Вильне.

„Мы не можем сидеть сложа руки и ждать помощи сверху: только от нас самих зависит наше освобождение и спасение. По мере возможности каждый должен стараться учить и себя и других и, таким образом, способствовать образованию на первых порах хоть маленьких кружков. Эти же кружки в будущем дадут нам полную возможность объединиться и стать членами великой всемирной борющейся партии рабочих, которая, действуя единодушно, добьется своих человеческих прав. Тогда осуществится истинная свобода, братство и равенство для всего человечества, не исключая также и евреев“ [1]).

Вместе с тем еврейский рабочий в эту пору уже сознавал что его экономическое положение тесно связано политическим строем страны, и поэтому следует вести не только экономическую, но и политическую борьбу.

„Итак за дело, — сказано в другой речи, — весь образованный мир идет вперед и приближается к будущему строю. Только наша дорогая Россия еще довольно далека от этого. Деятельность интеллигенции в пользу идеи социализма не имела блестящих успехов, потому что ее интересы не коренились глубоко в материальной жизни. Но теперь, когда рабочие начинают шевелиться, слова интеллигенции наверно не упадут на неблагодарную почву. Итак мы с нашими молодыми силами должны расчистить дорогу. Прежде всего, мы должны воспитать всех наших сестер и братьев, объяснить им, что освобождение каждого отдельного рабочего произойдет тогда, когда вся масса освободится. Но у нас в России нам, прежде всего, мешает то, что у нас нет свободы печати, собра

---

[1]) „Первое мая 1892 года. Четыре речи еврейских рабочих“. Женева, 1893 г., стр. 27.

ний и организаций. Поэтому нашим первым шагом должно быть завоевание конституции“ [1]).

Задачу свою первые еврейские пропагандисты видели в том, чтобы развить отдельных рабочих, которые потом повели бы пропаганду в массе. Однако, часто случалось, что распропагандированные рабочие потом не только не вели работу в массе, но отрывались от этой последней, презрительно смотрели на нее. Разбуженное в них стремление к знанию толкало их к дальнейшим занятиям: нередко бывало, что рабочий забрасывал свою профессию и уходил в „экстерны“. Создавался тип искалеченных людей.

Кружки изучаемого нами периода отличала строгая конспиративность, в особенности она была тщательна в Вильне. Работавший в те годы в Вильне Мартов, в своих вышедших за границей мемуарах, сообщает об этом следующее: „Конспирация была коньком виленского социал-демократического кружка, как и некоторых других, которые в разных местах России приступали к возрождению революционных партий среди обломков старого движения и в атмосфере, отравленной на долгие годы периодом разложения „Народной Воли“ с дегаевщиной и ее последствиями. Законом жизни для вновь возникавших революционных групп было скрыть, насколько можно дольше, самое существование крамольного гнезда в том или ином пункте, а для этого надо было его хорошо замаскировать не только от обывателей вообще, но и от широкой „радикальной“ среды, в особенности. И хотя после некоторых успехов соц. дем. пропаганды шила в мешке утаить было нельзя, но правилом оставалось вести себя так, как будто еще никто в городе не знает, что существует подпольная соц. дем. организация. Долгий опыт работы в одном пункте развивал элементарные приемы конспирации до виртуозности, и я на себе испытал впоследствии, как эти элементарные приемы въедаются в плоть и кровь. Никогда не называть ни друг-друга, ни отсутствующих членов организаций (даже в разговоре с глазу на глаз) их действительными именами, никуда не писать даже „невинных“ писем,

[1]) Ibid.

а в шифрованных не упоминать имен; не появляться на улицах ни с каким свертком, хотя бы в нем и заключалось самое обывательское содержание, не раскланиваться при встречах на улицах и даже не бросать приветственных взглядов никогда, даже если убежден в отсутствии шпионов, не идти прямым путем к месту, где тебе нужно быть, говорить в комнате, понизив голос, — все эти внешние приемы, вместе со старанием не задавать товарищам никаких „лишних вопросов", прочно усваивались всеми деятелями виленской организации. Можно с несомненностью утверждать, что эта система конспирации, выработанная первым, кружковым периодом социал-демократической работы, при всей своей элементарности, достигала все же некоторых положительных результатов, — точнее, некоторый результат достигался ценою затраты изрядного количества душевной энергии, ибо, может быть, девять десятых мер предосторожности в каждом отдельном случае применялись, собственно говоря, без крайней надобности, но за то одна десятая оказывалась целесообразной... [1]).

Период пропаганды кончается 1892—1893 гг., когда начинается новая эпоха, связанная с выходом широких рабочих масс на борьбу за свои экономические интересы.

[1]) Мартов, „Записки социал-демократа", Москва, изд. „Красная Новь", 1924, стр. 177—179.

Глава IV

Конец 90 годов. — Массовое стачечное движение. — Переход от пропаганды к агитации. — „Оппозиция". — 1 мая. — Стач. кассы. — Замена русского языка — еврейским. — Рост еврейской литературы. — „Жаргонные комитеты". — Литературная агитация. — Выход „Arbeiter - Stimme".

В начале 90 годов в „черте еврейской оседлости" началось массовое рабочее движение на экономической почве. В Вильне, Минске, Варшаве, Сморгони, Гомеле и некоторых других городах и местечках в 1892—1893 гг. рабочие начинают вести с хозяевами борьбу за улучшение своего экономического положения. Она проходит под лозунгом соблюдения хозяевами закона о 10 часовом рабочем дне. Закон этот, изданный еще при Екатерине II, впоследствии был совершенно забыт и никем не соблюдался. Теперь, кем-то разысканный, он служит лозунгом для революционизирования масс.

В движение были быстро вовлечены массы. По меткому определению историка еврейского рабочего движения Б. М. Фрумкина, началась эпоха „стачкизма". Увлечение стачками было велико. Забастовщики ходили толпами по городу, снимали работавших, приостанавливали повсюду работы. Хозяева пробовали протестовать и даже пытались обратиться к содействию полиции, но та отказывалась от вмешательства. Она занимала нейтральную позицию и объясняла это тем, что борьба носит не политический, а экономический характер, что является внутренне-еврейским делом. Хозяева были ошеломлены подобным оборотом дела и шли на уступки. В короткое время рабочим удалось добиться, благодаря этому, существенных уступок со стороны хозяев. Стачки начинались нередко по самому маловажному поводу. В тех случаях, когда хозяева отказывались удовлетворить требования рабочих, стачки протекали с крайним ожесточением с обоих сторон. Стачечники

голодали, но держались стойко и долго. Так, например, в Вильне в 1892 году портные, несмотря на вмешательство полиции и несезонное время, выбранное ими для стачки, когда обычно работы бывало мало, держались в течение 7-ми недель.

Нередко стачки сопровождались экономическим террором: избивали хозяев и штрейкбрехеров, обливали керосином тесто, выбивали стекла и пр. Организациям стоило большого труда удерживать рабочих от подобных поступков.

Иногда в стачечную борьбу вмешивались раввины, к содей ствию которых прибегали хозяева, чтобы „усовестить" ра бочих.

В стачечное движение вовлекалась вся масса. Требования были элементарные и понятные всем; поэтому, на ряду с созна тельными рабочими-социалистами, за них боролись и рабочие религиозные.

Движение носило стихийный характер, и, как мы выше указали, скоро разлилось широкой волной по „черте еврей ской оседлости". Точной статистики стачек за этот период времени не существует. Да она была и невозможна,ь так как абсолютно немыслим был учет всех этих, бо л шей частью, весьма недолгих стачек, возникавших то в одной, то в другой мастерской. Можно только констатиро вать, что не было ни одной отрасли труда, которую мино вали бы стачки. Впереди шли сапожники, столяры, портные, потом щеточники, заготовщики, слесаря, папиросницы, чулоч ницы, перчаточницы. По выражению отчета делегации „Бунда" международному социалистическому конгрессу в Амстердаме, „лихорадка" захватила всех рабочих.

Так продолжалось приблизительно три года.

В 1895 году правительство спохватилось. Оно лишь теперь заметило, что движение становится массовым, принимает опас ный характер и представляет серьезную угрозу для „основ".

Правительство теперь обрушивается тяжелыми репрессиями на рабочих. Стачечников начинают арестовывать, держать подолгу под арестом, в некоторых случаях отдают их под суд, но большей частью в административном порядке ссылают в Сибирь на поселение. Эти репрессии сыграли большую

роль в деле революционизирования рабочих; они теперь поняли, что борьба экономическая тесно связана с борьбой политической и от нее неотделима.

Однако, стачки не прекращались. Хотя теперь они перестали быть легальными, но продолжались, несмотря на то, что стачечникам угрожала тюрьма и ссылка. Из более крупных за этот период обращает на себе внимание стачка в Белостоке в 1895 г. 26 тысяч ткачей (из них около 3.000 евреев), которая была вызвана введением фабричных книжек, что рабочие считали новой кабалой со стороны их эксплоататоров. Стачка эта была проиграна. В том же году происходила в Вильне стачка на папиросной фабрике Эдельштейна, в коей участвовало 220 работниц. Она была вызвана тем, что фабрикант хотел заменить мужской труд более дешевым — женским. Несмотря на вмешательство раввина, произнесшего в синагоге громовую речь, фабричного инспектора и властей, не остановившихся перед арестом стачечников, рабочие выиграли стачку. Она в свое время наделала много шуму.

* * *

В эпоху экономических стачек особенно важное значение получили „кассы борьбы“ или стачечные кассы. Они ведут свое происхождение от имевших большую историческую давность в еврейской жизни в России „хеврес“, нечто вроде средневековых „гильдий“. В них состояли членами, на ряду с хозяевами, и рабочие. Это как бы средневековые синагогальные „братства“. Но современем они переродились в кассы, в коих участвовали исключительно рабочие. Первая касса образовалась в 1888 г. у чулочниц в Вильне. Затем подобные же кассы возникли у портных, заготовщиков, конвертниц [1]). Сохранилось несколько уставов этих касс. Будучи вначале просто кассами взаимопомощи, они современем превратились в боевые организации. Задачи „касс“ были понятны и близки рабочим, и последние охотно вступали туда. В кассы борьбы принимались все рабочие данного ремесла. Интеллигенция, работавшая в еврейском рабочем движении, старалась про

[1]) „Мат. к ист. евр. раб. движ.“, I вып., стр. 30.

никнуть в „кассы“, чтобы извлечь оттуда подходящих рабочих и ввести их в кружки, а также, чтобы упорядочить стачечную борьбу, сделать ее планомерной.

* * *

В период 1893—1897 годов стачечная волна захватила Вильну, Гомель, Варшаву, Минск, Сморгонь, Ошмяны, Вилковишки, Креславку, Выстинец, Брест-Литовск, Белосток, Ковно, Лодзь, Гродно, Двинск, Шавли, Витебск, Слоним, Крынки, Поневеж, Вержболово, Кальварию.

В этот период революционное движение среди евреев стало марксистским, народовольческое влияние было совершенно изжито.

Неожиданный стихийный рост рабочего движения застал врасплох руководителей. Он был для последних неожиданностью, так как все это шло вразрез с их миросозерцанием, планами, расчетами, идеологией. Пришлось наскоро пересмотреть старую теорию. В чем заключался их прежний взгляд на задачи социал-демократов, работавших в среде еврейских рабочих? Они культивировали отдельных, развитых личностей из среды рабочих путем привлечения их в кружки. Теперь, в новый период, они идут в массы и поддерживают среди рабочих боевой, революционный дух, теперь они стремятся взять стачечную борьбу в свои руки, организуют рабочих, вырабатывают требования, выбирают время, удобное для забастовки, ведут переговоры с хозяевами, словом регулируют все движение той эпохи. Конечно, не всегда и не везде им это удавалось: часто стачки протекали стихийно и велись самими рабочими, помимо организации. Но всегда голос „комитета“ был влиятелен, и представитель его имел большое значение.

Переход от пропаганды в небольших кружках к широкой агитации в рабочей массе потребовал коренного изменения в существовавшей прежде работе. План реформ был намечен руководителями движения в Вильне в следующем виде:

„Во-первых, окончательное преобразование цеховых касс в общества сопротивления, вытравление из них последних остатков мирных касс взаимопомощи; во-вторых, непосредственная

вязь социал-демократического центра с этими кассами путем постоянных собраний видных деятелей каждой кассы „с представителями центра (собрания агитаторов)“; в-третьих, приспособление кружков к задаче выработки рабочих руководителей массового движения; в кружки, поэтому, должны приниматься только активные рабочие, способные и склонные заниматься агитацией; занятия в кружках должны освободиться от академичности и школьного характера, приблизиться к жизни; в-четвертых, самые занятия в кружках должны вестись, главным образом, на жаргоне, чтобы сделать возможным вовлечение в них всех способных к агитационной работе пролетариев.

Для остающихся, таким образом, за штатом многочисленных членов кружков, которые не обнаруживали склонности к активной агитаторской деятельности, предполагалось устраивать летучие собрания с речами, беседами и лекциями на программные темы и по текущим злободневным вопросам...“ [1])

Переход от пропаганды в небольших кружках к агитации в широких слоях рабочей массы не везде протекал гладко и местами вызвал сильную и влиятельную оппозицию. Рабочие, распропагандированные в кружках, большей частью были против вовлечения масс в стачечную борьбу. Они утверждали, что надо сначала развить и просветить их, темных и косных, а потом только повести их на экономическую борьбу; что агитация при иных условиях — вредна и бесцельна. Это сопровождалось резкими и несправедливыми нападками на интеллигенцию, работавшую в то время среди еврейских рабочих, в еврейском социал-демократическом движении.

Работавший в то время в Вильне Мартов в своих „Записках“ рассказывает о виленской „оппозиции“ следующее:

„... Как только мы приступили к ознакомлению рабочих кружков с планом нашей реформы, мы встретили со стороны значительного большинства их членов самое решительное сопротивление. Мысль о том, что отныне в кружки будут группироваться только агитаторы и что самые кружковые занятия

---

[1]) Мартов: „Записки соц. дем.“, стр. 229.

будут подчинены задаче руководства массовым движением, была совершенно неприемлема для большей части рабочей молодежи. Оказалось, что для нее кружки были в известном смысле самоцелью, орудием приобщения к знанию и личного выхода из темноты, в которой пребывали рабочие массы, и под этим углом зрения она смотрела на всю нашу работу. В поднявшихся на ряде собраний дебатах для нас неприятным сюр призом вскрылась большая отдаленность настроений этих круж ковых рабочих от наших собственных. Мы видели в них рычаги для приведения в движение всего класса, орудия в руках револю ционной организации; они смотрели на себя, как на поднимаю щиеся из отсталой массы личности, создающие новую культур ную среду. В этом было пол-беды. Беда заключалась в том, что, смотря так, они рационалистически-упрощенно представляли себе процесс дальнейшего подъема всего их класса, а именно путем распространения тех знаний и тех но вых нравственных понятий, которые сами они приобретали в кружках и чтением. С удивлением констатировали мы после споров с ними, что весь метод их социального мышле ния идеалистический, что их социализм носит еще совершенно абстрактно-утопический характер, и что мысль об изменении путем классовой борьбы самой некультурной среды, протестом против которой начиналось их собственное социальное пробу ждение, им еще совершенно чужда. Особенно „бунтовали“ женщины-работницы, менее мужчин захваченные профессио нально-стачечным движением, практика которого как-никак вносила корректив в кружковую психологию. Для всех этих бедных модисток, чулочниц, коробочниц и белошвеек наши кружки открыли новый мир духовных переживаний, введя их в круг интеллигентной культуры. Они зачитывались биогра фиями народовольцев, статьями Добролюбова и Писарева, ро манами Помяловского, Омулевского и Шеллера-Михайлова, и это чтение гораздо более, чем „Кто чем живет“ Дикштейна или брошюры Аксельрода и Плеханова, формировали весь их душевный склад. Самообразование в благороднейшем смысле этого слова было для них альфой и омегой социалистического движения, и мысль о том, что на место непрестанной работы

над выработкой из себя „критически мыслящей личности“ должен будет стать подбор агитаторских талантов и вооружение их минимумом знаний, необходимым для успешного воздействия на массы, была для них непереносимой.

Враждебные реформе настроения стали скоро выражаться в анонимных рукописных памфлетах, которые, под названием „Письма к интеллигентам“, стали распространяться среди рабочих, усиленно читаться ими и вызывать крайнее возбуждение Автор памфлетов, проявивший несомненное, хотя и казуистическое, полемическое дарование и своеобразную эрудицию самоуверенного самоучки, напал с фронта на всю нашу реформаторскую программу, подвергнув критике не только ее методы но и самые цели. В основу критики легло лавровское положение, что прогресс заключается в выработке критически-мыслящих личностей и росте их количества (цитатами из „Исторических писем“ были переполнены эти памфлеты). Применяя эту максиму к развитию рабочего движения, автор „Писем“ признавал кружковую пропаганду единственно рациональной формой воздействия социалистов на пролетариат. Но главное в „Письмах“ были не эти скудные мысли. Они пестрели пламенным обличением наших собственных стремлений. Мы изображались автором в виде представителей чуждого рабочему классу буржуазного слоя, вздумавшего использовать рабочих для наших собственных целей, превратить их в пушечное мясо революции, для чего хотим удержать их в состоянии полузнания, чтобы навсегда упрочить свое политическое господство в рабочем движении. Этой нашей тенденции противопоставлялась народническая идея обязанности интеллигентов, вышедших из буржуазии, вернуть народу свой долг безоговорочной передачей им всех, доступных им самим, знаний, и нам предлагалось, отказавшись от претензии на руководство рабочим движением, смотреть на себя, как на служебный аппарат, который должен быть в распоряжении выбивающихся из тьмы передовых рабочих. Все это, повторяю, было написано весьма хлестко, с изрядным пафосом и демагогическими обращениями к свержению ига своекорыстной интеллигенции. Нам не трудно было обнаружить автора этих писаний. Им оказался

резчик по печати Абрам Гордон, когда-то побывавший в рабочих кружках переходного времени, когда еще в Вильне совместно действовали народовольцы и социал-демократы. В нашей работе он участия не принимал. Начитанный и способный, он производил впечатление озлобленного чем-то человека; его миросозерцание, путанное и туманное, сложилось из обрывков народничества и научного социализма.

От памфлетов А. Гордон перешел к выступлениям на специально созывавшихся им собраниях, на которые впоследствии стали проникать и мы. Дебаты на этих собраниях приняли вскоре весьма ожесточенный характер, в значительной мере благодаря желчности и демагогическим ухваткам самого Гордона. В большинстве случаев успех на этих собраниях был на его стороне: наши рабочие, а особенно работницы, жадно внимали его обличительным речам. Ему, между прочим, удалось одержать над нами победу на общих собраниях некоторых профессиональных касс, куда он, вопреки нашему желанию, вынес наш спор“ [1]).

Другой участник тогдашнего движения, известный историк еврейского рабочего движения Б. Фрумкин характеризует Гордона в тех же отрицательных чертах, как и Мартов. Он был „истинный маниак кружковщины, человек с громадным самолюбием, который не мог примириться с мыслью, что он с его идеями смыт волной нового движения. С фанатизмом сектантов, он и его единомышленники выступали как против личностей руководителей массового движения, так и против принципов его. Совершенно неспособный усвоить себе понятие о классовой борьбе, резчик против новых идей выдвигал старые истины о необходимости „выработать“ сознательных личностей. Не отрицая необходимости стачек и массового движения, он проповедывал, что и для организации стачки необходимы, прежде всего, вполне сознательные личности, а потому следует со стачками подождать, пока не выработается достаточное количество таких личностей. Само собою разумеется, что совершенно исключалась возможность достигнуть

[1]) Л. Мартов. „Записки социал-демократа“, стр. 230—233.

надлежащей степени развития, пользуясь еврейским языком. Получилась теория кризисов наизнанку. В то время, как по учению руководителей нового течения от степени экономического развития и экономической борьбы зависит степень сознания, представители старых взглядов утверждали, что от степени сознания зависит самая возможность экономической борьбы“ [1]).

Проповедь Гордона имела успех. Возникнув сперва в Вильне она потом перебросилась в Гродно и Гомель. Вскоре под влиянием „оппозиции“ в Вильне [2]) кружки начали распадаться, рабочие ушли к „оппозиции“. С интеллигентами осталась только маленькая группа рабочих. Между ними наблюдалось уныние. Проповедь „оппозиции“ разлагала движение. Сторонники ее срывали стачки, под ее влиянием распадались „кассы борьбы“ (например, в Вильне — касса портных).

Однако, „оппозиция“ скоро стала распадаться: не имея опоры среди интеллигенции, Гордон не мог образовать рабочие кружки. Часть его сторонников в 1894 году присоединилась к П. П. С., другие вернулись в прежние еврейские социал-демократические организации [3]).

* * *

Еврейские рабочие ежегодно праздновали 1 мая, праздник, установленный междунар. социалист. конгрессом в Штутгарте в 1889 г. Первыми в России праздновали этот день, как известно, польские рабочие, вторыми — еврейские и, наконец, третьими по времени — русские. В первый раз еврейские рабочие отпраздновали первое мая в 1892 г. в Вильне. Присутствовало около 100 человек из более сознательных рабочих.

---

[1]) Б. Фрумкин. „Очерки из ист. евр. раб. движ.“ „Евр. Старина“, 1913, стр. 259.

[2]) „Di Hofnung“, № 14, ст. „Об оппозиции“, П. П.

[3]) Гордон вновь появился в дни свобод, в 1905 году. Он тогда выпустил русский листок, „безграмотный по форме и бессмысленный по содержанию. Листок остался незамеченным“. „Ди Офнунг“, № 14, 1907 г., ст. „Оппозиция“.

На „маевке“ произнесены были знаменитые „четыре речи еврейских рабочих“.

В речах еврейских рабочих, сказанных на первомайском собрании в Вильно в 1892 году, мы встречаем чрезвычайное стремление к знанию, жажду образования.

„Мы того мнения, — сказал один рабочий, — что никакой бог и никакой чорт не может освободить угнетенную массу от ига, пригибающего ее к земле; только наука и собственная энергия могут вывести из мрака к свету жизни... Свет науки 19-го века указывает нам дорогу. Наука управляет нашим кораблем, как опытный, благоразумный и дальнозоркий капитан. Как любящая мать, наука перенесет нас в целости через океан слез и горя в страну жизни. Счастлив тот, чье мужество не падает, чье сердце не содрогается и при громе пушек, при блеске вражеских мечей и тогда, когда буря грозит разорвать парус бедного корабля!..“

В речах еврейских рабочих видна жгучая ненависть к самодержавному строю и готовность погибнуть в борьбе с ним.

Сознательный рабочий, — сказал тот же оратор, — „выступает всегда совершенно открыто и свободно говорит правду, не страшась ни тюрьмы, ни крепости, ни Сибири, ни рудников, ни заряженных ружей, ни даже самой смерти. Раз мы оделись в панцырь человечности и в броню совести, — они могут, сколько им угодно, греметь из пушек, осыпать нас градом пуль: мы будем стоять несокрушимой стеной, о которую разобьются ядра, сломаются мечи и служители ада утомятся, наконец, тиранить нас и ковать нас в цепи“ [1]).

В 1893 и 1894 гг. там опять происходит празднование 1 мая. В 1895 году этот день празднуется в Вильне, Минске, Варшаве и Сморгони. „Удачнее, чем всюду, праздник прошел в Вильне. Из 500 организованных в кассы рабочих было приглашено 250 чел. Празднование происходило в двух местах, по 125 чел. в каждом. На красных знаменах, под которыми рабочие собирались в обоих местах, были еврейские надписи —

---

[1]) „1-е мая 1892 г. Четыре речи еврейских рабочих“, Женева, 1893, с. 11 Ср. С. Валк, „Материалы к истории 1 мая“, „Красная Летопись № 4.

с одной стороны: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, с другой: „Мы боремся за 10 час. раб. день, за повышение платы, за лучшее обращение!“ Произнесены были 3 речи: 1) отчет о деятельности за истекший год, 2) о значении рабочего праздника 1 мая и 3) полит. речь. Из надписей на знаменах видно, что руководители не решались выставить политические требования. „Но их робость была совершенно неосновательна. Политическая речь была приветствована с восторгом“ [1]).

На другой день на собрании агитаторов Мартов произнес речь, сыгравшую большую роль в еврейском рабочем движении. Он указал на необходимость образования особой еврейской соц.-дем. организации.

В 1896 г. „первое мая“ празднуется во всех городах, где существует еврейское рабочее движение [2]). Местные организации выпустили специальную первомайскую прокламацию (Белосток) и брошюру (Варшава). В Минске участвовало в празднестве 300 из 1000 организованных рабочих, в Вильне — 540 чел., собравшихся в трех местах. Среди лозунгов имеются уже и политические. Политические речи были встречены с приветствием.

В 1897 г. к встрече 1 мая усиленно готовились обе стороны — полиция, жандармерия, с одной стороны, и соц.-демократы, с другой. В Варшаве, Вильне и Белостоке были разбросаны первомайские воззвания. В этот день были собрания в Варшаве (более 200 чел.), Белостоке, Минске (300 чел.), Ковне и многих других городах. В Вильне на улицах было много войск и жандармерии, пришлось отпраздновать этот день небольшими кружками. В Вильне и Киеве власти угрожали погромами. В Варшаве литовские и еврейские соц.-дем. (работавшие вообще очень дружно все время) выпустили антипогромную прокламацию на польском и еврейском языках. На майском празднике литовских рабочих присутствовала делегация от еврейских рабочих; она была горячо принята [3]).

---

[1]) „Материалы к истор. евр. раб. движ.“, вып. I, Спб., 1906 г., стр. 45—46.
[2]) Ibid, с. 55.
[3]) Ibid, с. 60.

* * *

В связи с переходом от пропаганды к агитации происходит и замена русского языка — еврейским. Социалисты, работавшие в среде еврейских рабочих, в деле пропаганды пользовались исключительно русским языком. Полуассимилированные еврейские интеллигенты, они первым делом обучали рабочего русской грамоте, готовя из него пропагандиста, которому, быть может, придется работать вне черты оседлости, где население исключительно русское. Теперь же, в период агитации и массового движения, они приходят к мысли, что идти в массы, вести среди них агитацию можно лишь на еврейском языке, единственно им доступном. Интеллигенция сама начинает переучиваться.

Еврейские социал-демократы вели широко не только устную агитацию, но печатную посредством листков, прокламаций и т. д., печатавшихся на мимеографе или гектографе. Обращаясь к рабочим на понятном им языке по поводу тех или иных вопросов повседневной жизни, прокламации звали их на борьбу, указывали, каким путем бороться, будили у них интерес к тому, как живут рабочие в других странах. Влияние этой литературы было значительно.

Однако, вскоре прокламационная литература не могла удовлетворить возросшие запросы еврейских рабочих. Появилась потребность в серьезной книжке, и пред социалистами, работавшими в еврейском движении, встал вопрос о том, как удовлетворить ее. Соответствующей литературы на еврейском языке в ту пору не было. Еврейский книжный рынок был переполнен лубочной бульварной литературой, творцом которой был писатель „Шомер“ (Шайкевич). И вот в 1895 году в Вильне возникает „жаргонный комитет“. Его цель — издание и распространение между рабочими художественной и научно-популярной литературы на еврейском языке и организация еврейских библиотек в провинции. „Жаргонный комитет“ имел отделения в Минске, Белостоке и некоторых других городах. Во главе его стояли: П. Розенталь, Анна Геллер (Розенталь), Циля Клис (Гожанская), Цемах Копельзон („Тимофей“), Борис Левинсон, его сестра Берта (Стон). Они

находились в сношениях с руководителями движения в Вильне Александром Кремером („Аркадий"), И. Айзенштадтом (Юдиным) и Любой Левинсон (Айзенштадт). Издательской деятельностью „Жаргонных комитетов" ведал П. Розенталь, распространением — Розенберг, А. и Циля Клис. Вместе с ними работали: А. Литвак, Рув. Амстердам, Хацкель Усышкин и Крапивнер. „Жаргонные комитеты" вошли в сношения с еврейскими писателями Перецом и Пинским и распространяли их произведения. Большим успехом пользовались „Праздничные Листки", издававшиеся Перецом. Одно время в ходу были и американские социалистические брошюры; их крупный недостаток был в том, что они содержали много слов, непонятных еврейскому рабочему в России. Между тем, спрос на литературу был очень значительный, отовсюду приходили просьбы о присылке ее, но организации не в силах были удовлетворить полностью. „Жаргонные комитеты" отпечатали нелегально несколько брошюр, с надписью на обложке „Дозволено цензурой" и указав адрес легальной типографии. Это был способ старый, и им издавна пользовались революционеры. Еще чайковцы в 70-х гг. прибегали к нему. „Жаргонные комитеты" просуществовали до 1898 года [1]).

* * *

В 1896 г. рабочими, без ведома руководителей движения, была создана первая печатная газета „Arbeiter-Stimme" („Рабочий Голос"). Инициатором этого начинания был слесарь Каплинский, ставший впоследствии провокатором. Он не имел никакого представления о типографской технике. К задуманному делу Каплинский привлек своих близких товарищей Михаила (переплетчика), наборщика М. и столяра Гришу Сороко, литературная часть была поручена интеллигенту Неманскому (Зельдову)

Каплинский предполагал печатать газету на особом изобретенном им „станке". Шрифт для печатания журнала был украден в типографии наборщиком М., посвященным в затеянное

[1]) О „Жаргонных комитетах" см. статью А. Литвака в сборнике „Roiter Pinkos".

Каплинским дело. Эта первая в России еврейская нелегальная типография была организована следующим образом:

„Схема его „станка“ была до чрезвычайности несложна и примитивна; она исчерпывалась одной железной рамкой и двумя валиками, из шрифта делается набор, который вставляется в плотно его обхватывающую железную рамку, специально для этой цели приготовленную; валиком наводится на набор типографская краска, а накладываемый на набор лист бумаги крепко надавливается другим валиком таким образом, что на нем получается оттиск набора“.

Но вскоре оказалось, что это его открытие нуждается в целом ряде исправлений. „Рамка оказалась недостаточно прочной и при нажиме поддавалась наружу. Шрифт был ветхий, находившийся долгое время в употреблении, и имел достаточно стертых букв, которые по старости упорно отказывались служить революционному делу. Остановились на мысли ставить прибор на толстое стекло и соответственные места подклеивать бумагой, таким образом, чтобы стертые буквы при нажиме валиком не поддавались вниз. Шрифта было мало и его хватало всего на одну страницу. Но самым неприятным был недостаток в букве е, которая в еврейском, как и в немецком языке, употребляется гораздо чаще, чем в русском. И вот начинается отчаянная травля на эту букву. При этом в своем усердии Гриша зашел так далеко, что начал ее изгонять и из древне-еврейских слов, и, несмотря на резкий отпор, который я ему дал на корректурных листах, ему удалось провести контрабандным путем букву *a* вместо *e* в древнееврейском слове „Baal-habaith“ [1]).

Выход „Arbeiter-Stimme“ явился для партийных работников полной неожиданностью, рабочими он был встречен с большой радостью и имел среди них успех.

На 1 съезде „Бунда“ в 1897 году „Arbeiter-Stimme“ был признан центральным органом.

---

[1]) „И. Н. Возникновение „Arbeiter-Stimme“, сб. „Пережитое“, т. 1, стр. 269 и 272 — 273.

Глава V

Виленское совещание соц. дем. кружков. — Первые попытки объеди нения: 1-й съезд „Бунда". — Его состав и решения. — 1 съезд Р. С. Д. Р. П. — Разгром „Бунда" в 1898 г.

В конце 90-х годов среди еврейских социал-демократиче ских кружков, работавших в разных городах, обозначилась нужда в объединении и создании единой, объединенной еврей ской соц. дем. организации.

Впервые эта потребность была высказана в речи Мартова на собрании в Вильно 1 мая 1895 года.

„... Мы должны решительно признать, — сказал Мартов, — что наша цель, цель действующих в еврейской среде социал демократов, состоит в том, чтобы создать специально-еврей скую рабочую организацию, которая явилась бы руководительни цей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение" [1]).

В том же году состоялась в Вильно конференция, на кото рой присутствовали представители еврейской социал-демокра тии нескольких городов (преимущественно гор. Вильно; было также нескольких рабочих членов местной еврейской рабочей организации). На этой конференции, длившейся три дня, обмен мнений установил полную солидарность по вопросу о необходимости специальной еврейской социал-демократической организации для развития политического и социалистического сознания еврейских рабочих, а также по вопросу о необходи мости особенно подчеркивать требование в программе еврейской социал-демократии гражданского равноправия для евреев [2]).

---

[1]) Мартов, „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения", см. „Материалы к ист. евр. раб. движ.", вып. I, Спб., 1906 г.

[2]) „Жизнь", № 2 (Лондон), ст. Г. Я. „Бунд", стр. 99.

Спустя два года в Вильне состоялся первый съезд еврей ских социал-демократических групп, положивший начало „Все общему еврейскому рабочему союзу в России, Польше и Литве“ и сыгравший огромную роль в развитии еврейского ра бочего движения.

Съезд происходил 25—27 сентября 1897 года. Собирались три раза: приходили утром и уходили вечером, тут же заку сывали, чтобы лишний раз не отлучиться и тем не при влечь внимания полиции. Заседали в предместьи Вильны, на Лукишках, в небольшой комнате приказчика табачного магазина Сегаля. Сам хозяин не присутствовал на засе даниях [1]).

По указанию Акимова-Махновца [2]) на съезде присутство вало чел. 15, но Мутник, один из участников съезда, в своих воспоминаниях указывает, что всего было 11 делегатов, пред ставлявших органы „Der Judischer Arbeiter“ и „Arbeiter-Stimme“ и города: Вильно, Минск, Белосток, Ковно, Варшаву, Витебск и типографию „Arbeiter-Stimme“. Между этими 11 лицами было 4 рабочих, 2 работницы, остальные—интеллигенты [3]). По словам А. Кремера [4]), на съезде присутствовали следующие лица: Вл. Коссовский (Левинсон, Вильна), „Тарас“ (Давид Кац, Вильна), Кремер (Вильна), „Джон“ (Миль, Варшава), Цивья Гурвич (Варшава?), другим, как иные говорят, был от Варшавы Леля Гольдман, позже Леонтьев, Аким, был членом Ц. К. Р. С. Д. Р. П., брат Либера, окончивший виленское ремеслен ное училище и переехавший в Варшаву для партийной работы, Лиза, жена Альтера щеточника (Ковно), Павел Берман (Минск), Роза Гринблят (Белосток, ныне Аверсон, сионистка, проживает в Женеве), от щетинщиков, которые в то время

---

[1]) А. Кремер („Пролетарская Революция“ № 11, ст. „Основание Бунда“) пишет, что съезд происходил на нескольких квартирах, одна была на Мил лионной ул. „возле Широкой“, по словам же Мутника и Акимова съезд заседал на одной квартире, приказчика на Лукишках.

[2]) Акимов-Махновец, „1 съезд Р. С. Д. Р. П.“, „Минувшие Годы“ № 2 1908 г., с. 145.

[3]) „Di Ofnung“ № 14, 1907 года.

[4]) А. Кремер, цит. ст., стр. 53.

неформально уже были организованы в союз — Абрам (Вольф Александрийский, ныне в Америке).

Инициатива по созыву съезда исходила от виленской группы, которая тогда уже играла роль центра в еврейском рабочем движении; отсюда в разные местности „черты еврейской оседлости“ рассылались нелегальная литература и агитаторы.

Между еврейскими социал-демократическими кружками разных местностей постоянно поддерживалась живая связь, при стачках и арестах они помогали друг другу деньгами, обменивались литературой; таким образом к этому времени объединение фактически существовало.

На съезд были приглашены только более значительные группы и при том только те, которые были хорошо известны инициаторам.

На места был разослан порядок дня съезда, чтобы предварительно там его могли обсудить.

Порядок дня съезда был следующий: 1) необходимость объединения еврейских рабочих в специальную организацию, 2) название объединенной организации, 3) подписи на изданиях отдельных городов, когда будет объединенная организация, 4) отношение объединенной организации к другим не еврейским революционным группам, находящимся за границей и в России, 5) о характере и содержании еврейской литературы, 6) Центральный Комитет, функции его. Выборы Ц. К.

Съезд открылся обширной речью председателя о необходимости создания объединенной еврейской рабочей организации. Он указал, что объединение между различными городами фактически уже существует, что надо лишь теперь это „одеть в кожу и кости“, оформить то, что уже существует. Подобное объединение необходимо по следующим соображениям: начались усиленные репрессии, которые смогут уничтожить движение, если оно не будет объединено; чтобы избежать опасности, надо иметь конспиративный центр, который будет руководить всем движением, выставлять везде однородные политические тревования и в частности требование гражданского равноправия евреев. Наконец, предстоит создание объединенной русской рабочей партии, и в ней еврейский пролетариат, если вступит

в нее объединенным, сможет занять заметное место, т. е. отстоять свое автономное существование [1]).

Речь его не вызвала дебатов. Прения и довольно большие происходили при обсуждении вопроса о названии новой объединенной организации. Предложений было несколько. Дебаты велись главным образом вокруг предложений Миля: 1) „Союз еврейских социал-демократических групп в России“ и 2) „Всеобщий еврейский рабочий союз“; приняли второе предложение.

Крайне характерны мотивы, по которым было отклонено предложение Миля. „Социал-демократическая группа, — пишет „Arbeiter-Stimme“ (№ 6), — это — горсть людей, признающих принципы социал-демократии и являющихся руководителями рабочего движения того или иного города, того или иного района; союз подобных групп явился бы союзом тех „верхушек“, что стоят наверху, немногих руководителей рабочего класса. Для всей же рабочей массы там не было бы места, а это нежелательно, так как союз будет только обладать силой и мощью, когда в него войдет вся борющаяся рабочая масса, а не кучка руководителей. Тогда каждый борющийся за свои повседневные интересы рабочий будет знать и чувствовать, что он член этого союза. Поэтому съезд не принял первое предложение и остановился на втором названии, оно более подходит для организации, которую съезд хотел учредить. „Всеобщий еврейский рабочий союз“ в буквальном смысле означает, что союз включает в себе **весь** борющийся еврейский пролетариат, широко раскрывая двери каждому рабочему, присоединяющемуся к борьбе пролетариата за лучшую жизнь. Всякий, жаждущий борьбы, чувствующий необходимость в ней — пусть вступит в союз; он будет равным и полноправным членом организации“ [2]).

Съезд, таким образом, не счел удобным образовать „Союз еврейских социал-демократических групп“ вследствие того,

---

[1]) „Arbeiter-Stimme“, № 6.

[2]) Цитату из „Arbeiter-Stimme“ приводим из цит. ст. Акимова, сделав в ней по подлиннику некоторые исправления.

что, во-первых, социал-демократия среди еврейских рабочих имела тогда очень мало последователей, и подобный союз был бы мало популярен, и, во-вторых, съезд хотел создать организацию, которая была бы не самостоятельной партией, а лишь частью имевшей вскоре образоваться единой российской социал-демократической партии.

По вопросу „Отношение к другим не еврейским революционным группам", съезд избрал „Союз русских социал-демократов" заграничным представителем „Бунда". Что же касается социалистических групп, действующих в России, то решено было приложить все усилия к тому, чтобы войти с ними в ближайшие сношения.

Далее съезд принял следующие решения: 1) в наименовании „Бунда" после слова „в России" добавить „и в Польше"; 2) официальными органами считать „Arbeiter-Stimme" и „Judischer Arbeiter"; 3) на изданиях отдельных городов должна быть подпись: „Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше" и наименование города и местной организации; 4) по вопросу о печатной литературе съезд наметил вопросы, которые следовало бы осветить в периодической литературе, и книги, какие необходимо издать; 5) избран был центральный комитет в составе: А. Кремера, Вл. Коссовского (Левинсона) и Мутника („Глеба").

Одно время центральный комитет „Бунда" находился в Вильне, но потом, когда там начались аресты, он переместился в Минск.

Одним из первых шагов „Бунда" была посылка приветственной телеграммы съезду германской социал-демократической партии в Гамбурге.

Известие о состоявшемся первом съезде и об образовании „Бунда" было встречено с радостью всеми сознательными еврейскими рабочими. Существовавший в Варшаве „Союз еврейских социал-демократов" решил вступить в „Бунд". То же самое было и в Минске, Брест-Литовске и в других местностях, где существовавшие ранее группы объявляли себя местными комитетами „Бунда". Только в Гомеле, куда ездил Кремер, было оказано противодействие. Тамошние работники

утверждали, что специально еврейская организация вообще не нужна [1]).

Первый съезд и образование „Бунда“ имело для еврейского рабочего движения огромные последствия. Ближайшим результатом этого было упорядочение постановки издания нелегальной литературы, которая начала печататься центральным комитетом в большом количестве. Затем была налажена систематическая доставка материалов для „Arbeiter-Stimme“ и „Iüdischer Arbeiter“, освещавших условия труда еврейских рабочих в ремесленно-фабричных заведениях и борьбу с ними еврейских рабочих. Доставка информаций сделалась одной из важных функций местных комитетов. Далее центральный комитет улучшил дело транспортирования нелегальной литературы из за границы и снабжения ею местных комитетов.

Ц. К. „Бунда“ принимал деятельное участие в организации 1 съезда Р. С. Д. Р. П., состоявшегося в Минске в 1898 году. От „Бунда“ на нем присутствовали: Мутник („Глеб“), Кремер („Аркадий“) и рабочий Ш. Кац („Шмуль-дер-Шварцер“) [2]). Съезд обсуждал вопрос о положении „Бунда“ в Р. С. Д. Р. П. и признал, что „Бунд“, являясь частью партии, остается автономной организацией, самостоятельной лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

* * *

Интенсивный рост революционного движения среди еврейских рабочих привлек сугубое внимание Департамента полиции: началась отчаянная слежка за всеми участниками его.

Вся розыскная деятельность в северо-западном крае была теперь сосредоточена в Москве и поручена начальнику тамошнего охранного отделения — С. В. Зубатову, который поставил себе целью уничтожить, вырвать „Бунд“ с корнями.

Зубатов усовершенствовал дело полицейской агентуры. Он наводнил район деятельности „Бунда“ многочисленными своими агентами, которые по телеграфу и почтою сообщали ему о результатах своих наблюдений. В московском охранном

---

[1]) А. Кремер, цит. ст.

[2]) В. Невский, „Очерки по истории Р. К. П.“, т. I, стр. 497.

отделении эти разрозненные сведения систематизировались и сводились в так называемые здесь дневники наблюдения. Таким образом, Зубатов располагал как бы картой нелегальной работы и мог контролировать и руководить одновременно деятельностью филеров в разных городах.

Агенты Зубатова начали применять новый метод слежки: напав на след нелегального работника, они его не арестовывали, а оставляли на свободе. Держа его беспрерывно в сфере своего наблюдения, следуя по пятам его, они выясняли всех тех лиц, с которыми наблюдаемый приходил в сношения.

Наблюдения филеров производились в целом ряде городов и местечек: Минске, Бобруйске, м. Свенцяны, на ст. Барановичи, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Двинске, Ковне, Вильне, Киеве, Одессе, Москве, Петрограде, Гродне и Брянске.

„Бунд" вскоре заметил за собою усиленную слежку, и Ц. К. выпустил специальную прокламацию „Предостережение", в которой местным организациям предлагалось усилить конспирацию.

В мае 1897 г. филеры выследили лиц, занимавшихся транспортированием нелегальных изданий: Баневура и Миля. Следя за ними, они вскрыли в дороге корзину, отправленную Баневуром в Киев. В ней оказалось 1000 экз. „Петербургского Рабочего Листка" (№ 2) и разные женевские издания. В июне, проследив в Белостоке, что приехавший из Вильны Фридман несколько раз делал покупки в магазинах красок и бумаги, им удалось напасть на следы нелегальной типографии. Далее филеры выследили привоз Г. Сороко из Гомеля в Бобруйск около 4 пудов бумаги для печатания нелегальных изданий.

Филеры, посланные Зубатовым в Бобруйск, очень скоро провалились. В небольшом провинциальным городе, где каждый новый человек на виду, агенты сразу обратили на себя внимание: они остановились в лучшей гостинице, широко жили, посещали театры, к каждому поезду выходили на вокзал, отказывались от услуг многочисленных комиссионеров, толпившихся в гостинице. Все это показалось администрации гостиницы подозрительным. Полиция начала собирать о них сведения. В городе пошли слухи, что приезжие—сыщики, которые будут собирать по лавкам низкопробное серебро и золото, что они

собираются ограбить банкирскую контору Клейнермана и т. д. Зубатову пришлось отозвать их обратно и заменить другими филерами, которые на этот раз уже поселились на окраине города.

Просматривая донесения Зубатову его агентов и дневники наблюдения, видно, что Зубатов был осведомлен только о внешней жизни кружков. При отсутствии провокации, он бессилен был проникнуть во внутреннюю их жизнь.

Летом 1898 г. Зубатов уже располагал сведениями о многих лицах, причастных к нелегальной работе, об участниках центральных кружков, о связи между разными городами и местечками.

Кроме того, он был уверен, что напал на следы нескольких нелегальных типографий.

Считая эти сведения вполне достаточными, он решил одним ударом ликвидировать „Бунд“. С этой целью в ночь на 26 июля 1898 г. под руководством Зубатова одновременно в нескольких городах были произведены многочисленные обыски и аресты.

Всего было арестовано 55 чел., а именно: в Бобруйске — 5, в Минске — 17, в Вильне — 7, в Варшаве и Лодзи — по 10, в Барановичах — 3 и в Одессе, Гродне и Брянске — по одному.

Впоследствии по этому же делу были привлечены еще некоторые лица, всего же оказалось привлеченных — 67 челов. [1])

---

[1]) Вот полный список обвиняемых: Зальцман, Эня, Каплан, Дон, Каплинский, Сроль, Кейзер Шулим, Кригель, Мера, Левин, Илья, Левинсон, Мендель, Поляк, Моисей (Мовша), Сороко, Гирш-Вульф, Чернихов, Яков, Шапиро, Евна, Шерман, Евель Давид, Бакшт, Мовша, Баневур, Борис, Вильтер, Шифра-Гольда (урожд. Иозефович), Голандский, Гирш, Гордон, Яков и Сарра Ревекка, Горфейн, Шмуль, Гурвич, Елена (урожд. Кушелевская), Гурвич, Евгения, Димент, Меер (Макс), Жизлин, Меер, Закс, Луиза, Кайровский, Рафаил, Каплан, Хаим, Качанович, Нисон, Кремер, Аарон, Леви, Роман, Миркин, Абрам-Ицко, Мутник, Абрам, Мыслицкая, Мария, Пейсахзон, Исаак, Перельман, Иосиф, Регенветер, Ицек, Рискинд, Куна, Рогаллер, Лев, Румянцев, Петр, Слуцкая, Берта, Слуцкий, Самуил, Сороко, Мера (урожд. Вевьер), Сульский, Самуил, Теумин, Ицко, Уфлянд, Мендель-Арон-Михаил, Фин, Абрам, Фин, Ревекка (урожд. Лясс), Френкин, Илья, Фрумкина, Фрума, Фрумкин, Арон-Борух-Ошер, Фрумкин, Борух, Хавкина, Зися, Цепрынская-Цековая, Анна, Цытрон, Блюма, Шварц, Борух, Димент, по мужу Шостак, Геня, Гордон, Перля, Чернявская, Лея, Шмуэльзон, Бер, Стржалковский, Клементий, Кацнельсон, Яков, Качанович, Вульф, Блюменфельд, Шмуэл, Фридман, Абрам, Бербер, Мордка, Сегаль, Шейна, Хан, Вольф и Трахтенберг, Сарра.

Обысками было обнаружено: в Минске у Шермана типография с еврейским шрифтом с двойным комплектом к ним принадлежностей и набранная прокламация. Далее у Шермана было найдено большое количество нелегальных брошюр по рабочему вопросу на русском и еврейском языках, у Румянцева и Евг. Ар. Гурвич — шифрованные записи; у Слуцкого — большое количество отпечатанных в типографии Шермана прокламаций, у других арестованных — нелегальные журналы, рукописи, переписка и адреса.

В докладе московского обер-полицийместера Трепова в деп. пол. обыски 26-го июля излагаются следующим образом: В Бобруйске Сруль Каплинский и Мера Кригель „занимали квартиру из трех комнат и кухни. Первая комната носила характер жилой, и ничего постороннего в ней не было. Во второй комнате оказался продолговатый на четырех ножках стол, крышка которого была устроена на полозках и сдвигалась по длине стола; под нею обнаружен в два вершка глубины секретный ящик во всю длину стола, и это углубление служило помещением для печатного станка с принадлежностями тиснения. Здесь же находились: деревянный обрезной станок, разбросанные листы отпечатанной бумаги, чистая типографская бумага и различные обрезки. Видимо, эта комната служила мастерской. В третьей комнате по стенам были пачками разложены отпечатанные и спрессованные экземпляры нелегальной еврейской газеты „Голос рабочего“ № 9, 10 июля 1898 г., объемом в 24 страницы каждый, числом более 600. Тут же лежали на полу в двух бумажных свертках типографский шрифт и гранки. По одной из стен стоял квадратный большой комод (1 арш. 6 в. ширины и полтора аршина длины и высоты), в нижних двух ящиках которого оказалось мужское и женское белье, а в верхнем — легальные и нелегальные издания и цветная бумага для обложек. Крышка комода была устроена также на полозках и сдвигалась в сторону ящиков. Под нею в секретном углублении размещались: 8 касс с еврейским шрифтом, касса с арабскими цифрами, 5 гросс заставок, около двух пудов гранок, бабашек, шпонок и шпаций, набирки, 3 угольника с цинковыми досками для целого набора и 2 зеркальных стекла, одно для рамы, а другое для краски“.

В Белостоке квартира Рубина Нахимова Фридмана и Р. Я. Страж „состояла из двух комнат и кухни с совершенно изолированным ходом. Для того, чтобы замаскировать свою преступную деятельность, Фридман держал в кухне на видном месте брошюровальные и обрезной станки с массой изготовленных ученических тетрадей. В соседней с кухней комнате ничего преступного не находилось, и комната представлялась жилой. Во второй комнате стоял продолговатый на четырех ножках стол с секретной крышкой, лежавшей рядом со столом; в потайном углублении этого стола находилась типографская касса со шрифтом. По стене против двери стоял шкаф со створчатыми дверками, скрывавшими две полки, над которыми помещались два выдвижных ящика. Крышки обоих вышеописанных столов прикреплялись, в нужное время, особыми внутренними металлическими крючками и могли быть снимаемы лишь лицом, знающим секрет. Под крышкой стола-шкафика находился готовый набор в две страницы прокламации к рабочим от „Петербургского Комитета Русской социал-демократической партии“. Помимо того, здесь же лежал станок с валиком для прокатки набора. К верхнему плинтусу задней стороны стола была прибита клеенка, которая, очевидно, накладывалась на подлежащий оттиску лист, и уже по этой клеенке проходил валик. На вышеупомянутых полках этого стола-шкафчика было размещено несколько аккуратно завернутых в бумагу наборов, как-то: заголовок газеты „Рабочее знамя“, заглавная страница и первые четыре текста брошюры „Очерк истории Великой Французской революции“ и др. В выдвижных ящиках того же стола помещались разные инструменты. Независимо от этого в квартире было обнаружено множество отработанных листов и целых экземпляров собственных революционных изданий и несколько изданий киевской организации, а также лампа с синим абажуром, стоявшая на подоконнике и служившая указателем, когда допускался и воспрещался вход в квартиру; во время обыска, как бы нечаянно, Страж лампу эту разбила“ [1]).

---

[1]) Д. Ист.-рев. арх. № 310, т. I, 1898 г., 4 дел., стр. 133—134.

У большинства других привлеченных были найдены нелегальные издания по рабочему вопросу на русском, еврейском и немецком языках.

Все арестованные были доставлены в Москву и помещены в одиночном заключении.

На допросах они держали себя крайне осторожно. Почти все привлеченные отрицали свою принадлежность к „Бунду“.

Лишь попавшиеся, так сказать, с поличным, которым нельзя было отрицать связь с организацией, давали более или менее подробные показания, при чем старались придать им путанный и неясный характер, стремясь сбить с толку жандармов.

Арестованные держались очень стойко; не выдержал и „поддался“ лишь Баневур, один из виднейших работников „Бунда“.

Находясь в московской тюрьме, Баневур подал на высочайшее имя прошение следующего содержания: „Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому Николаю II. Политического следственного Бориса Зельмановича Баневура. Прошение. Я не повторю своей мольбы о прощении: я не достоин его. Из-за какой-то личной прихоти я жертвовал жизнью своих родителей, жизнью своих братьев и сестры, жизнью всего своего еврейского народа и, наконец, жизнью всех тех, которые из-за меня томятся в тюрьмах и ссылке. Я был слепым фанатиком и легкомыслен. Каюсь. Здесь я повергаю мольбу к стопам Вашего Императорского Величества о том, чтобы сжалились над моими несчастными родителями и спасли их от угрожающей им голодной смерти, даруя мне свободу до объявления приговора, дабы мог их хоть как-нибудь устроить, так как, быв все время единственным руководителем дел их, а вместе с тем единственным кормильцем их, оставил их теперь совершенно неустроенными, обреченными на голодную смерть, о чем коротко, но выразительно говорит приложенная при сем телеграмма. Ваше Императорское Величество, осмеливаюсь еще раз повторить свою мольбу, пожалейте моих родителей, заставьте их вечно молить Бога за Вас, даруйте мне возможность их как нибудь устроить. Возлагая все свои надежды на Ваше Импе

раторское Величество, пребываю верноподданный Борис Зельманович Баневур. Сентября 28-го дня 1898 г."

Баневур подал прошение о помиловании, боясь, что с его арестом родители его совершенно разорятся. Находясь в тюрьме, он получил несколько телеграмм от отца, в которых ему сообщалось, что тот накануне банкротства, прекращения ему кредита и т. д.

Вслед за первым прошением Баневур подал и другое, но уже в Департамент полиции. Он теперь ходатайствовал о переводе его в Виленскую тюрьму. Прошение это было следующего содержания:

„В Департамент полиции. Политического следственного, находящегося при московской центральной пересыльной тюрьме, Бориса Зельмановича Баневура. Прошение. Быв с 17 лет единственным руководителем родительского торгового дела, составляющего их единственный источник средств к жизни, а, следовательно, и их единственным кормильцем, оставил их теперь из-за внезапного моего ареста совершенно неустроенными, мало знакомыми с их делом и обреченными на верную гибель. А потому сим честь имею просить Департамент полиции пожалеть эти невинные жертвы и дать мне возможность, переведя меня в Виленскую тюрьму, на свиданиях с родителями давать им хоть какие-нибудь указания, дабы они могли сами как-нибудь дальше вести свое дело. На косвенно выраженное опасение московского губернского жандармского управления могу только то заявить, что я не делаю ни одного движения, чтобы помешать полному выяснению истины, так как, во-первых, надеюсь, что она будет в мою пользу, во-вторых, что ожидающее меня наказание в сравнении с тем, которое меня постигло уже (в оригинале — пропуск). Повторяю — не дайте целому семейству погибнуть, не дайте лишнему человеку с ума сойти. Неужели и здесь не найду жалости и человеколюбия? Не хочу верить и надеюсь. Борис Зельманович Баневур. Октября 6-го дня 1898 г." [1]).

Оба прошения Баневура не были удовлетворены.

---

[1]) Д. Ист.-рев. арх. № 310, ч. 2, 1898 г., 4 дел., л. 59 и 64.

Следствие в Москве велось очень медленно.

Зубатов его всячески затягивал, чтобы вынудить заключенных дать показания. Заключенные были измучены и истомлены. О настроении их показывает следующее заявление Кремера.

„В Департамент полиции в С.-Петербурге. Прошение обвиняемого по 318 ст. ул. о нак. Арона Иоселевича Кремера. Я нахожусь в заключении уже пятнадцать с половиной месяцев, а следствие по делу, по которому я привлечен, до сих пор все еще не кончилось. Меня допрашивали три раза. Первый раз в первых числах сентября 1898 года. На этом допросе я в кратких чертах описал свою жизнь за последний год до моего ареста, да спрашивали о знакомствах. Прошло десять месяцев. В первых числах июля 1899 года меня допрашивали второй раз. К моему величайшему удивлению мне предлагали те же вопросы, что и на первом допросе, да один новый вопрос. У меня при обыске нашли шифрованную записку, которую расшифровали еще в конце прошлого 98-го года. Об этой то записке меня и спрашивали. Прошло еще два с половиной месяца. В конце сентября настоящего 99-го года меня допрашивали в третий раз. Опять те же вопросы, опять о той же записке. Впрочем, был еще один вопрос. Бесконечное заключение вырвало у одного из заключенных неверное показание, которое он взял через пару дней обратно. Об этом-то показании меня и спрашивали. Прошло с тех пор еще полтора месяца, меня больше не допрашивали; но мне пришлось быть в жандармском управлении. Говорили, между прочим, и о деле. На мое замечание, что столь долгое заключение гибельно влияет на здоровье, господин, производящий дознание, в присутствии господина товарища прокурора ответил: „мы интересуемся делом, а не личностями“, а на мое замечание, что следствие так долго тянется, что умрет естественной смертью, господин, производящий дознание, сказал: „скорее вы все перемрете, чем следствие“. — После таких слов мне стало совершенно ясно, что заключение играет только роль пытки, само же следствие не сделало пока ничего относительно меня, не открыло самостоятельно ровно ничего, чего бы не знало при моем аресте. Насколько мне удалось слы

шать о других обвиняемых по этому делу, следствие сделало ровно столько же. В виду изложенного я честь имею покорнейше просить, не найдут ли возможным выпустить меня впредь до окончания дела под надзор полиции, под поручительство или под залог. Арон Иоселевич Кремер. 9-го ноября 1899 г.“.

Ходатайство его было отклонено.

В долгих беседах с заключенными Зубатов начал приискивать сторонников своей „теории царизма“.

Об этом мы подробно говорим в главе о попытках насаждения „зубатовщины“ в еврейском рабочем движении.

По высочайшему повелению от 11-го апреля 1901 г., дело о „Бунде“ 1898 г. было разрешено в административном порядке с зачетом предварительного заключения следующим образом: 1) высланы были под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь: Борис Баневур и Евгения Гурвич на четыре года, Борух Шварц, Мера Кригель и Шифра-Гольда Вильтер — на три года; 2) подчинены были гласному надзору полиции в избранных обвиняемыми местах жительства: Сроль-Михель Каплинский на четыре года, Евель-Давид Шерман, Гирш и Мера Сороко, Абрам Мутник, он же Мытникович, Исаак-Мордух Пейсахзон, Перля Гордон, Хана Вольф, Гирш Голандский и Меер Жизлин на три года, Мордка-Мендель Бербер, Абрам Фридман, Борух Фрумкин, Самуил Слуцкий, Елена Гурвич, Эня-Фейга Зальцман, Меер (Макс) Димент и Петр Румянцев на два года, Шулим-Аврум Кейзер, Абрам Фин, Берта Слуцкая и Фрума Фрумкина на один год; кроме того, воспрещено всем этим лицам, за исключением Каплинского, Шермана, Гирша и Меры Сороко, на срок надзора жительство в столицах, столичных губерниях и местностях фабричного района где мин. вн. дел признает пребывание их вредным.

Далее, дело о Кремере в Левинсоне в виду их бегства за границу было приостановлено; совершенно оно было прекращено в отношении: Мовши Бакшта, Сары-Ревекки Гордон, Якова Гордон, Шмуэля Горфейна, Луизы Закс, Рафаила Кайровского, Дона Каплана, Якова Кацнельсона, Марии Мыслицкой, Мовши-Иоселя Перельмана, Мовши Поляка, Куны Рискинд, Ицки Теумина, Менделя Уфлянда, Ревекки Фин, Ильи Френ

кина, Арона-Боруха Фрумкина, Зыси Хавкиной, Анны Цепрынской-Цековой, Блюмы Цитрон, Якова Чернихова, Леи Чернявской, Бера Шмуэльзона, Льва Рогаллера, Нисона и Вульфа Качановичей, Романа Леви, Шмуэля Блюменфельда, Сары Трахтенберг, Ицки Регенветера, Шейны-Раузы Сегаль, Хаима Каплана и Абрама-Ицки Миркина.

Хан, Жизлин, Геня Шостак и Кл. Стржалковский были привлечены одновременно и по делам, призводившимся в других городах.

Скрылись до приговора: Кремер, Левинсон, Шварц, Сороко, Мутник и Зальцман.

Этот разгром по агентурным сведениям нанес движению большой удар: „ликвидация 26 июля унесла с собой все, что было способного, энергичного, сильного. Настала тишина. Паника охватила всех сторонников движения и придавила всякую их инициативу“ [1] „...„Бунду“ был нанесен в июле 1898 г. чрезвычайно меткий и жесточайший удар. Творцы движения, его душа, его вдохновители были вырваны с корнем. Движение как бы оцепенело от ужаса и замерло“ [2]).

Зубатов рассчитывал, что арестами 26 июля он нанес еврейскому рабочему движению столь сильный удар, что оно уже от него не оправится. Он, однако, глубоко ошибся.

В действительности, еврейское рабочее движение в это время уже столь глубоко ушло корнями в массу, что ему не страшны были те или иные временные потери.

Вскоре была поставлена новая подпольная типография, которая заработала с удвоенной энергией.

Еврейский пролетариат от понесенных потерь закалился и выделил новых многочисленных борцов за дело социальной революции [3]).

---

[1]) Ист.-рев. архив, д. деп. пол., № 5, ч. 48, 1898 г., ос. отд., л. 33.

[2]) Ibid, л. 77.

[3]) Материалом для главы о провале 1898 года послужили дела Ист.-рев. архива, б. департамента полиции, № 310, ч. I и II, лит. А, Б, В, т. I, II, III, IV, 1898 г., 4 дел., и № 5, ч. 21, лит. А. Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К; т. I, II, III, № 5, ч. 25, т. III, л. А, Б, № 5, ч. 48, л. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, т. I, II, III, IV, V, VI. 1898 г.

Глава VI

2-й, 3-й и 4-й съезды „Бунда". — Их состав и решения. — Национальный вопрос на 3-м и 4-м съездах. — Эволюция „Бунда" в национальном вопросе. — Резолюция 4-го съезда о федеративном построении Р. С. Д. Р. П.

В сентябре 1898 года, спустя несколько месяцев после июльских провалов, когда был арестован весь Центральный Комитет „Бунда", избранный на 1 съезде, состоялся 2-й съезд „Бунда". После ареста Ц. К. на свободе остался один из близких к центру работников Давид Кац („Тарас"). Он сохранил старые связи и по своей собственной инициативе созвал 2-й съезд для восстановления разгромленной организации. Делегатов было мало, и съезд был немногочисленный. На нем выяснилось, что, несмотря на аресты, работа не останавливалась; количество распропагандированных рабочих увеличивается, число читателей нелегальной литературы сравнительно с 1897 г. возрасло вдвое-втрое, стачечная борьба ведется также успешно, как и прежде. Выдвинут был вопрос об отношениях к П. С. П., но, в виду важности вопроса, решение его отложено до 3-го съезда партии [1]).

В декабре следующего (1899) года созывается в Ковно 3-й съезд „Бунда". Чтобы обмануть бдительность охранки, в официальном бюллетене было указано, что съезд состоялся в конце января 1900 года. Он продолжался три дня. Присутствовало человек 15: „Тарас" (Давид Кац, Центр. Ком.), „Джон" (Миль, Загр. Ком.), Альберт Залкинд (Минск), „Залман" (Зингер, от щетинщиков), Цивья Гурвич (Лодзь или Варшава), П. Розенталь, Левин и „Абрам" (Белосток) и другие [2]).

---

[1]) „Жизнь" № 2, (Лондон), ст. Г. Я. „Бунд", стр. 103 — 104.

[2]) Сборник „Roiter Pinkos" (на еврейск. яз.), изд. Культур-Лиги (Киев), ст. П. Розенталя „Белостокский период в жизни Ц. К. „Бунда".

В порядок дня входили: 1) доклады местных социал-демократических комитетов: а) об экономической борьбе в каждом городе, б) об участии местных социал-демократических комитетов в этой борьбе, в) о средствах, которыми пользуется каждый социал-демократический комитет для выработки политического самосознания в рабочей массе, г) об экономических и политических организациях в каждом городе и их взаимных отношениях, д) о „Красном Кресте“ в каждом городе и его организации; 2) отчет заграничного Комитета „Бунда“; 3) отчет Центрального Комитета „Бунда“; 4) экономическая борьба и стачечные кассы; 5) 1 мая; 6) национальный пункт нашей программы и наши специальные требования в качестве евреев; 7) наши отношения к Польской Социалистической Партии; 8) отношения между Заграничным Комитетом и Центральным Комитетом „Бунда“; 9) характер газет: „Der Judischer Arbeiter“ и „Arbeiter-Stimme“; 10) о местных органах; 11) об интернациональном рабочем конгрессе в Париже; 12) организация Центрального Комитета и его денежные средства; 13) выборы Центрального комитета [1]).

Наибольшее внимание на съезде было уделено национальному вопросу. Вокруг него возникли большие прения. Докладчиком по национальному вопросу был Джон. Он защищал ту мысль, что необходимо и своевременно поставить в порядок дня вопрос о расширении пункта бундовской программы выставлением специальных национальных требований еврейского пролетариата и заменить требование гражданского равноправия требованием национального равноправия.

„Еврейский пролетариат, — говорил Джон, — помимо равных гражданских прав, должен еще требовать и равных национальных прав. Гражданских прав недостаточно для того, чтобы еврейский пролетариат мог защищать свои интересы. Мы видим, что хотя в Германии по закону все граждане пользуются равными гражданскими правами, но польский пролетариат не может ими пользоваться в той мере, в какой ими пользуется немецкий. Польский рабочий одинаково с немецким имеет

[1]) „Рабочее Дело“, № 7, 1900 г., Женева, стр. 45 — 46.

право устраивать собрания, но на этих собраниях дебаты должны вестись исключительно на немецком языке, т. е. фактически многие, не умеющие излагать своих мыслей на немецком языке, лишаются права участвовать в собраниях. Если это возможно с польским пролетариатом в Германии, то это подавно возможно с еврейским пролетариатом в России. Какую пользу, спрашивается, принесет еврейскому рабочему свобода собраний, если на этих собраниях должны будут говорить по-русски, т. е. на языке, непонятном большей части еврейских рабочих? Свобода собраний явится для еврейского рабочего лишь красивой фразой, если еврейский язык не будет пользоваться теми же правами, что и русский...“ „Далее, — сказал Джон, — мы не должны забывать, что „Союз“ не есть организация временная. Очень возможно, что условия, вызвавшие еврейский рабочий „Союз“, будут существовать еще очень долго, и еще очень долго существование „Союза“ будет необходимо для еврейского пролетариата. Мы должны выставить и такие требования, которые нужны будут еврейскому пролетариату только через некоторое время, точно так же, как каждая партия выставляет в своей программе требования, которые не могут быть удовлетворены в данный момент“ [1]).

Однако, громадное большинство делегатов отнеслось к предложению Джона отрицательно. Их возражения сводились к тому, что следует „избегать таких требований, которые могут отвлечь внимание пролетариата от его классовых интересов в сторону его национальных интересов“. Ближайшей задачей социал-демократов является свержение царизма, задача, в которой заинтересован весь русский пролетариат без различия национальностей. Поэтому следует избегать раздробления наших сил, что может случиться, если будет уделено внимание национальным требованиям. Это может только затруднить достижение ближайшей задачи — свержения царизма.

Съезд решил оставить национальный вопрос в программе „Бунда“ в прежней его формулировке, а именно, что „Союз“

---

[1]) Ibid., стр. 51 — 52.

в числе своих политических требований выставляет требование только гражданского, но не национального равноправия.

В общем съезд, по словам участника Розенталя, произвел на него неудовлетворительное впечатление. Не видно было, чтобы проделаны были необходимые подготовительные работы. Вопросы, стоявшие в порядке дня, на местах предварительно не были обсуждены. Не подготовлены были, наконец, проекты резолюций [1]). Все это, конечно, объясняется условиями конспиративной работы и спешностью, с какой необходимо было созвать 3-й съезд.

Приводим резолюции, принятые на 3-м съезде.

I. Об экономической борьбе и стачечных кассах [2])

Съезд смотрит на экономическую борьбу, как на одно из средств для развития политического и классового сознания в рабочей массе.

Относительно стачечных касс съезд не может принять никакого общего решения для всех ремесл и всех городов.

II. О первом мая

Представить каждому городу свободу выбора, каким образом праздновать 1-е мая.

Центральный Комитет издает от имени „Союза“ воззвания к 1-му мая.

В этих воззваниях должны быть выставлены следующие требования: 8-ми часовой рабочий день, политическая свобода, гражданское равноправие евреев.

Кроме того, следует в них протестовать против полицейского произвола. Если Российская Социал-демократическая Рабочая Партия распространит общее воззвание, „Союз“ обязан распространить то же воззвание в переводе на еврейский жаргон. Если возможно будет выпустить к 1-му мая специальный номер „Голоса Рабочего“, съезд считает излишним издание специальной брошюры к 1-му мая.

В местных воззваниях между другими требованиями должно также выставить требование 10-ти часового рабочего дня с указанием на то, что целью является 8-ми часовой рабочий день.

Те города, которые распространяют собственные майские прокламации, должны также распространять прокламации „Союза“, где только возможно.

---

[1]) Сборник „Roiter Pincos“, изданный киевской „культур-лигой“, восп. о Белостоке П. Розенталя.

[2]) „Рабочее Дело“ № 7, авг. 1900 г., Женева, 49—55.

III. Национальный вопрос

„Союз“ в числе своих политических требований выставляет требование только гражданского, а не национального равноправия.

Чтобы дать всем товарищам возможность высказать свое мнение относительно национального вопроса, в „Еврейском Рабочем“ открывается отдел под названием „дискуссии“, в котором будет разбираться национальный вопрос за ответственностью каждого автора.

IV. Об отношениях к Польской Социалистической Партии

Открыть в „Еврейском Рабочем“ свободную дискуссию за ответственностью каждого автора по вопросу о независимости Польши. Так как существование „Союза“ необходимо для развития классового сознания еврейского пролетариата, так как Польская Социалистическая Партия старается своими нападками ослабить его самостоятельность и подорвать его существование, съезд решил бороться против этой тактики П. С. П. всеми подходящими средствами.

V. Отношения между заграничной организацией и Центральным Комитетом Евр. Раб. Союза в России и Польше

Съезд решил, что заграничная организация остается, как и раньше, нашим („Бунда“) представителем за границей и издает орган „Еврейский Рабочий“ от имени „Союза“; на нее же съезд возложил обязанность избрать делегацию „Союза“ на интернациональный рабочий конгресс в Париже. При этом съезд выразил желание, чтобы на конгрессе был представлен доклад по отчетам местных представителей и по материалам, которые будут присланы.

VI. Характер газет: „Еврейского Рабочего“ и „Голоса Рабочего“

Съезд решил: „Голос Рабочего“ сохраняет тот же характер, что и до сих пор. Отдел „Что слышно в России“ в „Еврейском Рабочем“ съезд считает излишним. „Еврейский Рабочий“ должен давать, главным образом, научные статьи и очерки заграничной жизни. Корреспонденции из России о повседневной революционной борьбе съезд находит излишними.

VII. О местных органах

Чтобы удовлетворить спросу на агитационные газеты, съезд снова рекомендует местным комитетам издавать местные газеты. Это было решено уже на прошлом съезде. По конспиративным соображениям не нашли тогда возможным опубликовать это решение, но тем не менее оно было исполнено. Эти органы должны заниматься только такими вопросами, которые имеют отношение к жизни местной рабочей массы.

Затем был избран Центральный Комитет.

В 20-ых числах мая 1900 года в Белостоке созывается 4-й съезд Бунда. Делегатов было 24: Левин и Анна Розенталь (Белосток), Арон Вайнштейн (Вильна), Каплинский (Дв

Либер (Мих. Гольдман от Лодзи), Хаим Закон (Варшава), Алтер (Бердичев), И. Мицкун (Житомир), Ботвиник (Гродно), „Файвель“, сапожник (Ковно), Портной (Ноах) и П. И. Розенталь (Центр. Ком.), представители от Витебска и Минска, от кожевников — Абрам, щетинщиков — Залмон (Зингер), от Гомеля 2 делегата, один из них был Абезгуз, Сергей Неманский (Зельдов) и др. [1]).

Центральное место на съезде занял вопрос национальный. Вокруг него возгорелась война. Все делегаты соглашались с тем, что каждая нация, „помимо стремления к экономической, гражданской и политической свободе и полноправности, имеет и национальные стремления, сводящиеся к тому, чтобы свойственные и дорогие ей особенности: язык, обычаи, формы быта, вообще культура, имели полную свободу проявления. Следовательно, „Бунд“, согласно духу соц.-дем., должен бороться не только с классовым, политическим и экономическим гнетом, но и с национальным. Далее не встречала возражений мысль о том, что § Манифеста Р. С. Д. Р. П., гласящий, что каждая национальность имеет право самоопределения, слишком краток и требует более подробного объяснения. „В такой стране, как Россия, где живут бок-о-бок столько национальностей, вопрос о них, если может быть решен, то лишь на тех основаниях, которые были приняты на Брюннском соц.-дем. конгрессе для Австрии, по своей разноплеменности напоминающей Россию. Она должна преобразоваться в федерацию национальностей, с полной автономией каждой из них по всем вопросам, имеющим отношение к национальности (язык, образование, искусство и т. д.)“.

Расхождения на 4-ом съезде были при рассмотрении того, какую роль национальная проблема должна играть в пропаганде и требованиях „Бунда“.

Либер, занимавший на 4-ом съезде крайнюю позицию, предлагал, как Джон на 3-м съезде, заменить требование гражданского равноправия требованием в программе национального равноправия. При этом он повторял доводы того же

[illegible]

Джона и добавлял: „как ближайшим минимумом, можно доволь ствоваться гражданской и политической равноправностью, но, как максимум, необходимо выставлять и еврейскую националь ную автономию... Наша задача, давно назревшая и, к сожа лению, до сих пор оставляемая в тени — подготовлять еврейский пролетариат к национальной автономии, развить в нем национальное самосознание. Мы были до сих пор в зна чительной степени космополиты, — мы должны стать нацио нальны. Бояться этого слова нечего. Национальное не есть националистическое. Когда какой-нибудь класс сознает свою принадлежность к определенной национальности, он становиться национален (напр., Бельгийская Национальная Социал-демократическая Партия); националистическое же озна чает совокупность всех классов или господство одной нацио нальности над другой. Оратор настойчиво требовал, чтобы „Бунд“ и устно и в литературе вел усиленную националь ную агитацию и усиленно подчеркивал особое, угнетенное по ложение еврейской нации, громко протестовал против про явлений гнета, знакомил с национальной борьбой на За паде, чтобы, одним словом, на ряду с агитацией на почве эко номической и политической, вел ее широко и на национальной почве. Он уверял, что она может лишь повысить политиче ское сознание и нисколько не станет мешать классовому; она также отнюдь не поведет к обособленности и исключи тельности“ [1]).

Противоположную позицию занимали П. и А. Розентали, Абрам, Левин и др. „В противоположность своим противни кам, уверявшим, что национальный вопрос возбуждается и вы зывается самой рабочей еврейской массой, благодаря не нормальному положению еврейского народа, они указывали, что попытки навязать еврейскому рабочему движению на циональную струю исходят из-за границы, где вопрос действительно жгуч и своевремен, тогда как у нас в настоящее время он чужд массе, и стремление искусственно,

---

[1]) „4-й съезд Всеобщего Еврейск. Рабочего Союза в Литве, Польше и России, изд. „Бунда“, Женева, 1901, стр. 12.

преждевременно его возбуждать — ничего, кроме вреда, принести не может" [1]).

Центр составляли — Вайнштейн, Закон, Портной и др. Они возражали против указания, что национальный вопрос занесен к нам извне, навязан нам из-за границы. „Пусть инициатива исходит оттуда, но почва для этого вопроса создана самими условиями существования еврейского пролетариата в России, его правовым и общественным положением. Те условия, которые в России вызвали к жизни сионизм, создали различные национальные социалистические партии, должны были рано или поздно поставить на очередь и в „Бунде" еврейский национальный вопрос. Указания, что он чужд массе, есть лишь голословное утверждение и не может никого убедить. Наоборот, как совершенно верно указывал один оратор противного лагеря, масса даже слишком националистически настроена, и задача социал-демократов выяснять, что истинный национализм не есть шовинизм и национальная исключительность. Еврейский пролетариат в России страдает не только как пролетариат вообще, но и как *еврейский*, как принадлежащий к преследуемой в России нации. Свой национальный гнет он сбросит с своих плеч только тогда, когда он сознает причины его, и наша прямая обязанность содействовать выработке этого сознания, *национального самосознания*. Последним термином часто злоупотребляют, вкладывая в него чисто буржуазные понятия, вследствие чего не трудно бывает доказать, что развитие национального самосознания вредно отражается на классовом сознании. Между тем под ним, по отношению к еврейскому пролетариату, надо понимать: сознание принадлежности еврейского рабочего класса к данной национальности, сознание гнета, вытекающего из этого факта и сознательное стремление уничтожить его (гнет) и добиться таких политических прав, при которых всестороннее развитие еврейского пролетариата не встречало бы никаких препятствий. Таким образом, развитие такого национального самосознания не находится ни в каком противоречии с разви

[1]) Ibid.

тием социал-демократического сознания вообще. Наоборот, последнее немыслимо без первого и, работая для распространения социал-демократических идей и протестуя против национального гнета, как одного из видов гнета в нынешнем буржуазном обществе, мы в то же время работаем и для развития национального самосознания. И больше в этом направлении мы не можем и не должны делать, если не хотим действительно превратиться в националистов" [1]).

Резолюция, принятая съездом, представляет собой компромисс между всеми этими течениями.

4-й съезд является поворотным во взглядах „Бунда" на национальный вопрос. В первые годы существования „Бунда" пред ним не вставала национальная проблема. Бундовцы довольствовались наивным представлением, что само движение—временное явление, и с падением царизма падет и особый еврейский гнет и еврейское бесправие, и, следовательно, отпадет и необходимость в особой еврейской соц.-дем. организации. На свою организацию, следовательно, они смотрели как на вызванную временными причинами, по миновении которых она должна быть уничтожена. Но со временем эти представления стали вытесняться другими, зазвучали националистические нотки, и, в конце-концов, колебания эти закончились включением в программу „Бунда" требования культурной национальной автономии.

Другой важной резолюцией 4-го съезда является решение его о том, что Р. С. Д. Р. П. должна быть построена на федеративных началах. Это вызвало большую борьбу „Бунда" с „Искрой", завершившуюся в конце-концов выходом „Бунда" из Р. С. Д. Р. П. Подробнее на этом вопросе мы остановимся ниже, в главе о II-ом съезде Р. С. Д. Р. П.

4-й съезд „Бунда" принял следующие резолюции:

I. О стачках

Признавая по прежнему стачки одним из важнейших средств для развития классового и политического сознания рабочих масс и улучшения их экономического положения, съезд находит, однако, нужным рекомендовать комитетам следующие руководящие принципы:

---

1) Ibid, стр. 12—13.

a) Направить главный поток стачечного движения в отрасли производства, не захваченные движением, или со сравнительно отсталыми условиями труда.

b) В тех случаях, где дело идет о попытках со стороны хозяев ухудшить существующие условия или отнять завоеванные улучшения, отстаивать их со всей энергией и настойчивостью.

c) В тех отраслях труда, где путем стачек достигнуты максимальные при данных условиях места и времени, результаты в смысле улучшения условий труда и известная степень классового и политического сознания — проявлять осторожность в организации новых стачек.

II. Экономический террор

В виду того, что экономический террор, как против хозяев, так и против штрейкбрехеров, затемняет социал-демократическое сознание рабочих, понижает их нравственный уровень и дискредитирует рабочее движение, — съезд высказывается против него.

III. О средствах против насилий со стороны полиции

Съезд рекомендует следующие меры борьбы против насилий со стороны полиции:

a) жаловаться в законном порядке на случаи всяких насилий;

b) опубликовывать факты насилия в заграничной социалистической и не социалистической прессе и в русской, польской нелегальной, а если возможно, то и легальной;

c) выпускать прокламации к рабочим и обществу;

d) в выдающихся случаях насилия устраивать демонстрации протеста.

IV. О демонстрациях

Признавая попрежнему громадное значение демонстраций и рекомендуя и впредь употреблять их, как средство борьбы, съезд предлагает:

a) всегда организовывать их;

b) приучать массу являться на демонстрации только по зову организации;

c) устраивать в исключительных случаях демонстрации независимо от согласия христианских организаций, но звать на них и христианских рабочих.

V. О средствах политической борьбы

Лучшим средством для вовлечения широких масс в движение является экономическая борьба, на почве которой следует развить политическую агитацию, расширяя ее за пределы экономической борьбы, но нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на почве экономической.

Средствами политической борьбы съезд признал:

a) политическую (устную и письменную) агитацию;

b) политические демонстрации;

c) первомайские забастовки с выставлением политических требований.

Что касается террора, то

d) Съезд признал, что не дело организаций прибегать к оборонительному террору для устранения провокаторов и особенно вредных шпионов;

e) наступательный политический террор, как средство политической борьбы, признан несвоевременным.

Признавая необходимость перейти к более интенсивной политической агитации, съезд для развития политического сознания рекомендовал следующие практические меры:

a) придать местным органам более политический характер;

b) в случае повторения террористических актов следует пользоваться ими для развития путем прокламаций политического сознания;

c) отзываться на все годные для политической агитации и общие события местными прокламациями, если Ц. К. найдет эти события неподходящими для общей прокламации;

d) чаще устраивать политические праздники и обращать внимание на большее развитие политических касс;

e) знакомить в большей степени с существующими государственными и общественными учреждениями и их недостатками.

При обсуждении вопроса о политической борьбе была предложена и единогласно принята следующая резолюция по поводу февральских и мартовских событий этого года:

„Съезд выражает солидарность всего организованного еврейского пролетариата с нашими русскими товарищами в их борьбе против политического бесправия масс, проявившейся особенно интенсивно в последние месяцы в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и др. городах. Съезд, кроме того, выражает свои симпатии всему студенчеству, борющемуся за академическую свободу и против полицейского произвола“.

VI. Национальный вопрос в программе и тактике „Бунда“

Съезд признает, что по смыслу социал-демократической программы недопустимо никакого гнета не только одного класса над другим, не только правительств над гражданами, но и одной национальности над другой, господство одного языка над другим.

Съезд признает, что государство, подобно России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территории.

Съезд признает, что понятие „национальность“ применимо и к еврейскому народу.

Считая, однако, преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, съезд находит в настоящее

время достаточным бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, отмечать и протестовать против проявления угнетения еврейской национальности, избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму.

VII. Об изменении наименования „Бунда“

Видоизменить нынешнее название „Бунда“ следующим образом: „Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России“.

VIII. Об отношении „Бунда“ к сионистскому движению

Съезд считает сионизм реакцией буржуазных классов против антисемитизма и ненормального правового положения еврейского народа.

Съезд находит конечную цель политического сионизма — доставление территории для еврейского народа, — поскольку она вместит небольшую часть его, — делом, не имеющим крупного значения и не разрешающим „еврейского вопроса“, а поскольку на ней претендуют сосредоточить весь еврейский народ или хотя бы значительную часть его — утопичной и неосуществимой.

Съезд считает, что агитация сионистов раздувает национальное чувство и может препятствовать развитию классового самосознания.

Что касается культурной деятельности некоторых сионистских групп, то съезд относится к ней, как ко всякой легальной деятельности.

Ни в экономические, ни в политические наши организации сионисты не должны быть ни в коем случае допускаемы.

IX. Отношение „Бунда“ к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии

Представляя себе Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию как федеративное соединение социал-демократических партий всех наций, населяющих российское государство, съезд постановил, чтобы „Бунд“, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее, как федеративная часть, и поручает Центральному Комитету „Бунда“ провести это решение в жизнь.

X. Отношение к Польским Социалистическим Партиям

1. Так как „Социал-демократия в Польше и Литве“ является соц.-дем. партией одной из наций, входящих в состав российского государства, съезд считает возможным для „Бунда“ вступить с ней в федеративные отношения.

2. Расходясь с партией „Пролетариат“ в некоторых тактических вопросах, как, напр., о терроре, демонстрациях, съезд, однако, считает нужным поддерживать с нею дружеские отношения, как и со всякой революционной социалистической организацией.

3. Относительно „Польской Социалистической Партии“ (П. С. П.) съезд, в виду неизменившихся условий, постановил оставить в силе резолюцию предыдущего 3-го съезда.

XI. О центральных органах „Бунда“

„Arbeiter-Stimme“ („Рабочий Голос“) „в том виде, в каком он выходил последний год, вполне удовлетворял потребностям читателей, для которых он предназначен, но он нуждается в следующих дополнениях:

а) Ввести отдел заграничной хроники, где отмечать важнейшие факты заграничной жизни.

б) Ввести библиографический отдел, в котором давать краткие рецензии о всех выходящих нелегальных изданиях, в том числе и о местных органах „Бунда“.

в) Ввести отдел о деятельности других революционных организаций в России, Польше и Литве.

г) Среди статей общего характера, имеющих в виду развитие гражданственности, помещать статьи из жизни евреев чаще, чем до сих пор.

д) Придавать корреспонденциям из городов, имеющих местные органы, более общий характер“.

„Jüdischer Arbeiter“ („Еврейский Рабочий“) „в нынешнем своем виде недостаточно удовлетворяет потребностям того слоя читателей, для которого он предназначается. Поэтому необходимо провести в нем следующие изменения:

а) сделать его по содержанию, характеру изложения и языку более доступным.

б) Помещать в нем статьи по политической экономии и государственному устройству западно-европейских стран и научную разработку вопросов из жизни в российском государстве.

в) Выпускать его чаще и короче.

XII. О расширении компетенции местных органов

Съезд отменяет решение предыдущего 3-го съезда о компетенции местных органов и разрешает в них помещать статьи и общего содержания, отдавая все-таки преимущество вопросам местного характера. Нельзя помещать корреспонденций из других городов, а только из района деятельности местных комитетов.

XIII. О деятельности „Бунда“ на юге России

В виду растущих потребностей еврейского рабочего движения на юге России, съезд постановил:

а) Поручить Центральному Комитету заботиться о возможном удовлетворении этих потребностей.

б) В тех городах, где существуют только еврейские рабочие организации, постараться образовать, с их согласия, комитеты „Бунда“.

в) В тех же городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения их из этих комитетов, а выделение их может вредно отразиться на успехах русского рабочего движения, — отдельных комитетов „Бунда“ не устраивать.

г) Конспиративно...

XIV. Средства привлечения симпатий общества

В виду того, что программа и тактика „Бунда“ и достигнутые им результаты могли и должны были привлечь весьма желательное для успехов рабочего движения сочувствие значительной части еврейской интеллигенции, в виду того, что до сих пор очень мало делалось для ознакомления ее с деятельностью „Бунда“,

Съезд рекомендует следующие меры:

а) Выпустить воззвание к еврейской интеллигенции на русском и польском языках.

б) Выпустить отчет о 4-м съезде нашем на еврейском, русском и польском языках.

в) Отзываться воззваниями к интеллигенции по подходящим поводам на еврейском, русском и польском языках.

г) Вести усиленную устную пропаганду среди интеллигентных слоев еврейского общества.

д) Выписывать нелегальную литературу для интеллигенции.

е) Конспиративно...

XV. Юбилейный номер „Arbeiter-Stimme“

Съезд постановил выпустить № 25 — юбилейным и поместить в нем в числе прочего материала, если окажется возможным, программу „Бунда“.

XVI. Кожевенники

Съезд рекомендует всем комитетам оказывать этому молодому и неокрепшему профессиональному союзу всякое содействие:

а) обращать больше внимания на выработку агитаторов среди кожевенников,

b) аккуратно доставлять присылаемую для кожевенников литературу.

По вопросу о расширении отдела „Что слышно у кожевенников“? в Arbeiter-Stimme, на чем настаивал представитель кожевенников, съезд постановил оставить этот отдел в прежнем объеме.

По вопросу о том, какой тип организации желателен для еврейских кожевенников: должны ли они составлять отдельную от христиан организацию, или же союз должен включать в себе как еврейских, так и христианских кожевенников, с тем, чтобы еврейские организации соединялись с христианскими в общем федеративном учреждении, — съезд признал желательным вторую форму [1]).

---

[1]) „4 съезд Всеобщего Еврейск. Рабочего Союза“ в Литве, Польше и России, изд. „Бунда“, Женева, 1901 г.

Глава VII

Еврейское рабочее движение в 1890 — 1900 гг., в Вильне, Минске и Гомеле. — Персональный состав работников в Варшаве, Белостоке, Пинске, Брест-Литовске, Витебске, Риге. — Развитие движения в районе „Бунда“ в 1897 — 1904 гг. [1]).

I

ВИЛЬНО

Вильно — первый город, где зародилось еврейское рабочее движение. В начале 90 годов в центральную группу, руководившую социал-демократической пропагандой в Вильне, входили: Мартов, А. Кремер, М. Д. Средницкая, Поля Гордон, С. Гожанский, Ц. Копельзон, Люба Левинсон (Айзенштадт), И. Л. Айзенштадт (Юдин), Ш. Пескин и И. Миль, позже присоединились: Вл. Коссовский (Левинсон), А. Мутникович („Глеб“), Тобиас („Макс“), Ревекка Ляс, Минна Волк, студент Кац.

„Вокруг этого сплошного кружка, — рассказывает Мартов, — группировались еще десятки интеллигентов, тесно с ним связанные, хотя и не все из них участвовали регулярно в нашей работе: реалисты Элияшбер, А. Троповский, М. Лурье, Селибер, Б. Гольдман (Горев) и А. Штессель, Л. Бернштейн, переводчик и журналист под псевдонимом Л. Борисович (продавшийся Врангелю и состоящий соратником Бурцева в „Общем Деле“), Цемахович, И. Розенберг, Зельдов (впоследствии, в конце 90 гг., член Ц. К. „Бунда“), Пайкес, видный работник

---

[1]) Вследствие крайне скудного материала, сохранившегося о весьма значительном движении в Вильне, Варшаве, Лодзи, Белостоке и других городах, мы не имеем возможности восстановить его полной картины.

„искровской организации“ и меньшевистской фракции вплоть до октябрьского переворота, когда он стал коммунистом. Далее в периоды каникул организация усиливалась студентами-уроженцами Вильно, через которых наша организация поддерживала связь с марксистами университетских центров. Из Варшавы наезжали Я. Виткинд и А. Залкинд; из Харькова — Л. Б. Файнберг, Е. Левин (позже редактор „Южн. рабочего“), А. П. Лурье (после перешедший к эн-с., расстрелян в Крыму сов. войсками в 1921 г.), из Киева — медик Я. М. Ляховский Наконец, в ближайших пунктах района действовали в одиночку виленские уроженцы, время от времени прибывавшие в нашу „столицу“, чтобы сообща обсуждать волновавшие всех нас вопросы. Таковы были учителя евр. школ А. Портной, А. Фин и Годлевский, носившие курьезно симметрические прозвища: „Высочайший“, „Средний“ и „Малый“, и учительницы П. О. Гордон и Ц. Клис. А. Портной („Нэох“) впоследствии и до наших дней с честью отправлял должность члена ЦКБ., долгие годы проживал нелегальным, а Годлевский и П. О. Гордон в начале 1900 годов много работали в „искровских“ и меньшевистских организациях Южной России.

„В руководящую группу при мне не входил ни один рабочий: по тогдашним нашим воззрениям, участие в этой группе предполагало известный, довольно высокий уровень теоретического развития и значительный конспиративный опыт. В сущности, несколько рабочих, более или менее удовлетворявших этому требованию, имелись в лице старейших из членов кружков саморазвития, пробывших в этих кружках 3 года и более. Но, как указано было выше, эти старейшие из членов кружков либо вышли из подмастерского „сословия“ и, устроившись в качестве независимых мастеров, отошли от общей массы рабочих, либо, не желая проделывать этой эволюции, выселились за границу (большей частью, в Америку). Из остальных, наиболее политически зрелых „стариков“-рабочих впоследствии, в 1894 году, была нами организована центральная рабочая группа, в которую А. Кремер входил в качестве представителя от нашего центра, и которая должна была играть в организационной иерархии роль неполноправной, скорее совеща

тельной „второй палаты“. Наиболее влиятельными членами этого рабочего центра были: старейший из членов рабочих кружков, пожилой мясник Соломон (фамилии не знаю) угрюмый и чрезвычайно властный человек; перчаточница Ц. Гурвич, позже бывшая членом ЦКБ. и до сих пор находящаяся в РСДРП., портниха Циля Волк и еще двое - трое рабочих. Цивия Гурвич, с решительным прямолинейным характером и политическим смыслом, выделялась в этой группе и, рядом с упомянутым Соломоном, являлась наиболее влиятельной фигурой в рабочей среде после того, как сошли со сцены более их „объинтеллигентившиеся“ пролетарии, спропагандированные еще в начале десятилетия (ювелир Михаил, портниха Густа, заготовщик Альтер и другие“ [1]). В кружках участвовали Рувим Фридман, портниха Роза Сегаль (покончила самоубийством в Париже), портниха Тереза, Исроель - Михель Каплинский, Мих. Франкфурт, Леон Гольдман, Наум Лифшиц Мария Желудская, портниха, муж ее Давид Кац, щеточник (член ЦКБ) („Тарас“), Моисей Душкан („Макс“), Надель и др.

МИНСК

Революционная пропаганда среди еврейского населения Минска велась с 70 гг.

1893 год можно считать концом первого периода — кружковой пропаганды и началом массового рабочего движения, связанного с переходом к агитации в массе на почве ее экономических нужд. Интеллигенция, работавшая в движении, в 1893 г. подняла рабочих на борьбу за 12 - часовой рабочий день. Она разъясняла им значение этого лозунга и указывала на подачу петиций губернатору о восстановлении закона Екатерины II о 12 - ти часовом рабочем дне, как на средство осуществления его. Петиции с многочисленными подписями повлияли на гу

[1]) Л. Мартов, „Записки социал - демократа“, стр. 202 – 205, изд. „Кр. Новь“.

бернатора: он издал циркуляр, в коем предписал полиции следить за соблюдением указанного выше закона. Рабочие совместно с полицией обходили мастерские, наблюдая за действительным проведением в жизнь губернаторского циркуляра. Однако, несознательность еврейских рабочих тогда была еще столь велика, что по уходе, так сказать, дозора часть рабочих опять становилась на работу. Но таких было сравнительно немного [1]).

В эти годы в Минске работали интеллигенты: Теумин, Ицко Гиршев, б. студент Бернского университета, Фрумкин, Борух Мордухов, Зак, Остроговин, Самуил Бернштейн, его жена, Френкель, Черняков, Конторович, девушка Слепян, Гурвич, Евгения Адольфовна, рабочие: Берман Павел, слесарь, Волин, Ичка, сапожник Хейфец, Рубин Бейгер [2]).

Полиция недолго оказывала содействие рабочим. Она скоро стала на сторону хозяев, что заставило рабочих притти к мысли, что на полицейские власти надежд возлагать не следует, что лишь борьбой можно достигнуть лучших условий жизни. И вот, с конца 1894 г. начинается широкое стачечное движение, вовлекшее большое число рабочих. В связи с этим находится и быстрое распространение касс борьбы, каковые скоро становятся среди рабочих очень популярными: к 1895 г. кассы имелись у щетинщиков, переплетчиков, слесарей, чулочниц, в 1895 году они образовались у портных, сапожников, столяров, кожевенников, табачниц и т. д.

О том, как кассы борьбы были популярны, можно видеть из следующей таблицы, относящейся к 1895 г. [3]):

	Число рабочих.	Число организов. рабочих.	Как велик был % орган. рабочих.
Щеточники	45 — 40	40 — 45	100
Переплетчики	95	70	75
Чулочницы	120	90	75
Слесаря	150	60	40
Столяры	?	200	?

1) „Минскер арбайтер", № 2 и „Дер идишер арбайтер", № 10.

2) Д. ист.-рев. арх., 6. деп. пол., № 5, ч. 48. л. 73, агентурные сведения.

3) „Дер идишер арбайтер", № 10.

	Число рабочих.	Число организов. рабочих.	Как велик был % орган. рабочих.
Жестянники	60	30	50
Портнихи	?	80	?
Кожевенники	18	18	100
Мастеровые, изготовляющие канаты	12	12	100
Шапочники	?	80	?
Мыловарные мастерские	?	25 — 30	?
Табачники	50	50	100
Пекаря	?	15 — 20	?
Конфетницы	?	8 — 10	?
На крас. фабр.	?	10 — 12	?
Всего	800		

Весь 1895 г. прошел в беспрерывных стачках. Особенно часты они были у сапожников. Рабочим удалось добиться сокращения рабочего дня на 2 — 3 часа, т. е. с 16 — 17 до 14 час. Из 45 стачек, зарегистрированных за 1894 — 96 гг., большинство приходится на 1895 г. [1]). Рабочие во время стачек требовали, помимо сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, вежливого обращения, гигиенических условий труда, уничтожения поштучной работы и т. д.

В 1895 г. в Минске впервые было отпраздновано 1 мая, участвовало 40 рабочих [2]).

Нередко стачки сопровождались террором как со стороны хозяев, так и рабочих. Рабочие избивали хозяев, разбивали стекла в мастерских. Хозяева со своей стороны применяли насилия к стачечникам. Так, напр., в 1896 г. во время стачки сапожников хозяева организовали банду хулиганов, которые жестоко избивали рабочих, хватали их на улице, насильно таскали в мастерские и заставляли работать; в одном случае на кожевенном заводе мастер заставлял работать под угрозой револьвера [3]).

---

[1]) „Материалы к ист. евр. раб. движения“, вып. I, стр. 53 и „Дер идишер арбайтер“, № 10.

[2]) См. прокламацию к 1 мая 1898 г. в прил. к ст. Н. А. Бухбиндера „Евр. раб. движ. в Минске“, „Красная Летопись“, № 5 и „Дер идишер арбайтер“, № 10.

[3]) „Дер идишер арбайтер“, № 1.

В 1896 г. замечается упадок стачечной волны. Хотя в этом году было несколько стачек, но в них участвовало мало рабочих.

Среди рабочих стал наблюдаться большой интерес к круж ковым занятиям. Однако, удовлетворять эту потребность в пол ной мере Комитету не было возможности из-за усилившихся репрессий, с одной стороны, и вследствие недостатка в интел лигентных силах и подходящей литературе, с другой. В круж ках из 1000 организованных рабочих участвовало всего 155 чел.

Хозяева не упустили случая воспользоваться упадком ста чечной волны и поспешили восстановить прежние условия труда.

Рабочие стали индифферентны к кассам борьбы и перестали вносить взносы, кассы стали распадаться.

Между тем, репрессии со стороны полиции все усилива лись.

Легальная деятельность, связанная с восстановлением Ека терининского закона о 12-часовом рабочем дне, продолжалась недолго, с началом стачечной борьбы начались и полицей ские репрессии.

Пришлось усилить конспирацию.

Само собою разумеется, что при таких условиях влияние партийной организации сильно уменьшилось.

В это же время обозначалась „оппозиция“ со стороны части распропагандированных рабочих.

Вот как характеризует этот период работавший в это время в Минске Б. Фрумкин.

„...Произошла крупная перемена в отношениях еврейской массы к учреждениям, руководящим движением. В первое время беспрепятственной и успешной деятельности немногочи сленные учреждения были близки к массе, работа была откры тая, общие собрания происходили часто, и на них обсуждались почти все несложные вопросы движения. С течением времени функции учреждений усложнялись, многие из них (как, напр., сношения с другими городами, заботы о нелегальной литера туре и т. п.) сосредоточились в руках единичных личностей, составлявших местные комитеты. Эти же комитеты вместе

с агитаторскими сходками мало - по - малу, в виду изменившихся условий работы, начали навязывать массе готовые директивы, распределять по своему усмотрению агитаторов и т. д. При бездеятельности массы это резко бросалось в глаза, и весь запас энергии, который раньше тратился на стачки и кассовые дела, теперь был обращен на критику. Требование выборного начала во все учреждения, отчетность перед организованной массой и свержение власти интеллигентов и профессионалов - агитаторов — стали лозунгом дня. Еврейская рабочая масса была активным творцом движения и не могла мириться с ролью пассивного носителя идеи. В демократизации движения, в выборах масса как будто нашла новую область для приложения своих сил, новые возможности остаться строителем организации. Эта оппозиция в короткое время приняла такой же массовый характер, как за несколько лет до того критикуемое оппозицией движение. Оппозиционное движение охватило все города и местечки, где существовало движение, и всюду имело одинаковую окраску. Из местных разновидностей интерес представляет минская оппозиция с националистическим оттенком. Во главе ее стоял талантливый поэт В., изгнанный за вольнодумство из Воложинского ешибота, человек крайне экспансивный, не признававший никакой организации и никаких авторитетов. Эти его свойства в связи с незаурядным талантом сатирика привлекли к нему соответственно настроенную массу. В. принял целиком все лозунги оппозиции, о которых мы раньше говорили, но впервые выдвинул обвинение в космополитизме, выставил требование, чтобы движение национализировалось, т. е. чтобы постоянно учитывались специальные условия жизни еврейской массы. Положительной национальной программы, разумеется, не было, а было идеалистическое требование, чтобы деятельность была проникнута „еврейским духом“ [1]).

„Оппозиция“ в Минске продолжалась около года.

1-ое мая 1896 г. в Минске было отпраздновано с гораздо большим числом участников, нежели в предыдущем году, —

[1]) Ст. Б. Фрумкина, „Очерки из истории евр. раб. движения“, „Евр. старина“, 1912 г., стр. 260.

несмотря на происшедшие незадолго перед тем аресты, присутствовало из 1000 организованных рабочих 300.

В течение 1896 г. образовалось 9 новых касс борьбы [1]).

1 марта в 1897 г. отмечено было устройством большого собрания. Присутствовало 250 чел. Произнесена была речь о „Народной Воле“ и роздана выпущенная по этому поводу гектографированная брошюра. Стачечная волна, спавшая было в 1896 г., вновь поднялась в 1897 г. Бастовали щеточники, рабочие табачных фабрик, канатных мастерских, портные, переплетчики, жестянники, сапожники, требовавшие 10-часового рабочего дня. В праздновании 1 мая участвовало 300 рабочих. Полицейские репрессии опять усилились: в январе было арестовано 11 человек по доносу одного хозяина. Их обвинили в том, что в 1895 г. они участвовали в стачках. Преследования полиции озлобляли рабочих, и они жестоко вымещали свою месть на шпионах: так, в 1897 г. кто-то облил серной кислотой провокатора Рольника.

В 1897 г. в Минск приехали Кремер, Альберт Залкинд, Поля Гордон, Владимир Левинсон (Коссовский) и некоторые другие лица.

Приезд новых работников, в частности, Кремера, прекрасного организатора, значительно поднял работу Минского комитета.

Образование в 1897 г. „Бунда“ в Минске, — читаем в отчете Минского комитета, — сознательные рабочие встретили с большой радостью. Они видели в создании „Бунда“ новый и значительный шаг на пути к экономическому и политическому освобождению рабочих“ [2]).

Литература, которую Ц. К. начал выпускать на еврейском языке, всецело соответствовала назревшей нужде. По словам Минского комитета, „с этого момента начинается новая эпоха в еврейском рабочем движении в Минске“ [3]).

Однако, большому влиянию литературы мешало, „во-первых, то, что она бывала всегда недостаточна, и, во-вторых,

---

[1]) „Материалы к ист. евр. раб. движ.“, 1 вып., стр. 56.

[2]) „Дер идишер арбайтер“, № 10.

[3]) Ibid.

то, что многие интеллигентные рабочие, развившиеся в кружках, скептически смотрели на влияние литературы на рабочие массы. Они не могли себе представить, чтобы одной литературой, но без „учителей“ и кружков, рабочие могли понять свое классовое положение“ [1]).

„... Число рабочих, читавших нелегальную литературу, все росло. Это видно из того, что, когда начал выходить орган „Arbeiter-Stimme“, в Минске его надо было всего несколько экземпляров, теперь же (1900) целых сто. Можно было распространить больше, но рядовые рабочие не понимают содержания и языка „Arbeiter-Stimme“ [2]).

В 1898 г. накануне 1 мая были распространены прокламации Ц. К. (500 экз.) и 800 экз. Минского комитета и громадное количество брошюры „Сон под первое мая“, которые были расклеены на всех углах и фонарных столбах. По агентурным сведениям, сходки устроены были даже во дворе жандармского управления [3]). К этому дню полиция подготовилась: всюду на улицах были патрули и шпионы. Поэтому празднование не могло быть под открытым небом в лесу или в поле, пришлось 1 мая в этом году отметить небольшими собраниями, которые устроены были в городе на квартирах у рабочих.

* * *

26 июля 1898 г. произошел грандиозный провал. Зубатову удалось захватить бундовскую типографию в Бобруйске и арестовать много активных местных работников [4]).

В Минске бундовская организация сравнительно скоро оправилась: прошло не более 2 — 3 месяцев, как на смену арестованным явились новые люди, которые с большой энергией начали ее восстанавливать.

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Д. Ист.-Рев. Арх., 6. деп. пол., № 5, ч. 48, л. 76, агент. сведения.

[4]) См. „Красную Летопись“, № 4, ст. Н. А. Бухбиндера „Разгром еврейского рабочего движения в 1898 г.“.

Выдающимся работником этого периода движения в Минске был рабочий Китаевич, Натан Абрамов. Он родился в Кайданове в бедной семье и вырос в тяжелых условиях. „Девяти лет лишился матери. Началась совместная тяжелая жизнь с отцом и мачехой. Они обращались с ним жестоко. Отец подвергал мальчика истязаниям. В виду этого мальчик боялся и ненавидел отца всею силою своей ожесточенной детской души. Он убегал к соседу — сапожнику и там с захватывающим интересом читал книжки, хотя их и не понимал. Никто при этом не обращал (на него) внимания, никто не считался с его воспаленным воображением. Обстоятельства содействовали развитию в нем мечтательности. Прошло четыре года; он все мечтал; его все били: он не выдержал и убежал из дому. Начался голод, вымаливание милостыни, презрение со всех сторон, ночи под открытым небом, полицейские участки. Он все искал того счастливого мира, где нет насилия и горя,— и попал на щетинную фабрику. Наступили изнурительные, тяжелые годы непосильного труда. Здесь та же голодовка, нагайка надсмотрщика и вечные насмешки над его оборванной фигурой. Мальчик рос и дичал. По ночам он читал фантастические жаргонные романы. Фабрика закрылась. Снова тщетные поиски работы и хлеба. Он сделался поденщиком на лесопильном заводе. Там царил дух гешефта и покорность рабочих. Завод был в лесу. Не было ни одной книги, ни одного веселого лица. Унылая, безысходная духовная пустыня. Он был строптив — его не любили, сделался дерзок — его стали преследовать. Он изнемог, наконец, и повесился,— его сняли с петли и стали бояться. Он задыхался. Вдруг туда приехала девушка, — жизнерадостная, добрая, веселая. Настали долгие, бессонные ночи, горячие, вдохновенные речи — о нужде, о страдании человеческом, о возможности всеобщего счастья и любви. Она взяла его с собой в Минск. С жадностью голодного волчонка накинулся он на науку и глотал все, что давали. Вскоре попал он в кружок лиц, группировавшихся около Евгении Гурвич. Здесь в душу его были заронены горящие искры протеста, и посеяна жажда борьбы с теми мрачными условиями, в которых он жил и в которых

жило все, что окружало его с детства. Пронеслась гроза ликвидации 28-го июля. Она унесла его духовных друзей. Осталась жажда мести и сознание, что на нем стала лежать (?) теперь обязанность продолжать начатое дело, и он принялся за работу“ [1]).

Над восстановлением разрушенной организации совместно с Китаевичем работали Соломон Рабинович, Ужданский и Леон Бернштейн. Вскоре к ним примкнули Сельцовская, Мерзон (впоследствии перешли к народовольцам), Чемериский, Шлема Ихиелев, Волин, Юдель Самуилов (оба впоследствии—„незави симцы“), Миндель, Янкель Шаев, рабочий Зверин и Абрам Каплан (позже — народоволец). Этот кружок и явился зерном будущей минской бундовской организации [2]).

Собирался кружок обычно на квартире у Китаевича.

В первое время работать было очень тяжело: не было ни денег, ни людей, ни связей.

Попробовали повести агитацию среди ешиботников (уча щихся еврейской духовной школы), но вскоре от этого отказа лись: „последние, за немногими исключениями, оказались для пионеров воскресшего движения товаром совершенно не годным“ [3]).

Вскоре кружку удалось связаться со щетинщиками, деятель ность его теперь оживилась и стала быстро укрепляться. Уце левшие от июльского провала товарищи были разысканы и привлечены к работе.

Выяснилось, что в Минске имеется 300 распропагандиро ванных рабочих [4]).

Были восстановлены кассы борьбы и „Красный Крест“. Кассы борьбы были организованы даже в тех профессиях, где раньше их вовсе не было.

Рабочие были распределены по кружкам трех степеней: в кружках первой степени шло обучение русской грамоте ра

---

[1]) Ист.-рев. арх., № 5, ч. 48, 1898 г., ос. отд., агентурные сведения.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., л. 34.

бочих наемными учителями, сюда поступали все желающие; во второй степени читали нелегальную литературу, в них участвовали уже съагитированные, и, наконец, в третьей ступени изучали „Эрфуртскую программу“ [1]).

В конце 1899 г. кружков первой степени в Минске было приблизительно 13 подгрупп, во второй — 5 и в третьей — две [2]).

В Минске работа все время сильно страдала от отсутствия интеллигентных сил. Финансовые средства были незначительны. По предложению Китаевича решено было завязать знакомства среди радикальной буржуазии в надежде получить от нее на нелегальную деятельность некоторые пожертвования.

В этом Китаевичу оказали содействие сестры Любовь и Берта Бернштейн (дочери купца).

„Буржуазия, по агентурным сведениям, оказалась очень податливой и охотно позволяла себя обирать. Таким образом казна социал-демократическая стала пополняться весьма успешно“ [3]).

Зимою 1898 г. вновь образовался Минский комитет „Бунда“.

Весною 1899 г. минскому комитету удалось связаться с Ц. К. Бунда: последним в Минск был послан уполномоченным Альберт Залкинд.

С приездом его в минской организации начались разногласия по вопросу об изменении характера партийной работы.

По агентурным сведениям, борьба эта рисуется в следующем виде:

Альберт Залкинд отстаивал переход от кружковой пропаганды к широкой, массовой агитации. „На первом же заседании минского комитета, после умной, как говорят, речи, он заявил, что система комитета ему не нравится, что в рабочем следует только будить классовое самосознание, а что общеобразовательных знаний ему никаких давать не нужно. Его прозвали князем Дундуком, и сначала никто с ним не согла

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 5, ч. 15, л. Б., 1898 г., ос. отд., л. 39 — 40, показания М. Вильбушевич.

[2]) Idid.

[3]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 5, ч. 48, ос. отд., л. 34.

сился; но он не уступил. В следующие разы он настойчиво, непреклонно и хладнокровно-строго продолжал требовать перемены тактики. Наконец, в комитете произошел раскол, и на сторону Залкинда перешли: Роза Соршер, Ужданский и Арон Футтер. Потом сдался и весь комитет, испугавшись потерять нелегальную жаргонную литературу, которую Центральный Комитет пересылал ему через Залкинда. Тогда произошло нечто неожиданное. На Пасхе прошлого года (1899) рабочие устроили громадную сходку и после горячих, ожесточенных прений решили низложить комитет, если он не возвратится к прежней тактике. Комитету пришлось покориться. Но Залкинд не из таких людей, чтобы остановиться на полпути. Он постепенно и медленно добился своего. Его фраза: „Разве рабочий тоже должен знать, что земля вертится?“ — сделалась притчей во языцех“ [1]).

Борьба в организации продолжалась все лето.

Китаевич и его единомышленники Бернштейн, Сол. Рабинович и некоторые другие, не будучи согласны с деятельностью комитета, вышли из него.

В августе Китаевич совсем оставил Минск [2]).

До разногласий в комитет входили: Китаевич, Ужданский, Леон Бернштейн, Соломон Рабинович, Матусевич (Франц Иосифов, помощник бухгалтера минского отделения крестьянского земельного банка), Залкинд, Роза Соршер (Рейза Шоломова), Мордух Киссель, Арон Футтер и еще двое рабочих. После раскола и выхода Китаевича, в него теперь входили: Залкинд, Элиасберг, Хаим Берков (б. студент Рижского Политехнического Института), Эльтерман, Борух Гиршев, Шахнович, Гирш Янкелев (впоследствии „зубатовец“), Матусевич, Роза Соршер, Мордух Киссель (рабочий), Арон Футтер (рабочий) и еще двое рабочих [3]).

Однако, и после обновления комитета единодушия в нем не было.

---

1) Ibid, л. 35.
2) Ibid, л. 36.
3) Ibid., л. 36 — 37.

Борьба вскоре вновь возгорелась.

Теперь „оппозицию“ возглавлял Шахнович, который, под влиянием приехавшей в это время из Гродно Марии Виль бушевич, повел широкую пропагандистскую работу помимо комитета.

В самом комитете Шахновичу вскоре удалось занять влия тельное положение.

„...Так как, благодаря Вильбушевич, Шахнович доставлял в комитет деньги, в которых тот очень нуждался, то голос Шах новича приобрел в комитете большое значение, и Шахнович, сделавшись поверенным комитета, мог влиять на его напра вление. Благодаря последнему обстоятельству тактика Зал кинда практического осуществления почти не получила“ [1]).

По словам Вильбушевич, комитет продержался до 1 де кабря 1899 года, когда и распался — очевидно, под влия нием внутренней борьбы и затишья в движении. С декабря всей работой в Минске руководил „Ремесленный Совет“ или „Разборка“, которая состояла только из рабочих [2]). В „Разборку“ входили: 1) от слесарей — Гирш Шахнович, 2) щетинщиков — Арон Футтер и Киссель, Мордух, 3) столя ров — неизвестные лица.

В 1899 г. удалось выпустить две прокламации: 1) о 1 мая и 2) к малярам [3]).

В „Разборку“ входило 12 человек. При ней были „Кассы борьбы“ и „Красный Крест“. Средства „Касс борьбы“ со ставлялись из 5 коп. взносов рабочих, а „Красного Креста“— из сборов и пожертвований [4]).

В течение 1899 г. в Минске не прекращалась экономическая борьба; имели место многочисленные стачки.

Были устроены большие собрания в 200 — 300 чел. 1 марта, по случаю убийства Александра II, и 19 апреля, падение кре постного права.

---

[1]) Ibid, л. 36.

[2]) Ibid.

[3]) См. ст. Н. А. Бухбиндера „Еврейское рабочее движение в Минске“ в журнале „Красная Летопись“, № 5.

[4]) Ист.-рев. арх., д. № 5, ч. 15, л. Б., л. 39 — 40.

Потребность в нелегальной литературе возросла, и чтобы ее хоть отчасти удовлетворить, минский комитет приступил к изданию листков „Эйнигкайт“. Вышло 2 номера.

В 1898 — 1900 гг. в Минске работали, кроме членов комитета, Макс Берман (рабочий), „Мошка“, Хаим Гирш, Мейшка Вищинский (слесарь), Перчик (столяр), Саша Лурия (интеллигентка), Петр Васильевич Румянцев, Герцик, Борух Янкелев, ученик минской гимназии, Шахнович, Песя Янкелева, Каценельсон (б. студент), сестра его, Финкель, Берка Менахов, Каплан, Яков Аронов (б. студент киевского университета), Бернштейн, Любовь Беркова, Бамбас, Фрейда, Хаютин, Генох Мовшев (слесарь), Беркович, Айзик Хаимов, Машкелейсон, Соломон Нафтанов, Рубенчик, Ицка Левитас, Борух Лейбов, Бунге, Андрей Павлов, Рудерман, Гирш, Зельдович, Роза, Теумин, Ицка Гиршев - Вульфов (б. студент Бернского университета), Казарновская, Нуся Аронова, Мейчик, Матильда Давидова, Анна Герцык, „Яков“, „Меер“, Фрумкин, Борух Мордухов, Фрумкин, Арон - Борух Невахов (Борис Николаевич), Шостак, Анна Наумовна (урожд. Димент), Розенгауз, Арон Янкелев, Виленкин, Илья Леонов, Метелицкий, Мордух Шимонов, Шерман (Серман) Евель, Давид, Ковалик, Сергей Филиппов, Медем, Владимир Давидов, Шкловский, Арон Залманов Соломонов, Шкловская, Ревекка Соломоновна, Ледер, Лейба Давидов, Богданова, Мерка Гешелева, Эпштейн, Лея - Ципа Мордухова, Сельцовский, Борух Хононов, Ратнер, Давид Менашев, Вильбушевич, Мария Владимировна, Фрумкин, Сендер-Мордухов, Ледер, Двойра Пинхусова, Трухновский, Вульф, Левин, Эля Хаим, Рубинштейн, Овсей Мовшев, Добин, Липа Ариев, Кесель, Мовша Лейбов, Бененсон, Абрам Элья Ицков, Вольман, Эстер Срулева [1]).

* * *

28 февраля 1900 г. по доносу еврея-провокатора произошел провал типографии Минского комитета.

При обыске у Родкина было найдено: под кушеткою, под кроватью и на печке русского и еврейского шрифта около

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. № 5, ч. 16, л. Б. и № 5. ч. 48, разные листы. Агентурные сведения.

шести пудов, гектограф, краски, типографский валек, две металлические типографские верстатки для набора, набранные заголовки на еврейском языке: „Голос Рабочего“, на русском: „Рабочая Газета“ и заголовки какого-то издания на польском. Помимо типографских принадлежностей здесь было обнаружено большое количество нелегальной литературы: прокламаций, брошюр и т. д. На всем этом было клеймо „Минский Социал-Демократический Комитет“. При обыске была найдена печать „Минского Соц.-Дем. Комитета“.

В квартире был арестован хозяин ее — Файвис Абрамов Родкин.

Затем засадою были арестованы пришедшие к Родкину Рейза Соршер и Шлема Машкилейсон.

В связи с нахождением типографии в последующие дни в Минске произведены были большие обыски и аресты, коими были вырваны многие активные работники [1]).

Когда произошел провал типографии, были уверены, что ее выдала хозяйка квартиры Родкина, и в Минском комитете был поставлен вопрос о расправе с нею. Были спрошены Ц. К. и некоторые местные комитеты. Все отнеслись к этому неодобрительно и указывали, что, так как хозяйка — христианка и время — пред Пасхой, то убийство ее может быть использовано для создания нового ритуального дела.

---

[1]) В ночь на 6 марта были обысканы и арестованы: Шахнович, Гирш Янкелев, Шостак, Анна Наумовна (урожд. Димент), Розенгауз, Аарон Янкелев, Бамбас, Борух Шмуйлов, Шахнович, Песя Янкелева, Бернштейн, Любовь Беркова, Теумин, Ицко Гиршев, Вульфов, Виленкин, Илья Леонов, Герцык, Борух Янкелев, Хохзен, Лейба Янкелев, Метелицкий, Мордух Шимонов, Фрумкин, Борух Мордухов, Фрид, Мовша Хаим Лейзеров; обысканы: Фрумкин, Аарон Борух-Ошер Невахов, Шерман (Серман) Евель, Давид, Эльясберг, Хаим Берков, Ковалик, Сергей Филиппов, Медем, Владимир Давидов, Гершуни, Григорий Андреев, Шкловский, Аарон Залмонов Соломонов, Шкловская, Ревекка Соломоновна, Ледер, Лейба Давидов, Богданова, Мерка Гешелева, Эпштейн, Лея-Ципа Мордухова, Сельцовский, Борух Хононов, Ратнер, Давид Менашев, Вильбушевич, Мария Владимировна, Фрумкин, Сендер-Мордухов, Ледер, Двойра Пинхусова, Трухновский, Вульф, Левин, Эля Хаим, Рубинштейн, Овсей Мовшев, Добин, Липа Ариев, Кесель, Мовша Лейбов, Бенензон, Абрам-Элья Ицков, Вольман, Эстер Срулева.

* * *

После мартовского провала во главе движения в Минске стал Пейсах Межевецкий, „хороший теоретик социал-демократизма, человек интеллигентный, пользовавшийся авторитетом и значением“ [1]).

Совместно с заготовщиком Гилей Розенблюмом и щетинщиком „Ханцей“ он образовал комитет.

Первым делом комитет постарался сорганизовать слесарей, как „профессию наиболее многочисленную, наименее сплоченную и понесшую наибольший урон в последнее время“ [2]).

Затем комитет завязал связи с портными (25 чел.), переплетчиками (около 20 чел., у них были две конспиративные квартиры), приказчиками (30 чел.), столярами (около 30 чел., наименее пострадали от провалов, они имели 4 конспиративные квартиры), наборщиками и с интеллигенцией чрез посредство студентов Медема и Каплана [3]).

В виде протеста против мартовских арестов 1 мая была устроена уличная демонстрация. Вследствие ее неожиданной организации в ней приняло участие лишь 200 чел.

Во время демонстрации раздавались лозунги: „Долой деспотизм, да здравствует свобода слова, печати, собраний и т. д.“.

Смелое и открытое выступление рабочих произвело в городе огромное впечатление, и среди рабочих много об этом говорили.

По поводу демонстрации Минский комитет выпустил специальную листовку [4]).

Лето и осень прошли в оживленнейшей работе по организации профессиональных союзов. Сорганизовались столяры, слесари, переплетчики, сапожники, портные, штукатурщики и друг.

Устраивались часто большие рабочие собрания за городом — на Комаровке и в лесу.

В июле гильзовщицы праздновали годовщину существования их кассы. Присутствовали члены кассы: 25 девушек и

---

1) Д. № 5, ч. 16, л. Б., л. 148, ос. отд., 1898 г., аг. свед.

2) Ibid, л. 149.

3) Ibid.

4) „Дер идишер арбайтер“, № 10.

5 мужчин и некоторые приглашенные. Межевецкий в своей речи осудил агитацию за легальную работу и призывал к политической борьбе: за свободу слова, печати, собраний и т. д. [1]).

28 июля близ Минска в лесу состоялось большое собрание — человек в 300 — 400. „Яков", Оре Футтер, Сол. Рабинович, Хаця и Иче Меер произнесли зажигательные речи. Затем толпа, построившись в ряды и подняв на зонтике красную мантилью, с революционными песнями направилась в город [2]).

Стачки в этом году происходили в небольшом числе. Между прочим, бастовали в сентябре гильзовщицы и переплетчики (проиграли), в октябре — извозчики и белошвейки, в декабре — на фабрике „Россия" (выиграли).

Отношения между комитетом и рабочими очень обострились, вследствие нежелания комитета пускать в свою среду рабочих. В июле столяры, когда было отклонено их требование о включении их представителя в комитет, решили больше не посещать устраиваемые комитетом собрания рабочих.

В январе 1901 г. интеллигентский кружок, в который входили: Волин, Кливанский, Медем (вскоре арестованный), Арон, Чемериский, Сол. Рабинович, сестра его Года, Коля, Нейман, Сима, Мерка, Берта, Зина, Найденная и Вера, выработал следующую программу занятий с рабочими кружками.

А. Цель занятий

При начавшемся в Минске массовом рабочем движении развитие дается не всей массе, а лишь тем личностям, которые из нее выдвигаются по своим способностям и преданности делу, т.-е. массовым агитаторам или способным быть таковыми.

1) Цель занятий — сделать деятельность агитаторов сознательной, придать ей известный смысл, развить в агитаторах теоретический социал-демократический взгляд на движение.

---

[1]) Д. Ист.-рев. арх., деп. полиции, ч. 48, 1898 г., ос. отд., л. 289, агент. свед.

[2]) Ibid, л. 290, аген. свед.

Так как во всем нашем движении мы замечаем один общий принцип — стремление заменить устную агитацию и пропаганду литературой, то одной из целей занятий с рабочими должно быть:

2) Развитие в учениках способности самостоятельного чтения и критического отношения к читаемому.

Так как в критической работе рабочий сталкивается с различными вопросами как практическими, так и теоретическими, кроме того, из практических разговоров приобретает отрывочное знание, то третьей задачей интеллигента, занимающегося с рабочими, должно быть —

3) Разрешение тех вопросов, которые ставит рабочему жизнь и систематизация тех знаний, которые приобретает рабочий вне кружка.

B. Метод занятий

Для того, чтобы приучать рабочего критически относиться к слушаемому и читаемому,

1) Надо во время занятий предоставлять ученикам возможно большую самодеятельность в решении затрагиваемых вопросов.

Изложение должно быть чрезвычайно популярно. Для достижения наибольшей популярности

2) Следует иллюстрировать развиваемую мысль фактами из наиболее близкой ученикам жизни.

C. Программа занятий

Составители программы руководились при ее составлении двумя причинами:

1) По полицейским и квартирным условиям в нашем городе, занятия с кружками часто прерываются; весьма редки случаи, когда кружок безостановочно занимается долгое время, — нам следует дорожить каждым занятием. Поэтому в программу включены вопросы лишь наиболее важные — необходимые.

2) Составители старались расположить вопросы в порядке логической последовательности.

Сообразно с умственным развитием учеников, программа разделена на три отдела:

Первый отдел — можно определить словом „экономический“. Его программа не предполагает у учеников никакой подго товки, как и при всяком нашем обращении к массовому рабо чему, мы должны раньше всего выяснить ему противополож ность его и хозяйских интересов и средств борьбы с хозяевами. Формулировка первого отдела программы такова:

1.

А. Противоположность интересов хозяев и рабочих: а) ра бочий день, в) заработная плата, с) прибавочная стоимость.

В. Средства борьбы: а) стачка стихийная и организован ная, в) союзы, с) касса, d) рабочая организация за границей, как пример.

Лишь после некоторой подготовки и ознакомления рабо чего с содержанием первого отдела программы — экономиче ским, — рабочий приходит к сознанию необходимости полити ческой борьбы. Поэтому второй отдел — политический. Его программа даст рабочему сознание о средствах политической борьбы и постепенно доведет его ум до понимания классовой борьбы. Формулировка 2-го отдела такова:

2.

А. Препятствие экономической борьбе.

В. Правительство.

С. Требование устранения препятствий борьбы: а) свобода сходок и собраний; в) свобода стачек; с) свобода союзов; д) свобода слова и печати.

D. Средства борьбы: а) демонстрация, в) прокламация, с) праздник 1 мая.

Е. О революционере — не как партийн.

Третий отдел, так сказать, социалистический, разовьет в ра бочих классовое самосознание и даст хотя бы элементарное понятие о целях и тактике социал-демократической рабочей партии.

Формулировка 3-го отдела такова.

3.

1) На чем основывается борьба классов.

2) Частная собственность.

3) Развитие частной собственности: а) первобытный коммунизм; в) рабство; с) крепостничество; d) мелкая собственность и ее падение; е) капитал, капитализм.

4) Последствия частной собственности.

А. Общественное разделение труда.

В. Обмен: а) развитие обмена; в) обмен при натуральном периоде; с) деньги; d) обмен при денежном периоде.

D. Эксплоатация и ее формы: а) при мануфактуре, в) машина, с) при машинном производстве.

А. Последствия эксплоатации при капитализме: а) женск. и детск. труд; в) резервн. армия рабочих; с) концентрац. капитала.

5) Капитализм ведет к коллективизму.

6) Социализм.

7) Совершение социальной революции.

8) Средства добиться социалистического строя.

А. Организация рабочего класса: а) организация экономическая; в) организация политическая.

9) Политическое равноправие.

10) Социал-демократия.

11) Русское революционное движение: а) революционная партия; в) российская социал-демократическая партия; с) еврейская социал-демократическая партия; d) польская социал-демократическая партия.

12) Национальность: а) национализм; в) сионизм.

В конце декабря 1900 г. и в январе 1901 г. были большие провалы. Между прочим, был арестован и Медем, который вел большую работу в минской организации. Провал его произвел на рабочих сильное впечатление. „Арест его, — сказано в агентурных донесениях, — как бы снял у всех голову. Настроение угнетенное“ [1]). Усилились разговоры о наличии в организации провокатора.

---

[1]) Д. № 5, ч. 48, л. 301, ос. отд., 1898.

ГОМЕЛЬ

В начале 1890-х гг. в Гомеле уже имелись интеллигентские кружки. Они были исключительно образовательного характера и составлялись по преимуществу из приезжавшей на каникулы учащейся молодежи.

Среди них наблюдалась большая идейная путаница. Запас идей в кружках заключался, с одной стороны, в еврейском национализме, вызванном к жизни выселениями евреев из Москвы и всей системой преследования евреев при Александре III, с другой стороны, в чем то неопределенном, представлявшем какую-то бесформенную смесь разных лоскутков плохо понятых либерализма и народничества. Это представляло собой какие-то неопределенные порывы к свободе от царского деспотизма.

Обычно по окончании летних каникул и отъезда учащихся в столицу, кружки распадались, и все вновь замирало.

Осенью 1893 г., под косвенным влиянием образовавшегося в Минске кружка с программой резко социал-демократического характера, в Гомеле составился кружок из 12 чел. — интеллигентов и рабочих.

Вот что рассказывают о нем участники его:

„Что представлял собою, как теоретически объединенное целое, этот кружок, какую программу деятельности он выставил, с каким злом он хотел бороться — довольно трудно сказать по той причине, что и самому кружку было это не совсем известно. Ни о каких-либо твердых и ясно сознанных убеждениях, ни о какой-либо определенной деятельности не может быть и речи. Это был кружок людей малознающих, рвущихся, стремящихся к чему-то, ощупью пробирающихся к какому-либо мировоззрению, на какой-либо прочный путь духовной жизни. Они часто собирались, читали новинки из беллетристики, статьи модных журналов, читали с охотой и нелегальщину, говорили о несправедливости на земле, о святости жизни, об угнетенном положении рабочих, о деспотизме царизма, разбирали Толстого, даже увлекались им, говорили

о необходимости борьбы, планомерной работы, дела, дела, но так слова и оставались словами, красивыми и звучными, дальше чего они, роковым образом, не могли пойти, так как для пла номерной работы нужно раньше определенно знать, чего хочешь, нужно обладать наличностью хоть каких-либо сознан ных, твердо усвоенных убеждений, чего у них не было. Это даже не было кружком для самообразования, так как никаких серьезных, систематических занятий не происходило там. Зна чение же имеет этот кружок потому, что он представляет собой первую попытку соединения людей между собою для совместной оппозиционной работы, зачатки будущей организо ванной группы, доросшие до социал-демократической программы и стоящие во главе рабочего движения. Другое, более важ ное значение этого кружка, это то, что, несмотря на всю туманность и неясность их социальных стремлений и желаний, несмотря на воистину чудовищную пестроту и разнообразие затрагиваемых тем и вопросов, в кружке надо всем властно господствовал рабочий. Споры о нем, о его положении были осью, около которой все вращалось". „...Было ли это знаме нем времени, происходило ли под влиянием распространявшихся известий о начавшемся рабочем движении в других городах, как бы то ни было, о рабочем толковали, о его положении призадумывались больше, чем о всем, и это постепенно при вело к тому, что интерес рабочих и улучшение их безотрад ного положения стали общественным „credo" для развивающе гося кружка" [1]).

К этому же времени, т.-е. к 1894 г., следует отнести воз никновение рабочего движения в Гомеле.

Инициаторами его были те несколько рабочих, что входили в состав указанного выше кружка.

До 1894 г. в Гомеле не было даже намека на рабочее дви жение, ремесленные рабочие не сознавали своего тяжелого положения и не пытались его изменить, интеллигенция же не

---

[1]) Историко-револ. арх., д. деп. полиции № 5, ч. 31, 1898 г., ос. отд. л. Г, т. I. „Рабочее движение в Гомеле", доклад Гом. ком. „Бунда" межд. социал. конгрессу в Париже.

смотрела на еврейского рабочего, как на реальную силу, имеющую значение в борьбе.

В 1894 г. под влиянием агитации рабочих — членов кружка — произошла стачка маляров, участвовал в ней почти весь малярный цех — чел. 30 — 35. Требовали — увеличения заработной платы. Стачка продолжалась $1^1/_2$ недели и была выиграна. Вслед за тем подобные же стачки произошли среди слесарей и портных. Здесь рабочие требовали сокращения рабочего времени. Любопытны обстоятельства при которых протекали забастовки: стачечники отправили петицию в ремесленную управу, сами толпой туда же отправились, прося управу заступиться за них. Они добились установления 14 час. рабочего дня. Стачки эти характерны тем, что, в отличие от происходивших ранее, они не случайны, а были подготовлены и протекали под непосредственным воздействием социал-демократического кружка[1]).

Успехи первых забастовок вызвали ряд стачек, главным образом, в мелких мастерских. Плохо и неумело организованные, они окончились неудачей. „... Характер этих стачек был очень примитивен: не только масса, шедшая за своими агитаторами, была бессознательна, но и сами агитаторы, руководившие ею, плохо понимали как тактику, которой следует держаться при стачке, так и то, как следует вообще вести агитацию среди массы“ [2]).

Работа кружка измельчалась.

Пропаганда среди рабочих велась неумело. Практическая деятельность кружка, это — „какое-то соединение несоединяемого, что-то кружково-массовое, смесь агитации с пропагандой; словом скрещивается много путей, которые все ведут к ничтожным результатам. Сзываются сходки рабочих в 100 человек, на которых ребром ставится вопрос о... необходимости грамоты для рабочих, как conditio для движения, sine qua non“... „Курьезы получаются неожиданные и блестящие: цеховые кассы борьбы за отсутствием массовой агитации и, вследствие этого, самой массы пополняются взносами нескольких членов —

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

агитаторов, руководителей цеха; касса, таким образом, теряет свое реальное профессиональное значение, и они оказываются в высшей степени неживучими“ [1]).

Экономическая борьба затихла и ничем себя не проявила. Цеховые кассы совершенно распались.

Так продолжалось в 1895 и 1896 гг.

Кружок за это время количественно значительно увеличился: из 12 человек он возрос до 30, при чем состав его часто менялся.

Занятия велись по старой программе: читали по всеобщей истории, по истории культуры, разбирали Толстого, Бокля, Дарвина, обучали рабочих грамоте, географии и арифметике.

К зиме 1896 г. кружок начал хиреть, и количество членов его быстро таяло.

Вместо него возникли другие кружки, но вскоре и они распались.

Масса была недовольна исключительно образовательными стремлениями кружка.

Сознавалась необходимость перейти к иным методам, к непосредственной борьбе за улучшение экономического положения рабочих.

В гомельском еврейском рабочем движении наметился кризис.

* * *

Летом 1897 г. в Гомеле образовалась группа социал-демократов, почти исключительно из интеллигентов, решившая повести агитацию среди еврейских рабочих масс на почве экономических требований, остро сознаваемых своих интересов.

Она решила совершенно порвать с прежним периодом „кружковщины“ и придать борьбе массовый характер.

Группа эта организовала рабочих по цехам, в каждом цехе была создана своя касса борьбы; каждый цех имел своего представителя или руководителя; устраивались время от вре

[1]) Ibid.

мени собрания всех представителей, на коих обсуждали общие вопросы движения: постановку агитации и пр.

За лето было организовано 5 цехов в 100 — 120 чел. [1]).

Переход к новой фазе развития еврейского рабочего движения, решительный разрыв с „кружковщиной" вызвал среди группы „оппозицию".

По примеру Минска и Вильны, где подобная же „оппозиция" ранее существовала, она пробовала отстаивать уже изжитую полосу, доказывая, что масса не поймет необходимости экономической борьбы, что следует попрежнему вырабатывать в кружках отдельных интеллигентов-рабочих, что надо не „спускаться" к темной массе, а „поднимать" ее до себя и т. д.

„Оппозиция" была численно незначительна и к осени 1897 года совершенно ушла от работы, победа осталась за теми, кто отстаивал новый фазис в еврейском рабочем движении.

Группа выработала программу и тактику своей деятельности.

„...Основным положением программы было то, что для успешного развития движения считалось необходимым:

1) Агитация среди масс должна быть чисто экономического характера.

2) Организация рабочих должна быть цеховой по их профессиональным, даже повседневным интересам.

3) Форма борьбы рабочих за свое улучшение должна выражаться в стачках. Дальше пока не шли.

Для концентрации сил в одном направлении оставлены были всякие работы по пропаганде, организации кружков для развития, распространению грамоты и т. п.

Все это отвергалось теперь как ненужное, только мешающее, отвлекающее от борьбы непосредственной, затемняющее классовое сознание массы. Чтения происходили, не в кружках, а по цехам, т. е. читали с рабочими каждого цеха отдельно, так как считалось нужным при чтении напоминать рабочим об их цеховых интересах, чтобы это их положение служило иллюстрацией изложенных чтецом мыслей. Главная же

[1]) Ibid.

деятельность группы была направлена на вербовку все большего и большего количества организованных рабочих в цех и на захват организацией все большего и большего количества цехов. При достижении известного порядочного количества организованных членов в цехе предполагалось выступить и с практической борьбой, т. е. начать стачки. Группе удалось за зиму сорганизовать почти все цехи, конечно, число членов в каждом цехе было довольно ограниченное; все сорганизованные цехи имели свои кассы борьбы, не фиктивные, а настоящие“ [1]).

К этому времени относится начало ведения агитации исключительно на еврейском языке.

В периоде 1897 — 1900 гг. в Гомеле активными работниками в разное время были: 1) Файнштейн, Хацкель Левинов, 2) Цейтлин, Сол. Як., 3) Маршов, Мендель Лейбов, 4) Шадовский, Израиль, 5) Гольдина, Доба Берковна, 6) Драпкин, Алтер Залман Бенюминов, 7) Кантор, Мендель Михелев, 8) Аспиз, Шолом Мордухов, 9) Гезенцвей, Нота Самуилов, 10) Богорад, Двося Лейбова, 11) Иоффе, Раиса Наумовна, 12) Рабинкова, Роза, 13) Вольфсон, Ш. Б., 14) Гуревич, Мордух Берков, 15) Хайкин, Х. И., 16) Глобус, Р. Е., 17) Янковский, М. Л., 18) Палеева, Б. А., 19) Коробочкина, Белла, 20) Гинзбург, Сол., 21) Т. Гейликман, 22) Гуревич, Рахиль, 23) Драгунский, Л., 24) Езерский, М., 25) Захаров и др. [2]).

Агитацию в отдельных цехах, по агентурным сведениям, вели Файнштейн среди столяров и портных, Иоффе — шляпочниц и модисток, Кукуй — слесарей и сапожников [3]).

Зимою 1898 г. группа переименовалась в Гомельский Комитет Р. С. Д. Р. П.

Приблизительно в это же время Ц. К. „Бунд“ вел с гомельской группой социал-демократов переговоры о вступлении ее в эту организацию, но из-за расхождений по некоторым программным вопросам присоединение Гомеля не состоялось.

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., л. 196 и разн. л.

[3]) Ibid., л. 20, агентурные сведения.

При Гомельском Комитете для оказания помощи политическим заключенным был учрежден „Красный Крест“, собиравший по жертвования деньгами, бельем, платьем и пр.

„Красным Крестом“ заведывала Раиса Иоффе [1]).

* * *

Приближалось 1 мая 1898 года. Гомельский Комитет Р. С. Д. Р. П. решил использовать этот день для политической агитации. Это празднование в Гомеле 1 мая превосходно удалось.

„Ничего блестящего, грандиозного тут не было, — рассказывает очевидец, — демонстраций не производили, но все-таки много отрадного, светлого и хорошего в этом скромном праздновании рабочими, в этом первом проблеснувшем луче политического сознания, сознания гражданского достоинства среди рабочей массы.

1-го мая днем, за городом, на зеленую открытую полянку стали стекаться рабочие и работницы, празднично принаряженные, с радостными, сияющими лицами. Прибывшие уже бежали навстречу опоздавшим товарищам, целовались, выражение лица было таково, что совершается нечто радостное и торжественное.

Собралось человек 250.

Собравшиеся образовали живой круг, в центре которого один рабочий развернул красное знамя, на котором значилось: „8-ми часовой рабочий день“, „Политическая свобода“, „Свобода, равенство и братство“.

Стоявший невдалеке хор запел, и толпа подхватила сильные звуки присяги. Могучие звуки лились по воздуху, клятва стольких людей, что они готовы бороться за свое дело до последней капли крови, производила впечатление.

Была пропета „Марсельеза“ и другие революционные песни, затем стали поднимать тосты: за процветание местного рабочего движения, общей российской и международной социал демократической партии, за низвержение абсолютизма и т. д.

---

[1]) Ibid., л. 5, агентурные сведения.

Было произнесено несколько речей, и ободренные, освеженные, разошлись по домам, храня в душе те же хорошие порывы и стремления, которые в них этот праздник возбудил.

Ночью интеллигентная группа тихо отпраздновала вместе с комитетом этот праздник.

И долго еще будут помнить все, которые были там, те хорошие и светлые минуты, которые им пришлось переживать" [1]).

Празднование 1 мая подняло революционное настроение рабочих, работа с этого момента пошла более усиленным темпом.

* * *

Для этого времени характерно, что после 1 мая культурному развитию рабочих стали уделять больше внимания.

Пренебрежение к кружкам, наблюдавшееся раньше, когда исключительно увлекались агитацией и экономической борьбой, исчезло.

Для мало развитых рабочих создано было несколько кружков, а для более подготовленных устраивались дискуссионные собрания. Занятия вели интеллигенты.

„Решено было все замечательное, выдающееся в общественной жизни как легальной, так и нелегальной, нашей российской и западной, доводить до сведения рабочих [2]).

Полагали, что „чем больше рабочий з н а е т, тем больше и с о з н а е т, чем больше з н а н и я, тем больше и с о з н а н и я, лишь бы эта культурная работа не зашла слишком далеко, не отодвинула бы главную цель: пробуждение классового сознания" [3]).

По цехам велась усиленная агитация, собирались статистические сведения о положении рабочих, последние широко использовывались во время агитации.

В большом количестве распространялась литература как легальная, так и нелегальная.

Библиотекой заведывали Файнштейн и Маршов.

---

[1]) Ibid., записка Гом. Ком. „Бунда" о раб. движ. в Гомеле.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

Была, между прочим, сделана попытка устроить легальную библиотеку, но пришлось от этой мысли отказаться.

Очень интересен состав тогдашней библиотеки Гомельского Комитета.

По агентурным сведениям в начале 1900 г. в нее входили: 1) Демократическое и реакционное разоружение. 2) Рабочее дело № 2. 3) Кто совершит политическую революцию? 4) Вперед! № 6. 5) Жизнь и смерть Лаврова. 6) Десятилетие Морозовской стачки. 7) Английские рабочие. 8) Фабричный закон. 9) Чему учит никольская стачка. 10) Лондонский рабочий фонд. 11) Задачи русских социал-демократов. 12) Сон под первое мая. 13) Как министр заботится о рабочих. 14) Мартовская революция. 15) О сущности конституции. 16) Рабочий день. 17) Гомельский устав ремесленного рабочего союза. 18) Работник 1896—1898 гг. 19) Шпион. 20) Кто чем живет и различные прокламации, всего около 200 книжек, брошюр и прокламаций, частью на русском языке, но больше—на еврейском [1]).

Среди партийных работников было мало интеллигенции; поэтому вскоре встал вопрос о подготовке рабочей интеллигенции, о создании небольшого кадра рабочих, который в случае разгрома мог бы стать во главе организации и заменить выбывших.

Притом среди работников тогдашнего гомельского движения наметилось новое течение, выдвигавшее во главе движения рабочих. Выбранные из среды рабочих 10 товарищей стали готовиться к роли будущих вожаков. „Интеллигентная группа должна была совместно с рабочей, вновь образовавшейся группой, обсуждать все новое, важное, принимавшееся в движении, приискивать средства усиления агитации, организовать борьбу, разбираться в тактических и программных вопросах, чтобы живым обменом мыслей между рабочими и интеллигентами, живой совместной практической работой, теоретическим и практическим общением с интеллигентами выработать из рабочих хороших пропагандистов и умелых и самостоятельных руководителей движения“ [2]).

[1]) Ibid., л. 9.

[2]) Ibid., записка Гом. Ком. „Бунда“ о раб. движ. в Гомеле.

* * *

Больше всего внимания Гомельский Комитет уделял экономической борьбе рабочих.

Под его руководством прошел целый ряд стачек.

Летом 1897 г. произошла стачка столяров. Они требовали упразднение поштучной работы, увеличение понедельной платы приблизительно на 40%, нормированного рабочего дня в 14 часов (с перерывом 1 часа на обед).

Стачечники держали себя превосходно, и почти все их требования были удовлетворены.

Участвовало в стачке человек 20 — 25 [1]).

Эта стачка замечательна тем, что впервые поставила вопрос о политической агитации. Теперь в первый раз в Гомеле полиция вмешалась в стачку; было арестовано шесть рабочих, которых на другой день освободили.

Рабочих это убедило в том, что в их борьбе с хозяевами царский режим отстаивает всецело интересы их классовых врагов, и они приходили к выводу, что для успешности этой борьбы необходимо в первую очередь уничтожить политические препятствия.

Комитет использовал эти настроения рабочих и всячески их поддерживал.

Происшедшие вскоре большие аресты и обыски придали еще большую остроту вопросу о политической агитации.

Комитет, решив этот вопрос в положительном смысле, однако, полагал, что она „не должна быть deus ex machina, не должна врываться сторонним и несогласным элементом в общий ход экономической агитации, оно, политическое сознание, должно вытекать из понимания экономической борьбы, как условие, без которого последнее невозможно, оно должно было явиться последующим звеном в цепи постоянного развития рабочего сознания, опираясь на всесильном базисе того времени: экономическом сознании массы“ [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

Комитет вел работу не только среди еврейских, но и русских рабочих. Так, с лета 1897 года он имел прочные связи с рабочими местных железнодорожных мастерских.

Лето и осень 1898 г. отмечены беспрерывными стачками, они создавали и поддерживали боевое, революционное настроение среди гомельских рабочих, движение „переживало свой медовый месяц борьбы“.

„Стачки происходили в течение лета в следующих ремеслах: 1) заготовочном, требовали — 10-ти часового рабочего дня, продолжалась $1^1/_2$ недели и была выиграна, хотя мастерская, в которой происходила стачка, через месяц совершенно закрылась; 2) щеточном, была проиграна; 3) среди портных, работающих готовое платье для магазинов, так наз. тандетников, участвовало 30 человек, требовали: 12-ти часового рабочего дня и увеличения платы. Стачка была отчасти выиграна: был нормирован 14-ти часовой день вместо прежнего безграничного, почти суточного. Характерна эта стачка образовавшейся коалицией хозяев; они все присягнули в синагоге пред „священным кивотом“ не уступать рабочим ни в каком случае, хотя все-таки уступили; 4) добыто то, что во всех мастерских перестали работать по субботним вечерам; 5) перед еврейскими праздниками, вследствие обилия и поспешности работы, начинают работать по ночам, работают до поздней ночи, в экстренных случаях до рассвета, — по этому поводу осенью среди портных произошла стачка одновременно в семи мастерских (человек 30 — 35), требовали 14-ти часового дня, стачка была выиграна; 6) ряд мелких стачек“ [1]).

Следует остановиться на имевшей место в августе стачке в Гомеле в самой крупной портновской мастерской, в которую вмешалась полиция. Требовали увеличения поштучной платы. Рабочие, оставившие работу, были арестованы, их продержали неделю, нагло и возмутительно с ними обходясь. Затем их отдали под суд. Мировой судья приговорил одного рабочего к 3 месяцам ареста, других — на разные сроки от 3 недель и до 3 мес. Однако, стачка была выиграна. По поводу

---

1) Ibid.

этой стачки Комитет выпустил две прокламации: одну о судебном процессе, другую с призывом рабочих к объединению для борьбы с хозяевами [1]).

Зимою 1898 г. имела место большая забастовка портных, которая частью была выиграна.

В августе 1899 г. произошла забастовка среди портных в 5-ти мастерских, требовали увеличения платы. Пять человек были забраны в полицию. По этому поводу была выпущена прокламация. Стачка наполовину была выиграна.

Осенью, пред еврейскими праздниками, считающейся сезонным временем, забастовали портные в 11-ти мастерских, человек 40 и почти весь столярный цех одновременно.

Стачка продолжалась три недели, и в результате установился рабочий день для портных в 13 час, и для столяров в 12 час.

Этот незначительный выигрыш имел, однако, большое значение, так как под влиянием установленного рабочего дня в этих ремеслах рабочие и других ремесл стали требовать нормировки работы; и в результате этого к весне 1900 г. во всех ремеслах установился рабочий день в 13 часов, т. е. от 8-ми часов утра до 9-ти часов вечера" [2]).

Шестилетняя (1894 — 1900) экономическая борьба гомельских рабочих значительно улучшила их положение.

Так, „заработная плата увеличилась: у портных на 30%, для поштучников — 35 — 40%; у столяров — поштучная работа совершенно уничтожена, для работающих понедельно — увеличена на 50% против прежнего, годовых рабочих теперь почти нет; у портных рабочий день, бывший от 8-ми часов утра до 12-ти часов ночи, а по четвергам — до рассвета, уменьшился от 8-ми часов утра до 9 — 10-ти часов вечера с перерывом 1-го часа на обед; у сапожников — поштучно повысили плату до 15-ти процентов, годовым на 30 — 40%; у слесарей плата повышена почти на 50%.

Рабочий день представляет следующие изменения: у портных вместо прежнего в 16 — 17 часов теперь в 14 — 15 часов;

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

у столяров вместо прежнего в 17 часов — от 5-ти часов утра до 10-ти часов вечера, установлен — летом от 6-ти часов утра до 9-ти часов вечера, зимой — от 7-ми часов утра до 8-ми часов вечера; у сапожников — от 6-ти часов утра до 9-ти часов вечера вместо прежнего 18-ти часов; у слесарей 14-ти часовой день. Перерыв на обед дается почти во всех ремеслах.

Улучшение также произошло и в общем отношении хозяев к рабочим: платят аккуратнее, приличнее обращаются, не по первой прихоти рассчитывают" [1]).

* * *

Форма организации за эти годы несколько раз менялась.

Январьские аресты 1898 года заставили усилить конспирацию организации, так как непосредственное сношение с рабочими стало опасным; притом „растущее движение делалось более сложным, стало поглощать больше сил и времени, вследствие чего явилась потребность в разделении труда. Поэтому происходит следующее изменение в организации: из лучших, наиболее сознательных рабочих организовывается Комитет, который должен следить и направлять движение по цехам. В Комитете присутствовали несколько интеллигентов, которые руководили занятиями его и служили проводниками тех решений, которые заранее принимались на собраниях группы".

В конце 1898 года форма организации вновь изменилась.

„...Интеллигентам нельзя уже было так часто встречаться с рабочей группой, нужно было упростить организацию, да и рабочие стали требовать более личного, непосредственного участия в деле, они не хотели покорно исполнять решения, принятые интеллигентами. Организации приходилось с этим считаться. На соединенном собрании обеих — рабочей и интел

---

[1]) Ibid.

лигентной — групп тайным голосованием было выбрано не сколько человек — интеллигентов и рабочих, которые составили „Союз“, стоящий во главе всего гомельского ремесленного и железнодорожного движения. Также он ведает все, касаю щееся политической агитации. Специально же для ремеслен ного чисто экономического движения был выбран рабочими тайным голосованием „Комитет“, в который входило по два человека из каждого цеха. Комитет самостоятельно управлял профессиональным городским движением.

Между „Комитетом“ и „Союзом“ был посредник — интелли гент, участвовавший также в комитетских собраниях. По кон спиративной тактике кассы борьбы были уничтожены, и из на личных кассовых денег образовали „Фонд“, пополняемый по стоянными средствами организации. „Фонд“ этот предназна чался для помощи во время стачки“ [1]).

Вскоре, после переговоров с киевской организацией, „Союз“ стал на прокламациях подписываться „Гомельский комитет рос сийской социал-демократической партии“.

Весною 1900 г. Гомельская с.-д. организация присоедини лась к „Бунду“.

Рост рабочего движения в Гомеле обратил на себя внима ние Зубатова, который наводнил Гомель большим количеством шпионов и охранников.

Департаменту полиции удалось ввести провокатора в Гомель ский комитет, и, начиная с 1898 года, он прекрасно был осве домлен о составе Гомельской организации и ходе движения [2]).

22 января 1898 года в Гомеле произведены были много численные обыски и один был арестован.

Несмотря на репрессии, в Гомеле удалось широко поставить печатную агитацию.

Первая гектографированная прокламация была выпущена по поводу предполагавшейся стачки у портных, случайно не состоявшейся в виду неудачно выбранного времени.

---

[1]) Ibid.

[2]) Подробнее об этом провокаторе см. в ст. Н. А. Бухбиндера „Еврей ское рабочее движение в Гомеле“, в „Красной Летописи“, № 2 — 3.

Затем были распространены воззвания к железнодорожникам по поводу незаслуженного увольнения администрацией дороги одного из рабочих, об арестах 31 марта 1898 г. и 1 октября 1899 г.

Весною 1900 г. был выпущен первый номер периодического журнала „Der Kampf“ („Борьба“). По агентурным сведениям в составлении его принимали участие: Иоффе, Раиса Наумовна, Шадовский и Файнштейн.

На основании сведений о рабочей жизни, собранных по анкете „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, намечена была целая серия прокламаций по разным вопросам, но вследствие арестов этого не удалось осуществить.

Репрессии сыпались беспрерывно: в ночь на 31 марта 1899 г. арестовано было 8 чел. и обыскано 25, 2 октября обыскано 46 и арестовано 16, 18 октября арестовано было 5 чел. и обыскано 40 чел. Провалы нанесли сильные удары: были арестованы лучшие силы, и организация в результате этого была совершенно дезорганизована.

В конце 1899 г. движение почти затихло и приняло очень скромные размеры. Пропагандистские кружки распались, почти совершенно прекратилась экономическая агитация, нет теперь крупных стачек. Словом, произошел полный упадок движения. Отчасти это было связано с наступившим в то время в России промышленным кризисом.

Весною 1900 г. движение в Гомеле вновь возродилось и приняло теперь большие размеры. Содействовал этому прилив новых сил, главным образом, иногородних. По агентурным сведениям, в это время Гомельский Комитет состоял из следующих лиц: Соломона Яковлевича Цейтлина, студента московского университета; Драпкина, Алтера Залмана-Бенюминова; Иоффе, Раисы Наумовны; Нехамкина, Янкеля Борухова; Гинзбурга, Шмерко Янкелева; Хайкеля Файнштейна и Шадовского, Израиля-Давида [1]).

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 5, 1898 г., ос. отд., ч. 31, л. Г, т. I, л. 3—4 и др.

Комитет имел связь с Новозыбковом, Вильной, Могилевом, м. Ветка, Двинском, Минском, Харьковом, Кременчугом и Киевом. Литература получалась из Берлина от студента Юрьевского университета Петра Владимировича Карповича и из Киева. Стачечным фондом заведывал рабочий-столяр Моисей Слободов [1]).

Приступлено было к организации касс борьбы при цехах: 1) столяров, 2) портных, 3) модисток и шляпочниц, 4) слесарей и жестянников, 5) тандетников, 6) сапожников, 7) заготовщиков и 8) маляров. В 1900 г. в Гомеле насчитывалось организованных рабочих 350 чел. против 420 — 430 в 1899 г.; почти 40% всего количества, занятых в ремесле, находились в организации.

Важным событием этого времени является празднование столярным цехом 27 сентября 1900 г. четырехлетия своего существования. За городом собралось человек 60 рабочих, были делегаты от других цехов, всего человек 70. Пели революционные песни. И. Шадовский и Х. Файнштейн произнесли речи о политической и экономической борьбе. Один рабочий в своей речи изложил историю движения у столяров. На празднике собравшиеся имели знамя своего цеха из материи красного цвета, на коем нарисованы были масляными белой и желтой красками, как эмблемы цеха, несколько инструментов: стамеска, долото, рубанок, пила, окно, скамейка и стул. Посредине знамени, через все полотно масляной краской было написано: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ и внизу синей краской „4-летняя годовщина“. Знамя, в виду того, что представляло большой интерес и ценность по своему художественному исполнению, вопреки обычаю, по окончании праздника не сожгли, а отдали на хранение в Гомельский Комитет. Празднование произвело большое впечатление на рабочих. Полиция знала о готовящемся празднике, но не смогла выследить место собрания.

„...Сказанный праздник обставлен был всевозможными предосторожностями, — писал жандармский полковник Власьев

[1]) Ibid., л. 49, 51.

в департамент полиции, — никто из участников никакой нелегальщины не должен был при себе иметь; никому из рабочих столярного цеха заблаговременно не было известно предназначенное для праздника место, по городу были расставлены особые пикеты, направлявшие рабочих от одного пункта к другому, и только последний пикет указывал уже место собрания; рабочие шли поодиночке из разных частей города; неподалеку от места собрания находился вооруженный биноклем наблюдатель, долженствовавший подать условленный сигнал в случае появления кого-либо подозрительного, и тогда знамя, как единственная улика преступности собрания, было бы сожжено на пылавшем все время костре, окруженном пирующими“ [1]).

В течение сентября Комитет распространил две прокламации Ц. К. „Бунда“: одну — против Зубатова и другую — по поводу суда в Варшаве над польскими социалистами: Свидерским и др. (200 экз.).

Шадовский начал агитацию среди приказчиков, ему удалось сорганизовать кружок. 28 сентября он ездил в Минск представителем от этого кружка на съезд делегатов приказчичьих организаций.

Под руководством указанного выше кружка 12 ноября произошла первая в Гомеле стачка приказчиков: служащие магазинов Цейтлина и Школьникова, торговавших железным товаром, в числе 23 чел., бросили работу и выставили следующие требования: 1) чтобы по воскресным и праздничным дням магазины были открыты не от 8 ч. утра и до 8 ч. вечера, а от 12 и до 6 ч. веч., 2) чтобы в будни быть занятыми от 6 ч. утра и до 6 ч. веч. с необходимыми для завтрака и обеда перерывами, и чтобы к завтраку хозяева отпускали ежедневно сахар и 5 коп. каждому приказчику для покупки белого хлеба и 3) чтобы обращение хозяев с рабочими было вежливое. Стачка продолжалась 3 — 4 дня и была проиграна вслед

[1]) Ист.-рев. арх„ д. деп. пол. № 5, 1898 г., ос. отд., ч. 31, л. Г, т. I, л. 92 — 93, отнош. нач. Гом. жанд. упр. от 4 окт. 1900 г., № 925.

ствие того, что к ней не присоединились служащие других магазинов. Неудача этой первой стачки сильно помешала в дальнейшем агитации среди приказчиков.

Из других стачек 1900 г. следует упомянуть еще следующие: 30 мая произошла забастовка кожевенников, участвовали в ней 7 рабочих, занятых в 4 мастерских. Требовали повышения заработной платы. Стачка была проиграна. Следует отметить, что стачка сопровождалась террором по отношению к нежелавшим присоединиться к ней рабочим: двое были избиты, и инструменты их были изломаны.

В сентябре возникла забастовка среди столяров. Какой-то хозяин подрался с рабочим и разорвал на нем рубашку за опоздание на работу. Все рабочие этой мастерской (5 человек) бросили работу и потребовали, чтобы хозяин заплатил за разорванную рубашку и чтобы работа начиналась получасом позже. Стачка продолжалась 9 дней, и требования рабочих были удовлетворены [1]).

Были еще стачки у слесарей, булочников и тандетников, т. е. изготовляющих платье для магазинов. Требовали повышения заработной платы. Стачки были выиграны [2]).

По инициативе члена Гомельского Комитета С. Я. Цейтлина, были организованы так называемые „кружковые чтения"; руководителями были: Бася Аароновна Палеева, Ш. Вольфзон и Доба Беркова Гольдина.

В конце 1900 г. Зубатов нашел, что пора ликвидировать гомельское движение, и, прекрасно осведомленный от провокатора — члена комитета о гомельских работниках, в ночь на 29 декабря произвел большие аресты и обыски [3]).

---

[1]) „Dar Kampf", № 1.

[2]) Ibid..

[3]) Были арестованы: 1) Соломон Янкелев Цейтлин, 2) Хацкель Левинов Файнштейн, 3) Мендель Лейбов Маршов, 4) Израиль Довыд Берелев Шадовский, 5) Доба Беркова Гольдина, 6) Мендель Михелев Кантор, 7) Шолом Мордухов Ашпиз, 8) Нота Самуилов Ааронов Гезенцвей, 9) Двося Лейбова Богорад, 10) Рася-Раиса Наумовна Иоффе, 11) Роза Зеликова Рабинкова.

Аресты 29 декабря почти всего комитета и ряда активных работников произвели полный разгром движения в Гомеле.

ВАРШАВА

Пионерами социал-демократической работы среди еврейских рабочих в Варшаве явились приезжие рабочие, члены социал демократических кружков в Вильне. В начале 90 гг. мы находим в Варшаве целый ряд подобных кружков. В 1893—94 гг. в Варшаве пропаганду вели студенты Варшавского университета Станислав Гольдберг, Вацлав Мутермильх, Михаил Мутермильх, Максим Эльясон, Юлиан Ротштадт, Бецалел Стенцель, Маврикий Герц и активно работали в кружках Фелиция Барбанель, Мелиана Богуславская, Гольда Дрыбина, Эстер Перля Файнштейн, Иосиф Квятек, Яков Гольденберг, Петр Пржеговский и др. В 1896 году объединились группа с. д., приезжая из Вильны, еврейская группа „П. П. С.“ и группа местных с. д. и образовали „Еврейский рабочий союз в Польше“. „Союз“ выпустил несколько прокламаций. В 1897 г. „Союз“ распался. Соц. дем. группа, приехавшая из Литвы, образовала теперь „Еврейский рабочий ферейн (союз) в Варшаве“. В конце 1897 г. „Ферейн“ объявил себя „Варшавским

---

12) Шмерко Бенционов Вольфзон, 13) Мордух Берков Гуревич, 14) Хайкин, Хаим-Шая Ицков, 15) Глобус, Раиса Евнова, 16) Янковский, Мендель Лейбов.

Обысканы были: 1) Мовша Носонов Школьников, 2) Нехама Берковна Салон, 3) Бейла Моисеевна Коробочкина, 4) Гися Исааковна Гольдина, 5) Нехама Мордухова Герц, 6) Шмая Бенюминов Драпкин, 7) Зельда Ицкова Школьникова, 8) И. С. Мохов, 9) Фрида-Лея Исааковна Пружинина, 10) Мендель Мовшев Аэров, 11) Иосель Ицков Перельман, 12) Наум Янкелев Гельфгат, 13) Симон-Ааронов Гезенцвей, 14) Ной Ааронов Гезенцвей 15) Шнеер Залмон Самуилов Любин, 16) Меер Ицков Коробочкин, 17) Ицко Иоселев Римерман, 18) Голда Аароновна Вилячер, 19) Миндля Лейбова Богорад, 20) Залмон Айзиков Ааронов, 21) Абрам Тевелев Славин, 22) Давид Евсеев Райский, 23) Хана Гитля Калманова Лесник, 24) Янкель-Ицков Каган, 25) Лейба Евлев Драпкин, 26) Алтер Евнов Глобус, 27) Этель-Рива Мордухова Герц, 28) Мендель Мовшев Позин, 29) Довид Лейбов Аронзон, 30) Иуда Менделев Каган, 31) Хайкин, Залмон Абрамов. (Д. № 5, ч. 31, т. I, л. Г., ос. отд., 1898 г.,л. 195 — 197).

Комитетом „Бунда". Он организовал в 1898 — 1899 гг. многочисленные стачки, в 1899 г. начал издавать „Варшавер арбайтер" („Варшавский Рабочий"), который печатал в устроенной им нелегальной типографии.

В Варшаве в 1900 — 1901 годы работали в движении: Элий Райх, Хаим Закон, Вениамин Янкелевич, Израил Будинштейн, Нахман Ростовский, Залман Дымшиц, Эфраим Бейрах, Рахмиель Фрактовников, Абрам Хотишлянский, Мерка Желудская [1]), Израиль Альперт, Вульф Рутман, Мордка Гермелин, Ерухим Кутас, Абрам Шварц, Монаш Розенбаум, М. Крельман, М. Вольчинер, Пинкус Виноградский, Меер Фейгельштейн, Рафаил Зильберштейн, Шлойма Хоментовский („Шлемка"), Гамшей Крол, Доба-Гитля Гольдштейн, ученицы Варшавского повивального института Песя Айзенберг, Идася Мандельбойн, Хана Мандельбойн, Дебора Шимшелевич и Хеся Шифрина, студент Варшавского политехнического института Марк Абрамович, студенты Варшавского университета Шевах Данюшевский и Александр Зархин, переплетчики Израиль Вайнберг и Ицек Кац, модистки Мира Кушлян и Шейна Шапиро, акушерка Малка Мандельбойн, мещанка Хая Либерман, мещане Липа Новогрудский, Исаак Пейсахзон, Гирш Райский и Шмуль Нахамчик [2]).

При обыске у Песи Айзенберг был обнаружен склад революционных изданий на русском, польском и еврейском языках; в нем оказалось 46 названий брошюр, журналов, газет и прокламаций, всего в 406 экземплярах и переписка [3]).

БЕЛОСТОК

Люба Айзенштадт (Левинсон), Самуил Гожанский, Альберт и Минна Залкинд вели революционную пропаганду среди еврейских рабочих Белостока в 1895 г.: устроили несколько кружков и конспиративную квартиру, где Наум Лифшиц на гектографе печатал прокламации и брошюры. В фе

---

[1]) „Обзор etc", XXIV, стр. 95 — 109 и „Дер идишер арбайтер", № 10.

[2]) „Обзор etc", № XXV, с. 97, 102.

[3]) Ibid.

врале 1896 г. квартира эта провалилась, и вслед за тем были арестованы Айзенштадт, Гожанский, Лифшиц, А. и М. Залкинды и др. Все они были сосланы в Вост. Сибирь.

Однако, с их арестом движение в Белостоке окончательно не прекратилось и вскоре вновь восстановилось. В период 1897—1900 гг. активными работниками в Белостоке были: „Абрам", Левин („Бенце", ткач), Мунвес (ткач), Анна и Павел Розенталь, Б. Избицкий и др. [1]).

ПИНСК

В 1897 году в Пинске существовал рабочий кружок. Во главе его стояли Мотель и Шмуль Гринфельды, на квартире у которых происходили сходки и читалась социально-революционная литература. Рабочие вносили в кассу кружка еженедельно по 5 коп. Кружок провел целый ряд стачек. К кружку принадлежали рабочие Абрам Абель Ковзал (Гобз), Шмерка Шрейбман, Шмуль Пушко Клопаух (Пушкин) [2]).

В конце 90 годов Песя Айзенберг организовала в Пинске кружок. Переехав в Варшаву, она не порвала с ним и снабжала его деньгами и литературой и направляла туда агитаторов [3]).

БРЕСТ-ЛИТОВСК

В Брест-Литовске с 1895 года среди еврейских рабочих велась социал-демократическая пропаганда. В 1897 году здесь состоялся целый ряд стачек в портняжных, белошвейных и других мастерских. Вели пропаганду среди рабочих: Лия Избицкая, агитировавшая в белошвейных мастерских, учителя Иосель Избицкий, Абрам Левин, Овсей Сарна, Хаим Голдацкий; к более развитым рабочим принадлежали: Нахман Литвак, Янкель Гринберг, Гульник, Татарчик, Стоклишский и Давид Тайц.

Устраивались сходки на квартирах у рабочих: Абрама Стоклишского (он же Стоклинский и Стоклиц), Менделя Татар

---

[1]) Цит. ст. П. Розенталя в „Roiter Pinkos".

[2]) „Обзор важнейших дознаний etc", № XXI, с. 64—65.

[3]) Ibid, с. 95—100.

чика, Лейбы Гульника, Шимона и Леи Барласов и Шейны Розенбаум, а летом — за городом в лесу. К этим кружкам принадлежали, помимо упомянутых выше, Энта Бейла Подолевская, Ревекка Розовская, Сара Фишман, Ципа Сконовер, Лев Рокшон, Иоха Бурштейн, Носын Гринштейн, Симха Гольдфарб, Янкель Кравецкий, (он же Лендер), Файвель Трейбич [1]).

ВИТЕБСК

Начало социал-демократической пропаганде среди еврейских рабочих в Витебске в конце 90 годов положил Абрам Меер Амстердам. Он сорганизовал несколько кружков, устраивал рабочие сходки. Под его же руководством происходил целый ряд удачных стачек, в частности в 1897 году. Большое участие в социал-демократической работе в Витебске принимали Еля Кац и Александр Троповский. По обыску у проживавшего в Кременчуге фельдшера Тиркельтауба было найдено шифрованное письмо Троповского, в котором последний передавал Тиркельтаубу сведения об успехах рабочего движения в Витебске, об устройстве 12-ти тайных касс, организации свыше 400 рабочих (сообщал об образовании комитета из четырех интеллигентов и четырех рабочих. В конце 90 гг. в Витебске в социал-демократические кружки входили: интеллигенты — Зисля и Ейдля Шевелевы, Берка Цейтлин (студент Московского университета, у него при обыске нашли большое количество книг по рабочему вопросу и заметки о стачках за границей и в России), рабочие: Вольф Шалыт, Хацкель Усыскин, Гирш Барон, Пейсах Межевецкий, Шая Фридман, Лейба Бляхман, Ицка Стукман, Берка Хавкин, Лейба Хобзей, Гирш Розенбаум, Мовша Горбунов, Лейба Рензин, Мендель Бис, Мовша Ханин, Лейзер Ковальзон, Айзик Витензон, Муня Нейдлин, Янкель-Шолом Погорельский, Абрами Дымщиц, Мен

[1]) Ibid., с. 66 — 67. Избицкий в своих „Воспоминаниях“ (Варшава, 1922) указывает, что в Брест-Литовске в начале 90-х годов виднейшей пропагандисткой была Роза Зусман, покончившая самоубийством в 1895 г.

дель Левин, Вульф-Абрам Конюков, он же Коников, Родя Терман и Эйдля Гуревич [1]).

В 1899 году в Витебске руководителями движения были: Залман Нахмансон и Гирш Лурье, они организовывали рабочие кружки, снабжали их нелегальной литературой и вели с ними занятия. В состав этих кружков входили, между прочим, Цал Мейтин, Геня Гинзбург, Сора Эпштейн, Рахиль Зевин, Абрам Лабус, Фаня Кобыльницкая, Ида Гинзбург, Маня Каган, Ривка Каплан, Соня Беленькая и Исаак Соскин. На квартире у Соскина хранилась нелегальная литература кружков и типография. Далее активными работниками были: Лейба Арон Гуревич, Михель Бруссер, Залмон Бескин, Хана Розенфельд и др. [2]), Залмон Ливергант, Шлема Ландо и Эвна Богорад. В сношениях с ними жандармерией были замечены: Хая Хайкина, Перля Гринблат, Рахиль Железняк, Хана Стерина, Ицко Шапиро, Мордух Каммермахер, Арон Гатушкин, Мирка Зеликсон, Фрейда Казановская, Фрейда Пиратинская. В 1900 г. полицией был обнаружен большой транспорт нелегальной литературы у Арона и Сейны Гинзбург [3]).

РИГА

В 1900 г. в г. Риге велась агитация среди еврейских рабочих. Были основаны отдельные кружки, распространялись нелегальные издания и прокламации. По дознанию было обнаружено, что главным организатором этой пропаганды был Янкель Эпштейн, прибывший из Витебска, бывший член Двинского комитета „Бунда".

Первым по времени основан кружок жестянников, членами его были: Абрам Синельников, Гирш Гербер, Яков Сапирсон, Мордух Офнер, Якоб Шохет, Гирш Эдельштейн, Мовша Бловштейн, Хаим Перельштейн, Элья Бравый, Шмуль Добрин, Овсей Дворецкий, Ицко Зейдельман и другие. Затем Эпштейн организовал кружки заготовщиков обуви, портных и

---

1) „Обзор etc", № XXII и XXIII, с. 110—112.

2) „Обзор etc", № XXIV, с. 87—91.

3) Ibid.

шапочников. К первому из них принадлежали: Залман Блях ман, Хаим Гордон, Абрам Соловей, Осер Леви, Давид Кукля, Шолом Баркан, Бер Соркин, Иосель Абт, Хаим Перельштейн и Симон Поз, он же Лившиц; в состав кружка портных вхо дили: Шмуль Хацкович, Кадис Бурштейн, Гирш Рохлин, Бениа мин Рахлин, Носон Пеклер, Бенцион Ялов, Лейба Риц, Шолом Картун, Рахмиель Ирз, Израиль Зисблат, Вениамин Аткац (он же Кац) и Бер Франк; наконец, кружок шапочников соста вляли: Ицко Голландский, Ицко Гельцер, Абрам Карпелев, Борух Зисерсон, Лазарь Пок, Гирш Энтин, Абрам Табаксон, он же Табаксман, Мендель Финкельштейн, Мовша Клейман, Нохум Шпейер и Лейба Мейер. Кроме того, образовался кружок портних, под названием „дамского", в который, среди других, входили: Либка Гинцбург, Роха Фельман, Муша Ефун, Рахиль Рапопорт и Берта Добрин.

Для объединения кружков Эпштейн создал „Центральный комитет" из их руководителей и наиболее способных членов. Комитет проверял отчеты кружков, обсуждал степень успеха пропаганды и дальнейшую агитацию, заботился о приобретении литературы и т. п.; при нем была касса и библиотека, отде ления которой находились и в кружках. Комитет состоял из Кадиса Бурштейна, Ицки Гельцера, Абрама Карпелева, Хаима Перельштейна, Симона Поза, Гирши Гербера, Абрама Синель никова, Либки Гинцбург, Хаи Ефун, Рахили Рапопорт и некоего „Соломона". Главным руководителем всей организации был Эпштейн, которого заменил после призыва его на военную службу студент Рижского Политехникума Александр Цейтлин, помощником его был Моисей Марголис. Литература доста влялась Либкою Гинцбург, доставлявшею транспорты Карпе леву, последний же передавал их Гельцеру [1]). В сношениях с ними находились студент Рижского Политехникума Семен Вейсбрем, заменивший Цейтлина во время его поездки на Кав каз, и Мовша Шпур, получавший нелегальную литературу

[1]) Среди книг были: „Чего желают социал-демократы в России", „Мани фест коммунистической партии", „Четыре брата", „Весенние рассказы", „Что должен знать и делать каждый рабочий", „Дер идишер арбайтер" („Еврей ский рабочий") и др.

от Карпелева. Во главе кружка шапочников, первое время по его образовании, находился учитель Иосель Розин, у которого обнаружено более 50 революционных изданий на русском и еврейском языках. Много литературы было найдено у Гельцера, Гербера и Бурштейна, и в меньшем числе — у Соловья, Шохета, Поза, Пеклера, Офнера, Кукли и Вейсбрема. При допросах, кроме Голландского и Дворецкого, никто не признал себя виновным [1]).

В 1901 году, после разгрома этих кружков, оставшиеся на свободе члены восстановили организацию. Видными работниками были Гершон Плудермахер (учитель) и Лейба Рутман. В центральную сходку входили: Зусман Менделев, студенты Герц Бургин — Гордон, Илья Костолянец, Хая Гиршфельд, Берко Русоник, Гирш Энтин, Израиль Иофинов, Израиль Зисблат. Членами организации были Иосель и Маша Застенкер. Рижские кружки около 1901 г. примкнули к „Бунду" [2]).

II

Развитие движения в районе „Бунда" в 1897—1904 гг. [3])

С конца 1897 г. до лета 1900 г.

Организация

а) Боевые кассы

„В основании организации „Бунда" лежат боевые (стачечные) кассы. Профессиональные организации существуют главным образом в ремеслах, где относительно небольшое число занятых рабочих является благоприятным моментом для образования касс; что касается фабрик, то, при многочисленности занятых на них рабочих, устройство на них касс сопряжено с большими трудностями, так как при существующих в России полицейских условиях, тайные кассы с большим числом участ

---

[1]) „Обзор etc.", № XXV, с. 63—65.

[2]) „Обзор etc.", № XXVI, с. 132—133.

[3]) Извлечения, с сокращениями, из „Доклада „Бунда" Международному Социалистическому Конгрессу в Париже в 1900 г."

ников почти невозможны. Кассы имеют большое распростра нение и в некоторых городах, охватывают значительное число рабочих, как это видно из следующих цифр, означающих про центное отношение организованных рабочих (членов касс) ко всему числу еврейских рабочих данного города: Белосток 20% организованных рабочих, Вильна — 24%, Гомель — почти 40%, Минск — 35 — 40%. Приведем также абсолютные числа орга низованных рабочих для тех городов и ремесл, относительно которых у нас имеются сравнительно точные сведения: Двинск — 40 организованных рабочих; Белосток — 1.000; Вильна – 1.400; Гомель — 360; Минск около 1.000; кожевенников — 700 орга низованных рабочих; щетинников — 800 (60% всего числа за нятых в щетинном производстве).

Главное назначение касс — способствовать улучшению эконо мического положения рабочих. Но было бы ошибочно думать, что этим исчерпывается их значение, что они служат только средством экономической борьбы; наоборот, кассы являются также центрами, из которых расходится в широкой массе пропаганда социал-демократических идей, и сильным орудием для развития классового и политического сознания рабочих. Кассы почти всегда связаны с учреждениями, назначение кото рых проводить в сознание рабочих социал-демократические идеи и развивать их в политическом отношении, каковы: не легальные библиотеки, кружки из лучших членов кассы, где главное внимание обращается на усвоение рабочими начал социализма, „общие чтения" для всех членов кассы, где заня тия носят не систематический характер и отличаются большим разнообразием. На ряду с более элементарным, чем в кружках, изучением вопросов о заработной плате, рабочем дне и вообще начатков социализма, комментируются с точки зрения инте ресов пролетариата особенно поучительные факты текущей жизни: стачки, дающие яркую картину экономической эксплуа тации рабочего класса и раскрывающие отношения к нему правительства, резкие проявления полицейского произвола и политического деспотизма и пр. Кроме того, кассы празд нуют свои кассовые юбилеи, на которых читаются речи на политические темы. Таким образом кассы, открывая двери

всякому рабочему, желающему принять участие в экономической борьбе, с одной стороны, помогают его борьбе за повседневные насущные интересы, с другой — стремятся выработать из него социал-демократа и подготовить его к пониманию тех политических задач, которые ставит перед российским пролетариатом русская жизнь. Боевые кассы представляют сложное целое, заключающее в себе элементы экономической и политической организации: одной своей стороной — кассой в собственном смысле слова — она соприкасается с широкой массой, открывая в нее, т. е. в „собственную“ кассу, доступ всякому рабочему, желающему бороться за улучшение своего материального положения, не требуя для этого ничего, кроме простой добропорядочности, и обещая защиту экономических интересов, — другой своей стороной — учреждениями, образующими политическую надстройку экономического здания „собственной“ кассы — она примыкает к социал-демократической и политической организации „Бунда“, в лице его местных комитетов, Центрального Комитета и Заграничной Организации, и образует в нее одно органическое целое. В „Бунде“ мы не находим той обособленности профессиональной организации от политической, с какой мы встречаемся в некоторых странах. „Бунд“ так сложился, что не представляется возможным определить, где кончается экономическая организация его и где начинается политическая. И несмотря на то, что „Бунд“ носит яркую социал-демократическую и политическую окраску, в нем может найти место всякий „массовый“ рабочий (т. е. рабочий, классовое сознание которого еще не проснулось), желающий примкнуть к экономической борьбе. Характер организации „Бунда“ объясняется главным образом политическими условиями России. Там, где простое участие в стачке, не имеющей и тени политического характера, наказуется тюрьмой и без следствия и суда, одной властью полиции и жандармов, и даже ссылкой в Сибирь, по одному распоряжению министра внутренних дел (как это было во время белостокской стачки ткачей летом 1898 г.), профессиональные организации неизбежно приходят к сознанию необходимости борьбы с правительством и, кроме экономических задач, начинают себе ставить политические.

b) Местные комитеты

Во всех губернских городах и в уездных с заметным рабочим движением имеются социал-демократические комитеты, стоящие во главе местного движения.

Для развития классового и политического самосознания рабочих местные комитеты устраивают кружки для изучения пропагандистской социалистической литературы, организуют чтения преимущественно на политические темы, распространяют нелегальную литературу, выпускают прокламации общего содержания, имеющие в виду всех рабочих, а не рабочих того или другого ремесла (этот последний характер носят, главным образом, воззвания, имеющие целью стимулировать экономическую борьбу), устраивают собрания по поводу выдающихся фактов русской и заграничной жизни, организуют демонстрации и в частности майские празднества, издают местные органы.

Участие местных социал-демократических комитетов в борьбе рабочих за лучшие экономические условия выражаются: 1) в поддержке стачечников деньгами; 2) в поддержке людьми, которые дисциплинируют возбужденную массу, удерживая ее от актов насилия и преобразуя стихийное негодование ее в мирное, и упорное отстаивание своих интересов, выясняют и формулируют ее требования; 3) в распространении прокламаций к рабочим с целью вызвать стачку или распространить в широких слоях рабочей массы требования, уже выставленные во время той или другой стачки.

c) Центральный комитет

Общее руководительство „Бундом“ принадлежит Центральному комитету, деятельность которого выражается, главным образом: 1) в литературной и издательской работе, к которой относятся издание официального органа „Бунда“ „Arbeiterstimme“ (Голос Рабочего), прокламаций общего характера, агитационных и пропагандистских брошюр, печатание воззваний для местных комитетов, 2) в перевозке печатающейся за границей нелегальной литературы и доставке ее городам и в рассылке выходящей в России нелегальной еврейской литературы, 3) в сно шениях с местными комитетами и Заграничным комитетом

„Бунда“ и печатании местных органов, если местные комитеты не имеют своих типографий. Центральный комитет выбирается социал-демократическим съездом на время от съезда до съезда.

d) Заграничный комитет

Заграничный комитет является представителем „Бунда“ за границей. Деятельность его выражается, главным образом: 1) в издании второго официального органа „Бунда“ „Jüdischer Arbeiter“ (Еврейский Рабочий), 2) в издании агитационной и пропагандистской литературы, 3) в поддержке стачек деньгами, 4) в денежной помощи арестованным и сосланным товарищам, 5) в распространении за границей путем печати сведений о целях и деятельности „Бунда“, 6) в устройстве за границей организаций для литературной и материальной поддержки „Бунда“.

e) Съезд

Высшим органом „Бунда“ является съезд представителей местных комитетов и более крупных организаций, выходящих за пределы одного города, — как „Союз щетинщиков“...

f) Другие учреждения

...Из других учреждений укажем на существующие в некоторых городах тайные общества Красного Креста, имеющие целью помощь арестованным и сосланным товарищам; далее на тайные библиотеки дозволенных цензурой книг — общие (для всех рабочих данного города) и частные (при отдельных кассах), общие и частные библиотеки нелегальных книг и библиотечные комиссии, заведующие библиотеками...

Средства экономической борьбы

Средствами экономической борьбы служат:

1) Боевые кассы; они собирают данные о положении рабочих того или другого ремесла, мастерской или фабрики, определяют на основании добытых данных те улучшения, которых можно добиваться с расчетом на успех, стараются выбрать наиболее благоприятный момент для стачки, посылают от себя людей для ведения среди рабочих агитации на почве возмож

ных улучшений, организуют денежную помощь стачечникам и проч.

2) Прокламации экономического содержания, призывающие рабочих к борьбе за возможные и определенные улучшения или приглашающие их настаивать на выставленных уже требованиях, не смущаясь угрозами хозяев, полиции и жандармов и не отступая перед актами насилия со стороны властей.

3) Собрания до и во время стачки, на которых выясняются нужды рабочих, формулируются требования и ведется агитация во имя этих требований.

4) В очень редких случаях, для устрашения хозяев, бойкот, состоящий в том, что слишком упорного и наглого хозяина лишают рабочих и всеми средствами мешают ему нанять новый контингент рабочих, чем, в конце концов, вынуждают его закрыть заведение.

Из указанных нами средств экономической борьбы особенное значение в последнее время приобрела прокламация. Дело в том, что, как показывают факты, по мере расширения экономической борьбы, число неорганизованных рабочих, участвующих в стачках, все больше растет в сравнении с числом организованных (членов касс) стачечников, так что значение касс, как орудия экономической борьбы, все более падает. Центр тяжести экономической агитации перемещается в среду неорганизованной массы. Так, в Вильне в 1899 году число организованных рабочих, участвовавших в стачках, составляло только 21% всего числа стачечников. Раз главная армия борющегося пролетариата оказывается вне экономической организации, то при обращении к рабочим приходится все чаще и шире пользоваться прокламациями.

Самая экономическая борьба выражается в форме стачек.

Средства политической борьбы

Средствами политической борьбы служат: 1) прокламации, призывающие к открытому выступлению во имя определенных политических требований и к открытым протестам против того или другого проявления полицейского произвола, против определенных актов насилия со стороны правительства, против

политических преследований рабочих, гнета милитаризма и пр.; 2) собрания, подготовляющие и организующие открытые поли тические протесты.

Самая политическая борьба выражается в форме демон страций, которые, по мере развития рабочего движения, все более учащаются. Взгляд руководителей „Бунда“ на демон страции выражен в 18 № „Arbeiterstimme“ (июль 1900 г.). Зна чение демонстраций, говорится там, заключается в следующем: 1) они дают возможность открыто выставить политические требования правительству, 2) они служат для ознакомления широких слоев рабочей массы с рабочим движением и его целями и, следовательно, для привлечения их в ряды борюще гося пролетариата; в этом отношении демонстрации особенно важны, потому что при существующих в России полицейских условиях невозможно пользоваться в широких размерах ни собраниями, ни литературой для привлечения массы к рабочему движению, 3) открытое выступление пролетариата действует ободряющим образом на либеральную оппозицию (врачей, адвокатов и пр.), которая сильно чувствует гнет политического бесправия и может поэтому явиться союзником пролетариата в его борьбе за политические права, 4) демонстрации револю ционизируют, сплачивают и политически развивают рабочую массу и, таким образом, вырабатывают у нее качества, необхо димые для открытой борьбы.

Средство распространения соц.-демократ. идей

Социал-демократические идеи распространяются посред ством кружков для небольшого числа более развитых рабочих, общих чтений для значительно большого круга менее развитых рабочих, газет, агитационных и пропагандистских брошюр.

Средство развития классового и политического сознания

Для развития классового и политического сознания служат: 1) экономическая борьба; полицейские и правительственные преследования, которыми обыкновенно сопровождаются стачки,

обнаруживают перед рабочими истинное отношение к ним правительства и зависящих от него властей и постепенно приводят их к сознанию недостатков существующей политической системы и необходимости политической борьбы; 2) собрания, празднества и манифестации; 3) прокламации политического и экономического характера; 4) периодические органы и агитационные и пропагандистские брошюры; 5) собственные кассы и связанные с ними учреждения (кружки, общие чтения, библиотеки легальных и нелегальных книг).

Периодические органы

Официальные органы „Бунда" суть: „Arbeiterstimme" (Голос Рабочих) и „Jüdischer Arbeiter" (Еврейский Рабочий). „Arbeiterstimme", главным образом, следит за положением и борьбой российского пролетариата вообще и еврейского в особенности, освещает эту борьбу, ставит и разрешает вопросы, вытекающие из практики рабочего движения России и Польши, и уделяет особенно внимание критике существующей политической системы и пропаганде идеи необходимости политической борьбы. Видное место в органе отводится также защите специальных интересов еврейского пролетариата. В „Jüdischer Arbeiter" главное внимание обращается на положение и борьбу заграничного пролетариата, на очерки заграничной жизни вообще и на популярно-научные статьи по теории рабочего движения и по некоторым вопросам русской и заграничной жизни. Кроме общих органов выходят также местные органы, издаваемые отдельными комитетами „Бунда". Варшавский комитет издает „Warschewer Arbeiter" (Варшавский Рабочий), Белостокский комитет — „Bjalostoker Arbeiter" (Белостокский Рабочий) и Летучий Листок „Белостокского Рабочего", Виленский комитет издает „Klassenkampf" (Классовая борьба), Минский — „Flugblettel" (Летучий Листок), Гомельский — „Kampf" (Борьба), сверх того, входящий в „Бунд"; „Союз еврейских рабочих щетинщиков" издает свой орган „Wecker" (Будильник).

Бунд имеет 3 типографии (2 тайные в России и 1 за границей).

Деятельность „Бунда“ распространяется на Северо-Западный край (губернии: Виленскую, Ковенскую, Минскую, Гродненскую, Витебскую и Могилевскую) и русскую Польшу (главным образом, Сувалкскую губ., Варшаву и Лодзь).

Теперь перейдем к детальному рассмотрению деятельности „Бунда“ поскольку она выразилась в стачках, собраниях, демонстрациях, литературной и издательской работе и пр.

Стачки

Имеющиеся у нас сведения о стачках обнимают приблизительно 2½ года, с конца 1897 года до лета 1900 года. К сожалению, сведения эти очень неполны и ни в каком случае не могут дать точного представления о размерах экономической борьбы, которую еврейские рабочие ведут со своими эксплоататорами. „В начале 1898 года, читаем мы в корреспонденции из Белостока, помещенной в 8 № „Arbeiter stimme“, было так много стачек у мотальщиц, что нет никакой возможности не только говорить о каждой в отдельности, но и определить их число“. То же самое можно сказать о всех ремеслах и фабриках, затронутых движением, и о всех городах, входящих в район деятельности „Бунда“. Но если масса мелких стачек не отмечается вследствие их многочисленности, то, благодаря политическим условиям России, даже более или менее крупные стачки остаются иногда незарегистрированными: местные организации до того завалены работой и поглощены борьбой, требующей напряжения всех их сил, провалы так часты и в силу этого связи в рабочей среде так часто ослабляются, прямой опрос рабочих — самый действительный способ собирания сведений — встречает такие неодолимые препятствия в господствующей политической системе, что правильная регистрация стачек совершенно невозможна. Мало того, даже сведения о зарегистрированных стачках отличаются в высшей степени неполнотою. Так, из 312 стачек, о которых нам удалось собрать сведения, только в 156 случаях показано число стачечников, приходящихся на каждую стачку в отдельности; продолжительность стачки дана только для 89, исход известен только относительно 262 стачек. Поэтому со

бранный нами фактический материал может дать лишь очень слабое представление о размерах стачечного движения, охва тившего еврейский пролетариат.

Стачки получили такое широкое распространение и стали таким обыденным явлением, что почти нет ни одного ремесла или фабричного производства с контингентом еврейских рабо чих, которое не было бы вовлечено в экономическую борьбу. Имеющиеся у нас сведения о стачках относятся к 14 фабрич ным производствам и 44 ремеслам. Из фабричных рабочих во главе стачечного движения идут рабочие и работницы, заня тые в ткацком производстве, на табачных и спичечных фабри ках, щетинщики и кожевенники; из ремесленных рабочих наи большую энергию и стойкость в борьбе за свои материаль ные интересы проявляют сапожники, заготовщики, столяры портные и пекари. Из общего числа 312 зарегистрированных стачек 140 падают на фабрики, 169 на ремесла и 3 на раз борщиков и составителей плотов. Из общего числа стачечни ков, которых удалось отметить 27.890, на фабрики прихо дится 14.032 и на ремесла — 13.058, при чем среднее число стачечников, падающих на каждую стачку, около 160 чел. для фабрик и около 100 чел. для ремесел. Для фабричных про изводств относительно малая цифра стачечников на одну стачку объясняется тем, что на крупных фабриках бастуют только отдельные отделения, занимающие относительно неболь шое число рабочих, напр., на ткацких фабриках часто прекра щают работу одни только мотальщицы, основальщицы, на та бачных — только сигарники, упаковщицы [1]). Для ремесел отно сительно крупная цифра стачечников на одну стачку объясняется тем, что за последние годы среди ремесленных рабочих полу чили большое распространение общие стачки, которые оказы ваются необходимы потому, что во многих ремеслах, при страшной конкуренции между хозяевами, успех экономической борьбы возможен только при одновременном изменении усло вий труда во всех или, по крайней мере, в большинстве ма стерских данного ремесла.

[1]) Напр., у нас зарегистрированы стачки мотальщиц на 11 ткацких фа бриках в 1898 г. в Белостоке.

Из 262 стачек, исход которых известен, выигранных 91,2% (239) и проигранных 8,8% (23). Соответствующие относительные числа для фабрик и ремесел отдельно только немного уклоняются в ту и другую сторону от этих общих цифр и почти между собою одинаковы: для фабрик 90% вы игранных стачек (113) и 10% проигранных (13), для ремесел 92,5% выигранных (124) и 7,5% проигранных (10). Таким образом, число выигранных стачек превышает в 9—12 раз число проигранных.

Для надлежащей оценки этого факта нужно еще принять во внимание, что в большинстве случаев стачки не обходятся без вмешательства властей, и что процент поражений был бы еще меньше, если бы власти не оказывали давления на ста чечников.

Незначительный процент поражений объясняется главным образом: 1) влиянием организации, деятельно помогающей ста чечникам агитаторами и деньгами и поддерживающей их дух собраниями и воззваниями, 2) распространенностью общих стачек, 3) разрозненностью хозяев, которые только в редких случаях противопоставляют организованной силе рабочих свои союзы и временные соглашения и 4) невозможностью достать рабочих для замены стачечников, в виду распространенности рабочего движения.

Больше всего стачек было за сокращение рабочего вре мени и повышение платы. Из стачек, относительно которых известны требования рабочих, на эти главные требования при ходится 66% (для фабрик) и 88% (для ремесел). Остальные требования в высшей степени разнообразны: уничтожение по штучной платы, принятие товарищей, уволенных в качестве „бунтовщиков", лучшее обращение, медицинская помощь (устрой ство больницы, даровой отпуск лекарств, приглашение на фа брику врача), уменьшение или уничтожение штрафов, уничто жение ночной и сверхурочной работы, введение расчетных книжек, аккуратная расплата, уничтожение браковки, удаление нелюбимых мастеров, уничтожение уроков, перерыв на завтрак и обед, выдача полного заработка (чтобы держать рабочих в большей зависимости, некоторые хозяева удерживают часть

их заработка до конца срока найма), уничтожение посредничества, лучшее освещение и проч.

Если мы сравним между собой числа стачек за главные требования, то окажется, что на фабриках гораздо чаще боролись за повышение платы, чем за сокращение рабочего времени: 44,3% за повышение платы и 21,6% за сокращение рабочего дня; для ремесел получается обратное отношение: 56,6% за укорочение рабочего дня и 31,3% за увеличение платы. Это явление объясняется тем, что в то время, как на фабриках работа вообще продолжается в среднем не более 12 час., в ремеслах, наоборот, существует страшная эксплоатация рабочих сил путем непомерно длинного рабочего дня; поэтому главные усилия ремесленных рабочих направлены на уменьшение рабочего времени.

Из остальных требований мы еще остановимся на требовании обратного принятия уволенных товарищей. Стачки за это требование довольно часты и достигают, напр., для фабрик довольно крупной цифры — 9,6%. Эти стачки весьма характерны, потому что служат одним из показателей солидарности, развившейся у рабочих, благодаря организациям и экономической борьбе. Как упорны иногда стачки за принятие расчитанных „бунтовщиков“, т. е. самых развитых и деятельных рабочих, доказывают следующие факты: в Белостоке в 1898 г., по окончании стачки на ткацкой фабрике Борухина, хозяин не пожелал принять обратно одного из стачечников; рабочие снова стали и простояли 6 недель и сдались только вследствие измены христианских рабочих, которые пошли на работу, не дождавшись удовлетворения выставленного рабочими требования. В Сморгони, в 1899 г., произошла стачка кожевенников, вызванная увольнением товарища; рабочие стояли 7 недель и выиграли.

Женщины также приняли большое участие в стачечном движении и обнаружили большую стойкость и энергию в отстаивании своих интересов. К сожалению, о женском рабочем движении у нас имеются только очень скудные сведения, которые относятся к 10 фабричным производствам и 11 ремеслам. Во главе стачечного движения идут папиросницы, мотальщицы, чулочницы и работницы, занятые на спичечных фабриках.

Чувство солидарности у работниц, участвующих в стачечном движении, очень сильно развито. Вот тому пример. Во время стачки на табачной фабрике в Гродне папиросницы, когда фабрикант уже согласился исполнить все их требования, поставили непременным условием возобновления работ освобождение всех арестованных стачечниц и обнаружили при этом такую настойчивость, что власти исполнили это требование. В Ковне, в 1899 г., произошла стачка 60-ти работниц, главным образом, за обратное принятие работницы, уволенной в качестве „бунтовщицы“; работницы стояли 4 недели и выиграли.

Кроме фабричных и ремесленных рабочих, к экономической борьбе примкнули также приказчики и приказчицы, строительные рабочие (каменщики, плотники) и самая отсталая, самая неразвитая часть еврейского пролетариата, так называемый Lumpen-proletariat — носильщики тяжестей (Träger), конжортники (разборщики и составители плотов) и вашовники (разборщики плотов).

О продолжительности стачек некоторое представление могут дать следующие данные. Средняя продолжительность стачки для фабрик 18 дней (862 дня — 49 стачек), для ремесл—21$^{1}/_{2}$ д. (817 дней — 38 стачек). Из 89 стачек, продолжительность которых известна, длились: 1 стачка — 18 недель; 1 стачка — 15 недель; 1 стачка — 13 недель; 2 стачки — по 9 недель (5 стачек — 5,6%), 12 стачек (13,5%) — 6 — 8 недель; 22 стачки (24,7%) — 3 — 5 недель; 30 стачек (33,7%) — 1 — 2 недели; 20 стачек (22,5%) — меньше 1 недели.

Наконец, заметим, что экономическая борьба, кроме того, что способствовала развитию классового и политического сознания еврейских рабочих, повела к значительному улучшению их материального положения. Для подтверждения этого достаточно будет привести некоторые данные об улучшениях, достигнутых рабочими путем стачек, напр., в Белостоке, Витебске и Гомеле. В Белостоке к 1900 году ткачи на всех фабриках добились 10 часового рабочего времени чистой работы вместо 14 часов и повышения заработной платы вдвое (6 — 8 р. в неделю вместо 3 — 4 р.). В Витебске в 1898 году

рабочие рядом стачек добились почти во всех ремеслах сокращения рабочего времени до 10 — 11 — 12 (чистой работы) вместо 13 — 14 — 15 — 18 час., повышения платы на 30 — 100%, уничтожения сверхурочной работы, аккуратной расплаты и уничтожения ночной работы (у портних, модисток). В Гомеле экономическая борьба в течение 98 и 99 годов дала следующие результаты: плата увеличилась у портных на 30 — 40%, у столяров на 50% (поштучная плата также заменена недельной), у сапожников на 15 — 40%, у слесарей на 50%; рабочий день сократился у портных до 14 — 15 час. (вместо 16 — 17), у столяров до 13 — 14 (вместо 17), у сапожников до 15 час. (вместо 18), у слесарей до 14 час., у портних до 13 — 14 час. (вместо 16); сверх того, почти везде рабочим удалось добиться перерыва на обед, аккуратной расплаты и лучшего обращения.

Демонстрации и празднества

1. Майские демонстрации

Майские демонстрации имели место в Варшаве, Вильне, Минске и в районе щетинного производства. В 1898 году мы имели одну демонстрацию, в которой участвовало 300 чел., в 1899 г. — 2 демонстрации с общим числом участников в 1.800 чел., в 1900 г. — 4 демонстрации с общим числом участников 3.700 чел.: всего за 1898 — 1899 и 1900 годы — 7 демонстраций, в которых участвовали в общей сложности 5.800 чел. Демонстрации везде носили почти один и тот же характер: шли по улицам, пели революционные песни, между прочим еврейскую рабочую марсельезу, кричали: долой деспотизм! да здравствует политическая борьба! долой капитализм! да здравствует рабочее движение! и пр. В некоторых местах демонстрации отличались характерными особенностями, из которых отметим наиболее интересную: в Вильне во время майской демонстрации 1900 года было поднято красное знамя. Наконец, 1 мая 1899 г. рабочие в некоторых местах не работали, именно в Варшаве, Витебске и в некоторых городках района щетинного производства: в одном городке бросили работу за 2 часа до окончания работ, в других городках рабо

тали только полдня (1 мая пришлось на воскресенье, когда евреи работают). В Варшаве майские демонстрации были общие: евреев и поляков.

2. Майские собрания

Там, где по местным или другим условиям открытое выступление пролетариата в форме демонстраций невозможно, 1-ое мая празднуется собраниями, обыкновенно в лесу. При этом произносятся речи о значении 1 мая и вообще на политические темы, поются революционные песни, поднимаются красные знамена с надписями: „рабочие всех стран, соединяйтесь“, „8-ми часовой рабочий день, политическая свобода, гражданское равноправие евреев“; бывают и более детальные надписи, как „свобода стачек, собраний, союзов и печати“ и пр. В виду многочисленности майских собраний и крайней неполноты сведений о них, мы не считаем возможным говорить о них подробно и только для примера укажем на некоторые из них и то на такие, относительно которых нам точно известно число участников. Праздновали 1 мая: в 1898 г. в Гомеле 250 рабочих; в 1899 г. в Белостоке — 400 чел., в Витебске — 120 чел.; в 1900 г. в Лодзи — 300 чел., в Двинске — 150 чел., в Гродне — 130 чел., — во всех указанных нами городах было по одному майскому собранию. Наконец, в том же 1900 г. щетинщики праздновали 1 мая несколькими собраниями, на которых было в общей сложности 600 чел.

3. Демонстрация против правительственного и полицейского произвола

Эти демонстрации имели место в Вильне (4 дем.), в Гродне (2), Витебске (2) и в Белостоке (1). Рабочие протестовали против административной ссылки в Сибирь по политическим делам (Вильна, Белосток), против распоряжения губернатора, отсрочившего заседание третейской комиссии для решения спора между табачным фабрикантом и вступившими в стачку папиросницами (Гродно), требовали освобождения арестованных (Вильна, Гродно), протестовали против насильственной смерти

рабочего, который умер от истязаний в полицейском участке и уже мертвый был там повешен для сокрытия преступления (Витебск). Все эти демонстрации имели много общих черт: шли толпами по улицам или собирались на станции жел. дороги, пели революционные песни, приветствовали ссылаемых и пр. Были и достойные внимания особенности. Так, в Вильне в феврале 1899 года, в день отправки политических в Сибирь, у тюрьмы собралась толпа рабочих, человек в 400; как только отворились ворота тюрьмы и показались политические, сопровождаемые конвойными, раздалось оглушительное у р а, в толпе замахали шапками и платками, начались революционные и противоправительственные возгласы: „Долой неправду! долой деспотизм! долой жандармерию! Да здравствуют наши братья! Да здравствует рабочее движение социал-демократии“! И толпа двинулась к вокзалу вслед за конвоем с политическими. В другой демонстрации, в Вильне же, при высылке политических было поднято красное знамя. В Витебске на могиле убитого в участке рабочего говорили политические речи. Не обошлось и без насилий со стороны рабочих: в Витебске разгромили дом сыщика, донесшего на убитого в участке рабочего; в Вильне разгромили участок, где сидели арестованные, ранили некоторых полицейских, избили до полусмерти урядника. Всего демонстраций против актов насилия властей было 9 (8 в 1899 г. и 1 в 1900 г.) с общим числом участников 5.000 чел.

4. Демонстрации при похоронах

Этими демонстрациями рабочие чествовали память умерших борцов за рабочее дело или товарищей, преждевременно сошедших в могилу от чрезмерного труда, тюремного заключения и ссылки по политическим делам. Таких демонстраций в 1899 и 1900 году было 8 (4 в Варшаве, 2 в Лодзи и по одной в Двинске и Сморгони). Демонстрации в Двинске и Сморгони были устроены еврейскими рабочими, в них участвовало всего 1.150 чел., шли по городу с революционными песнями и криками (напр., „да здравствуют организованные рабочие!“), говорили речи на кладбище. Демонстрации в Варшаве

и Лодзи были общие, при участии польских и еврейских рабочих; кроме обычных революционных песен и возгласов были также венки с красными лентами, как от польских, так и от еврейских рабочих. В 4 общих демонстрациях участвовало в общей сложности 3.400 чел.; число участников в остальных двух общих демонстрациях нам не удалось выяснить.

Отметим еще 2 демонстрации против милитаризма, имевшие место в 1899 г. в Витебске и Невеле (Витеб. губ.) при отправке рекрутов; в них участвовало 400 чел.

Итак, в демонстрациях всего участвовало 12.350 еврейских рабочих; в это число не входят еврейские рабочие, участвовавшие в общих с польскими рабочими демонстрациях.

5. Празднества

Празднества, о которых у нас имеются сведения, были устроены рабочими по поводу некоторых выдающихся фактов русской и заграничной жизни: праздновали 1 марта, 19 февраля (день освобождения крестьян), годовщину казни главарей бывшей польской социалистической партии „Пролетариат", юбилей революции 1848 года и 50-тилетие появления „Манифеста Коммунистической Партии".

Также у нас имеются сведения о кассовых юбилеях, т. е. празднествах, которыми рабочие празднуют день основания своей кассы. Из 22 зарегистрированных у нас празднеств с общим числом участников 2.675 чел., — 12 приходятся на кассовые юбилеи. Кассовые юбилеи имели место в Вильне и Белостоке, остальные празднества были устроены в Вильне (3), в Минске (3), в Варшаве (2), в Белостоке (1) и в Витебске (1). Эти празднества по годам распределяются так: в конце 1897 года — 1, в 1898 г. — 4, в 1899 г. — 14, в 1900 г. — 3. Празднества эти имели ту общую черту, что на них произносились речи, преимущественно на политические темы. Так, в Вильне, в 1898 г., на празднике 19-го февраля произнесена речь о значении освобождения крестьян для русского рабочего движения вообще и еврейского в частности; в Вильне же в 1899 г., на юбилее революции 1848 г., прочитана была речь, излагавшая историю революции и выяснявшая значение ее для

рабочего класса и роль, которая выпадет рабочим при политическом освобождении России. Там же и в том же году, на празднике 10-тилетия основания кассы портних, прочитаны были речи о развитии рабочего движения вообще и профессионального в частности за последние 10 лет, о значении профессиональных организаций и проч. Были и характерные особенности. Так, в Вильне, на упомянутом уже нами кассовом юбилее портних, комната, где имело место собрание, была убрана портретами Маркса, Лассаля и красными флагами с надписями: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“! и проч. Были празднества и по другим, не отмеченным нами поводам: в годовщину смерти Энгельса, в годовщину провозглашения Парижской коммуны и пр. Что касается рабочих собраний вообще, то они были так часты и по таким различным поводам, что говорить о них не представляется возможности. Заметим только, что, несмотря на необходимость скрываться, эти собрания не редко бывали крупны, конечно, на русский аршин; так, в Гродне, в 1899 г., состоялись в лесу два собрания папиросниц фабрик Шерешевского, на которых была решена стачка; на первом собрании участвовало до 350 работниц, на втором — до 600.

Литература

Литературная деятельность „Бунда“ выразилась в издании 6 газет, 1 летучего листка, 1 журнала, прокламаций и брошюр [1]). До сентября 1900 года вышло: 13 №№ (от 6-го до 18-го включительно) Arbeiterstimme (официальный орган „Бунда“), 5 №№ Warschawer Arbeiter (орган Варшавского Комитета), 2 №№ Bjalostoker Arbeiter и 2 №№ „Летучего

---

[1]) В течение сентября, октября и ноября 1900 года появились 4 новые газеты: Flugblettel (Летучий листок), „Минский рабочий“, издаваемые Минским Комитетом „Бунда“, Kampf (Борьба), орган Гомельского Комитета „Бунда“, и „Гродненский Фабричный Листок“, — все газеты выходили в России. Далее, вышли 19 и 20 №№ Arbeiterstimme, 10-й номер Judischer Arbeiter, 3-й номер Klassenkampf, изданы две брошюры: Die Geschichte vun die englische Arbeiter-Bunden (История английских рабочих союзов) и Arbeits tog (рабочий день — 3-е исправленное издание и пр.).

Листка“ Белостокского Работника (орган Белостокского Коми тета), 2 №№ Klassenkampf (орган Виленского Комитета), 2 №№ Einigkeit (орган Минского Комитета), 6 №№ Wecker (орган „Союза Щетинщиков“) и 4 №№ (от 6-го до 9-го вклю чительно) Judischer Arbeiter (заграничный орган „Бунда“). Все эти издания были распространены в России в количестве 45.000 экз. и, за исключением Wecker, Judischer Arbeiter и 1-го номера Bjalostoker Arbeiter, печатались в России в тай ных типографиях „Бунда“. Воззваний за последние $2^1/_2$ года вышло 74 (18 майских и 56 немайских); из них 43 прокла мации, относительно которых точно известно число экземпля ров, были выпущены в количестве 47.750 экз. и распреде ляются так: 13 майских в количестве 38.000 экз. и 30 май ских в количестве 35.950 экз.; не имеется сведений о числе экземпляров 31 воззвания (5 майских и 26 немайских). Брошюр за рассматриваемый период издано 22 в количестве 66.000 экз.: 8 в России в количестве 14.000 экз. и 14 за границей в коли честве 52.000 экз.; брошюры были распространены в России в количестве 34.000 экз. Таким образом, общее количество экземпляров газет и брошюр на еврейском жаргоне, распро страненных в России, выражается цифрой 82.000 (45.000, 34.000 и 3.000), считая в том числе 3.000 экз. американских изданий. Все прокламации и 8 брошюр были напечатаны в России в тайных типографиях „Бунда“ [1]). Перевезено было из-за границы в Россию „Бундом“ и доставлено городам 5 пу дов шрифта и 100 пудов или 200.000 листов нелегальной лите ратуры (еврейской и русской), что составляет в среднем около 4 пудов в месяц.

Майские прокламации были общие (Центрального Комитета) и местные (Комитетов Вильны, Варшавы, Минска, Белостока, Лодзи и Витебска). В общих майских воззваниях были сле дующие требования: 1) 8-ми часовой рабочий день, 2) свобода собраний, союзов, стачек, 3) свобода слова, печати, 4) непри

---

[1]) Газет и брошюр на еврейском жаргоне напечатано в России 46.000 экз. Перевезено в Россию еврейской литературы, включая американ ские издания, 36.000 экз.

косновенность личности, 5) уничтожение полицейского произвола, 6) конституция, 7) гражданское равноправие евреев; в местных майских, между другими требованиями, было выставлено требование 10-ти часового рабочего дня, как боевой лозунг повседневной борьбы, и 8-ми часовой рабочий день, как более отдаленная цель. Сверх того, в майских воззваниях постоянно подчеркивалась конечная цель рабочего движения — уничтожение капитализма и осуществление социализма. Немайские прокламации были политического и экономического характера. Политические прокламации были выпущены по самым разнообразным поводам: по поводу уличных демонстраций, по поводу арестов и высылки товарищей, по поводу отправки рекрутов, по поводу годовщины казни главарей бывшей польской партии „Пролетариат“ и пр. Все эти воззвания имели ту общую черту, что заключали протест против существующей политической системы и призыв рабочих к объединению и организации сил для борьбы с абсолютизмом. Прокламации экономического содержания имели в виду или всех рабочих данного города или района, или только рабочих данного ремесла, или только рабочих того или другого промышленного заведения; заключая в себе формулировку материальных улучшений, которых можно добиваться в данный момент с расчетом на успех, эти воззвания являлись или призывом к стачке, или приглашением (во время стачки) настаивать на выставленных требованиях, несмотря на упорство хозяев, насилия властей и материальные лишения, связанные с безработицей, или же имели целью популяризацию в широкой рабочей массе требований, выставленных во время той или другой стачки, и идеи экономической борьбы вообще. Было также не мало воззваний, не укладывающихся в указанные нами рамки, напр., по поводу кризиза (Варшава, 1900 г.), по поводу филантропических затей во время кризиса; в этой прокламации, обращенной к ткачам, доказывалось, что филантропия бессильна облегчить положение рабочих, и что их судьба всецело зависит от них самих (Лодзь, 1899 г.); к родителям папиросниц во время стачки на табачной фабрике Шерешевского (Гродно, сентябрь 1899 г.); эта прокламация была вызвана тем, что фабрикант,

желая произвести давление на стачечниц, стал увольнять отцов и матерей их, занятых в небастовавших отделениях; воззвание к обществу о помощи „Красному Кресту“ (Витебск, 1900 г.) и проч. Наконец, заметим, что местные комитеты выпустили также и несколько прокламаций по польски и по русски; напр., Варшавский Комитет в 1898 г. выпустил майский листок по польски, Двинский Комитет издал в 1900 г. воззвание по поводу стачек по русски, Витебский Комитет выпустил в 1899 г. по русски майские воззвания и т. д. Такие воззвания необходимы потому, что во многих ремеслах заняты и еврейские и христианские рабочие, стало быть успех борьбы зависит от соединенных усилий.

Выпущенные „Бундом“ брошюры также весьма разнообразны по содержанию и заключают в себе изложение основ научного социализма и классовой борьбы („Манифест Коммунистической Партии“ Маркса и Энгельса, „Сущность Конституции“ Лассаля), изложение начал политической экономии и начатков социализма („Заработная плата“, „Рабочий день“, „Кто чем живет“, „Что должен знать и помнить каждый рабочий“), критику внутренней политики русского правительства и вообще существующей в России политической системы („Циркуляр Мин. Внутр. Дел“, „Стачка лжи“), критику узко-националистических течений в среде еврейства („Сионизм или социализм“), далее по программным и тактическим вопросам, вытекающим из практики рабочего движения России („Чего хотят русские социал-демократы“, „Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения“, „Поход Польской Социалистической Партии против Всеобщего Рабочего Союза в России и Польше“), по истории западно-европейского рабочего движения („Мартовская революция в Германии“, „Как бельгийские рабочие боролись за свободу“), о значении майского праздника для рабочего движения вообще и российского в частности („Брошюра на 1-е мая“) и т. д.

Большая часть указанных нами брошюр и некоторые нумера газет и журнала изданы Заграничным Комитетом „Бунда“. О литературной деятельности этого комитета можно судить по следующим данным. Со второй половины 1898 г. до августа

1900 г. им издано 112 листов, которые хронологически распределяются так: в 1898 г. — 11½ листов, в 1899 г. — 67½ листов и в первой половине 1900 г. — 33 листа; общее количество выпущенных им экземпляров составляет 62.900. Финансы Заграничного Комитета за последние два года (с 1-го июля 1898 г. по 1-е июля 1900 г.) представляются в следующем виде: поступило 16.681 фр. 28 сант., израсходовано 15.495 фр. 46 сант.

В заключение заметим, что, несмотря на все заботы о расширении своей литературной и издательской деятельности, „Бунд“ не в силах удовлетворить все растущей потребности еврейского пролетариата в литературе; как велика эта потребность—можно видеть из того, что, по докладам местных комитетов 2 съезду „Бунда“, число читателей нелегальной литературы в 1898 г. увеличилось в 2 — 3 раза в сравнении с 1897 г. На 3 съезде „Бунда“ (январь 1900 г.) все единогласно утверждали, что „стремление к знанию, развитию до того усилилось в среде еврейских рабочих, что ни один местный комитет не в состоянии удовлетворить спрос на нелегальную литературу. Требуется не только нелегальная литература, но печатное слово, книжка вообще, и существующие рабочие библиотеки не могут удовлетворить всех требований“.

С апреля 1901 г. по июнь 1903 г. [1]).

„Самыми яркими фактами этого периода являются расширение района „Бунда“, усиление политической борьбы и быстрое развитие литературной деятельности.

В Литве еврейское рабочее движение распространяется на местечки, и почти мало-мальски значительный город становится центром, обслуживающим больший или меньший район местечкового движения. Вовлечение местечек в движение, широкий разлив революционной борьбы, создает немаловажный источник революционной энергии. Особенно выдаются в этом отношении Могилевская, Минская и Ковенская губернии. В Могилеве возникает комитет, образуются организации в

[1]) „Материалы к ист. евр. раб. движ.“, вып. I, с. 128 — 140.

Орше, Шклове, Пинске, Бобруйске, Шавлях, Поневеже и т. д. В Польше движение перекидывается из Варшавы и Лодзи в „провинцию"; возникают бундовские организации в Седлеце, Плоцке; Варшавский и Лодзинский комитеты служат центрами, распространяющими свое влияние на городки, как Пабияницы, Згерж, Бяла и проч. В Сувалкской губернии движение расширяется за пределы щетинного производства и охватывает рабочих других ремесел; образуются организации в Сувалках, Мариамполе. С другой стороны, еврейское рабочее движение, руководимое „Бундом", проходит широкой полосой по юго-западу России; возникают бундовские комитеты в Житомире и Бердичеве, бундовская организация в Одессе, образуются примыкающие к „Бунду" группы и кружки в Киеве и Киевской губ., в губерниях Черниговской, Волынской, Подольской и Полтавской. Деятельность „Бунда" распространяется на Лифляндию и Курляндию и сосредоточивается в Риге, Либаве и Митаве. Развитию деятельности в этом районе сильно мешает то обстоятельство, что он находится вне „черты оседлости", и организованным еврейским рабочим постоянно грозит опасность быть высланными.

Движение не только расширяется, но также безостановочно идет вглубь. В этом отношении обращает на себя внимание усиление политической борьбы. Политические протесты происходят по самым разнообразным поводам и обнаруживают, что руководители движения приобретают все больше уменья пользоваться общественными явлениями для революционизирования рабочих масс. Уличные демонстрации учащаются. К прежним средствам политической борьбы прибавляются новые: манифестации в театрах, синагогах и политические забастовки (Лодзь—2, Сморгонь — 1, Гомель — 2, Ветка, Вильна). Революционные праздники получают все большее распространение и становятся обычным явлением в „Бунде"; 19 февраля, память декабристов, пролетариатцев и пр. празднуются во всех городах и местечках. Кроме того, 5-летие „Бунда" и юбилей „Arbeiterstimme" были отпразднованы везде политическими собраниями. Устная агитация делает огромные успехи и охватывает большой круг вопросов. В собраниях, которые становятся все чаще и много

люднее, произносятся речи на животрепещущие темы: о само державии, социализме, сионизме, национальном вопросе, терро ризме, зубатовщине и проч. В то же время увеличивается прокламационная литература, отзывающаяся на все важнейшие события и явления политической и общественной жизни: раз гром Финляндии, ростовские события, златоустовские убийства, кишиневский погром, студенческие волнения, ограничение прав евреев на образование, введение усиленной охраны, годовщина казни „пролетариатцев“, „независимые“, сионистский разврат и проч. Рядом с качественным ростом прокламационной лите ратуры, свидетельствующим об умножении и усложнении задач, идет ее количественный рост, как результат расширения ауди тории; напр., первомайская прокламация Центрального Коми тета в 1903 году была распространена в количестве 70 тысяч экземпляров, между тем, как прошлогодняя была распространена только в 20 тыс. экз.

Усиление массового движения имело своим результатом то, что, с одной стороны, так наз. „организованный“ рабочий пере стал быть излюбленным объектом революционной агитации, и, с другой стороны — изменился критерий организованности. Если раньше во многих городах организованным считался всякий рабочий, принадлежащий к какой-нибудь профессио нальной кассе, то теперь, с вовлечением в движение больших масс, этот признак стал играть весьма подчиненную роль, усту пив место другим признакам, которые сильно варьируют в зависимости от местных условий. Такими признаками счи таются: регулярное чтение нелегальной литературы, частое посещение собраний, оказывание мелких технических услуг движению, взносы в политическую кассу, в Красный Крест, принадлежность к пропагандистскому кружку и пр. Вместе с тем значительно возросло число рабочих, на которых прости рается непосредственное воздействие агитаторов; но как ни велик этот круг лиц, устная агитация, однако, им не ограничи вается, и на собрания приглашаются в значительном числе и неорганизованные рабочие, т. е. рабочие, относительно кото рых нет почти никаких других данных, кроме отсутствия со мнения в их политической честности и надежности.

Рост движения выдвинул, как одну из важнейших задач, подготовление более многочисленного контингента агитаторов и привлечение интеллигенции. Для выработки агитаторов была расширена сеть пропагандистских кружков, но недостаток интеллигенции не дает возможности поставить это дело надлежащим образом. Для привлечения интеллигенции был предпринят ряд изданий на русском и польском языках, имеющих целью, с одной стороны, знакомить широкие круги интеллигенции с деятельностью и задачами „Бунда", с другой стороны, отвлечь интеллигенцию от сионизма. Огромную роль в деле привлечения симпатий интеллигенции к „Бунду" сыграли брошюры: „Воззвание к еврейской интеллигенции", вышедшее 3 изданиями, „Отчет о IV съезде Бунда" (2 издания), „К вопросу о национальной автономии и организационной федерации"; далее, периодический листок „Последние Известия", переводные статьи из „Arbeiterstimme" по программным и тактическим вопросам и рефераты по разным вопросам (за границей и особенно в России). Возникли интеллигентские группы в Киеве, Петербурге, Москве и Риге. Началось широкое, руководимое „Бундом", движение среди еврейской интеллигенции в Польше, особенно среди студенчества. Во всех городах, где имеются бундовские организации, началась энергичная работа среди учащихся средних учебных заведений: возникают кружки, издающие листки, собирающие деньги и пр.

В то же время „Бунд" стремится стать во главе всех угнетенных слоев еврейского народа, революционизировать и подчинить своему влиянию оппозиционную часть еврейского общества. Для этого он обращался к еврейскому обществу и звал его на борьбу с абсолютизмом во имя его же кровных интересов. Типичным образчиком этого рода обращений может служить воззвание к еврейскому обществу по поводу ограничения прав евреев на образование. Но эта сторона деятельности „Бунда" не могла иметь большого успеха отчасти в виду политической неразвитости российской буржуазии вообще и специфических особенностей еврейской буржуазии в частности, отчасти в виду наличности в еврейской среде сионистско националистических течений, проповедующих политический инди

ферентизм и угодничество перед самодержавным правитель ством. С этими течениями „Бунду“ приходится вести неустан ную борьбу [1]) не только потому, что они отвлекают еврейскую интеллигенцию от социал-демократического движения, но также потому, что они начинают искать опоры в еврейском рабочем классе. Эта тенденция сионизма особенно резко обнаружилась в конце этого периода, когда развитие еврейского рабочего движения показало сионистам, что еврейский пролетариат стано вится общественной силой, которую было бы очень выгодно приручить и, таким образом, одним ударом убить двух зайцев: уничтожить классовую борьбу в еврейском народе, или, по крайней мере, низвести ее на степень борьбы за мелкие эконо мические улучшения, и приобрести армию сторонников. Самым ярким выражением этого „рабочего сионизма“ являлась тогда организация „Пойалей-Цион“, которая особенно подняла голову после кишиневского погрома.

Кишиневский погром, придав некоторую силу сионизму, с другой стороны, также усилил еврейское революционное движение и свел на нет все расчеты правительства. Позорное поведение некоторой части еврейской буржуазии, объявившей крестовый поход против социалистов и возведшей предатель ство и шпионство в гражданскую добродетель, резко подчер кнуло классовые противоречия в еврейском народе; факт участия агентов правительства в организации и выполнении кишиневской резни, факт распространения властями во многих городах слухов о готовящихся погромах с целью вызвать по всюду тревожное настроение и помешать проявлениям револю

---

[1]) В этой борьбе большую роль играет устная агитация. Агитаторы „Бунда“ пользуются всяким удобным случаем, чтоб выступать против сио низма: они проникают в устраиваемые сионистами легальные собрания, как это имело место в Вильне, Минске, Белостоке и других местах, и там ведут диспуты с вождями сионизма. Здесь кстати будет отметить влияние „Бунда“ на непролетарские слои общества. Влияние это довольно значительно. Осо бенно это сказалось во время кишиневских событий. Прокламация „Бунда“ по поводу погрома читалась нарасхват, всякий интересовался тем, что „Бунд“ скажет о погроме. Расширение влияния „Бунда“ вышло далеко за пределы района его деятельности, что видно из образования сочувствующих „Бунду“ групп в Петербурге, Москве и др. городах.

ционной борьбы, — все это лучше всяких слов обнаружило отвратительную сущность существующего режима; далее, кишиневский погром послужил исходным пунктом широкой политической агитации. Кроме Центрального Комитета, выпустившего воззвание к рабочим и еврейской интеллигенции, на кишиневские события отозвались прокламациями многие местные комитеты „Бунда“: гомельский, ковенский, виленский, бердичевский и житомирский, одесская организация „Бунда“ и пр. Почти во всех городах и местечках района „Бунда“ были устроены массовые собрания, посвященные кишиневскому погрому. В то же время ход событий дал недвусмысленное доказательство того что революционная энергия еврейского пролетариата не ослабела; мы имеем в виду демонстрации в Бердичеве, Варшаве, Лодзи, происшедшие вслед за кишиневским погромом, празднование 1 мая, сопровождавшееся забастовками во всем районе „Бунда“, и чествование памяти Леккерта. С кишиневским погромом повторилась, только в большем масштабе, история с сечением демонстрантов в Вильне. После виленской экзекуции некоторым казалось, что еврейское рабочее движение будет брошено на путь террористической борьбы, на котором оно должно было — по мнению одних — растерять добрую долю своей энергии, по мнению других — почерпнуть новую силу, и что в движении еврейского пролетариата наступит продолжительная репрессия (?). События не оправдали этих ожиданий. Революционное движение пошло еще более ускоренным темпом. Не далее, как спустя несколько месяцев, на улицах г. Вильны, пережившей ужасы правительственного каннибализма происходит демонстративное шествие еврейских рабочих, отдающих последний долг умершему товарищу (демонстрация на похоронах Шлоума).

Как в прежние годы, так и в рассматриваемый период, еврейский пролетариат неоднократно пользовался подходящими случаями для выражения своей солидарности с пролетариатом других национальностей России. Вот некоторые факты: приветственный адрес, посланный Бердичевским комитетом ростовским рабочим после ростовских событий, демонстрация в театре, организованная Ковенским комитетом для протеста против

златоустовской бойни, воззвания Гомельского и Ковенского комитетов по поводу златоустовских убийств, однодневные забастовки в Гомеле и Ветке, устроенные по поводу ростовских событий и златоустовских убийств [1]) и пр.

Что касается экономической борьбы, то она велась довольно интенсивно. Из соответствующих фактов следует отметить применение бойкота в двух случаях (в Белостоке и Гомеле) и всеобщую забастовку чулочниц с $2^1/_2$ тысячами участниц. Последняя стачка обращает на себя внимание в виду условий, страшно затрудняющих работу среди чулочниц (разбросанность чулочниц по местечкам и господство в чулочном производстве домашней системы).

Организации „Бунда“ сделали большие успехи в смысле лучшего приспособления к условиям, в которых они работают. Расширилась и усовершенствовалась организация профессиональных революционеров, бывшая всегда основой деятельности „Бунда“. Усилению этой организации в значительной мере содействовали побеги из Сибири. О степени приспособленности организаций можно судить по тому, что, несмотря на усиленную охрану и ужасные полицейские преследования, удавалось устраивать многолюдные собрания, например, собрания: в Лодзи — 3.000 чел., Белостоке — 1.500 чел. и пр.

Скажем еще несколько слов о литературе. Arbeiterstimme начала выходить чаще и в большем объеме. Содержание ее было значительно расширено. Всего чаще даются статьи по программно-тактическим вопросам, о событиях русской жизни и по специально еврейским вопросам. Чтобы ознакомиться с характером Arbeiterstimme, приведем краткий перечень статей, помещенных в одном из номеров этого органа: о земстве, о новом порядке судопроизводства по политическим делам, об усиленной охране, о демонстрациях, социализм и профессиональное движение, об организационных вопросах, о положении

---

[1]) Укажем еще на однодневную забастовку 12 августа в Бердичеве, устроенную местным комитетом „Бунда“ для выражения сочувствия одесским, кавказским и киевским стачечникам и демонстрантам и для протеста против насилий над ними. В этой однодневной забастовке участвовало свыше 3.000 рабочих и работниц, в том числе и 400 христиан.

„Бунда“ в Партии, об организованной мести, о сельско-хозяйственных комитетах, о „Пойалей-Цион“, о П. П. С., о кишиневском погроме, о еврейской легальной прессе и т. д. Почти в каждом № дается хроника русской жизни. Arbeiterstimme издавалась в это время в количестве 2.500 экземпл. Местные органы стали выходить в конце рассматриваемого периода реже, исключение составляет Warchewer Arbeiter. Вошли в обычай летучие листки, к которым прибегают для разъяснения программных и практических вопросов. Пропагандистская литература обогатилась многими серьезными сочинениями (Эрфуртская программа, Социальная революция — Каутского, Религия и классовые противоречия и др.).

Теперь мы дадим краткий фактический очерк движения до июня 1903 г. Оговариваемся, что очерк крайне неполный.

1. Район „Бунда“

А. Вильно (Свенцяны и пр.), Ковно (Поневеж, Вилькомир, Шавли, Оникшты, Кейданы, Яново, Шаты, Утяны...), Гродно (Картуз-Береза и пр.), Белосток, Двинск (Режица...), Минск (Борисов, Пинск, Мозырь, Бобруйск, Паричи...) Витебск, (Бешенковичи, Лиозно, Ляды...), Варшава, Лодзь, Седлец, Плоцк, Сувалки, Мариамполь, Гомель (Добрянка, Ветка...), Могилев (Шклов, Орша, Быхов, Копысь...), Житомир, Бердичев, Одесса, Нежин, Белая-Церковь, Подольская губ. (Винница, Брацлав, Тульчино, Немиров), Луцк — Волынской губ.

Б. Берштер-район (район щетинщиков): Невель, Креславка, Вилковышки, Кальвария, Владиславово, Вержболово, Вистинец, Межиречье, Тростяны, Кнышин.

В. Гарбер-район (район кожевенников): Сморгонь, Ошмяны, Кринки, Заблудово, Шишловичи и др.

2. Политическая борьба

Уличных демонстраций было 30. В 25 участвовало в общей сложности 7.520 человек; относительно 5 число участников неизвестно. Манифестаций в синагогах и театрах было 14. Политических забастовок было 6, в 5 из них участвовало

6.500 чел. Политические забастовки имели место: в Вильне — 1.500 человек — в годовщину казни Леккерта, в Лодзи — 2 по 1.500 человек — для протеста против полицейского произвола, в Гомеле — 2 по 1.000 чел. — по поводу ростовских событий и златоустовской бойни, в Ветке — по поводу Златоуста. Собраний зарегистрировано 260, относительно 224 известно число участников, общая цифра — 36.900.

До	50	чел.	— 46	собр.
„	100	„	— 74	„
„	500	„	— 72	„
„	1000	„	— 9	„
В	1.200	чел.	— 1	„
„	2.000	„	— 2	„
„	3.000	„	— 1	„

Все сказанное не относится к празднованию 1 мая, о котором имеются следующие данные. Демонстраций было 10; число демонстрантов чрезвычайно трудно определить; известны только более или менее точные данные о демонстрационном ядре. Вот некоторые цифры: в Варшаве (1903 г.) ядро состояло из слишком 1.000 человек, в Двинске (1902) — 700 чел., в Минске (1902 г.) — 500 человек и т. д. Собраний было 11, забастовок — 19, из которых в 12 участвовало в общем 10.550 человек.

3. Экономическая борьба

Стачек зарегистрировано 172. В 127, относительно которых известно число участников, участвовало 8.632 чел.; сюда не входит стачка чулочниц с 2½ тысяч чулочниц. Исход известен для 95: 80 с числом участникам 4.746 выиграны, 12 с 1.760 участниками проиграны, а 3 с 195 участниками окончились частичной победой. В городах, где движение уже давно существует, стачки носили по преимуществу оборонительный характер, в городах с молодым движением (Бердичев, Житомир и проч.) — наступательный. Преобладающие требования: повышение платы, сокращение рабочего времени, принятие уволен

ных рабочих, удаление мастеров и проч. Следует отметить применение бойкота в 2-х случаях: в Белостоке были подвергнуты бойкоту табачные изделия Яновского, в Гомеле — турецкая пекарня; бойкот имел полный успех только в первом случае. Кроме того, бойкот вообще часто применялся в районе „Бунда" и принимал разнообразные формы; например, организации не допускали рабочих на работу к известным хозяевам.

4. Литература

Arbeiterstimme вышло до июня 1903 г. 10 номеров в количестве 21.000 экземпляров. Разных местных изданий (газеты и летучие листки) 32 в количестве 40.650. Брошюр вышло (в России) 5: 3 на еврейском — в 5.500 экз. и 2 на русском — 4.400 экз. Прокламации: местные—83 в количестве 143.150 экз., Центрального Комитета — 9 в количестве 31.800 экз., всего 101 прокламация в количестве 347.150 экз. — Литературная деятельность Заграничного Комитета „Бунда" выразилась в издании Jüdischer Arbeiter (3 №№ в 7, 9 и 11 листов в 8[2]), „Последних Известий" — 137 №№ и брошюр: 27 на еврейском, 6 на польском, 8 на русском. — За тот же отчетный период вышло 5 №№ „Wecker" (9-13) — органа „Союза щетинников"; первые 4 печатались в России, последний за границей.

5. Формы организации

Во главе местного движения каждого города стоит комитет, который руководит также и работой в прилегающих к этому городу местечках. Под непосредственным руководством комитета находится агитаторское собрание, которое проводит в жизнь решения комитета. Местами агитаторское собрание пользуется правом голоса в известной области практических вопросов. Кроме этих учреждений, заведующих общей революционной работой во всем городе, имеются еще ремесленные центры, для той же работы в отдельных ремеслах. Далее следуют кружки, составленные из рабочих разных ремесел, являющиеся вспомогательными органами для ведения агитации в широких массах неорганизованных рабочих; политические кассы, т. е.

массовые организации наиболее сознательных рабочих; общества помощи политическим арестованным и ссыльным (Красный Крест).

6. Число организованных рабочих не поддается точному определению, но по самому умеренному расчету оно никак не менее 30.000 человек.

7. Число арестованных, по крайне неполным данным, равняется 2.180 человек.

8. В „Бунд" входят еще 2 социал-демократических профессиональных союза: Союз щетинщиков и Союз кожевенников.

9. Сношение с другими частями партии, вследствие общей дезорганизации партии (т. е. Р. С. Д. Р. П.), носили нерегулярный характер и выражались в услугах отдельным комитетам. Участия „Бунда" в попытках восстановления партии (роль его в организации мартовской конференции 1902 г., его участие в Орган. Ком.) мы здесь касаться не будем.

Отношения с Польской социал-демократией выражались в совместном выступлении на демонстрациях, в устройстве общих собраний и в оказывании различных услуг друг другу".

С июня 1903 года по июль 1904 года [1]).

Политическая борьба

„Политическая борьба внешним образом выражалась собраниями, демонстрациями и политическими забастовками. Регистрируются только те собрания, которые специально созываются по тому или другому политическому поводу, но не регистрируются те собрания, которые происходят регулярно изо дня в день и вызываются самым фактом функционирования организации, таковы периодические собрания агитаторов, более сознательных рабочих того или другого ремесла и пр. Число таких

---

[1]) Извлечения, с сокращениями, из „Доклада „Бунда" Интернациональному Социалистическому конгрессу в Амстердаме". Женева, Август, 1904 г., изд. „Бунда".

собраний в „Бунде“ колоссально, и счет им не ведется. Полити ческие забастовки устраивались для протеста против какого нибудь из ряда вон выходящего насилия полиции, для выра жения солидарности с другими рабочими (напр., с одесскими, кавказскими и киевскими стачечниками во время южных заба стовок летом 1903 г.), в память о каком-нибудь выдающемся факте революционной борьбы (напр., в годовщину повешения Леккерта) и проч. Демонстрации, за немногими исключениями, носили характер уличных волнений, с красными знаменами и революционными надписями на них, процессиями по городу и пр. Было среди них несколько так называемых „манифе стаций“; это те же демонстрации, но не под открытым небом: в театрах, синагогах; таковы, напр., манифестация в ковенском театре, по поводу убийства рабочих в Златоусте, и в одесских синагогах во время чтения царского манифеста от 26 февраля 1903 года, когда демонстранты бросали в пуб лику прокламации и революционными возгласами протестовали против самодержавия...

...Зарегистрировано: 429 собраний, в 418 из них уча ствовало 74.162 человека; 45 демонстраций (включая сюда и „манифестации“), в 31 из них участвовало в общей слож ности 20.340 чел.; 41 политическая забастовка (включая сюда 35 майских забастовок), в 31 из них участвовало 23.035 чел. Для 11 собраний, 14 демонстраций и 10 забастовок число участников не дано. Собраний, на которых участвовало 1.000 и более чел., было 12: 2 собрания по 1.000 чел., 3 — 1.300 ч., 1 — 1.500 чел., 1 — 1.600 чел., 1 — 2.000 чел., 1 — 2.400 чел., 1 — 3.000 чел., 2 — по 4.000 чел. Демонстраций с числом участ ников от 1.000 человек было 5: в 1.000, 1.500, 2.000, 3.000 и 5.000 чел. Забастовок, в которых участвовало 1.000 и более человек, было 9: 3 по 1.000 чел., 1 — 1.100 чел., 3 — 1.500 чел., 1 — 3.000 чел., 1 — 4.000 человек.

Экономическая борьба

Зарегистрировано 109 стачек. В 101 стачке участвовало 24.124 человека Более крупных стачек было три: в 2.000, 3.000 и 10.000 человек. Для 8 стачек число участников не дано.

Агитация по поводу погрома

...Имеющиеся сведения об агитации по поводу погромов, к сожалению, очень скудны. Зарегистрировано: 12 собраний с общим числом участников 2.710 чел., 1 демонстрация, в которой участвовало 3.000 чел., 23 воззвания, из которых 16 выпущены в количестве 97.750 экземпл.; в это число входят 3 воззвания Центрального Комитета „Бунда“ в 10.000, 30.000 и 35.000 экз. Самооборона в Одессе состояла из 400 человек, в Креславке, Вит. губ., из 250 чел. (в том числе 30 христиан), в Копыси, Могилевской губ., из 200 человек (в том числе 150 христиан), значительные отряды самозащиты были организованы в Киеве, Бердичеве, Могилеве губ., Белостоке и других городах. Отметим еще, что самообороне удалось в самом начале подавить попытку погрома в Паричах, Минской губ., и что Гомельский Комитет „Бунда“ получил приветственные адреса от Харьковского и Тифлисского Комитетов „Р. С. Д. Р. П.“ и Харьковского Комитета „Партии Соц.-Рев.“ — за организацию отпора громилам.

Пропаганда в войске

Работа в армии выражалась в следующем. Устраивались собрания из лиц призывного возраста. Распространялись прокламации на сборных пунктах. Устраивались демонстративные проводы рекрутам. Организовывались кружки из солдат с целью агитации в армии. Распространялась социалистическая литература среди солдат. Выпускались специальные прокламации к солдатам. Оказывались технические услуги „военно революционным группам“, ставящим себе специальной задачей работу в армии. Статистических данных о деятельности „Бунда“ в войске у нас почти совсем нет. Но насколько энергично велась эта работа, можно судить по тому, что большинство секретных военных циркуляров направлены против солдат евреев, которых военные власти поставили в совершенно исключительное положение и подвергают особым преследованиям. Зарегистрировано только 4 воззвания к солдатам и 1 к офицерам, 4 воззвания изданы в количестве 4.200 экз. В октябре

прошлого года Центральный Комитет „Бунда“ выпустил прокламацию к рекрутам в 20.000 экз. (такие прокламации он выпускает ежегодно при приближении набора).

Агитация против войны

Зарегистрировано: 5 демонстраций, из которых в 3-х участвовало в общем 550 чел.; 5 собраний с общим числом участников 935 чел.; 16 воззваний, из них 2 изданы Ц. К. „Бунда“ (1 в 2-х изданиях, другое — в 3-х; из этих 5-ти изданий одно вышло в 17.000 экземпл., второе в 2.500 экз., число экземпляров для остальных 3-х изданий не дано) и 14 изданы местными комитетами „Бунда“ в количестве 32.500 экз.

Интернациональный конгресс

Когда был окончательно установлен Tagesordnung Амстердамского конгресса, стали созываться специальные собрания для его обсуждения. Зарегистрировано 11 собраний, из которых в 9 участвовало 1.440 чел. На некоторых собраниях были приняты резолюции — приветствия Амстердамскому конгрессу.

Выступление „Бунда“ из Р. С. Д. Р. П.

...Как только было опубликовано о выступлении „Бунда“ из Росс. Партии, Центральный Комитет „Бунда“ апеллировал к организованному еврейскому пролетариату и отдал на его суд поведение делегации „Бунда“ на II съезде Российской Партии. Во всех городах были созваны собрания агитаторов, т. е. наиболее сознательных рабочих. На этих собраниях читался отчет о II съезде Росс. Партии, обсуждалось поведение делегации „Бунда“ на нем, и принимались соответственные резолюции. Все без исключения собрания во всем районе „Бунда“ одобрили поведение бундовской делегации на II съезде и признали, что она сделала все возможное для избежания раскола и что уход „Бунда“ из Росс. Партии был актом необходимости. Зарегистрировано 42 собрания агитаторов; в 40 из них участвовало 2.162 чел. По поводу выступления „Бунда“ из Росс. Партии, Центральный Комитет „Бунда“ выпустил прокламацию в кол. 35.000 экз.

Касса

А. В кассу Центрального Комитета „Бунда“ с 10 марта 1903 г. до 1 июля 1904 г., т. е. за 15 месяцев с лишним, поступило 19.132 р. 39 к. = 47.831 фр.

Б. В кассы некоторых местных комитетов „Бунда“ поступило (имеются очень скудные сведения, которые приводим для примера): Гомельск. Ком. с 1 сентября 1903 г. до июля 1904 г. (10 мес.) — 2.999 р. 86 к. = 7.499 фр. 70 см.; Двинск. Ком. с 1 августа 1903 г. до 1 мая 1904 г. (9 мес.) — 1.425 р. 12 коп. = 3.562 фр. 80 см.; Бердич. Ком. с 15 авг. 1903 г. по 15 января 1904 г. (5 м.) — 445 р. 82 к. = 1.114 фр. 55 с.; Житомирского Ком. с 1 января до 1 июня 1903 г. (5 мес.) — 398 р. 48 к. = 996 фр. 20 с.; Лодзинского Ком. с 1 февр. до 16 мая 1904 г. ($3^{1}/_{2}$ м.) — 351 р. 53 к. = 878 р. 85 с.; Минск. Ком. с 20 февр. до 4 мая 1904 г. ($2^{1}/_{3}$ м.) — 509 р. 79 к. = 1.274 фр. 50 с.; Киевская соц. дем. группа с 15 ноября 1903 г. до 1 марта 1904 г. ($3^{1}/_{2}$ м.) — 1.138 р. 37 к. = 2.845 фр. 95 с.; Поневежская соц. дем. организация с 1 июня до 10 сент. 1903 г. ($3^{1}/_{3}$ м.) — 140 р. 35 к. = 350 фр. 90 с.; Пинск. соц. дем. организация с 2 февр. до 20 июня 1904 г. ($4^{2}/_{3}$ м.) — 92 р. 46 к. = 231 фр. 15 с.; Одесск. соц. дем. организация за последние 8 мес.—около 700 р. = 1.750 фр.; Могилевск. Ком. с 1 сент. 1903 г. до 1 мая 1904 г. (8 м.) — 1.071 р. 59 к. = 2.679 фр.

В. В кассу Заграничного Комитета „Бунда“ поступило: за 1903 г.—45.192 фр. 31 с. (в том числе для арестованных 3.844 фр. 74 с.); за первое полугодие 1904 г. (с 1 янв. до 1 июля) — 30.551 фр. 18 с. (в том числе для арестованных 2.069 фр. 24 с.).

Литература.

А. В России: 5 №№ „Арбейтерштимме“ (№№ 33—37) в колич. 12.500 экз.; 3 №№ „Дер Бунд“ (№№ 1 — 3) в кол. 18.000 экз.; № 13 „Варшавер Арбейтер“ (орган Варшавского Комитета „Бунда“), число экз. неизвестно; 10 брошюр (3 на еврейском яз. и 7 на русск.), из которых 5—в колич. 14.000 экз.;

несколько отдельных оттисков из „Арбейтерштимме“ и „Дер Бунд“, из них 3 оттиска из „Дер Бунд“ в 10.000 экз.; 305 прокламаций, из них 241 — в 686.775 экз.; 31 листок, из которых 24 — в 44.435 экз.

Б. За границей: № 15 „Идишер Арбейтер“ — в 1.500 экз.; № 1 „Glos Bundu“ — 1.500 экз.; №№ 1, 2 и 3 „Вестник Бунда“ — 10.500 экз.; 61 №№ „Последн. Извест.“ (№№ 128 — 188), в среднем, по 4.000 экз. каждый номер; 32 брошюры (17 евр., 10 русск. и 5 польск.) — 139.000 экз.; 4 листка — 13.000 экз.; 1 воззвание (переизд. на польском яз. одного воззвания Центр. Комитета „Бунда“) — 2.000 экз.

Число организованных рабочих

Число организованных рабочих не поддается точному определению, но по самому умеренному расчету оно никак не менее 30.000 человек.

Кассы помощи ссыльным и заключенным

Почти при всех комитетах „Бунда“ находятся специальные кассы для помощи арестованным и сосланным товарищам. О доходах этих касс у нас имеется очень мало сведений. Приведем для примера некоторые цифры. Поступило в кассы: при Ковенском Комитете с 1 сентября 1903 года до 1 января 1904 г. (4 мес.) — 901 р. 33½ к. = 2.253 ф. 35 с.; при Виленском Комитете с 1 февраля до 1 июня 1904 г. (4 мес.) — 737 р. 20 к. = 1.834 ф.; при Двинском Комитете с 1 января до 1 мая 1904 г. (4 м.) — 282 р. 17 к. = = 705 ф. 35 с.; при Могилевском Ком. с 1 окт. 1903 г. до 1 мая 1904 г. (7 м.) — 464 р. 68 к. = 1.161 ф. 70 с.; при Витебском Ком. с 1 сент. 1903 г. до 1 марта 1904 г. (6 мес.) — 848 р. 13 к. = 2.120 фр. 35 с.; при Бердичевском Ком. с 1 авг. 1903 г. до 1 янв. 1904 г. (5 мес.) — 170 р. 20 к. = 425 ф. 50 с.; при Гомельском Комитете с 1 июля 1903 г. до 1 февраля 1904 г. (7 м.) — 395 р. 50 к. = = 988 ф. 75 с.

Глава VIII

Попытки насаждения зубатовщины в еврейском рабочем движении. — „Еврейская Независимая Рабочая Партия“. — Ее программа. — „Независимцы“ в Минске, Вильне, Одессе и Бобруйске. — Неудачная попытка организации „независимцев“ в Двинске. — Причины временного успеха „независимцев“. — Крах „независимцев“.

Осенью 1897 г. начальник московского охранного отделения Зубатов, с одобрения московского генерал-губернатора Сергея Александровича и московского полициймейстера Трепова, начал „новый курс“ охранительно-жандармской политики, заключавшийся в насаждении им и его агентами среди пролетариата идей „легального“ рабочего движения.

Зубатов вербовал себе последователей, главным образом, среди политических заключенных, содержавшихся в московских тюрьмах.

Летом 1898 г. ему удалось арестовать около 70 бундовцев, накрыть типографию и много нелегальной литературы.

Среди арестованных оказались видные и старые работники „Бунда“. Долгие разговоры с ними, носившие весьма откровенный характер, сильно повлияли на заключенных: одни несколько поколебались в своих прежних убеждениях, другие же безоговорочно стали его горячими и восторженными поклонниками; мало кто устоял против его красноречия.

О характере и содержании своих допросов-разговоров Зубатов сообщил нач. ос. отдела департамента полиции Ратаеву следующие любопытные подробности:

„...Вся суть, по моему, дела — разъединить последний (противоправительственный) элемент с массой. На допросах я совершаю сие с блестящим успехом — могу сказать по совести. В русском движении, да, пожалуй, и в еврейском, я

с успехом убеждаю публику, что рабочее движение — одно, а социал-демократическое — другое. Там — целью является копейка, здесь — идеологическая теория. Рабочий должен стремиться к гражданскому уравнению с так называемыми „привилегированными“ классами (что вовсе не требует ни социализма, ни политической свободы, а также ни ума, знания и самодеятельности); социал же демократы, игнорируя непосредственные его интересы, зовут его помочь „привилегированным“ классам в достижении их интересов (совершить революцию), обещая после этого ему всяких благ. Очевидно, только глупость и серость рабочих делают их неспособными видеть эту передержку и вопреки здравому смыслу упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе.

С этим все, по разъяснении, соглашаются и начинают жаловаться, что „как этого они не доглядели“.

Но тут же является вопрос: а поверит ли нашей корректности правительство и разрешит ли нам какие-либо учреждения самопомощи (потребительные общества, кассы взаимопомощи, конторы юридической помощи и пр.)? Отвечаю на это, что сей вопрос может быть решен лишь практически: можно начать разрешать лишь тем, кого знаешь, а в широком смысле этим пользоваться еще нельзя, ибо рабочие мало еще сознали свои действительные интересы, а слушают переряженных рабочими интеллигентов, к тому же злоупотребляющих нелегальными учреждениями в своих целях, которые, враждуя с правительством, оказывают в движении медвежью услугу рабочим. Это производит магическое действие, и, волнуясь, люди начинают утверждать, что если правительство таково и рабочих не ненавидит, то и движения никакого быть не может. Но этого они не знали... Как вам это нравится? Вслед за сим идут показания... В еврейском вопросе та же история, но только усложненная национальными, религиозными и другими особенностями. Но по разъяснении всего этого, при вежливом, даже сердечном к ним отношении, арестованные сдаются и даже переходят на активную почву в пользу правительства.

Резюмируя все это, скажу одно: надо евреев о г л а д и т ь. После этого из них можно веревки вить. Благодаря их спло

ченности, малейшее к ним внимание моментально передается во все углы, и об этом узнают все. Раскалите толпу Вашим вниманием, масса пойдет за Вами, а, благодаря их сплоченности, революционеров Вам они сами выдадут с головой.

Итак, вопрос разрешается легко: внесите ум и сердце в борьбу (вместо сухой формальности), дайте нехитрые меры в пользу их, и Вы — господа положения“ [1]).

Несмотря на то, что против привлеченных к следствию в результате провала 1898 г. имелись серьезные улики, они отделались ничтожным наказанием: отданы были под надзор полиции, лишь несколько человек пошло в Сибирь на поселение. Очевидно, Зубатов хотел дать возможность своим последователям поскорее приложить на практике его идеи.

Он не ошибся в своих надеждах: едва они вернулись обратно, в Минск, как начали усиленную пропаганду. Зубатовцы вступили в старую организацию и, таким образом, разлагали „Бунд“ изнутри.

В основу своей пропаганды они, по словам Зубатова, клали следующие положения: „1) замену революционного учения эволюционным, а следовательно, отрицание, в противоположность революционерам, всех форм и видов насилия, 2) проповедь преимущества самодержавной формы правления в области социальных отношений, как формы, по внеклассности своей, заключающей в себе начало третейское, а следовательно враждебной насильственным приемам и склонной к справедливости, 3) разъяснение разницы между революционным рабочим движением, исходящим из социалистических начал, и профессиональным, покоящимся на принципах капиталистического строя: первое занято реформою всех классов общества, а второе своими непосредственными интересами, 4) твердое уяснение того положения, что границы самодеятельности оканчиваются там, где начинаются права власти, переход за эту черту был признан недопустимым своеволием — все должно направляться к власти и через власть“ [2]).

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 5, ч. 48, 1898 г., ос. отд., л. 23—24.

[2]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 538, 1908 г., ос. отд. Докладная записка С. Зубатова дир. деп. пол. от 4 окт. 1903 г., л. 2—3.

Вскоре им представился случай испробовать „твердость" нового курса Зубатова: в Креславле происходила экономическая забастовка щетинщиков, и последователи Зубатова хотели воспользоваться его услугами, чтобы принудить хозяина пойти на уступки и благодаря этому получить влияние среди старого союза щетинщиков. „В местечке Креславле, Витебской губернии,—писал Шахнович Зубатову,—уже 16 недель продолжается стачка 250-ти щетинщиков, причиной которой являются исключительно фабриканты. 16 недель тому назад фабрикант Хурин (Хаим), узнав, что рабочие его фабрики решили не прибегать более к стачкам, вздумал воспользоваться этим. Несмотря на то, что другие фабриканты платят 4 р. за каждый выработанный пуд, Хурин платил только 2 р. 50 к. за тот же пуд, вследствие чего заработок рабочих фабрики был постоянно ниже других. Но Хурин не удовлетворился этим и внес в начале нынешнего лета изменение в работе, которое усложнило ее настолько, что незначительный и без того их заработок должен был понизиться приблизительно на 40%, к тому же потребовал от рабочих, чтобы они содержали сторожей на свой счет; чтобы работали своими инструментами; чтобы покупали различные требуемые жидкости для смазки инструментов, для освещения и т. д., чего ни на одной фабрике в России не принято. Когда рабочие уже согласились на некоторые из этих условий, он им объявил расчет, прибавив, что не успокоится до тех пор, пока не увидит рабочих, валяющихся на улицах в голодной агонии и (они) будут жрать друг друга от голода.

Сейчас же после этого жестокого заявления рабочие обратились к фабричному инспектору с просьбой заступиться за них, но последний заявил, что из всех 300 фабрикантов в его губернии этот самый коварный, и хотя рабочие вполне правы, но он ничего не может сделать для облегчения его (их) участи. И вот уже более 3-х месяцев как 250 человек голодают по милости фабриканта, а он остается ненаказанным.

Я нахожу этот факт очень важным вот почему: если бы Вы, г. Начальник, вмешались в это дело и заставили фабриканта прекратить свои беззаконные действия по отношению к рабочим, то

это подготовило бы почву для проведения среди щетинщиков Ваши(х) взглядов о возможности и необходимости работать легально. Я уверен, что союз щетинщиков коренным образом изменил бы свою тактику и стал бы вполне легальным... Прошу Вас, г. Начальник, кое-что предпринять для устранения этого бедствия"[1]).

По этому поводу Зубатов просил департамент полиции вмешаться в конфликт, командировав поручика Спиридовича для ознакомления с ним на месте. „В данный момент,— писал Зубатов в департамент полиции, — случай этот может иметь глубокое политическое значение в смысле подъема веры среди рабочих в беспристрастие центрального правительства"[2]). Однако, департамент полиции не решался открыто санкционировать новый курс жандармской политики — „полицейский социализм", и Зубатову было сообщено, что командировка поручика Спиридовича в м. Креславль для проверки заявления Шахновича и направления дела о стачке „представляется неудобной"[3]).

Последователи Зубатова, или „экономисты", как их называли в агентурных донесениях в департамент полиции, имели в Минске среди еврейских рабочих большой успех. Влияние их быстро возрастало. К августу 1901 года они завоевали шесть цехов: переплетчиков, слесарей, столяров, каменщиков, щеточников, жестяников. „Экономисты" вели свою агитацию вполне открыто, уверенные в полной своей безнаказанности.

В среде минской организации „Бунда" они со стороны некоторой ее части встретили сильный отпор. Борьба велась с большой страстностью и ожесточением, обвинения сыпались друг на друга. О ее характере и содержании дают представление прокламации, выпущенные в 1901 г. минской организацией „Бунда"[4]).

---

1) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 538, ос. отд., 1908 г.

2) Ibid.

3) Ibid., л. 128.

4) См. ст. Н. А. Бухбиндера в „Красной Летописи" № 2 — 3 „Еврейская Независимая Рабочая Партия", где в приложениях приведены эти прокламации.

Чувствуя себя достаточно прочными, „зубатовцы“ решили выйти из „Бунда“ и создать новую политическую партию. Летом 1901 г. они, во главе с М. Вильбушевич, Волиным, Гольдбергом, Чемериским и др., выпустили манифест и программу „Еврейской Независимой Рабочей Партии“.

Еврейская независимая рабочая партия [1]).

Взгляды партии

I. Мы полагаем:

а) что никакая теория не настолько могущественна и не опровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собою к цели, которой масса не понимает;

б) что еврейский рабочий класс в настоящее время требует хлеба и знаний, и что эти требования должны быть удовлетворены;

в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды;

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии и все-таки имеет право защищать свои экономические и культурные интересы и быть вполне равноправным членом в экономических и культурных организациях;

д) что экономические и культурные организации должны стать ему необходимы, как воздух и вода, регулировать его экономические интересы, доставлять ему знания, и что таковыми они могут стать только тогда, когда они будут целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии.

II. Мы находим ненормальным современное положение вещей, при котором экономические организации находятся под руководством преимущественно политического по своим целям „Бунда“, потому что:

---

[1]) Гектографир., 4 стр., 1 ст., 25 × 9. Ориг. на русском яз. хранится в б-ке ист. рев. арх.

а) экономическая деятельность является для „Бунда“, глав ным образом, средством революционизировать рабочую массу, и потому „Бунд“ намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия;

б) „Бунд“, принимая рабочего, ищущего только хлеба и знаний, в свои, на взгляд массового рабочего, чисто экономи ческие организации, навязывает рабочему свои политические взгляды и стремления, не считаясь с его психикой, привязан ностями и стремлениями. Рабочих с не-„бундовскими“ взгля дами в экономические организации „Бунд“ не принимает, а инертно консервативную часть рабочей массы отпугивает своей репутацией политической партии. В результате подобная так тика „Бунда“ вредит организованной массе и жестоко посту пает с остальными рабочими, которые тоже ищут союза со своими организованными товарищами;

в) „Бунд“ развивает рабочих односторонне, ограждая их от не-„бундовских“ взглядов, и, таким образом, вносит в рабочую массу дух умственного порабощения;

г) „Бунд“ не допускает в рабочие массы интеллигентные полезные силы, с его политическими взглядами несогласные. „Бунд“ исполнил великую историческую миссию, развив дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится к организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках „Бунда“.

Программа Партии

1) Еврейская Независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского про летариата посредством культурно-экономических организаций, как нелегальных, так и легальных по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономи ческих организаций (трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций), б) к развитию среди рабочего класса научных и профессио нальных знаний и к воспитанию его для коллективной жизни.

2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

3) Партия объединяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых.

4) Организация партии демократическая, т.-е. управляется снизу, а не сверху.

Еврейская Независимая Рабочая Партия

Вскоре, вслед за выпуском манифеста и программы, цехи, находившиеся под влиянием „независимцев", обратились к начальнику минского жандармского управления полк. Васильеву с просьбой разрешить „совещание рабочих под руководством авторитетных лиц, по примеру Москвы", и одновременно к губернатору с ходатайством об утверждении проекта клуба минских ремесленников.

Они намерены были открыть мастерскую для безработных членов, издавать на еврейском языке газету, хотя бы еженедельную, распространять легальные книжки, оказывать юридическую помощь под руководством „уважаемых в городе опытных юристов, соответствующих группе по своему направлению" и т. д.

„Независимцы" устраивали еженедельно совершенно открыто большие собрания рабочих в громадном зале „Париж". Бундовцы пробовали выступать на этих собраниях, они критиковали взгляды „независимцев" и развивали свою, революционную, программу. Однако, через день-два их арестовывали и ссылали в Сибирь. Оказывалось, что на собраниях „независимцев" присутствовали „царевы очи и уши", посылаемые их друзьями в голубых мундирах [1]).

Под влиянием агитации „независимцев" в Минске почти не прекращались стачки. Владельцы мелких ремесленных предприятий, осведомленные о связи „независимцев" с полицией, шли на уступки. В короткое время независимцам удалось

---

[1]) „Искра", № 9 и „Посл. Изв." № 81.

добиться в целом ряде предприятий значительных улучшений для рабочих. Успехи эти содействовали быстрому росту числа стачек, и вскоре стал наблюдаться какой-то стачечный спорт.

„Независимцы“ поддерживали постоянный контакт с Васильевым и Зубатовым.

„... Установив дознаниями, произведенными при вверенном мне управлении,—писал 27 декабря 1901 г. Васильев командиру отдельного корпуса жандармов,—то тяжелое положение рабочих, в котором они находились, я решил попытаться разрешить этот вопрос путем мирным, имея целью — с одной стороны, улучшение положения рабочего, с другой стороны — отторжение его от занятий политикой.

Жизнь указала, что сходки крестьян, мещан и других сословий недворянских, разрешенные правительством, до сих пор не были причиной к агитации антиправительственной, почему я и предположил, на свой страх, начать это и по отношению рабочих и вступить вместе с тем в борьбу с революционными социал-демократическими группами, выставив против последних организованную экономическую партию.

Для этой цели мною было разрешено сорганизоваться рабочим, отказавшимся от политической пропаганды и желающим лишь легальным путем улучшить свое положение.

Первоначально я допустил собрания таких рабочих, на которых обсуждалось их материальное положение и средства к его улучшению, при чем из своей среды ими было выбрано несколько человек, образовавших как бы комитет. Этот комитет направлял деятельность группы, следил за правильностью прений и порядком во время собраний рабочих и устанавливал те вопросы, которые требовали своего обсуждения совместно с хозяевами. О результатах собраний мне докладывал выбранный член комитета и указывал на те неотложные предметы, которые были ими обсуждаемы, но решение коих возможно при участии хозяев. Затем я собирал хозяев и беседовал с ними, по поводу желаний их рабочих, но заставить ту или другую сторону исполнить какое-либо соглашение между хозяевами и рабочими, при отсутствии какого бы то ни было законоположения, дававшего законную силу таким решениям,—невозможно.

Я был на этих собраниях сам и лично убедился, что подобные собрания приносили громадную пользу тем, что рабочие, увидев возможность вступить на легальную почву, отказывались от своих учителей-революционеров и переходили в партию экономистов, при чем, несмотря на все речи лучших ораторов социал-демократов и революционеров, оставались верными своей новой партии, и были случаи, когда они били ораторов-революционеров за их проповеди, направленные против правительства.

Таким образом, рабочие, улучшая свое положение материально и приучаясь к иным отношениям к хозяину, дела которого они стали понимать и сознавать при взаимном обсуждении своих требований, не только отказывались от политической пропаганды, но и научились видеть в правительстве ту беспристрастную власть, которая заботится одинаково об интересах граждан и стремится улучшить положение каждого.

Деятельность такого рода помогла рабочим также распознать всю невыгоду для них нелегального пути, где, кроме тюрьмы и разорения семьи, они, несмотря на все широкие обещания руководителей, ничего не получили" [1]).

Полное представление о полицейском вмешательстве в еврейское рабочее движение дает письмо Зубатова в департамент полиции от 23 июня 1901 г., которое, в виду его интереса, приводим полностью.

„В конце апреля минувшего года мне удалось лично познакомиться с проезжавшим через Москву начальником минского губернского жандармского управления полковником Никитою Васильевичем Васильевым и в следующие приезды его сблизиться с ним на почве тождественного понимания современного, так называемого, рабочего движения. Эта солидарность во взглядах была мне особенно привлекательна потому, что, как известно Департаменту Полиции, в Минске находились на жительстве многие из арестованных там весною прошлого года, и в числе их Мария Вильбушевич, согласившиеся в беседах со мною с моим пониманием современного положения рабо

[1]) Д. ист.-рев. арх., д. деп. полиции, № 987, 1901 г., особ. отд., л. 10 — 12

чего движения и не только оставшиеся верными ему до настоящего времени, но и выступившие активными его проводниками в жизни.

Полковник Васильев, отличаясь чисто русской сметкой, сильной энергией и полным сознанием серьезности своего служебного положения и авторитетности своего мундира, по прибытии своем в г. Минск установил прекрасные отношения с местным губернатором князем Трубецким. Последнее обстоятельство имеет для него особую важность, так как революционное брожение охватывает в Минске ремесленников, отношения коих к хозяевам регулируются ремесленным уставом, надзор же за соблюдением последнего осуществляется не фабричной инспекцией, а чинами полиции, целиком подведомственной губернатору. Самые политические интересы губернии требовали от полковника Васильева особо внимательного отношения к деятельности полиции в этом направлении и своего непосредственного в нее вмешательства. При таком понимании вещей произошла в мае месяце текущего года забастовка слесарей в г. Минске, в количестве нескольких сот человек, желавших ограничить срок работы законными (согласно 431 ст. Ремесл. Устава) 12 часами вместо практиковавшихся 14-ти. Узнав об этом, полковник Васильев выразил желание видеть у себя депутатов от слесарей с тем, чтобы одновременно с ними пригласить к себе и представителей от хозяев. Группа лиц, мне единомышленных, с Марией Вильбушевич во главе, повела агитацию и целыми днями до хрипоты стала доказывать всю полезность вмешательства полковника Васильева в стачку; с другой стороны, революционные агитаторы проявили такое ясное понимание положения вещей, что становились на дыбы и старались всячески запугать массу, опасаясь, как бы она не отозвалась на призыв жандармского полковника, который между тем продолжал каждый день посылать за рабочими, приглашая их явиться. Кончилось это все-таки тем, что рабочие устроили собрание, выбрали депутатов и отправили их по назначению. На примирительном заседании в жандармском управлении рабочим была выяснена вся неправильность самовольного оставления ими работ, а хозяевам незаконность их требования, и тут же было

предложено: первым — стать на работу, а вторым — ввести законный рабочий день, о чем стороны и имеют быть официально оповещены особым объявлением минского губернатора князя Трубецкого, которое будет вывешено во всех забастовавших мастерских. К вечеру такое объявление было вывешено, и на утро работы были возобновлены. Вследствие такого быстрого и благоприятного исхода дел непримиримые агитаторы рвали на себе волосы, не будучи в состоянии вынести этой, как они сами выразились, „политической пощечины". С другой стороны, квартиры представителей мирной тактики стали одолеваться рабочими, являвшимися поговорить и познакомиться с новыми способами действий.

Описанный инцидент доказал, как далеко настроение массы от революционного. Рабочие из него поняли, что рабочее движение к конституции не относится, а может итти своим путем при всяком государственном строе, и в них развилась такая охота бегать к полковнику Васильеву, по выражению революционеров, „за подачками", что приходится сдерживать их почти силою. С другой стороны, все революционно-настроенные рабочие стали после этого инцидента относиться с каким-то пренебрежением к стачкам, говоря: „нам не интересно экономическое улучшение масс, этим пусть занимаются либералы; нам нужно политическое воспитание народа, а эти, так называемые, „Васильевские" стачки окончательно изгоняют революционный дух". Что касается революционных сил г. Минска, то, по сведениям моего корреспондента, в настоящее время там совершенно нет серьезных революционных руководителей, а имеется несколько агитаторов с юным Соломоном Чемерисским во главе, старающихся так или иначе воздействовать на рабочую массу.

При таком положении дел разыгралась в Минске история с приказчиками. ...Предвидя возможность стачки, полковник Васильев решил предупредить ее мирным путем; для этого он призвал к себе приказчиков, переговорил с ними и решился устроить общее собрание приказчиков для обсуждения их дел. В этих видах он послал каждому приказчику пригласительный билет следующего содержания: „М. Г. Просят Вас пожаловать

в субботу 11 июня в $1^1/_2$ ч. дня в зал „Париж“ для обсуждения некоторых вопросов, касающихся приказчиков в г. Минске. При входе обязательно предъявлять настоящий билет“. Группа мирной пропаганды, усматривая в вышеприведенном обстоятельстве возможность поставить приказчиков на легальную почву и принимая во внимание, что существующая организация приказчиков очень слаба, дышит одной нелегальщиной, неспособной дать чего-либо практически полезного в экономическом смысле, подняла агитацию за поддержание предложения полковника Васильева, хотя, за поздним получением сведений об этом предложении, на особый успех и не расчитывала. Революционеры же решили не пускать приказчиков на собрание, выразить этим самым Васильеву пренебрежение и публично, так сказать, его осрамить: столько у него было помпы и торжества при приготовлениях, и вдруг он останется в зале в единственном числе!

В условленный день и час открылись двери в залу „Париж“. Агитация мирной группы сделала то, что около 400 человек из массы явилось на собрание, что же касается организованных, то из них под влиянием революционеров не явилось никого.

Когда после долгих усилий удалось водворить порядок среди собравшихся, полковник Васильев стал говорить. Он говорил долго, красноречиво, горячо и пылко, доказывал вред политической борьбы, объяснял, почему интеллигенция пристает к рабочим, призывал их искать удовлетворения своих нужд путем открытым и обещал им свою помощь всегда и во всяком правом деле, предупредил их, что всякие нелегальные начинания он будет преследовать самыми суровыми мерами и искоренит их во что бы то ни стало, высказывал свою глубокую печаль по поводу того, что лучшие люди, самые способные, дельные и самоотверженные гибнут зря в тюрьмах, и нет другого исхода, чтобы избавить государство от их вредной деятельности, как удаление их на далекие окраины страны; просил всех работать на мирном пути и обещал присутствующим горячо приняться за их дело. Вся зала задрожала от бешеных рукоплесканий, последовавших в ответ на его речь,

толпа чуть не разорвала его от восторга и хотела качать. На понедельник назначено собрание, где окончательно выработают требования, и потом полковник Васильев явится третейским судьей.

„Удивительна психология толпы, — замечает мой корреспондент, — то рукоплещут революционеру, то готовы качать жандармского полковника!“

Вечером описанного дня весь город был как бы наэлектризован; начинаются разговоры о том, что необходимо изменить старую тактику, ибо обструкция больше немыслима, если революционеры не желают только совсем выпустить из своих рук массы.

Описанная борьба революционного элемента с профессиональным — в Минске; полное принижение первого в Москве; подобного же рода несогласия в Харькове членов общества взаимопомощи с пропагандистами; чуждое всякой политики оживленное артельное движение в Одессе, — являются признаками пробуждения рабочей массы и ее желания встать на самостоятельные ноги вне опеки революционеров и под покровительством существующего порядка. Вообще нужно признать, что все теперешние бунты и прочие беспорядки происходят вне сознательного участия масс, а исключительно под влиянием внешних факторов и на почве их темноты и отсутствия достаточного внимания к ближайшим нуждам рабочего люда и правильного авторитетного их руководства“ [1]).

На письме С. Зубатова директор департамента полиции С. Э. Зволянский сделал пометку: „Это очень интересные попытки. Но, конечно, их можно допускать только там, где толковые люди и знают, о чем и как говорить“.

Однако, не все в этом письме правильно рисует тогдашнее положение вещей в Минске. Взять хотя бы то место, где говорится о выступлении на собрании приказчиков Васильева и влиянии, какое оказала его речь. Об этом имеется свидетельство из другого источника: корреспонденция и „Минскер Арбайтер“. По словам корреспондента дело рисуется несколько иначе.

---

[1]) Д. ист.-рев. арх., б. деп. пол., № 5, ч. 16, л. Г, л. 28—31.

„...Васильев устроил большое собрание приказчиков в зале „Париж“ и держал пред ними пламенную речь. Он говорил очень мягко и вкрадчиво, предостерегал от „проклятых агитаторов“ и советовал слушаться только его, Васильева, ибо только он, Васильев, в состоянии, действительно, улучшить их положение. Но если, паче чаяния, они не последуют его совету и пойдут за революционерами, то он раскроет перед ними целый ад мучений и потопит их в море страданий. Но на приказчиков речь его не произвела особенно сильного впечатления. Они знали, что имеют перед собой защитника хозяйских интересов, надевшего личину, чтобы тем вернее уничтожить их движение, что Васильев держит речь перед приказчиками не из доброжелательства к ним, но только потому, что жандармы высшего полета приказали ему так говорить“.

„...Они понимают притворство верных царских слуг, они видят, как гора обещаний Васильева и Зубатова родила мышь „вспомогательных касс“, и замечают западню, в которую хотят завлечь их жандармы. Поэтому они смеются над их речами, советами и обещаниями и идут вперед путем борьбы. 23 июня 1901 г. приказчики праздновали первую годовщину основания своего ферейна, охваченные одушевлением в виду крупных успехов, достигнутых ими за такой короткий промежуток времени. Они добились значительных улучшений своего экономического положения, выросли в умственном отношении и чувствуют в себе достаточно силы с еще большим воодушевлением и энергией продолжать борьбу за коренное улучшение своего экономического положения и за освобождение от политического ига“ [1]).

В следующем своем донесении в депарамент полиции от 27 июня 1901 года С. Зубатов сообщил полученную им из Минска корреспонденцию: „С приказчиками пока результатов нет. Их выборные представители, явившиеся таковыми при экстраординарных условиях, все куда-то запропали, и никакого толку еще не вышло. 21 июня полковник Васильев позвал к себе хозяев. Те не хотели

[1]) „Минскер Арбайтер“, № 4, цитирую по „Посл. Изв.“, № 55.

явиться. Он их обязал подпиской, тогда пришли в количестве 30 человек. Он обратился к ним с внушительной речью. Они слушали и отмалчивались. Получалось нечто противоположное последнему инциденту — там рабочие аплодировали жандармскому полковнику, а здесь хозяева покорно злились. На вопрос полковника Васильева хозяевам, чего они хотят, на что они согласны и на что нет, не было ни одного согласного ответа, все 30 хозяев противоречили друг другу, и каждый опровергал мнение своего конкурента. Кончилось тем, что полковник Васильев обязал их подпиской явиться в следующий четверг в городскую управу, где объяснит им настоящее положение вещей. На 24 число назначена стачка столяров, в количестве 1000 человек. После того, как слесаря выиграли, столяры начали волноваться. По субботам и даже по будним дням начались собрания в лесах, при чем неорганизованная масса настаивала на стачке. Организованная часть, не располагая свободными деньгами, удерживала массу от стачки. Напряженность настроения такова, что удержать их на некоторое время не представлялось возможным, а поэтому, во избежание стихийной стачки, объявляется организованная. На вопросы о том, как представители организации будут держать себя в случае вмешательства в дело полк. Васильева, сначала возмущались самою мыслью о возможности этого, так как ни в коем случае не хотели идти к нему на поклон, а на возражение о возможности, как показало прошлое, совершенно иного отношения к вмешательству полковника со стороны неорганизованной массы (рукоплескания и восторг), отвечали решением пойти устроить ему демонстрацию. Когда же организованной части было указано, что масса на эту демонстрацию не обратит никакого внимания и все равно пойдет за полковником Васильевым, если он вмешается, а он вмешается наверное, так как это сделалось его системой, она решила пойти на вызов и потребовать свободы сходок, печати, слова и т. п. ерунды. Приверженцы мирной программы на это ответили хохотом, ибо смешно было видеть, как люди, в сущности весьма практические, буквально превращаются в детей, когда дело касается области для них непривычной, а в особенности

в отношении правительственной власти. В конце концов организованные столяры постановили: если полковник Васильев вмешается в стачку, позовет их и потребует пояснений, пойти лучшим организованным людям и сказать свои требования, а если полковник Васильев захочет явиться третейским судьей, то принять постановленное им решение, если оно будет удовлетворять их требования, в противном же случае продолжать стачку. Если рабочие будут корректны, то, конечно, все пройдет хорошо, толково, со смыслом и будет иметь благотворное значение для будущего, но с трудом верится в возможность такой корректности и успокоиться за них можно будет только тогда, когда все хорошо окончится“. На этом кончается сообщение независимца-корреспондента, далее идут любопытные выводы Зубатова: „Из этого вполне искреннего, беспристрастного описания положения дел в Минске становится ясным вся запутанность их. Решающая роль все-таки принадлежит серой неорганизованной массе, легко идущей на всякий скандал и почти неспособной к какому-либо осмысленному и систематическому ведению своего дела. Около нее стоит группа лиц, жаждущих узурпировать ее волю и настроение в своих партийных целях, и тут же рядом — представитель правительственной власти, благие начинания которого узурпаторы хотят парализовать сответственным вызовом массы на какую-нибудь скандальную выходку, имея в виду, что он, по своему официальному служебному положению, не может отнестись к ней безучастно, а занявшись ею, не отойти в сторону от вопроса; а с другой стороны, неорганизованная масса является неспособной даже формулировать свои нужды и желания на запрос попечительной администрации, так что последней приходится не только содействовать удовлетворению справедливых желаний, но и тратить силы и время еще и на выяснения самых этих желаний; словом, только самое внимательное, разностороннее и самоотверженное отношение жандармской власти к делу одно лишь в состоянии привести всю путаницу отношений в порядок и свести их к благоприятному и мирному концу. Работа очень трудная, беспокойная и кропотливая, но единственно продуктивная при наличном уровне развития общественных элемен

тов. Облегчением в ней может явиться появление новой группы лиц, чуждой радикализма, которая, став помощницей правительственной власти, явилась бы конкурирующей революционерам в деле руководительства неорганизованной массой. Организация такой-то силы и является насущной задачей современности. Она облегчит деятельность правительственной власти, парализует революционеров и окажет помощь массе в ее материальном улучшении (положении?)“ [1]).

В департаменте полиции уже начали беспокоиться деятельностью Васильева, к ней отнеслись не столь доверчиво, как это сделал Зубатов. На указанном письме Зубатова была сделана следующая пометка-резолюция: „Я немного боюсь, как бы п. Васильев не зашел слишком далеко“.

Неизвестный корреспондент 10 июля 1901 г. писал Зубатову из Минска: „Поздравьте меня с победой, большой победой. Получилась она следующим образом: мною приступлено было к тому, чтобы взволновать массу. Четыре главных ремесла— столяры, слесаря, переплетчики и щетинщики — возмутились против организации (революционной) и хотели из нее выступить и лишь силою мною удержаны от этого. Чемериский окончательно обратился в нашу веру; не знаю, влюбился ли он или действительно уверовал, только он стал самым пламенным проповедником защищаемых мною взглядов. Будучи членом минского комитета, он взбудоражил последний до того, что члены его окончательно перестали работать и как очумелые бегали друг к другу с вопросом, как спастись. Дошло до того, что они, забыв все конспирации, собрались в полном составе у меня, чтобы притти со мною к какому-либо соглашению. Надо сознаться, борьба была тяжелая. Мы просидели целую ночь напролет, и мне пришлось говорить под ряд 12 часов. Кончилось победой. Организация решила необходимость легальных учреждений и необходимость легализации движения, легализации постепенной и систематической, а не быстрой и беспорядочной для того, чтобы окончательно не сбить с толку массы. Решено было также выработать про

---

[1]) Д. № 5, ч. 16, л. Г., о. о., 1898, л. 34 — 36.

грамму легальной работы, что возложено на меня и Чемерисского с обязательством представить результаты Комитету. Постановлено также послать человека в Центральный Комитет, чтобы ему сообщить обо всем случившемся и услышать его мнение. Я имею теперь громадное влияние, и со мной приходится считаться весьма осторожно. Никогда еще Минск не переживал такого критического момента, как теперь. Надо сознаться, что в недалеком прошлом еще не верилось, что все это сделается так скоро; только, Всевышнего ради, не арестовывайте теперь никого; в Минске теперь этого делать нельзя; это будет страшной политической ошибкой. Повремените. Работа только что началась, но предвидится впереди очень много. Благословите и помогите только тогда, когда попрошу Вас об этом“ [1]).

Тот же корреспондент писал: „...У нас все так наладилось и так далеко пошло, что во мне, пожалуй, уже и больше надобности нет. Собрания столяров сходят прекрасно. Интеллигентные силы получились. Люди положительно заинтересовались и начали работать. Получено разрешение собираться всем ремесленникам гор. Минска на частных квартирах, только каждый раз нужно заявить в участке за несколько часов, что в таком-то месте будет собрание. В субботу, 20 октября, разрешен литературный вечер для рабочих в зале „Париж“, на котором ожидается присутствие 1000 рабочих. Программа интересная, с речами и хором рабочих; кроме того, комиссии из рабочих поручено следить за соблюдением 12-ти-часового рабочего дня и в случае его нарушения давать знать полиции для составления протокола. Полковник Васильев превосходит сам себя. Я его не узнаю. Он удивительно схватил дух движения и чрезвычайно последователен. Словом, самый нужный и деятельный человек. Публика так воспиталась, что отбросила все предрассудки, самым милым образом сговаривается с властями и совсем забыла о своем еще очень недавнем отвращении к правительству. Отношение к нашей группе сильно

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 5, ч. 16, 1898, ос. отд., л. 52 — 54, отношение С. Зубатова в деп. пол. от 12 июля 1901 г., № 9647. Автором этого письма является, вероятно, М. Вильбушевич.

переменилось. Криков „долой“ уже не слышно. Каменщики почти все наши, переплетчики тоже, слесаря — всей душой, столяров — половина, приказчиков — половина, жестяники — почти все. Мы ожидали, что компания перебродит, повол нуется, погогочет и — вернется, но вернется уже совсем наша. Так и случилось. С „Независимой рабочей партией“ теперь считаются, как с силой. По всему северо-западному краю ходят чудовищные легенды. Многие приезжают сюда, чтобы удостовериться, при чем некоторые уезжают со скрежетом зу бовным, а некоторые с целым морем зародившихся сомнений. „Бунд“ работает очень усердно. Откуда-то прибыли новые силы, и прежде молчавшие заговорили. Демократическая интеллигенция полна злобы, но для нашего движения это те перь вещь почти безвредная, и все мы относимся к этому весьма хладнокровно. Наши силы теперь только в легализа ции и в печати. Не скрою, что одно время здесь было такое тяжелое, мучительное состояние у нас у всех, что часто мы в душе проклинали начатое дело, это было время ужасных раздоров внутри самих же ремесл. Как „их“, так и „наши“ доходили до бешенства и подчас вступали в кулачный бой. Брат восставал против брата и со слепым неистовством отра вляли друг другу жизнь. Со стороны „Бунда“ развелось страш ное шпионство, чтобы выведывать, что у нас делается, и дело дошло до провокатуры. Словом, такая грязная помойная яма вместо идей; такая ненависть вместо мира и любви; такая спутанность и хаос мыслей вместо ясности их, что для моих чутких нервов это было ужасной отравой. Но теперь улеглось. Уразумели — и „взбаламученное море“ успокои лось“ [1]).

Письмо Зубатову того же лица было следующего содержа ния: „...В субботу, 20 октября, состоялся ранее мною упомя нутый рабочий вечер, т. е. праздник нашей независимой пар тии. Было около 1500 рабочих и масса демократической интеллигенции. Впечатление получилось сильнейшее, и идея

---

[1]) Ibid, л. 74 — 75, отношение С. Зубатова в деп. пол. от 18 октября 1901 г., № 13266.

легализации зажгла много умов. А „бундовцы“ очутились в ужасно неприятном положении. Они целую неделю перед праздником агитировали против этого вечера. Некоторые доходили до такого фанатизма, что тайно собирались в квартирах и торжественно сжигали купленные на вечер билеты; некоторые скупали билеты и в чайных публично разрывали их. Комитет нарочно назначил в этот вечер сходки и собрания во всех своих ремеслах. В массе распространяли слухи, что пятачки, которые взимались с билетов, поступят в распоряжение полковника Васильева. Организованные рабочие горели жаждой мести к этим „легализаторам и разрушителям“. На меня снова устроили нападение, да неудачно. Хотели поколотить двух девиц „бундовок“, которые участвовали у нас в хоре. Словом, делали все возможное и невозможное, чтобы удержать народ и — ничего не помогло. У двери были ужасные скандалы. Несчастные городовые изнемогали под напором публики, которая во что бы то ни стало хотела ворваться. Тысячная толпа стояла у двери в надежде, что авось как-нибудь ей удастся проникнуть. Присутствовавшие на вечере чувствовали себя свободно и держались свободно, и, несмотря на это, никто не вышел из рамок дозволенного. Говорились хорошие речи, и, в итоге всего, получилось полное торжество легализации. В середине вечера прискакали полковник Васильев с полицийместером, но были настолько тактичны, что в залу не зашли, поговорили только со мной в уборной, просили, чтобы хорошо держались, и приказали приставам не заглядывать в середину. Праздник имел громадное агитационное значение, которое даже трудно было ожидать. В будущую субботу, 27 октября, открываются собрания и собеседования для всех ремесл.

Прочтите в последнем номере „Будущности“ статейку о клубе столяров — очень любопытна. Если только правительство теперь не испугается, да не возьмет данного назад, то оно сделает громаднейший переворот во всей России. По моему, теперь необходим съезд жандармских чинов, где бы они получили надлежащую инструкцию, как держать себя по отноше

нию экономического движения, а в особенности во время стачек“ [1]).

Однако, не всегда собрания „независимцев“ кончались бла гополучно.

30 мая 1902 г., на второй день „Шевуоса“, они устроили в Минске „рабочий праздник“, присутствовало от 800 до 1000 рабочих. Устройство его вызвало среди бундовцев большое возмущение, так как оно имело место спустя два дня после казни в Вильне рабочего Леккерта, стрелявшего в виленского генерал-губернатора фон-Валя за его приказ сечь демон страгтов. Бундовцы решили сорвать этот „рабочий праздник“. Во время чтения отчета о деятельности независимцев по всему залу были разбросаны прокламации Центрального Комитета „Бунда“ по поводу выстрела Леккерта, и раздались возгласы: „Долой самодержавие! Долой зубатовцев! Долой независим цев!“ Произошла паника, в испуге публика бросилась к две рям и окнам. Немедленно была вызвана полиция.

О дальнейшей деятельности „независимцев“ Васильев в своем докладе в департамент полиции от 1 ноября 1902 года сооб щил следующее:

„...Имеется Комитет партии, который состоит из предста вителей от Минского, Одесского и Виленского рабочих коми тетов в количестве 10 человек и исполнительного бюро, кото рое находится в Минске до первого съезда Комитета партии. Исполнительное бюро состоит из 6 человек, оно ведает всеми делами партии, издает полемическую литературу против рево люционных организаций, рассылает агитаторов, имеет сноше ния с городами, где экономическое движение уже имеется и где оное только зарождается, устраивает партийные дискуссии, т.-е. приглашает на дебаты по разным партийным вопросам рабочих, которых считает способными, чтобы выработать из них идейных руководителей профессионального движения и т. д. и т. д. После целого года внутренней работы рабочая орга низация в Минске приняла следующую форму:

---

[1]) Ibid, отнош. С. Зубатова в деп. пол. от 24 окт. 1901 г., за № 13461.

Рабочие и приказчики организуются по профессиям в „союзы“ или „ферейны“, как их по месту называют. Не все рабочие ремесла вступают в союз, но он имеет влияние и на всех остальных рабочих.

Члены союзов по большинству голосов избирают правление, состоящее из 8—10 человек.

Правление или т. н. „совет“ заведует всеми делами ремесла, следит за всем, что делается в мастерских, разбирает недоразумения, возникающие между хозяевами и рабочими, вербует новых членов в союз, устраивает собрания ремесла, заведует библиотекой, которая имеется в каждом союзе, и кассой союза.

Касса предназначается только на случай стачки, и каждый член союза платит в нее 5 коп. в неделю. Каждый союз автономен в своих действиях, но он связан с другими союзами посредством Рабочего комитета, который состоит из представителей от союза.

Представителей избирают „советы“ по одному или по два от союза, и комитет сам присоединяет к себя людей, которых он находит полезными делу.

Рабочий комитет заведует общими делами профессиональных организаций.

При комитете есть культурная комиссия, которая состоит из нескольких членов комитета и нескольких интеллигентов, сочувствующих рабочим организациям.

Культурная комиссия устраивает общие чтения, лекции, занятия, рефераты по вопросам, интересующим рабочих. При комитете есть агитаторская комиссия, которая специально занята тем, что агитирует рабочих, для основания новых союзов в ремеслах, до сих пор не организованных или же организованных „Бундом“. Комитет устраивает иногда общеремесленные собрания для обсуждения экономического положения рабочих города и изыскивания средств к его улучшению.

Так, комитет выработал и послал на утверждение уставы: „Общества ремесленных рабочих и работниц евреев города Минска“ и „Общества приказчиков евреев города Минска“. Комитет издает листок, под названием „Арбайт-Марк“, т. е.

Биржа труда, он выходит два раза в месяц. В листке печа тается колебание заработной платы рабочих за каждые две недели и все интересные случаи из жизни рабочих, он является как бы обличителем всех темных историй, как у хозяев по отношению к рабочим, так и в среде самих же рабочих. Комитет выпускает иногда воззвания профессионального ха рактера к рабочим одного цеха или же ко всем рабочим го рода. Так, было выпущено за последние три месяца: воззва ние ко всем рабочим о безработице в 1.600 экземплярах, к приказчикам о сокращении часов занятий в магазинах в 1.000 экземплярах, к портнихам о значении союза для работ ниц в 400 экземплярах, к каменщикам о культурной деятель ности союза в 600 экземплярах.

Комитет для своих расходов получает 10% из кассы каж дого союза и иногда устраивает в свою пользу танцовальные вечера или концерты. От времени до времени комитет устраивает рабочие праздники. Рабочий комитет посылает в комитет партии трех представителей, через которых ведет сношения с Еврейской Независимой Рабочей Партией.

Отношения между хозяевами и организациями рабочих при няли определенную форму и потеряли случайный характер. Если между хозяевами и рабочими происходит какое-нибудь столкновение, рабочие об этом сейчас же докладывают „со вету" своего ремесла. Совет посылает хозяину письмо со штем пелем союза, например, следующего содержания: Милостивый Государь, г. Слепян. До сведения „союза портних" дошло, что Вы выгнали свою работницу, до окончания установленного срока, без всякой на то уважительной причины, угрожая ей при том побоями, а потому „союз портних" имеет честь просить Вас дать пояснение таковому, с Вашей стороны, поступку.

С почтением „Союз портних". 14 мая 1902 года. Минск (при письме всегда указывается адрес союза).

Если хозяин принимает во внимание заявление совета, тогда представитель от союза и хозяин сходятся, и недоразумение улаживается путем переговоров или третейским судом, если ни к какому соглашению притти не могут.

Третейский суд устраивается следующим образом: предста витель от хозяина и таковой от союза совместно выбирают двух незаинтересованных в деле лиц (обыкновенно одного хо зяина и одного рабочего), рассказывают им причину столкно вений, и уже их решению беспрекословно подчиняются обе стороны, как бы оно иногда было невыгодно какой-либо из сторон. Если же хозяин, получив приглашение от союза разъяснить недоразумение, не обращает на него внимания, со вет посылает второе письмо, как, например: Милостивый Госу дарь, г. Подольский. Союз приказчиков имел честь в предыду щем письме, от 4-го апреля сего года, просить Вас дать по яснение, почему вы отказали своему приказчику в средине условленного года, обвинив его в воровстве, не имея на то никаких доказательств. Союз до сих пор не имел чести полу чить от Вас ответа, а потому просит Вас принять сейчас же уволенного Вами приказчика и тем снять с пострадавшего лож ное обвинение. В противном случае союз будет, к сожалению, принужден поставить у Вас стачку. С почтением „Союз при казчиков“, 10 апреля 1902 года. Минск. Если и на второе письмо хозяин не обращает внимания, то совет посылает ему объявление о стачке, как, например: Милостивый Государь, г. Геллер. Сим „Союз приказчиков“ имеет честь заявить Вам следующее: Вследствие того, что на все заявления союза и просьбу его изменить Ваше поведение по отношению к Вашим приказчикам не последовало никакого ответа, союз принужден поставить у вас стачку, которая начнется 20-го сего августа. Требования следующие: 1) Отпускать Ваших приказчиков в 11 часов вечера при закрытии магазина, а не заставлять их работать до 2-х часов ночи, как это у вас заведено. 2) Платить Вашим приказчикам жалованье аккуратно два раза в месяц, а не выплачивать рублями и затягивать счет на целый год. 3) Не заставлять Ваших приказчиц исполнять домашнюю ра боту, как-то: мыть полы, топить печку в Вашей квартире и т. д. С почтением „Союз приказчиков“. 15-го августа 1902 года. Минск.

Если и после такого заявления со стороны хозяина ничего не предпринимается, совет заявляет рабочим или приказчикам,

чтобы они в назначенное время оставили работу, что в точности и исполняется.

Стачка кончается или путем переговоров, или третейским судом, или продолжается до тех пор, пока одна из сторон устанет. Но такой исход бывает редко, обыкновенно третейский суд улаживает дело, о новых условиях делается письменный договор между хозяином и союзом, и под условием подписывается представитель от союза и хозяин или заместитель его. Так действует каждый союз при столкновениях между хозяевами и рабочими в отдельных мастерских.

Если же союз приходит к заключению, что необходимо изменить условия труда в целом ремесле и для этого нужно поставить всеобщую стачку, он передает этот проект на рассмотрение рабочего комитета.

Комитет, обсудив дело, найдя его разумным и возможным, дает свою санкцию и помощь. Так, например, союз модисток (т. е. шляпочниц) нашел слишком длинным рабочий день в своем ремесле (он продолжался от 9 часов утра до 12—1 ночи) и решил с помощью комитета поставить всеобщую стачку за нормальный рабочий день.

Всем хозяевам были одновременно разосланы письма следующего содержания: Милостивая Государыня, г. . . . . . Сим „Союз модисток" имеет честь известить Вас о всеобщей стачке модисток города Минска, имеющей быть 5-го сего сентября. Союз требует: 1) Нормального рабочего дня от 9 часов утра до 9 часов вечера с 2 часами перерыва на завтрак и обед. 2) Вежливого обращения с работницами. С почтением „Союз модисток". 1-го сентября 1902 года. Минск.

5-го сентября ни одна модистка не пошла работать. Забастовка продолжалась в большинстве мастерских один день, в остальных два.

Хозяйки мастерских вступили в переговоры с „Союзом модисток" и заключили с ним следующий письменный договор: Сего 6-го сентября 1902 года состоялся договор между г-жею N и „Союзом модисток" на следующих условиях: 1) Рабочий день начинается в 9 часов утра, кончается в 9 ча

сов вечера, за исключением трех сезонных месяцев апреля, мая, сентября, когда работа продолжается до 10 час. вечера. 2) Время отдыха: на завтрак полчаса от 11 часов утра до 11½, на обед полтора часа, от 4 дня до 5½ час. 3) Между хозяйкой и работницами должны быть вежливые отношения. За исполнение вышеуказанных условий ручается: подпись хозяйки. . . . . подпись представителя союза. . . . .

О каждой стачке и об исходе ее печается в „Арбайт Марк", и, таким образом, вся рабочая масса привыкает к форме коллективных сношений с хозяевами.

В городе Минске организованы, по означенной выше программе, 15 ремесл, а именно: столяры, переплетчики, сапожники, модистки, портнихи, слесаря, заготовщики, каменщики, приказчики, табачники, фотографы, гильзовщицы, белошвейки, пекарки и чулочницы.

Не организованными остались следующие пять ремесл: мужские портные, жестяники, пекаря, шапочники и конфектчицы, но в недалеком будущем и эти пять ремесл будут организованы" [1]).

* * *

Виднейшей фигурой в „Евр. нез. раб. п." была Мария Вульфовна Вильбушевич. Она родилась в 1879 году в Гродно, отец ее владел мельницей и имением в „Лососно", вблизи Гродно. Слабое здоровье помешало ей посещать гимназию, и она обучалась дома. Впоследствии она ездила в Петербург для лечения от истерии у столичных профессоров. С нею часто бывали нервные припадки [2]). Экзальтированная, нервная, истеричная 19-летняя девушка всецело подпала под влияние Зубатова: долгие разговоры с ним сделали ее восторженной его поклонницей.

„Еврейская независимая рабочая партия" многим обязана ей.

Она обладала большими организаторскими способностями и неисчерпаемой энергией. К тому же она была прекрасный оратор.

---

[1]) Ист.-рев. архив, д. о „Независимых" (секр. отд.), л. 48 — 51.

[2]) Истор.-рев. арх., д. деп. полиции, № 103, 1898 г., особ. отд., л. 10—11, отн. нач. С.-Петерб. охр. отд. в деп. пол. от 9 окт. 1898 г., за № 14526.

М. Вильбушевич была арестована в Минске 7 марта 1900 г. На допросах она давала самые подробные показания.

Зубатов, Герарди и другие жандармы были в восторге от ее поведения.

Так, например, Вильбушевич сообщила важные сведения о лице, которого жандармские власти считали организатором типографий в Бобруйске, Минске и Гродне.

„Очень милая особа Маничка Вильбушевич, — читаем в агентурных сведениях из Москвы от 30 марта 1900 г. (Зубатова),— сидящая здесь, в разговоре со мною рассказала мне очень многое о Хаиме, полагая, что раз мы его упустили, так и не найдем. Он — ярый поклонник террора и ненавистник социал демократизма. В партии он вращается с 18-летнего возраста (теперь ему около 40) и знает, судя по его рассказам, все мелочи прошлых террористических предприятий. От желающего иметь с ним дела лица — он требует свободы от любовных связей, алкоголя и пр. Живет всегда нелегально и в разных городах под разными фамилиями. Был он и в Екатеринославе, и в Тамбове, и в Минске, и в Бобруйске и т. д.“ [1]).

В другой раз Зубатов пишет: „...Вчера Маничка Вильбушевич (это совершенно секретно) объяснила на словах (сие пойдет за агентурные сведения) все и всех по Минской ликвидации. Задача Герарди перевести все услышанное в чужие протоколы, отнюдь не обнаруживая источника. Итак, Минск спасен. В следующий сеанс будем говорить с нею о Гродне. Сообщил ей о ликвидации тамошней, и она заявила, что взяли лишь рабочих, а интеллигентов не коснулись. Постараюсь ее убедить назвать этих интеллигентов.

В Минске различают социалистов-революционеров от народовольцев, понимая под последними исключительно „Хаимовцев“ (всех учеников Хаима, который есть никто иной, как Ефим (Хаим) Абрамов *Гальперин*, живший пять лет в Минске нелегально), делящихся на теоретиков народовольчества и террористов. Крупные интеллигенты в Минске — *Элиасберг* и

[1]) Ист.-рев. арх., д. № 5, ч. 15, л. Б, 1898, л. 18 ос. отд.

Залкинд. Комитет распался, а существует лишь одна „рабочая раскладка“ (т.-е. рабочая часть комитета, из которого, перетрусив, ушла интеллигенция после погрома в 1898 г.), называющаяся „Ремесленным Советом“. Фамилии или адреса и приметы членов совета ею указаны. Она хлопочет за рабочих (особенно молодых), сбиваемых с толку руководителями, и просит их не арестовывать, для чего и называет истинных виновников“ [1]).

„...Герарди сегодня полетел от нас (из Москвы) в Ковно, так как Шрам обрелся. Предварительно он побеседовал с Маничкой, которая, боясь, что Герарди уедет, не успев переговорить с нею, вызвалась на допрос. Наговорила он(а) пропасть. Дело она ставит преоригинально. По ее мнению, виновные должны были сами явиться, увидев, что берут невинных. Они не явились, и она спокойно их указывает, намереваясь громогласно в Минске объявить о своем поступке, по окончании дела. Тюрьму и ссылку намерена перенести безропотно и (без *Н. Б.*) каких-либо льгот. По докладе о ней министру, Д. С. признал ее поведение — поступком идейного человека и просил не брать под стражу такого рода мелких рабочих. Все свои знакомства по Гродно — она также намерена указать. Узнав, что Герарди едет брать Хаима и в Ковно, она заявила, что „там давно работают и здорово“ [2]). „...Маничку я разделал так, что она стала убежденнейшая монархистка. ...Маничка объявит открыто, что она все сказала и намерена вести борьбу с неблагонадежным элементом“ [3]).

В архиве департамента полиции сохранились копии нескольких писем, посланных Вильбушевич Зубатову [4]).

На основании их можно предположить, что М. Вильбушевич была совершенно безкорыстно деятельным пособником жандармской деятельности Зубатова: держала департамент полиции „в курсе дела“, знакомила его со всеми подробностями хода движения и т. д.

---

[1]) Ibid, л. 23, курсив подл.

[2]) Ibid, л. 38, агент. сведения из Москвы от 2 апр. 1900 г.

[3]) Ibid.

[4]) Опубликованы Д. О. Заславским в „Былом“, 1918 г., № 3.

По вопросу об отношениях Вильбушевич к департаменту полиции Д. О. Заславский приходит и следующим выводам:

„... Если первое предательство, о котором упоминает Виль бушевич, и тревожило ее совесть, то дальше предательство вчерашних друзей и товарищей сходит куда легче. Вильбу шевич входит во вкус тайного доноса и деятельно помогает охранному отделению. До последнего времени люди, знавшие хорошо М. Вильбушевич, уверяли, что она, как и другие „не зависимцы“, непричастны были к арестам, что они были только искренними деятелями легального рабочего движения. Письма М. Вильбушевич показывают, что она была весьма деятельным, хотя, быть может, и безкорыстным агентом охранки, и по ее указаниям были арестованы, а затем сосланы в Сибирь неко торые видные бундовцы“. „...Вильбушевич все больше вхо дит во вкус предательства. Письма ее полны указаний на имена революционеров. Она дает точные адреса, сообщает приметы, раскрывает конспиративные клички. В некоторых случаях она просит Зубатова арестовать близких ей людей для того, чтобы в беседах с ним они отказались от социалистических своих взглядов. В других случаях Вильбушевич доносит и предает из ненависти к революционному движению. Она служит верой и правдой охранному отделению“.

* * *

В мае 1902 г. Мария Вильбушевич была вызвана в Петро град начальником особого отдела департамента полиции Ратае вым для ознакомления министра внутренних дел фон-Плеве с деятельностью „Еврейской независимой рабочей партии“.

Плеве поручил Вильбушевич командировать одного из чле нов Е. Н. П. в Вильну „для постановки соответственного рабо чего движения“.

Туда был послан Чемериский и двое рабочих. Не успел он приехать в Вильну, как стал получать угрожающие письма от каких-то террористов. Несколько знакомых сионистов при слали Чемерискому предупредительные записки, в которых советовали не ехать на верную смерть. Однако, он решил все же поехать в Вильну.

На вокзале в Минске толпа человек в 100 „независимцев“ устроила Чемерискому демонстрацию. Проводы носили столь шумный характер, что местное железнодорожное начальство сочло необходимым арестовать провожавших. Чемериский успел уехать, не будучи арестован, но полиция послала по линии телеграмму об аресте его, и на ст. Молодечно он был задержан и возвращен обратно в Минск. По настоянию начальника Минского жандармского управления Хрыпова все задержанные „независимцы“ вскоре были отпущены.

В Вильне Чемериский очень энергично начал насаждать идеи „независимцев“. Часто устраивал собрания — большие и малые, не уставая посещал те, которые созывались сионистами и бундовцами, организовал маленькую группу „независимцев“, занявшихся распространением литературы.

Однако, его ожидала полная неудача. Незадолго до приезда Чемериского в Вильне имело место избиение 1-го мая демонстрации, применение к демонстрантам телесного наказания, покушение на фон-Валя и казнь Леккерта, и виленские рабочие крайне враждебно встречали всякое намерение, исходившее от властей. „Независимцев“ же считали провокаторами, агентами Зубатова. Разочарованием и безнадежностью проникнуты письма Чемериского к минским „независимцам“. Приводим их полностью.

1.

„... Тут неважно. Работы нет как нет. Квартир тоже нет, пока живу в гостинице. Дела обстоят вот как. С бундовцами пока не сталкивался, не зная, откуда к ним подступить. Все то, что рассказывали о настроении Виленской массы — верно. У всех твердое убеждение в том, что мы — простые провокаторы. Все те, с которыми я тут встречаюсь, советуют мне быть осторожнее, так как меня укокошат. В субботу имел собрание. Было около 25-ти человек из сионистов. Все люди сознательные. Мой реферат произвел впечатление. Сегодня опять занят с ними же. Ожидается жаркая битва. Будут и новые, между прочим один ковенский антинезависимец. Все эти парни будут безусловно наши, и при том они перей

дут вполне сознательно. Некоторые в особенности перейдут, вполне усвоив себе все наше миросозерцание. Многие из них активные деятели в „Бунде". Только что Кунин (главарь сионистов-рабочих в Вильне) также сообщил мне, что он собирается выступить сегодня против меня с речью. Будет и еще один студент. Дело будет жаркое.

Завтра, во вторник, я занят. У меня будет собрание рабочих одной конфектной фабрики, которое созывает для меня один из сионистов, бывший у меня в субботу на собрании. Будет несколько бундовцев, что даст мне возможность узнать поближе бундовскую массу в Вильне.

В среду у меня свидание с одной, будто бы, сознательной бундовкой, знакомой еще из Минска, с которой я тут случайно встретился. Сегодня, в понедельник, 10 июня, в 7 часов, у меня будет второе свидание с одним бундовцем, которого я встречал в г. Минске. Каша заваривается, и я убежден в том, что я дело свое сделаю. „Бунд" здесь очень силен. Он властитель дум. Силен он не столько численностью, сколько царящим настроением. Фон-Валь и его полиция просто навели панику на все население. Боятся всего. У самых смирных кулак сжимается. Смерть Леккерта произвела сильное впечатление. И тем не менее моя агитация найдет хорошую почву. Скверно только то, что я сам вишу в воздухе, не имея работы. Не успев отправить письма вчера, в понедельник, продолжаю свое повествование. Расскажу все по порядку о вчерашнем собрании. В виду того, что было несколько новых людей, я в коротких словах сообщил о нашей программе и нашей деятельности. Начались дебаты. Сначала говорил студент. Глуп, как пробка. Сам себя отрицал и мне оставалось лишь констатировать этот факт. Говорило и еще несколько человек и последним — Кунин, заявивший, что сионисты не могут быть активными деятелями нашей партии, так как они заняты делом более важным, имеющим большое историческое значение. Он также предложил мне доказать, что мы независимы от жандармерии. На второй вопрос я ответил, что я безусловно не в силах доказать, что я не вор. Оказывается, что я его не понял, как он мне объяснил это сегодня. Дело

вот в чем: вчера на собрании обратила мое внимание речь одного рабочего, защищавшего „Бунд“ и указывавшего на поворот его теперешней деятельности. Я просто предполагал, что это сионист-бундовец. Когда мы вышли из собрания, я узнал, что это бундовец, а не сионист. Удалось завязать с ним разговор. В виду того, что было поздно, а ходить было опасно, тем более, что дворник побежал за городовым, и нас могли каждую минуту нагнать, я согласился на его предложение зайти к нему. Комната очень конспиративная. Мы начали говорить. Этот человек убежден, что мы простые провокаторы. Говорить было трудно потому, что когда со мной говорят о подобных вещах, я отвечать не могу. Разговор был очень и очень резкий. Между прочим он сказал мне, что я могу ожидать, что меня убьют. Я сказал, что ожидаю. Он сказал, что когда две недели тому назад говорили, что Маня в Вильне, ему предлагали принять участие в убийстве, но он отказался (не верю). Когда я спросил его, поверит ли он мне, если я скажу ему, что все сплетни против нас есть лишь сплетни, — он ответил, — да, но не искренно. Под конец разговор принял более мирный характер, и мы расстались на рассвете довольно дружелюбно, условившись на другой раз. Хотя он и предложил мне остаться у него ночевать, но я отказался. Впечатление он производит такое: человек из *самых* высших чинов. Парень с самообладанием. У меня все время было убеждение, что этот господин хочет меня убить и при том готов это сделать сейчас же. В кармане у него был револьвер. Почему не убил, не знаю; думаю, что из-за впечатления, которое я на него произвел.

Сегодня утром я узнал вот что: я еще спал в гостинице, когда ко мне постучался Кунин. Он пришел сказать мне, что я не понял его вчерашнего вопроса. В виду того, что там сидел бундовец, Кунин хотел, чтобы говорил о всех сплетнях, которые ходят о нас. При этом он мне рассказал следующее. Вчера перед вечером он встретил одного бундовского интеллигента и сообщил ему, что сегодня будет такое и такое-то собрание, на которое пригласил его притти. Тот сказал, что ему теперь некогда, но что он пришлет другого, и при том

добавил: „А приехал — хорошо; тут они окончательно полетят в трубу". Кунин выразил удивление по поводу последних слов, указав на то, что в Минске мы стоим твердо. Тот спросил, в чем же выражаются наши успехи в Минске, и получил в ответ: „успели ли они в чем-нибудь, этого я не знаю, но зато они сделали одно маленькое дело: в Минске был „Бунд" и нет его". Тот чуть не лопнул с досады. Ровно в половине 9-го к Кунину пришел тот человек, который был на собрании, и между ними произошел такой разговор: бундовец спросил: „Вы, вероятно, помогаете им, у вас имеется 90 рабочих, и они, наверное, все сделаются нейтральщиками". Кунин ответил: „Наши рабочие другого выхода не имеют и, вероятно, пристанут. Это их дело. Я же не содействую, не борюсь с ними; если они разрушат „Бунд" — тем лучше; мое дело сторона". Бундовец ответил, что это *безопаснее*, и получил в ответ, что подобные слова в устах бундовца означают величайшее идиотство „Бунда", а выражаясь более резко — означают величайшую подлость. Кантор был при том, когда бундовец пригласил меня зайти к нему, и боялся меня пустить, но ему неловко было сказать. Кунин и Кантор против того, чтобы я позволял себе такие вещи, как ходить к бундовцам на квартиру; они боятся, что меня убьют прежде, чем я начну что-нибудь делать. Но что же я могу делать? Кунин предлагает выпустить прокламацию прежде, чем бундовцы что-либо предпримут, в которой сообщить, что мы этого ожидаем. Обсудите. Да не можете ли вы написать прокламацию, в которой кратко и вместе популярно были бы изложены наши стремления и был бы призыв к организованным рабочим вступить в наши ряды. Я думаю, что подобные две прокламации принесли бы много пользы. Но нужно подождать, что принесет нам эта неделя, в течение которой у меня будет несколько свиданий. Из тех, которые были вчера на собрании, рабочие все мои. Я боюсь, как бы Кунина не поколотили. Какой чудный, хороший человек, — я его очень полюбил. Куплю несколько открыток и буду писать каждый день. Положение очень серьезное. Вторник, 11-го июня" [1]).

[1]) Д. ист. рев. арх. о „независимых", секр. отд., л. 10 — 12.

2.

Копия с открытки, от 12-го июня 1902 г.

„Вчера вечером у меня было собрание рабочих одной фа брики. За исключением двух мальчишек, которые выражали мне недоверие, всем очень понравилось то, что я им предложил. Сегодня я увижусь с одной бундовкой. Дело, наверное, пой дет налад, если меня только не укокошат раньше времени. Активные деятели помаленьку высказывают стремление стя нуться вокруг меня и моего знамени. Страшная безработица. Люди почти падают на улице. Нахожусь под впечатлением рассказа одного массового рабочего, с которым я разгова ривал в чайной Трезвости. На прошлой неделе голодные ра бочие, будто бы, набросились на проезжавший воз с хлебом и растащили его, — это сделали евреи. Русские бросились отбивать и кое-как поделились. Ожидались погромы. Вся полиция на ногах“ [1]).

3.

„Работать в Вильне нет почти никакой возможности: силь нейший бойкот. Массы в глаза не видим. Сколько ни про буем таскать людей на агитацию — нейдут, а если кого-нибудь и удается залучить, так в другой раз не приходит: бундовцы не пускают и запугивают. Они стерегут мою квартиру и тех, кто ко мне ходит. Положение тут ужасно. Темнота непро светная. Некоторые рвут наши прокламации, даже не читая их. Большинство читает, разделяясь на две категории: одни, по прочтении, приходят в ярость, глаза у них наливаются кровью, и они приговаривают: „так их и надо, пусть бойкотируют“; другие, посерьезнее, прочитав, задумываются и в недоумении разводят руками: очевидно, не того ожидали. В массе страшно запугивают один другого: „не ходи к нему, нельзя, говорят, даже так написано“. „Бунд“ работает ужасно; массу терроризи рует; людей бьют немилосердно; на-днях одному чужому, не виленскому еврею, слесарю нанесли три страшные раны в голову и перебили правую руку за то, что последний, ничего

[1]) Ibid.

не зная и не будучи никем предупрежден, работал несколько более положенного. Таких фактов не оберешься. Рабочие тут настоящие рабы: „Бунд“ решительно закрепостил их. Только живя здесь, я понял, какой громадный сноп света вносит в массу наша партия. Живя тут, проникаешься страшною ненавистью, страшной жаждой мщения к этим развратителям еврейской массы. Здесь бундовцы настоящие антисемиты. Ох, как хочется мстить за эту слепую массу.

Наше положение безусловно критическое; никакого доступа к бундовцам, никакой возможности вести среди них устную агитацию. Между тем „Бунд“ устраивает сходку за сходкой, собрание за собранием, на которых интеллигенты формулируют бойкот таким образом: „кто хочет итти слушать его, тому мы рекомендуем не отвечать ни одного слова“. В виду невозможности вести среди бундовцев устную агитацию, мы решили заменить ее письменной. Мы должны засыпать массу литературой. Мы должны в литературе отвечать безусловно на все вопросы, возбуждаемые в массе; ни один вопрос не должен остаться без ответа, ни один факт — без освещения. Мы не должны останавливаться ни перед чем. Мы должны раз навсегда понять, что мы имеем дело не с противником, а с врагом. При посредстве литературы мы должны разрушить веру массы в „Бунд“, при посредстве литературы мы должны себя популяризировать. Мы решили выпустить целый ряд брошюр: программную, об экономической и практической нашей работе, об организации нашей партии и пр. Прежде же всего необходима популярная брошюрка, излагающая нашу программу, наши взгляды, но непременно в такой самой форме, в какой мы агитируем устно. Это должна быть самая горячая агитация. Такую брошюрку сумеет написать Волин. В самом конце следует объяснить причины, почему мы работаем в тех городах, где рабочие уже организованы, а не в местечках и городках, где они еще не организованы. Без этой брошюрки нам тут нечего делать. Надо отпечатать тысячи две экземпляров, не жалея труда — он окупится.

Минский социал-демократический комитет выпустил к виленским рабочим прокламацию о нас. Ее распространили так,

что ни мы, ни сионисты не можем достать ее. Те, которые ее читали, рассказывают, что там говорятся про нас невероятные вещи. Мне ее обещали достать, и как только вам ее пришлю, немедленно приготовьте ответ — самый резкий и самый ругательный. Повторяю еще раз, ни одного факта мы не должны оставлять без освещения, ни одной вылазки без ответа. Тут, например, распространяют „Бюллетени“ Заграничного Комитета „Бунда“, которые сильно влияют на массу, каждое слово коих почитается святыней, а мы молчим... Сидя в Минске, вы не можете иметь даже приблизительного понятия о том, как необходима такая работа. Я знаю, вы против обличительной литературы, вы не хотите грязи, но тогда вы со своей сентиментальной политикой замалчивания ничего не поделаете. В Вильне у вас нет таких людей, как я, которые вышли бы из самого сердца „Бунда“ и пользовались бы нравственным влиянием в массе. Тут приходится решиться на осаду и на штурм“ [1]).

С ведома местного жандармского отделения Чемериский устраивал в Вильне собрания. Вначале власти не знали, как отнестись к Чемерискому, и запросили Петербург. По этому поводу из департамента полиции, от Лопухина, последовал ответ, что „не следует разрешать Чемерискому устройство сходок и собраний, как равно и оказывать ему какое бы то ни было в деле этом содействие, и возможно лишь за это не преследовать“. Не решаясь открыто санкционировать деятельность „независимцев“, департамент полиции приказывал своим подчиненным смотреть на это сквозь пальцы.

В Вильне „независимцами“ была распространена следующая прокламация, отпечатанная, по агентурным данным, в количестве 900 экз.

„Еврейская Независимая Рабочая Партия. Ко всем виленским рабочим и работницам. Шумит и журчит в виленском рабочем мире. Происходят экстренные собрания, рассказываются всякого рода истории; „Зубатовцы“, „легализаторы“, „независимые“ — эти слова носятся в воздухе, рассказывают

[1]) Ibid., л. 25 — 26.

о целых 9-ти шпионах, даже вооруженных, которые пришли уничтожить виленское рабочее движение. В действительности, причиной всей этой суматохи является лишь один, только один единственный агитатор Е. Н. Р. П., прибывший в Вильну. Да, всего лишь один, и так его перепугались. Кто здесь страшен? Он сам? Нет. Для известных людей страшно то дело, за которое он стоит.

Трудно провести новую мысль в жизнь. Масса, даже организованная, в сущности — консервативна, любит старое и ненавидит новшества. Путь Е. Н. Р. П. был особенно труден потому, что раздраженные предводители „Бунда" сильно травили массу и вовсе не заботились выбором средств для противодействия успехам новой партии. Так именно было поставлено дело в Минске. Кляузы и сплетни, „бойкот" и побои — все эти оружия были употреблены. Но это не помогло. Гордо и мужественно молодая партия шла вперед. Мало-помалу, посредством постоянных разъяснений, путем честной, открытой перед обществом деятельности, эта партия приобрела сочувствие массы. Организуясь, масса большею частью вступала в независимые ферейны. Между комитетом и неорганизованной массой создалась такая крепкая связь, что каждый рабочий во время стачки или при другом случае уже знает, куда итти за советом, и всегда обращается к представителям Е. Н. Р. П. Произошли десятки открытых собраний, лекций, кои принесли много пользы. Теперь уже шум в Минске утих, мы победили.

Начиная работу в Вильне, мы понимали, что здесь борьба будет еще труднее. Предводители виленского „Бунда" опытнее минских в том отношении, что лучше знают, как раздразнить и поднять массу; они ведь уже научены Минском. Мы понимали, что они даже не допустят рабочих познакомиться со стремлениями нашей партии, потому что они очень хорошо знают, что если масса нас узнает, то она пристанет к нам, и им никакие возгласы и крики не помогут. Вместо того, чтобы потом возиться с примкнувшей к ним массой, они с самого начала запретили рабочим знакомиться с новыми мнениями и объявили бойкот.

Бойкот. Какая это чудная вещь. Покончено сразу. Зачем давать сердцу болеть, зачем слишком много тратить времени на разговоры с тупоголовыми рабочими? Какой расчет обременять себя объяснениями, почему, например, „Бунд“ прав, а независимые виноваты? Какой вообще расчет бороться с новыми мнениями, не нравящимися вождям „Бунда“, но могущими понравиться массе? На что это, если мы можем... объявить бойкот. Можно просто приказать рабочим (они ведь не более как солдаты) не знакомиться с новыми мнениями, не думать... но можно еще и рассказать бабушкину сказку, небылицу о шпионах, провокаторах и готово. Не рассуждать, — это самое основательное.

Да, бойкот — драгоценная вещь для „Бунда“, но для вас, виленских рабочих и работниц, обида. Ужасна потому, что вы так духовно порабощены, что вам можно велеть, просто приказать, точно солдатам в полку, не говорить, не знакомиться с людьми, не рассуждать, а слушаться; позорно потому, что ваши генералы и полковники „Бунда“ считают вас такими глупыми, что они уверены, что вам можно поднести какую угодно ложь, а вы ее примете с удовольствием и поверите.. Это делают люди, которые, по их словам, борются за свободу мысли, свободу слова, свободу мнения. Эти самые люди вносят в ваши ряды дух казармы... Вести за нос — вот название той системы, которая полагает, что масса имеет только ноги для бегания, головы же у них такие малопонимающие, что их можно наполнять всяким враньем.

Начиная работу в Вильне, мы также знали, что положение нашего первого виленского агитатора будет очень опасным, его могут не только бойкотировать, но даже и совсем убить. Ну что же? Без борьбы нет победы, без жертв борьба не бывает... Вместо одного, будут другие, но те герои, которые сделают такую штуку, и тот комитет, который пошлет их, современем увенчаются всеобщим презрением.

Но мы — мы верим, что наша работа в Вильне пройдет много спокойнее, мы верим, что виленские рабочие вовсе не так глупы и грубы, как то думают ведущие их за нос. Бойкот не отпугнет вас от мышления.

Трудно в нескольких словах объяснить нашу программу, но кое-какое понятие дать можно. Мы говорим, что быть стачечником, т. е. человеком, который понял необходимость соединяться со своими товарищами по цеху для того, чтобы защищаться против хозяйской эксплуатации, и быть социал демократом, т. е. человеком, который заведомо стремится к новому порядку — это вещи совершенно различные; что если к числу стачечников теперь принадлежит уже широкая масса, то социал-демократов настоящих, ненадолбленных, совсем мало; прочая масса не хочет вмешиваться в политику, даже полити чески сознательные рабочие тоже не все принадлежат к социал демократам. Но экономические ферейны могут быть нормальны только в том случае, если они обнимают всю широкую массу, без различия мнений, т. е. всех тех, кои хотят бороться за лучшие условия жизни, а сделать насильно всех социалистами невозможно. Поэтому мы говорим, что экономические органи зации должны быть независимы от какой бы то ни было вообще политической партии; они не должны быть ни социалисти ческими, ни сионистскими и т. д., но просто экономическими и при этом должны заключать в себе широкую рабочую массу.

Мы говорим, что совсем излишне, чтобы рабочий, который платит 5 копеек в кассу, получал звание социал-демократа и чтобы за это звание шел когда-нибудь в Сибирь, не понимая смысла своего поведения. Пусть каждая вещь называется своим именем, и пусть экономические ферейны не зовутся социал-демократическими. Само собою разумеется, что такие ферейны правительство будет менее преследовать, и мы можем надеяться, что оно даже будет их совсем легализировать, т. е. дозволять. А что легализация началась — это можно уже видеть по Минску и Москве, и вы вероятно вскоре увидите это в Вильне.

Виленские рабочие и работницы, не бойтесь мыслить вопреки бойкоту. А это и только это нам нужно от вас.

Ком. Еврейской Независимой Рабочей Партии.

20-го июня 1902 г. [1]).

---

[1]) Ibid., оригинал на евр. языке, перевод сделан в деп. пол.

Вместе с Чемериским в Вильну приехал из Митавы независимец „Шмуэль“.

Это был выдающийся рабочий, каменщик, прекрасный оратор, пользовавшийся у массы большим успехом.

Сохранилось интересное письмо его, посланное минским товарищам.

„Снова Вильна... Снова оторван от тех, с которыми так связан душою, умом, к которым так рвется сердце. Снова Вильна... Знаешь ты, что это значит? Снова без друзей, без ласки, без родного слова, без того духа, который царит в Минске, который так зажигает и воодушевляет... Как в тумане таскались мы первый день, как вернулись, по улицам Вильны, и тянуло, мучительно тянуло назад к Вам... Никогда еще так скверно на душе не было. Снова эта холодная работа, кропотливая работа, работа, требующая величайшего хладнокровия, величайшего самоуничижения и умения задавить в себе всякий больной крик жгучей обиды. Но страшное что-то со мною сделалось тогда. Ты знаешь, ведь, я не понимаю, откуда взялось у меня это новое чувство, вера, большая вера в свои силы, в то, что создам, за что раз взялся. Я чувствую, что с каждым днем мой характер меняется, он делается с каждым днем мужественнее, более железным. Личная жизнь теряет все больше смысл в моих глазах, я умею теперь задавить в себе все, что было для меня немыслимо раньше. Я умею, ради партии нашей, задушить в себе всякий порыв, мешающий работе, тормозящий ее; я чувствую, что партия начинает заполнять весь мой ум, мою душу, помыслы, порывы, желания. Ранее меня мучили все какие-то сомнения, меня мутило, в голову лезло постороннее, а теперь все это кончено, все у меня ясно и твердо... И я счастлив теперь, я могу отдаться работе всей душой, всей жизнью. Итак, к отчету!

На другой день по приезде из Минска, мы собрали у себя на квартире человек 35, чтоб рассказать им, как мы праздновали годовщину своей партии. Было среди них человек 15 бундовцев. Я открыл собрание и стал давать отчет. Никогда я так хорошо не говорил. Бундовцы начали делать иронические замечания, я их обрезал. Мой рассказ произвел сильное

впечатление, несмотря на то, что бундовцы мешали. Потом они стали задавать вопросы, и дебаты затянулись до 12-ти часов ночи. Еще не разошлись, как один бундовец, находившийся ранее в Минской разборке, окружив себя своими единомышленниками, стал горячо доказывать, что все эти разговоры и рассказы — одно провокаторство. Чемериский побледнел, но молчал. Бундовец продолжал в том же духе и вдруг заявил, что он может доказать, что Вильбушевич и Чемериский — провокаторы. Мне не передать, что при этих словах произошло! Только тут в первый раз мы увидали, что у нас есть люди, беззаветно, беспредельно преданные делу: в эту минуту они сказались. С сжатыми кулаками и с дрожащим от ненависти голосом, они потребовали, чтобы слова эти были взяты назад. Член Виленской разборки официальным тоном заявил, что сказанные минчаниным слова — ложь. Но тот от этого замечания еще более только разъярился и заявил, что он докажет сказанное фактами. Тут Чемериский не выдержал: выхватил кинжал, бросился к нему и крикнул: „если ты не докажешь своих слов, этот нож будет у тебя в груди“. Минчанин струсил и объявил, что через неделю докажет. Как-то все это было очень дико и страшно. Не сердитесь за этот поступок на Чемериского, ведь не всегда можно жить только рассудком: нервы и кровь говорят свое. Ушли все взволнованные, негодующие, наэлектризованные, крепко и дружески пожимая нам руки. Человек шесть наших осталось, и мы просидели до утра, рассуждая о случившемся и о последствиях всего этого. Сегодня должно быть снова собрание и с агитационными целями. Минчанин уехал в Минск: остаться здесь, видимо, побоялся“ [1]).

Пессимистические письма Чемериского встревожили минчан. Они решили послать Гольдберга в Вильну проверить постановку здесь партийной работы.

В своем письме-отчете о Вильне Гольдберг сообщает некоторые любопытные наблюдения над местным рабочим движе

---

[1]) Ibid., л. 38—40, отнош. Зубатова в деп. пол. от 14 августа 1902 г., № 8912.

нием, между прочим, им верно подмечено, что среди сочувствовавших „независимцев“ были люди старшего возраста, было много „бородачей“, которые не любили „Бунд“ за то, что он сеял вражду к хозяевам, „заставлял смотреть на хозяина не просто, как на контр-агента, соперника, с которым нужно старательно торговаться, но зато и вести себя по-джентельменски, а как на пожирателя сверх-труда, против которого всякое деяние благо. „Старший“ начинает любить свое дело, свою фабрику, свою работу, ему досадно, если портят материал, если работа не тщательна, точно так же и мне досадно, если прокламация выйдет плохо.

Письмо-отчет Гольдберга к минским „независимцам“ было следующего содержания:

„Я пробыл в Вильне всего один субботний день. Я успел переговорить приватно с десятком лиц, был на собрании, на котором присутствовали как знающие о нашем деле, так и полные в нем профаны. Собрание это было устроено ради меня. Затем я был на сходке наших, где были приняты некоторые решения на счет работы в Вильне. Присутствовал на собрании рабочих-сионистов, словом старался присмотреться к виленцам. Александра Чемериского я нашел поуспокоившимся и имевшим вид человека, втянувшегося в работу. Что касается до других членов нашего отряда — одного каменщика и одного приказчика, то у них настроение оказалось удовлетворительным. Вся эта компания очень много работает, но, к сожалению, слишком редко обедает, так как все, кроме Александра Чемериского, находятся без заработка.

У Чемериского уже *положен первый камень* создающейся организации, а это шаг громадный: у него есть сходка (нечто вроде совета). Сходка эта пока не велика и состоит всего из 6-ти человек (из них трое коренных виленцев). Имеется и дискуссия из 7-ми человек, а следовательно всего 10 человек, ему уже доверяющих и за ним идущих. Люди дискуссии постепенно войдут в сходку и при том только тогда, когда они пообещают окончательно отдаться делу. Происходит нечто вроде монашеского пострига, даже не без некоторой торжественности; зачисляемый в сходку дает клятву. Входящие

в состав сходки и дискуссии все народ рослый и бойкий (настоящий тип виленских „бегунов“): каждый из них в полсутки сумеет распространить не менее тысячи прокламаций, обежать пять раз Вильну, перевидеться на бирже с несметным количеством народа, поссориться с сотней бундовцев; словом, тип довольно известный и преимущественно виленский. Такого рода люди для движения — чистый клад; нужна для них лишь твердая рука, чтобы они не забежали, куда не следует, и в дебатах не впали в ересь. На собрании, на котором я присутствовал, были „заготовщики“, „старшие“ и сионисты.

Заготовщиков в Вильне около 200, кроме учеников. Рабочий день нормален, заработная плата высокая, культурный уровень выше среднего. Цех — много переживший, долго боровшийся, давший много арестованных; народ, привыкший к организации и дисциплине. Несколько лет тому назад, после провала, „лучшие люди“ решили, что нечего возиться с экономической организацией, и образовали „политическую сходку“, которая взяла на себя раздачу нелегальной литературы, собирание на красный крест и только. Экономическая организация была совершенно оставлена. Причины тому следующие: во-первых, „лучшие люди“ находили (и совершенно справедливо), что в течение нескольких лет нельзя уже будет улучшать экономические условия в виду того, что от хозяев, являющихся в большинстве случаев посредниками от магазина, взято все, что можно было взять; во-вторых, вся масса сделалась достаточно культурной, привыкла к дружным действиям и к известному штандарту, почему у хозяина, который нарушил бы штандарт, можно всегда поставить стачку без каких-либо касс и организаций: в нужный момент деньги будут собраны по мастерским; если бы кто либо из рабочих нарушил штандарт, то его всегда можно принудить силой (виленское движение на весь наш край славится своей драчливостью); в-третьих — это избавит деятелей от провалов по мелочам. Но год кризиса пошатнул штандарт, и несколько лиц, рядом с политической сходкой и совершенно независимо от нее, образовали экономическую сходку. Обычно сходка в феррейнах выбирается всей массой, но тут, в виду полицейских условий, сходка, так сказать, назначила сама себя:

по всем мастерским было заявлено, чтобы платили пятачки в неделю, и вся масса стала платить. Сделаны были неко торые усилия, и штандарт был удержан. С этого времени экономическая сходка более уже не распускалась, но она стала чувствовать себя несколько сиротливо, ибо сношений с коми тетом у нее не было: Виленскому социал-демократическому комитету не было резонов связываться с чисто экономической организацией. В силу сказанного, экономическая сходка всту пила в переговоры с политической, имевшей всяческие связи. Согласились на том, чтобы некоторые члены политической сходки вошли в экономическую, установили всякие сношения, за что, в пользу их организации, должно было отчисляться 30%. Но вот несколько экономистов перешли в сионизм, приехал Чемериский, и члены экономической сходки стали задумы ваться: имеют ли они право отдавать 30% из тех денег, кото рые взяты на нужды экономической организации. Вот почему почти вся экономическая сходка заготовщиков находится на кануне перехода к нам.

Перехожу к „старшим“. На том же собрании меня пора зило большое количество, в сравнении с Минском, „бородатых“ рабочих, находящихся в движении и интересующихся им. Ока залось, что это зависит от того, что в Вильне промышленность крупнее и движение старше. Виленский „бородач“ не прини мает активного участия в движении, но решительно им инте ресуется. Он — отличный пассивный член, он дает свою квар тиру для нелегальных сходок, а по нелегальной литературе, кажется, учит читать своего сына. Они недовольны „Бундом“ и потому являются усерднейшими лейтенантами Чемериского. Им не нравится вся система бундовского воспитания массы, того воспитания, которое заставляет смотреть на хозяина не просто как на контр-агента, соперника, с которым нужно стара тельно торговаться, но зато и вести себя по-джентельменски, а как на пожирателя сверх-труда, против которого всякое деяние благо. „Старший“ начинает любить свое дело, свою фабрику, свою работу, ему досадно, если портят материал, если работа не тщательна, точно так же мне досадно, если прокламация выйдет плохо. У него уже другое отношение

к хозяину, более примирительное. Я понял, что ему нужно другое экономическое движение: не бундовское, не движение, которое провозглашает своим принципом войну, войну без конца, ожесточенно, а движение, обещающее социальный мир, на почетных для рабочего условиях, при человеческих отно шениях с обеих сторон, и этого-то он ждет от нас.

Что касается сионистов, то они некоторым образом противо действуют нам в силу того, что мы являемся им естественными конкурентами, отвлекаем у них силы в виде агитаторов и орга низаторов.

Окончательное мое мнение о Вильне таково: во-первых, почва там имеется и почва очень богатая; во-вторых, затруд нения для работы в Вильне очень велики: приходится считаться с консерватизмом, с бойкотом, с общественным мнением, но опасности в прямом смысле нет. Теперь достоверно известно, что Бундовский Комитет, после нашей прокламации, сам охра няет Чемериского; в-третьих — система вербовки человека за человеком усвоена правильно. Желание иметь целый поток из чисто-экономической литературы вызывается обстоятель ствами и является необходимым" [1]).

Из собраний, устроенных „независимцами" в Вильне, сле дует отметить происходившее 27-го июня 1902 г. Вот что Вильбушевич, присутствовавшая на нем, сообщила Зубатову:

„... На собрании присутствовали лучшие из сионистов и несколько бундовцев, из числа принадлежащих к „высшим рангам". Оказавшись случайно в Вильне, независимец Юлий Волин прочел свой реферат о легализации, не вызвавший почти никаких возражений, и речь его произвела очень сильное впе чатление. Тем не менее несколько бундовцев поднялись с своих мест, плюнули, презрительно кинули — „провокатор" и ушли. Затем поднялся молодой человек и горячо стал говорить присутствовавшим о розгах, о фон-Вале, о дивной смерти Леккерта и с дрожью и слезами в голосе спрашивал присутствовавших, как они могут иметь дело с правительством, которое дает повышение за розги и ордена за повешенных.

---

[1]) Ibid., с. 30 — 32.

Теоретически „независимцы правы: самодержавие, в принципе, не обязано мучить и душить людей, но на практике делается именно это; жизнь сильнее всяких принципов и теорий, почему кроме насилия мы ничего не видим кругом и, конечно, не увидим. Время холопства и лакейства прошло, евреям все равно терять нечего, так не лучше ли погибнуть хоть с честью, чем с позо ром. Независимцы — червь революции; они существуют только потому, что *с нами* нужно бороться; с независимцами считаются только потому, что нужно подстроить контр-мины для *„нас“*. Я не говорю, что они провокаторы, я не имею права их так называть, потому что я не знаю их лично; но я знаю только одно, что современем они поймут свою ошибку, и тогда может быть найдется среди них какой-нибудь Леккерт и смоет своею кровью весь тот позор, который они добровольно и так охотно возложили на свою голову. Я только хочу, чтобы скорее настало это время, чтобы кончился этот ужас раздора, который с каждым днем усиливается все более в виленской массе. Мы, бундовцы, будем держать высоко свое знамя, знамя, обаг ренное кровью засеченных людей и кровью повешенного мученика“. Его искренние, пламенные слова очаровали всех, и все ушли с раздвоенным впечатлением, — от холодной логики Волина и горячего призыва бундовцев“.

Вильбушевич в своем письме добавляет: „Я всматри валась в лица слушающих, вдумывалась в разговоры, кото рые потом начались, и для меня еще яснее обрисовыва лась старая истина, что все революционное настроение дер жится исключительно „чувством“, которому репрессии все больше и больше поддают жару, подкладывая новое прекрасное топливо, умные же революционеры умеют ловко раздуть огонь, а честная и искренняя юная сила самоотверженно поддержи вает его. Работать теперь в Вильне до крайности трудно, и я удивляюсь только Александру Чемерискому. Агитация в Вильне возможна только общая и широкая, почему необхо димо начать с массовых собраний, дабы сразу заставить бун довцев считаться с совершившимся фактом, а не с пустыми словами и посулами, ничего существенного не дающими. Нужно создать небольшой центр, который бы вел широкую

агитацию. Сознательные же партийные люди выработаются потом“ [1]).

Около того же времени Чемериский сообщил из Вильны Зубатову: „Я узнал одну конспирацию Бунда: существует проект объявить свои экономические организации независимыми от своих же политических, т. е. экономические организации будут управляться через посредство особых сходок и будут принимать к себе людей различных мнений и направлений. А люди политически развитые будут организовываться особо, в самостоятельную политическую организацию. Этой мерой Бунд думает окончательно побить независимцев. Объявив свои организации, будто бы, независимыми, он затуманит глаза массе, которая будет говорить: „мы-де независимы, только те провокаторы, а мы нет“. Если Бунд проведет эту хитроумную интригу, то на некоторое время, он несомненно, затуманит массе глаза. В противовес этому Чемериский предлагает: во-первых — возможно чаще упоминать в литературе независимцев, что если бы даже Бунд объявил свои экономические организации независимыми от политических, то это с его стороны лишь только маневр; во-вторых, ему необходимо разрешить перейти на массовые собрания. Последнее очень важно, так как, в силу крайнего недоверия, масса стала недоступной. До момента общего собрания, он предполагает устраивать маленькие агитационные собрания и чрез то скомплектовать достаточное число людей для поддержания порядка. Программу собрания должна выработать особая сходка из 6-ти человек. За разрешением таковых собраний он намерен обратиться к генералу Черкасову. По словам Чемериского, Комитет сионистов решил выпустить прокламацию против Бунда, так как бундовцы рвут сионистскую литературу, и в прокламации этой дать критику того воспитания, которое Бунд дает массе. За напечатанием этой прокламации сионисты думают обратиться к независимцам“ [2]).

---

[1]) Дело о „независимых“, хранящееся в секр. отд. арх. деп. полиции, отнош. С. Зубатова в деп. пол. от 6 июня 1902 г., за № 71.

[2]) Ibid.

Гольдберг, ознакомившись с работой в Вильне, нашел, что „почва там имеется и почва очень богатая“.

В этом он разошелся с Чемериским.

Следует отметить, что прав был Чемериский. Прошло немного более полугода, и независимцы совершенно покинули Вильну, понеся полное поражение.

Оставив работу в Вильне, „независимцы“ выпустили следующую печатную прокламацию на еврейском языке:

Еврейская Независимая Рабочая Партия.

К нашим партийным товарищам.

Мы приостанавливаем на время работу в Вильне и считаем необходимым объяснить нашим партийным товарищам, почему мы это делаем.

Цель нашего партийного комитета — создание широкого профессионального движения и самим фактом ее существования получить легализацию такового.

И с этой именно целью мы и начали свою работу в Вильне.

Но оказалось, что вместо того, чтобы делать созидательную и практическую работу, нам приходилось все время, без перерыва, бороться с грязью, ложью и клеветой, которые „Бунд“ целыми потоками обливал нас в борьбе за свое существование.

Мы, конечно, не испугались бы лжи и ругани „Бунда“, как мы не испугались этого в других городах, и продолжали бы свою работу. Но в Вильне положение иное.

Несмотря на то, что в Вильне социал-демократия работает лет 15—16, масса так темна, несознательна и консервативна, как ни в одном городе, где имеется хоть какое-нибудь представление о рабочем движении. Тупая, неспособная критически относиться, она дрожала при мысли о „независимцах“ еще прежде, чем они прибыли в Вильну.

Это произошло потому, что вожди массы испугались, (что) возможно масса, инстинктивно стоящая за профессиональное движение, прислушается к словам „независимцев“ и пойдет

по их пути, (и) прибегли к исключительному средству: „Это — провокаторы“, — сказали они массе: — не ходите к ним, не говорите с ними, это — шпионы. Бойтесь их, бегите от них, они вас выдадут!..— неслось по всей Вильне.

И перепуганный темный рабочий с ужасом убегал и презренье, и вражду, и тысячу проклятий он от всего сердца посылал этим предателям.

Комитет увидел, что до победы над суеверным страхом массы наши силы останутся в Вильне еще долгое время мертвым капиталом, и приходится бороться не больше как с грязью, которую „Бунд“ готовит для нас.

И так как наша задача — вовсе не борьба с „Бундом“ и грязью, которой он защищает себя, то Комитет решил приостановить там работу и использовать свои силы в таком месте, где они смогут принести рабочей массе действительно практическую пользу.

И когда рост профессионального движения в других городах целым рядом полезных для рабочей массы учреждений фактически докажет, что пришли мы не разрушать, а строить, суеверный страх пройдет, и мы вернемся в Вильну, но не для ругани с „Бундом“, а чтобы творить живую, полезную и понятную работу в массе и для массы.

Комитет надеется, что наши партийные товарищи поймут правильность решения сказать в Вильне „досвидания“.

Комитет Евр. Незав. Раб. Партии.

5-го февраля 1903 г.

* * *

Почти одновременно с Чемериским в Вильне начал работу в Одессе „независимец“ Меер Коган.

Видный работник местной социал-демократической организации, разыскиваемый властями, он скрылся в Минск. Здесь он увлекается „независимцами“ и решает насадить их идеи в Одессе. Сохранилось письмо его об Одессе. „...Волнения в отношении меня увеличиваются, — писал Коган в Минск: — С одной стороны, все молодые революционеры меня боятся, как

провокатора, и опасаются, что я их выдам; с другой стороны, они вынуждены со мной говорить, так как одесская рабочая масса, знавшая раньше меня, как активного честного деятеля в революционной работе, не допускает мысли, чтобы я мог стать шпионом. Они прямо навязываются и требуют, чтобы я объяснил им, в чем дело, и теперь рабочая масса поняла, что я честный человек, только приехал с другими убеждениями... И пошли толки о нашей партии везде и всюду, и слышно только: независимые... легализация... и проч. Интеллигенция также всколыхнулась, закидала меня комьями грязи, но каждая сплетня моментально мне передавалась, почему мне удавалось ее тотчас же опровергнуть. Они пустили в ход прямо подлости, но и это не помогло: масса шумит и меня защищает. Решили меня отколотить, но, на зло, предложили это сделать моим старым знакомым — малярам, а те запротестовали. Тогда объявили мне бойкот, как у вас в Минске. Но через это я еще больше выиграл. Все маляры из южной революционной группы отказались меня бойкотировать и стали демонстративно, открыто гулять со мной в парке, всем на показ. Этот бойкот вызвал сильное озлобление в массе, не пожелавшей подчиняться дисциплине. Теперь я только понял, какая громадная сила иметь хорошую репутацию в прошлом. Я стал крепче, сильнее и вырос духом, ибо не легкая борьба мне здесь уготовлена. Озеровские брошюры „Коллективный договор“ читаются с большим интересом на табачных фабриках Попова и Ваховского, где их прямо рвут друг у друга. Почва для работы на этих двух фабриках самая богатая, и рабочие, с которыми я говорил, уверяют меня, что если бы можно было здесь работать (в смысле полицейского разрешения), то эти две фабрики целиком перешли бы к нам. Сознательных, развитых рабочих на каждой фабрике не больше 25-ти человек, но заняты работой на каждой из них свыше 1.000 человек. Жестяные фабрики, где я раньше работал, перешли бы к нам, но беда в том, что там нет хороших руководителей, а выработать их удастся не так скоро, хотя мне приходилось делать по вашим письмам дела и прямо невозможные. Мне необходима русская литература, а также теоретическое партийное „письмо“, которое

необходимо отпечатать по-русски. Не может ли кто-нибудь из вас приехать сюда; например, Волин? С графом Шувaловым нужно говорить, а я этого не умею".

Просьба Когана была удовлетворена, и в Одессу был командирован Волин.

Человек с организаторскими способностями, он широко поставил пропаганду „независимцев".

Волин положил начало „Независимой Рабочей Группе" и мечтал о большой ежедневной газете, рабочем совете и совете руководителей.

„Рассказать вам подробно положение дел в Одессе, — писал Волин в Минск, — вещь трудная; простите, если в настоящем письме полной картины вам не дам. В Одессе собственно рабочего движения, социал-демократического, нет; здесь не имеют понятия о кассах и об организациях; стачек бывает много, но чисто стихийных. Правда, есть Комитет социал демократической рабочей партии, но участие его в стачках ограничивается мизерною денежною помощью. Революционизированных, но не связанных в одну организацию рабочих, как социал-демократический Комитет, так и Южно-Русская Группа имеют приблизительно по 1.500 человек, — процент в отношении общей рабочей массы весьма незначительный.

Большинство революционных рабочих принадлежит к ремесленным подмастерьям. Вся же рабочая масса ищет организации чисто экономической. Кажется, прекрасная почва для нашего движения; кажется, с каким-нибудь десятком энергичных и развитых парней мы могли бы создать целый ряд ферейнов, собраний, могли бы, кажется, вербовать в этой многотысячной толпе и *партийных* людей!

Между тем, Меер с самого начала бросился в борьбу с революцией. Понятно, сейчас же начался гвалт, бойкот и колотушки. Вначале это, пожалуй, нужно было, но теперь дело обстоит так: *у нас есть человек 20 вполне партийных хлопцев из революционеров,* но без практической деятельности их не удержишь; вечные споры, дебаты и частые дрязги до того всем приелись, что даже самые преданные люди начинают подозревать, что мы приехали только смуту сеять, а не дело

делать. Меер с первого дня начал меня таскать на „агитацию“. Он думал, что я займу такое же положение, как и он, т. е. буду бегать, вспотевший и запыхавшийся, с шапкой на затылке, из одного трактира в другой, чтобы там увидеться с „личностью“, а здесь потолковать с „девицей“. Я, конечно, сейчас же начал его приудерживать. К счастью, к нам пристал один очень интеллигентный рабочий Зиська. Этот парень, оказывается, еще раньше настаивал на том, что довольно безалаберной и бессистемной агитации, что нужна пропаганда, организация и практическая деятельность, словом, что-нибудь фактическое. Мы решили немедленно организовать Независимую Рабочую Группу. Группа принимает нашу программу целиком. Большие осложнения у нас с национальным вопросом (это для Одессы роковой вопрос: наша партия еврейская, национальная, хотя и не националистическая, а здесь чисто еврейского движения вести нельзя); мы его еще не разобрали хорошенько, и потому напишу в другой раз. Группа будет иметь кассу (кассу партийную, составляющуюся из процентных взносов экономических касс, которыми она руководит), дискуссию, занятия, библиотеку по рабочему вопросу и т. д. Затем, решили начать в самых широких размерах легализацию. Широкое рабочее движение здесь возможно только легальное. Одесса вовсе не похожа на Минск, и здесь нелегально организовать профессиональный ферейн — невозможно. При разрешенных собраниях, на полулегальных основаниях, это сделать можно.

Итак, мы начинаем легализацию и начнем ее с самого начала очень шумно. Я не ошибся в своих расчетах. Одесса — самый богатый, в культурном отношении, город. Мы будем иметь интеллигенцию самую избранную, до профессоров включительно. Мы будем иметь свою газету „Южное Обозрение“, — газету чисто рабочую, издающуюся на заграничный манер. Это — большая газета, продается она по 2 копейки, а расходится на фабриках и заводах почти в 30 тыс. экземплярах. Я рассчитал, что в течение полутора месяца здесь можно будет организовать Рабочий Совет и Совет руководителей. Что касается партии, то она будет прогрессировать только при

двух условиях: при широко поставленной легализации и при хорошей русской литературе.

Как я и рассчитывал, молодой Шерман пристал к нам. Умнейшие люди местной еврейской интеллигенции (Ахад-Гаам и Дубнов) прекрасно поняли наше дело и очень ему сочувствуют. У Ахад-Гаама я бываю каждое утро. Мы беседуем около часа, и я ухожу ежедневно им очарованный. У нас будут деньги, интеллигенция, словом, все, необходимо лишь содействие *свыше*. У генерала Бессонова я вчера был; оказывается, что он не получил относительно нас каких-либо инструкций, но тем не менее принял меня весьма любезно. Это — старый и гордый генерал, производящий впечатление человека не глупого и хитрого. Мы беседовали полтора часа; к концу разговора он мне сказал: „Всего, всего вам лучшего, дай Бог вам успеха. Что касается меня, то то давление, которое я могу оказать на градоначальника, я окажу“. Он советовал лично обратиться к исп. должность градоначальника— Старкову. К сожалению, сей последний очень мало понимает в такого рода делах, и при том он человек канцелярский, почему без надлежащей бумаги *свыше* едва ли пожелает что либо сделать, а собрания нам необходимы в самом скором времени. Наши адреса, т. е. мой и партийной квартиры, которую наняли Абрам Киля и Шейна Хая, в компании с группой, генерал Бессонов передал полиции и велел нас не тревожить. Тем не менее на-днях я попытаюсь быть у Старкова и объяснить ему суть нашего дела. Обо мне ужасно много говорят, и все интересуются моей особой: „Это вы тот самый Волин, который и т. д.“; это для нас теперь очень выгодно. Важные письма посылайте заказным и адресуйте: Тираспольская, дом 6, кв. 31, мне“.

В пояснение этого письма, писал Зубатов Ратаеву, необходимо добавить следующее: „Дискуссия — группа искуса; члены ее тогда становятся действительными, когда они окончательно пообещают отдаться делу. Установлена она на основании того принципа, что всякому движению, особенно молодому, нужен свой монашеский орден, как эмблема единства. Ахад-Гаам (псевдоним) — глава современной еврейской литературы, чело

век безграничной популярности. Он в еврейской литературе занимает почти такое же положение, как гр. Толстой в русской. Дубнов—лучший знаток истории евреев в России, талантливый публицист, националист, одинаково далекий как от революционеров, так и от сионистов. Независимцы уверены, что эти люди, стоящие выше всяких партийных дрязг, поймут, какое большое национальное значение может иметь их дело, и как много значит для всего еврейского народа оздоровление его рабочего класса. По их убеждению, рабочий вопрос сам по себе ничто, но он почти все для национального дела евреев“.

В этом письме Волина заслуживает внимания его указание на сочувствие идеям „независимцев“ Ахад-Гаама и Дубнова.

Выше, в письмах Чемериского мы видели, что в Вильне сионисты также сочувственно относились к ним. По словам Шаевича, съезд сионистских кружков шести городов Литвы постановил поддерживать „независимцев“.

Следует отметить, что это „единодушие“, несомненно, объясняется тем, что как „независимцам“, так и сионистам был одинаково ненавистен „Бунд“.

Эта, поистине, революционная организация стояла им поперек пути, и они стремились ее уничтожить.

В борьбе с „Бундом“ на еврейской улице солидаризовались все консервативные политические силы—сионисты, Дубнов, Ахад-Гаам и „независимцы“.

В Одессе Волин надеялся развернуть широкую деятельность и нуждался лишь в поддержке „свыше“. Однако, этого он добиться никак не мог. Волин по этому поводу обратился к Зубатову со следующим письмом от 4 августа 1902 г.

„Из Минска, по всей вероятности, Вам сообщают о наших одесских похождениях, так что мне не за чем вам описывать подробно положение дел. Коротко говоря, я не ожидал подобных успехов.

Всего 3 недели, как я приехал, и у нас в Одессе уже есть партия и уже обеспечена будущность! Я привлек трех интеллигентов из лучшей части одесской интеллигенции, так что в очень недалеком будущем я сумею, оставив дело в надежных

руках, сам поехать в Киев или Харьков организовывать партию. Подробно ход дела Вам будет сообщать М.

С этим письмом обратиться к Вам заставляет меня экстренность дела, а минская организация, долженствующая служить посредником, весьма медлительна.

Я говорю о „легализации“. Местные революционеры, конечно, подняли страшный шум и гвалт. Выпускают против нас прокламации (одну присылаю при сем), мое имя (как хитрого и ловкого шпиона) раззвонили по всему городу. Особенно сильно они нам не повредили, но рабочая масса, даже не организованная, начинает опасливо относиться к нам. Пока мы не перестанем только *говорить*, а начнем действовать фактами, подобное отношение будет только усиливаться.

Мы в состоянии открыть собрания, и нам необходимо это немедленно сделать. Но как добиться разрешения. Шувалова нет, его заменяет некий Старков, который, как говорят, слишком труслив, чтобы взяться за дело без графа. Бессонов „снисходительно“ отнесся ко мне. Он дал разрешение иметь две квартиры и распорядился, чтобы полиция туда не шла Но сущностью этого дела он не интересуется. „О, мне все это известно!“ — говорит он, хотя на самом деле ни черта не смыслит. Заинтересовать его, однако, возможно, и я собирался и даже начал пропагандировать, в надежде, что он до приезда Шувалова, взяв на свой страх дело, добьется у Старкова разрешения на собрания... Вдруг, и Бессонов уехал на месяц в отпуск. Теперь, положительно, не к кому обращаться не только за разрешением собраний, но и за самой ничтожной мелочью. Так, например, мы будем на-днях распространять прокламацию, кого-нибудь из наших рабочих наверное задержат, и я, право, не знаю, к кому обращаться.

Жду совета и помощи.

Будьте здоровы. Надеюсь, что ответите.

Адрес мой: Тираспольская, д. № 6, кв. 31.“

За какое-то темное дело Волин был исключен „независимцами“ из своей среды. Его сменил Хуна Шаев Шаевич. Он именовал себя доктором философии и государственных

наук, но в Одессе упорно распространялись слухи о его самозванстве.

Об этом с горечью писала Шаевичу жена его в письме от 17 января 1904 г. в Красноярск, где он находился в ссылке.

До увлечения идеею легального рабочего движения Шаевич был сионистом и ездил делегатом из Одессы в Минск на всероссийский съезд сионистов.

В Минске Шаевич познакомился с Вильбушевич и по ее поручению взялся создать в Одессе отдел „независимцев“.

Среди сионистов в Одессе Шаевич был видной фигурой.

Он был председателем кружка „Oir Zion“, сорганизовал издательство сионистской литературы „Гатхио“ и принимал большое участие в библиотечной комиссии одесской сионист ской организации.

Шаевич играл руководящую роль в местном сионистском движении: при аресте у него была взята обширная переписка с различными сионистскими деятелями.

То, что, будучи независимцем, он не порвал с сионистским движением, представляет крайне любопытный штрих для обри совки идейной физиономии этого политического деятеля: Шаевич вполне искренно полагал, что, борясь с „Бундом“, он творит еврейское национальное дело, что уничтожение этой организации создаст почву для здоровой национальной жизни евреев.

Этим путем он надеялся привлечь на сторону сионистов еврейских рабочих, которые упорно отказывались примкнуть к этой партии.

В прокламациях „независимцев“ много говорилось о раз витии классового сознания пролетариата, об объединении и организации его для борьбы за экономические улучшения, но старательно замалчивалась действительная цель, к которой они стремились и которая заключалась в том, чтобы всеми сред ствами разрушить революционную организацию еврейского пролетариата — „Бунд“ и вовлечь еврейских рабочих в сио нистскую партию.

Эта задача „независимцев“ с полной определенностью вы ступает в сохранившейся в бумагах Шаевича записке „Еврей

ская Независимая Рабочая Партия, ее программа, история и значение для национального возрождения еврейского народа" [1]).

„Независимые" образовали в Одессе „союз машиностроительных и механических рабочих", который вскоре стал вмешиваться во взаимоотношения хозяев и рабочих. Вместе с тем они действовали от имени „Одесского независимого рабочего комитета", ставя на своих воззваниях печать с таким наименованием [2]).

В помощь Шаевичу приезжали из Минска Вильбушевич, Чемериский.

Приезд Вильбушевич, в сентябре 1902 года, особенно встревожил одесскую полицию. Почти ежедневно в ее квартире, по Тираспольской ул. д. 6, происходили большие собрания рабочих (до 50 чел. и больше); зная о сношениях Вильбушевич с департаментом полиции, местное жандармское управление не решалось предпринимать против нее крутых мер и запросило, как поступить. На это получился успокоительный ответ Лопухина — директора департамента полиции: „Одесса, жандармскому подполковнику Критскому. Деятельность Вильбушевич мне и графу Шувалову лично известна. Окажите Вильбушевич, в случае надобности, полное содействие. И. д. директора Лопухин" [3]).

Влияние „независимцев" в Одессе быстро росло.

Наиболее деятельными членами группы по агентурным данным были: рабочие котельной мастерской Залмон Френкель, Лейба Рыжий, Абрам Пойлишер, слесарь мастерских добровольного флота Иванов, токарь тех же мастерских Костиченко-Ковальчук и Ив. Ликсмен (кассир группы) [4]).

„... Здесь в конце зимы, — писали в центральный комитет „Бунда" из Одессы: — появилось „зубатовское" общество, так называемая „независимая рабочая партия". Еще в средине зимы сюда приехал попробовать счастье Волин. Мало успеха

---

[1]) См. ст. Н. А. Бухбиндера „О зубатовщине" в „Красной Летописи" № 4.

[2]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., ос. отд., № 538, 1908 г.

[3]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., ос. отд., № 538, 1908 г.

[4]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол., № 1390, 1903 г., ос. отд., л. 11.

он имел у еврейской интеллигенции, между которой он известное время агитировал. Теперь „независимцы“ отыскали себе верного товарища в лице г. Шаевича. Еще совсем недавно последний был избран делегатом на минский съезд, и, как бы по мановению волшебного жезла, возвратясь из Минска, он начал — вместо Сиона — звать на... помощь русской жандармерии. Шаевич, доселе борец за освобождение еврейской нации, сделался пылким космополитом: он на Пересыпе (предместье Одессы, где находится много заводов) между христианскими рабочими горячо проповедывает стачки, которые он может выиграть при помощи того или другого жандарма (он этим хвастается открыто). На устраиваемых им сходках он все допытывается у рабочих, нет ли у кого „с мухами на носу“, т. е. революционеров, и просит назвать их по „фамилиям“ [1]).

Действовали „независимцы“ в Одессе полулегально: открыто администрация не давала им разрешений на устройство собраний и т. п., но и не преследовала за это.

Департамент полиции уведомил одесское жандармское управление, что „давать этим лицам официальное разрешение на устройство сходок и собраний и распространение воззваний, а равно и оказывать им какое бы то ни было содействие представляется неудобным, но тем не менее казалось бы возможным, не преследуя за означенные действия, отнестись к ним с терпимостью“.

В ноябре 1902 года одесская группа „независимцев“ обратилась к местному градоначальнику с просьбой об официальном разрешении ей устройства в Одессе в нанятом помещении собраний для собеседования рабочих по вопросам их быта. По этому поводу Лопухин разъяснил, что „подобного рода собрания получили уже признание со стороны министерства внутренних дел и в настоящее время происходят в СПБурге и Минске с надлежащего разрешения, даваемого на общем основании в порядке разрешения вечеринок, танцовальных вечеров и т. п.“, и что „со стороны министерства не

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 1700, т. 2, ос. отд., 1902 г., перлюстрированное письмо.

встречалось бы препятствий к удовлетворению ходатайства группы „независимых“ в Одессе, при непременном, однако, условии, чтобы кто-либо из ходатайствующих был лично известен градоначальнику, и чтобы ответственность за порядок в собрании была принята на себя теми лицами, кои будут ходатайствовать о разрешении собрания“ [1]).

Деятельность Шаевича в Одессе, по словам Зубатова, была „энергична и осмысленна“ [2]).

Пользуясь покровительством местного начальника охранного отделения Васильева, Шаевич быстро развернул свою деятельность.

Под влиянием „независимцев“ имели место стачки в небольшой механической мастерской Прива и на консервной фабрике Соколовского. В апреле происходила под влиянием Шаевича очень продолжительная, упорная и сопровождавшаяся насилиями над штрейкбрехерами забастовка на заводе Ресселя, однако, проигранная рабочими.

1 июля началась стачка среди портовых рабочих, предъявивших экономические требования. К ним присоединились кучера и кондуктора конно-железной дороги, железнодорожники, рабочие парового трамвая, каменоломен, ссыпщики зерна, рабочие нескольких заводов и фабрик, к 15-му июля стали все фабрики, заводы, типографии газет. Многие ремесленные заведения, электричество, хлебопекарни, рестораны, железная дорога с Киевом приостановилась, почта не доставлялась, ожидали приостановки и телеграфа. Стачка стала всеобщей. Происходили митинги в 8000 человек.

Вызвана она была агитацией „независимцев“, не предвидевших возможности того, что стачка может принять такие грандиозные размеры. Вскоре они потеряли всякое влияние на ход забастовки, и последняя приняла стихийный характер.

Вначале забастовщики выставляли исключительно экономические требования, но потом, под давлением социал-демократии, рабочие присоединили к ним и политические требования.

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 538, ос. отд., 1908 г.

[2]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 538, 1908 г., ос. отд.

„Независимцы“, видя рост влияния социал-демократии в среде забастовавших рабочих, энергично боролись против этого и старались придать движению экономический характер.

„... Рабочие не возобновляли работ, собирались толпами и обсуждали свои дела, — указывалось в прокламации Одесского Комитета РСДРП, — ораторы произносили речи. „Независимые-зубатовцы“ употребляли все усилия, чтобы срывать речи на политические темы. В этом им удалось увлечь за собой и большинство серой массы, из среды которой кричали: „не надо нам политики. Говорите о теперешнем деле“. Да, стачка окончена, но как окончена? Темная сила бессознательной массы, под давлением клики „независимых зубатовцев“, одержала на этот раз позорную победу; она прокричала „ура“ Немешаеву (нач. Юго-Зап. жел. дорог. Н. Б.), который отказал рабочим во всех их существенных требованиях, и позорно подставила свою шею под прежнее ярмо... Забитость, неразвитость рабочей массы — вот та грозная крепость, которая служит главнейшим оплотом порабощения рабочих. Ее-то так ревниво охраняют капиталисты, царское правительство, а с ними и их слуги — „независимцы“. Понятно теперь, что, когда ораторы старались пробить брешь в этой крепости, старались заклеймить самодержавие царя и капитала, — им мешали, их прерывали, их заставляли молчать... До очевидности ясно, что „независимые зубатовцы“, удерживая рабочих от „политики“ и суживая их борьбу до простой стачки, отдают их в безнадежное рабство грабительскому союзу капиталистов и правительства. Товарищи! Нам необходимо добиться демократической республики...

Долой же всякое посягательство на принижение вашей классовой борьбы до узко-экономической!“ [1]).

Об этой роли „независимых“ говорят и сохранившиеся архивные документы — доклады начальника одесского охранного отделения Васильева.

„По объяснению Шаевича, — телеграфировал Васильев Лопухину 13 июля: — „независимцы“ только участвуют в стачке,

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 4, ч. 10, л. Г. 1903, ос. отд., л. 12.

сдерживая других [1]). ...Единственный сдерживающий элемент среди стачечников, это — независимые [2]). ...Обсудив всесторонне положение дела, — писал Васильев в Департамент Полиции по поводу специального совещания у одесского градоначальника по вопросу о прекращении беспорядков, — утреннее совещание, между прочим, признало деятельность независимых полезною в данный момент, как элемента умеренного, сдерживающего наклонность толпы к буйству, а потому, по предложению г. прокурора палаты, совещание просило меня, если возможно, пригласить г. Шаевича (последний здесь всем известен) и посоветовать ему всеми мерами сдерживать толпу. — Зная уже давно, что деятельность руководителя независимых и его личность ни для кого из присутствовавших на совещании не составляет секрета, и приняв во внимание серьезность положения, я обещал, с своей стороны, сделать возможное в указанном направлении. Поэтому г. Шаевич был мною приглашен в отделение, и я просил его содействовать общему умиротворению, что он и обещал исполнить и действительно исполнил“ [3]).

Из Одессы в департамент полиции беспрерывно поступали тревожные известия о серьезности положения в Одессе.

„Забастовка постепенно переходит во всеобщую. Рабочие все более возбуждаются. Вчера забастовавшие были на некоторых фабриках, снимая людей с работы. Сегодня два раза вызывалась полиция разгонять толпу. Сегодня тысяч восемь собралось за городом, вызвана сотня, три роты; девять рот наготове в лагере. Революционные организации подбивают к беспорядкам. Комиссия под председательством градоначальника рассматривает требования рабочих, намереваясь, что можно, удовлетворить. Положение стало серьезным. Ротмистр Васильев“ [4]).

Плеве требовал от одесских властей принятия против забастовщиков самых решительных мер.

1) Ibid., л. 59.
2) Ibid., л. 65.
3) Ibid., л. 154.
4) Ibid., л. 81, телеграмма от 17 июля 1903 г.

„Одесса. Градоначальнику. Предлагаю Вам принять самые энергичные меры против лиц, подстрекающих к забастовке, в том числе и к независимцам, и водворить порядок на улицах, хотя бы с употреблением оружия. Министр внутренних дел Плеве" [1]).

В другой раз Плеве телеграфировал одесскому градоначальнику, между прочим: „Ваши переговоры с трамвайными забастовщиками считаю *действиями ошибочными*, так как при наличии бесчинств толпы следует проявлять заботу *не о рабочих, а о поддержании порядка*. Вообще продолжаю находить, что *должной энергии не проявляется. Заранее одобряю всякую решительную меру*. Министр внутренних дел Плеве" [2]).

Лопухин предлагал удовлетворить экономические требования стачечников.

„Одесса. Начальнику охранного отделения. На № 995. Желательно скорейшее удовлетворение справедливых требований рабочих. Директор Лопухин" [3]).

В телеграмме от 17 июля одесскому градоначальнику он вновь настаивал на том же: „В виду предъявления забастовщиками экономических, большею частью резонных, требований, желательно скорейшее рассмотрение таковых и удовлетворение тех, кои справедливы" [4]).

Рост движения испугал Плеве, и он решил принять репрессивные меры и по отношению к „независимцам".

„Если имеются фактические данные, что забастовка является последствием агитации „независимцев", — телеграфировал 14 июля Лопухин одесскому градоначальнику, — то агитаторов, по приказанию министра, следует задержать и выслать" [5]).

Зубатов 12 июля, обеспокоенный деятельностью „независимцев", запрашивал Васильева: „Если инициаторы забастовки — независимцы, предложите стать на работу, ибо градоначаль

---

[1]) Ibid., л. 83, телеграмма от 17 июля 1903 г.

[2]) Ibid., л. 166-б, курсив подлинника.

[3]) Ibid., л. 66, тел. от 15 июля 1903 г.

[4]) Ibid., л. 15.

[5]) Ibid., л. 13.

нику предлагается арестовать зачинщиков. Телеграфируйте, какое имеют отношение независимцы к стачке“ [1]).

В ответ на это Васильев телеграфировал 15 июля 1903 г.:

„Хотя „независимцы“ участвуют в стачке, но только они сдерживают забастовщиков, теперь арестовывать их нельзя, прибыли военные матросы, завтра будут еще, это раздражает социал-демократов, хотят столкновения, вызвано три роты, независ. взял в руки и направляю сверху спокойно, в городе бурлит, начинаются забастовки на фабриках. Ротмистр Васильев“.

И в другой телеграмме от 17 июля: „У властей сложилось ошибочное мнение, будто забастовки дело „независимцев“, такие слухи распускают революционные организации, пользующиеся фирмою независимцев; последние, особенно Шаевич, сдерживают забастовавших, иначе давно было бы буйство. Ротмистр Васильев“ [2]).

Местные власти были против предложения департамента полиции о немедленных репрессиях против „независимцев“, так как полагали, что это лишит движение умеренного элемента и тем самым ускорит его.

„...В виду тревожного настроения рабочих масс, на которых ныне стараются распространить свое влияние революционные организации, — писал Васильев Лопухину, — деятельность независимцев, как умеренной фракции, сдерживающей рабочих, мною признается желательной, аресты же и высылки их могут лишь уменьшить шансы к сохранению властями порядка и спокойствия в городе. Соображение это, доложенное мною градоначальнику, одобрено его превосходительством“ [3]).

Местная администрация решила арестовать Шаевича, но предварительно запросила Плеве. „Можете арестовать Шаевича, — телеграфировал в ответ на это Плеве, — и возбудить вопрос о его высылке перед департаментом полиции, теперь же

---

[1]) Ibid., л. 11.

[2]) Ibid., л. 85.

[3]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 1390, ос. отд., 1903 г. и д. № 2334, 1904 г, 3 дел.

отправив его по моему распоряжению вологодскому губернатору для водворения в Устьсысольском уезде“ [1]).

Шаевич был арестован 21 июля 1903 г. и отправлен через Москву в Вологду. Особое совещание постановило выслать его в Восточную Сибирь, в Колымский край, Якутской области, на пять лет, считая с 28 августа 1903 г.

По дороге в ссылку Шаевич остановился в Красноярске и по свидетельству врача был оставлен здесь до весны.

Находясь в красноярской тюрьме, Шаевич вел среди заключенных монархическую агитацию.

„В местной тюрьме содержится, до окончания о нем дела, доктор философии и государственного права Генрих Исаев Шаевич, — сообщал начальник красноярского охранного отделения, — в настоящее время это лицо представляет собой человека, окончательно убежденного в том, что прежние его направления, вызвавшие своими проявлениями печальные для него, Шаевича, последствия, совершенно не соответствуют теперешним его умозаключениям, каковые выводят его на путь к благим начинаниям в пользу правительства. Названный Шаевич, нисколько не стесняясь, открыто причисляет себя к группе контр-революционеров и употребляет все свои силы для создания сторонников означенной группы. Быть может такое поведение Шаевича проявляется им для снискания себе только помилования, но во всяком случае, какую бы роль Шаевич ни играл, он является безусловно интересным субъектом для дела“ [2]).

В декабре 1903 г. Шаевич вместе с некоторыми другими заключенными красноярской тюрьмы отслужил молебен за здравие Николая II и просил начальника тюрьмы „повергнуть к стопам Е. И. Вел. выражение верноподданнических чувств“ [3]).

Подкупленный его поведением начальник красноярской „охранки“ даже возбудил в январе 1904 г. ходатайство пред департаментом полиции об освобождении Шаевича из тюрьмы

---

[1]) Ibid., л. 4.

[2]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 1390, ос. отд., 1903 г., л. 12.

[3]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 2234, 1904, 3 дел.

и отдаче его под надзор полиции в г. Красноярске. Однако, Лопухин счел это невозможным и отклонил ходатайство [1]).

По манифесту 11 августа 1904 г. Шаевич был освобожден от ссылки в Вост. Сибирь, гласного надзора полиции; ему запрещено было жительство в Одессе и столицах на 5 лет.

В результате целого ряда ходатайств о снятии с Шаевича запрещения жить в Одессе, где осталась его семья, департамент полиции согласился удовлетворить это при условии дачи подписки об отказе от политической деятельности. Шаевич на это согласился. „Согласно предложения г. директора департамента полиции об условии, на котором может быть снято тяготеющее на мне ограничение в праве выбора местожительства, даю сию подписку г. помощнику херсонского губернского жандармского управления в г. Николаеве в том, что отказываюсь на будущее время от какой бы то ни было агитационной деятельности в так называемой легализации рабочего движения. X. Шаевич. Николаев, 31/12“ [2]).

„Подписывая обусловленное Вашим превосходительством отречение от деятельности, кратковременное право на которую я оплатил ценою покоя всей жизни, разбитого тюрьмой и ссылкой здоровья, я полагал, — пишет по поводу своего отречения Шаевич в департамент полиции, — что этим отречением покупаю возможность жить в своей семье, хоть отчасти восстановить утраченное здоровье и совершенно расстроенные дела; и для Вашего превосходительства, очевидно, тоже ясно было, что, дав после глубокого и зрелого обдумывания обещание не принимать участия в легализации, я понимаю значение взятой на себя обязанности, и, следовательно, ни о вредном или вообще о каком-нибудь влиянии с моей стороны не может быть и речи“ [3]).

Личность Шаевича в полной мере обрисовывается из следующего прошения, поданного им в 1904 г. в департамент полиции.

---

[1]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 1390, особ. отд., 1903 г., л. 12.
[2]) Ист.-рев. арх., д. деп. пол. № 2234, 3 дел., 1904 г.
[3]) Ibid.

„Простите великодушно смелость, с которою я позволил себе обратиться к Вашему Сиятельству с частным письмом вместо обычной формы — прошения.

Побудило меня к этому нежелание подвергать обычным мытарствам по инстанциям свою просьбу, понять истинный харак тер и разрешить которую можете только Вы, господин министр.

Вам благоугодно было соответствующим распоряжением в октябре с. г. освободить меня от надзора и ссылки в Сибири, куда я был сослан Вашим, покойным ныне, предшественником, В. К. Плеве.

По традиции ли, а может быть и имея в виду меня лично, департамент полиции обусловил мое возвращение в Россию запретом проживать в Одессе, моей родине, и обеих столицах.

В анналах департамента, вероятно, сохранилось, не знаю только, известно ли и Вашему Сиятельству, что я сослан по личному настоянию и распоряжению покойного министра, кото рый счел себя лично мною оскорбленным (в письмах не ему адресованных).

Мой образ мыслей, политические убеждения характери зуются тем, что я руководил *легализаторскими* рабочими организациями, в духе преданности самодержавию, создавая этими организациями (зубатовскими, как их называла нелегаль ная пресса), помимо их прямой задачи, улучшения положения рабочей массы, противовес революционному социалистическому движению.

Работа моя производилась совершенно легально под покро вительством и при содействии М. В. Д., и все же это не спасло меня от кары, налагаемой обыкновенно за государственные преступления.

Ближайшим предлогом к этому послужили народные волне ния в Одессе, поводы же были чисто личного характера.

Не стану утруждать Ваше Сиятельство подробностями о минувшем, тем более, что о „мертвых следует говорить хо рошо или ничего“.

Мне не инкриминировалось никакого определенного престу пления, и я был даже лишен возможности просить о смягчении своей участи Государя.

На моей совести не было ни единого пятна или грехов против Носителя великой идеи Самодержавия, служению которому и которой я пытался посвятить все свои силы, каковое служение привело меня даже вопреки здравому смыслу в Сибирь. Я не мог бы просить о помиловании по той простой причине, что у меня не было вины перед Государем, в которой я мог бы раскаяться, да *и в чем было каяться мне, человеку, который не словом, но делом доказывал свою приверженность Монарху и монархизму, и даже в тюрьме считал своим долгом содействовать прозрению тех ослепленных, кои (за) увлечение социалистической пропагандой ссылались за государственные преступления в Сибирь.* Результаты этой моей деятельности, раскаяние целого ряда лиц известны были и местной (красноярской) администрации.

Ходатайствовать о прощении у В. К. Плеве значило делать *его добровольно* судьею в собственном деле и признать свою несуществующую вину.

И вот я провел почти полтора года в ссылке, из которых шесть месяцев в тюрьме, надломившей мое здоровье.

Ныне я освобожден от ссылки, но мне запрещено въезжать в Одессу, где у меня семья, родные, где у меня есть дела и возможность найти средства к существованию.

Мне запрещено ездить в столицу, а я лелеял мысль вновь вернуться к той же деятельности, по созданию кадров русских рабочих, верных своему Государю и видящих в существовании нынешней формы правления единственный залог мирного и верного разрешения их, рабочих, нужд и вопросов, для чего надеялся добиться разрешения и поощрения Вашего Сиятельства, а это могло бы быть только в результате личной беседы. Если бы Вы удостоили ею меня, чего в свою очередь возможно было бы добиваться лишь тогда, если бы мне разрешили приезжать в столицу.

Ведь я не совершал никакого государственного преступления, ни делом, ни словом не грешил против своего Государя, за что же я должен нести кару, равную той, какой подвергаются мои политические антиподы — революционеры?

Не откажите мне по крайней мере в возможности вновь вернуться к своей семье и делам, и соблаговолите снять хоть запрет на въезд в Одессу.

Гуманность Вашего Сиятельства дает мне надежду, если это письмо будет прочитано, на то, что моя просьба будет удовлетворена.

Если у меня была какая-нибудь вина, то, Ваше Сиятельство, согласитесь, что тяжелая, морально и физически, ссылка и тюрьма искупили ее.

Снимите же тяготеющее на мне запрещение о въезде в Одессу и дайте этим возможность поправить свое расшатанное всем происшедшим здоровье и материальное положение.

Х. Шаевич.

Николаев, Херсонской губернии“.

С арестом Шаевича организация „независимцев“ в Одессе прекратила свое существование.

***

Помимо Минска, Вильны и Одессы „независимцы“ попытались повести агитацию и в Бобруйске.

„В виду развития деятельности „Бунда“ в г. Бобруйске, — писал начальник Минского жандармского управления Васильев в департамент полиции 8 января 1903 г.: — мною еще в мае прошлого года были направлены туда некоторые представители партии „независимцев“, пропаганда которых имела успех, и рабочие стали мало-по-малу присоединяться к их организации“.

В январе 1903 г. „независимцы“ насчитывали здесь в своей организации 200 чел.

4 января они, с ведома Васильева и разрешения местного полицеймейстера, устроили собрание рабочих.

Бундовцы, явившиеся в большом числе, сорвали собрание, которое окончилось дракой.

Организация независимцев здесь была создана по предложению Васильева.

Вильбушевич предполагала организовать „независимцев“ и в Двинске и вела по этому поводу переговоры с видным местным работником, сион.-социал. З. Абрамсоном. Отказ его взять на себя эту работу и выпущенные в то же время прокламации против „независимцев“ двинского бундовского комитета и „рабочих-сионистов“ заставили ее отказаться от своего проекта.

Одно время „независимцы“ несомненно имели большой успех. В частности — в таком центре еврейского рабочего движения, как Минск.

Чем он объясняется?

Прежде всего быстрому росту влияния „независимцев“ благоприятствовали наблюдавшиеся в ту пору в Минске в ремесле и торговле большой застой и значительная безработица.

„... Безработица свирепствует у нас во всей силе, — пишут в „Посл. Изв.“ из Минска: — безработных масса, нищета ужасная. Они бродят целыми группами бесцельно по улицам и мастерским“ [1]).

Поэтому и революционные призывы „Бунда“ не находили среди них отклика.

К „независимцам“ примыкали либо материально лучше обеспеченные, либо по возрасту — постарше.

Забитых нуждою и голодом еврейских рабочих привлекали идеи зубатовцев потому еще, что они сулили им улучшение их тяжелого положения без перспективы попасть в тюрьму или ссылку, с чем неизбежно связана была нелегальная работа.

В массе всегда имеется достаточно инертных, нерешительных и колеблющихся людей, и они-то заполняли ряды „независимцев“.

Далее их успеху содействовало то, что „Бунд“ в это время переживал переходный момент, который порождал сомнения и колебания среди бундовцев.

„... „Бунд“ переживал тогда внутренний кризис, — пишет Б. М. Фрумкин в статье „Зубатовщина и еврейское рабочее движение“. — Основы „Бунда“ — экономические массовые кассы и

[1]) „Посл. Изв.“ № 113.

экономическая борьба — теряли свое прежнее значение; начался процесс созидания новых организационных форм и приискания нового содержания для организационной жизни. Агитация первых лет существования еврейского рабочего движения касалась почти исключительно повседневных нужд рабочего и была ему близка, понятна; борьба, вызванная этой агитацией, давала непосредственные результаты, вполне соответственные тому идеалу благополучия, о котором тогда мог мечтать задавленный нуждой и безграничной хозяйской властью еврейский рабочий. Организация предъявляла к рабочему минимум требований и давала ему максимум того, что возможно было дать в то время и при данных условиях. Отвлеченных идеалов, борьбы за отдаленные цели не было, результат сегодняшней стачки — это для громадного большинства организованных рабочих было тогда конечною целью. Но именно благодаря упрощенности лозунгов и приемов, каждый массовый член организации активно жил организационными интересами, которые сливались с его собственными, и каждый чувствовал себя в своей организационной кассе на своем месте.

Эта первобытная стадия движения была быстро пережита. В тот момент, который нас здесь интересует, заканчивался длительный процесс превращения „Бунда“ из элементарной экономической организации широких рабочих слоев в политическую и революционную партию.

Материал для экономической агитации был исчерпан; экономическая борьба, которая привела к определенным результатам, не могла дальше продолжаться с таким же успехом, а во многих ремеслах, в виду того, что возможное улучшение было уже достигнуто, совсем не могла больше применяться; кассы потеряли свой профессиональный характер и, при отсутствии постоянного возбуждающего фактора в виде стачек, существовали лишь номинально: широкая масса от них отхлынула, и остались лишь „политические члены“.

„... Если прибавить к этому, что в связи с новыми задачами, выдвинутыми движением, и с новыми условиями, в которых приходилось работать, партийные учреждения все более законспирировались, выборное начало было из них совершенно

устранено, и весь партийный строй принял строго централистский характер, то станет ясно, что организация по своим задачам, составу и тактике удалилась от массы, и то громадное количество вчерашних членов организации, которое не могло поспеть за быстрым темпом ее развития, фактически было выброшено за борт организации“ [1]).

„Еврейская независимая рабочая партия“ просуществовала до июля 1903 г.

Распад ее произошел под влиянием разных причин: значительную роль сыграла здесь неустанная агитация „Бунда“, благодаря которой от „независимцев“ отошла рабочая масса. Не малую роль сыграл кишеневский погром и, наконец, прямой приказ Плеве, переданный „независимцам“ Зубатовым, о полном приостановлении легального еврейского рабочего движения.

Члены недавней организации „независимцев“ вошли вновь частью в „Бунд“, а частью — в „Сионистско-социалистическую партию“ и в „Поалей-Цион“.

О прекращении своей деятельности „независимцы“ оповестили следующей прокламацией:

Еврейская Независимая Рабочая Партия.

Ко всем еврейским рабочим [2]).

С 3 по 6 июня с. г. состоялся съезд Еврейской Независимой Рабочей Партии, на котором решено было: деятельность ее прекратить в виду того, что продолжаться в прежней форме она не может; подходящей же другой формы в настоящее время нет.

Партия не может продолжать свою деятельность в прежней полулегальной форме по следующим соображениям:

Правительство, согласно ясно выразившейся после долгих колебаний тенденции, готово допустить легальное рабочее движение, на манер московского; кроме того, можно ожидать

---

[1]) „Пережитое“, т. III.
[2]) 12 × 15, печ., 2 столбца, 1 стр.

отдельных мер по фабричному законодательству, в роде уже учрежденных фабричных старост и т. д.

По отношению же ко всякому движению, носящему *классовый* характер и отнюдь не отождествляющему интересы рабочих с предпринимательскими, — никаких мероприятий, кроме враждебных, со стороны правительства *в ближайшие годы* ожидать нельзя.

Понятно, что движение, подобное московскому, в еврействе места иметь не может. Несомненно и то, что политика отдельных мест без соответствующего поднятия гражданского правосознания и организованности рабочей массы особенно полезной признана быть не может, меньше всего на чем-нибудь подобном может основывать свою деятельность Евр. Независимая Раб. Партия.

Прекращение полулегальной деятельности Е. Н. Р. П. могло бы еще оттянуться на некоторое время, но открытая деятельность, существование легальных квартир для собраний и т. д. стало безотлагательно невозможным по следующей причине:

Секретным циркуляром министерства внутренних дел, уже разосланным на-днях губернаторам, градоначальникам и т. д., сионизм в пределах России фактически запрещается. Репрессии более существенные, надо думать, не заставят себя долго ждать. Этот циркуляр знаменует поворот в правительственной политике в смысле преследования еврейских общественных движений не революционных, подавление всего еврейски национального.

Понятно, как должна отразиться эта новая репрессия, затрагивающая умственные и всякие другие интересы самых различных слоев еврейского народа, на всем русском еврействе и на его общественном мнении.

И на этом фоне всеобщего подавления всякого *живого дыхания* в еврействе, легальные формы (собрания, квартиры и т. д.) какого-то рабочего движения могли бы быть только резким, бессмысленным и наглым диссонансом.

За отсутствием возможности вести движение легально, остается еще альтернатива конспиративного движения, но съезд

признал невозможным в настоящий момент и эту альтернативу.

Конспиративное движение, выставляющее на своем знамени требование легализации, если оно не будет иметь в действительности отдельных фактов легализации в виде некоторой терпимости к существующему, еще не узаконенному движению, или отдельных разрешений, уставов и т. д., должно будет оперировать одними фразами, которые, при непримиримом настроении общества, в виду всесторонних репрессий, ни на кого влиять не будут, либо выльются в революционное движение.

Кроме того, существование еврейского рабочего движения, выставляющего требование *классовой легализации*, может быть только бесполезно для общего дела легализации российского рабочего движения, если параллельно еврейскому не будет такового же русского рабочего движения, а будет нечто смиренно-мудрое на московский лад.

Для еврейского же народа такое движение, без поддержки русского, может быть только вредным, послужив новой иллюстрацией той старой правительственной „истине“, что корень всех вольнодумных зол — в евреях, сама же русская масса чиста аки голубица.

Существование же отдельных чисто экономических союзов, если они и будут образовываться — без перспективы легализации, — в партийной организации не нуждается.

Комитет Е. Н. Р. П.

Глава IX

Терроризм в „Бунде“. — Празднование 1 мая 1902 г. в Вильне.— Экзекуция над демонстрантами. — Покушение Г. Лекерта на виленского генерал-губернатора фон-Валя. — Казнь Г. Лекерта.— Рост террористических настроений среди бундовцев. — V-я конференция в Бердичеве. — Резолюция об „организованной мести“. — V-й съезд „Бунда“ и отмена этой резолюции. — Боевая бундовская организация в Риге. — Причина неуспеха террористических настроений среди бундовцев.

Первомайская демонстрация 1902 года в Вильне закончилась жестокой экзекуцией над арестованными демонстрантами: в первый раз здесь были применены телесные наказания над еврейскими рабочими.

Один из пострадавших рассказывает об экзекуции следующее: „... Арестованных вывели на двор. Фон-Валь (губернатор) осыпал их площадной руганью, а затем прокурор произнес официальную речь. Объявил им, что был отдан приказ стрелять, но что они боялись ранить посторонних лиц и, кроме того, не хотели придавать этой демонстрации слишком большого значения. Поэтому они решили обратиться к другой мере. Пусть не думают эти мальчишки, что их кто-либо боится. Их всех сейчас так выпорют, что другой раз они не придут демонстрировать. По окончании этой речи принесли доску, специально приспособленную для этой экзекуции: одна дощечка подпирала подбородок, а другая вкладывалась в рот, чтобы нельзя было кричать. Поочередно брали всех и раздевали; один казак садился на голову, другой на ноги, а двое казаков с обеих сторон секли. Давали по 25 ударов, а некоторым по 50. При экзекуции присутствовали фон-Валь, прокурор, полицийместер Назимов, врач Михайлов. Некоторые падали в обморок, тогда их приводили в чувство и про

должали сечь. Особенно мерзко вел себя при этом фон Валь. Экзекуция продолжалась весь день“! [1]).

Приведем выдержки из письма другого арестованного. „... Когда нас вывели из камеры и мы увидели скамью, то мы думали, что нам первым придется испить эту горькую чашу. Но мы ошиблись. Нас поставили в сторону. „Их ставьте в сторону, пускай смотрят, как будут сечь их товарищей, а потом о них будет особое распоряжение“ — скомандовал фон-Валь. Когда нас поставили среди околодочных, я стал осматриваться. Прямо против нас стояла скамья, а возле несколько розог; они имели вид метлы, т. е. палки, от которой расходились ветви. Против нас, с другой стороны скамьи, немного влево, стояли губернатор и полицииймейстер; поодаль немного все пристава г. Вильны и пристав 6 стана и двое помощников приставов; недалеко от дверей стояли ряды казаков, сколько рядов, не мог заметить; тут же было 8 пожарных с брандмейстером, одетых как к пожару. У дверей лежала куча розог. Двум высоким, здоровым пожарным губернатор приказал стать по бокам скамьи — эти определены были в палачи. Когда все было сделано, губернатор взял какую-то бумагу и оттуда назвал одно имя. Пристав Снитко сейчас бросился за несчастным. Двое пожарных кинулись на него и раздели, а остальные подхватили его и растянули на скамье. Губернатор приказал сечь медленно и скомандовал: „начать“. И началось... Слезы меня душат, и я должен передохнуть... Точно так же было поступлено со вторым, с третьим и т. д. Сколько при мне секли, не помню, но, кажется, больше 20... Давали по 25 розог и только падавшим в обморок давали меньше. Однако, меньше 20 розог получил только один. Трое получили по 30: двое евреев и один христианин. Последний ни звука не издал, но два раза лишился чувств. После первого раза его вынесли в соседнюю комнату, откуда скоро явился врач Михайлов и заявил, что можно додать ему остальные розги, что и было исполнено. Как сильно били, можно судить по тому, что после 10 ударов от розги оставался

[1]) „Последние Известия“, № 70, от 23 мая 1902 г.

один голый стебель. Когда один палач уставал, его сменял другой“ [1]).

Варварская расправа с еврейскими рабочими в Вильне страшно возмутило население. Сечение демонстрантов вызвало среди рабочих большое озлобление и негодование против властей. Рабочие между собою толковали, что нельзя оставить безнаказанным надругательство над товарищами, что необходимо отомстить. Эта же мысль была высказана и в прокламации центрального комитета „Бунда“. „Еврейские рабочие! — сказано в ней: — как вы ответите на позорное оскорбление? Вы уже давно доказали, что вы перестали быть прежними покорными рабами; вашей мужественной борьбой за свободу вы уже доказали всему миру, что пробудились к новой жизни, к жизни свободных граждан. Докажите же еще раз царским палачам, что вы не станете смиренно сносить позорное обращение с вами; докажите, что вы люди с человеческими чувствами; докажите, что вы готовы защищать свое человеческое достоинство, что на насилие царских слуг вы готовы ответить насилием. До сих пор наша партия была против политического террора; мы и теперь отказываемся применять террор, как способ борьбы против самодержавия. Но дикий поступок фон-Валя вызывает страшное возмущение среди всех наших товарищей. Мы уверены, что *из среды еврейского пролетариата восстанет мститель, который отомстит за надругательство над своими братьями,* и если будет пролита человеческая кровь, то вся ответственность за это падет на царя и его диких слуг“ [2]).

Под впечатлением зверств полиции среди виленских рабочих окрепли террористические настроения. Особенное сочувствие находила мысль об убийстве фон-Валя. Образовалась, без ведома бундовского комитета, группа рабочих-бундовцев из 6 чел., которая энергично взялась за подготовление покушения на виленского генерал-губернатора. Группа эта собирала деньги на покупку оружия, обучалась за городом, в лесу,

---

[1]) Ibid.

[2]) „Последние Известия“, № 74, курсив наш.

стрельбе. Сочувствие этому было столь велико, что рабочие охотно давали пожертвования. Позже группа обратилась к виленскому комитету „Бунда“ с предложением взять на себя организацию террористического акта, но предложение это было отклонено. Тогда группа решила осуществить покушение самостоятельно. Отрицательное отношение виленского комитета вызвало среди рабочих неудовольствие. Позже, после неудачного покушения Лекерта, рабочие обвинили комитет в том, что по его вине был арестован Лекерт, при этом указывали, что если бы комитет организовал покушение, то Лекерт спасся бы[1]).

5 мая 1902 г., при выходе виленского генерал-губернатора фон-Валя из цирка, рабочий-бундовец Лекерт произвел в него два выстрела, но не убил, а лишь ранил его в руку и ногу.

Гирш Лекерт был немедленно арестован, предан военно-полевому суду. В ночь с 27 на 28 мая ст. ст. он был казнен. Его повесили на военном поле и тут же зарыли. Смерть Лекерт встретил геройски. Спокойно взошел он на эшафот. Раввина, присланного к нему перед казнью, он не принял. О последних часах Г. Лекерта, в брошюре, изданной соединенным комитетом местных организаций: виленского социал-демократического комитета „Бунда“, виленского комитета соц.-демократии в Польше и Литве и виленского рабочего комитета Литовской Социалистической Партии, рассказано следующее: „... Из солдат была создана живая ограда. Переодетые в штатском городовые ночью привезли виселицу и на глазах солдат построили ее; на глазах тех же солдат вырыли яму. В карре из солдат вошли царские слуги: секретарь виленского окружного суда Лукас, тов. прокурора того же суда Вендланд, чиновник особых поручений Сабуров, врач Яновский, общественный раввин Немзер и ряд приставов. В закрытой карете подвезли Лекерта. С Лекертом в карете ехал пристав Снитко. Лекерт спросил, куда его везут. Снитко ответил, что к вокзалу. Лекерт по улицам

---

[1]) Сборник „Гирш Лекерт“, на евр. яз., Москва, 1922, восп. Р. Мицкуна.

узнал, что его везут не туда. „Вы везете меня на военное поле“, — сказал Лекерт. „Слишком много чести“, — возразил Снитко с презрением. Только когда они переехали мост на Снипишки, Лекерт сказал: „Что же вы меня два раза обманули?“ на что Снитко ответил: „Ну, конечно, повесим!“

Карета остановилась на довольно почтительном расстоянии от места казни, около стрельбищного вала. С повязанными назад руками Лекерт ровно, спокойно дошел до рокового места. Твердой, достойной поступью Лекерт взошел на подмостки и с удивительным спокойствием ждал конца. Секретарь прочел приговор военного суда. Раввин хотел сказать приличествующее случаю слово. Он просил осужденного покаяться и, сходя в могилу, открыть сообщников. Он сказал, что Лекерт нарушил заповедь „Не убий“ и убеждал его покаяться, обещая после этого прочесть ему напутственную молитву и, таким образом, открыть ему доступ в рай. Лекерт отверг молитву, сказав, что в ней не нуждается; что касается заповеди, то он заметил, что, вероятно, в силу этой самой заповеди исповедующие ее вешают теперь его. Затем он попросил оставить его в покое. Палач накинул на Лекерта петлю. Она остановилась у него на носу, Лекерт сам движением головы (руки у него были крепко-на-крепко перевязаны кзади; когда завязывали, ему было, вероятно, очень больно, потому что лицо его выразило тогда сильное страдание, но он не издал ни одного звука) сбросил ее на шею. Палач спрыгнул, с дикой злобой потащил его к земле за ноги и крикнул: „готово!“ — и герой погиб... В заранее вырытой яме сейчас же зарыли труп его, без савана, который палач тут же присвоил себе [1]). Войска по команде прошли через могилу, чтобы выразить погибшему презрение, и с песнями возвратились в лагерь. Но шли войска недовольные, убитые. Не видно было в них сознания исполненного ими великого государственного долга. Вид солдат невольно наводил на раз

---

[1]) Один из приставов заметил палачу, что Лекерта следует одеть в саван, на что палач ответил: „Эх, жидюга обойдется и без этого!“

мышление, не будущих ли могильщиков самодержавия ведут в лагерь“ [1]).

Впечатление от покушения Лекерта было огромное.

Рабочие с энтузиазмом встретили геройский поступок Лекерта. Все облегченно вздохнули при известии о том, что месть осуществилась и надругательство над еврейскими рабочими не осталось безнаказанным.

Виленский Комитет „Бунда“ в прокламации по поводу покушения Лекерта писал: „Свершилось!.. Среди всеобщего ликования виленского населения был нанесен удар одному из гнуснейших царских опричников; повсюду слышно было лишь одно сожаление: почему он остался жив“. „... Мы горды за еврейский рабочий класс, потому что он выделил из своей среды человека, живо чувствующего обиды своих ближних и считающего их за собственные; мы полны радости, что в Валя стрелял рабочий-еврей, потому что это показывает, что в недрах еврейского пролетариата произошли глубокие изменения: он перестал уже быть забитым и загнанным, он вырос, он гигантски вырос! Он превратился в мощного и гордого бойца, смело добивающегося своих прав, отчаянно борющегося за свою свободу, честь и собственное достоинство.

Мы, социал-демократы, не придерживающиеся террористического образа действий, присоединяемся к всеобщему ликованию и приветствуем этот естественнейший и законнейший акт мщения за так варварски попранные человеческие права.

Хвала тебе, неустрашимый и самоотверженный боец! Честь и слава твоему геройству!“.

Такую же оценку нашел акт Лекерта и за границей в бундовских кругах. „Каждый из нас еще живо помнит то слож

---

[1]) „Гирш Лекерт и его процесс“, изд. „Бунда“, июль 1902 г., стр. 6—7. Г. Лекерт был по профессии сапожник. Участвовал в бундовском движении в Вильне. Лекерт принимал деятельное участие в так наз. „Новгородской истории“ (демонстрация и нападение на полицию в Вильне в 1900 г.). Он устроил побег из еврейского госпиталя одному из пострадавших во время этой истории. После годичного предварительного заключения Лекерт провел еще 6 месяцев в „Крестах“ и был выслан в Екатеринослав под надзор полиции. Незадолго до 18 апр. 1902 г. он во второй раз самовольно вернулся в Вильну.

ное чувство, которое мы испытали при известии о неслыханно-дикой расправе с виленскими демонстрантами, — писали „Последние Известия“: — в этом чувстве было все: злоба, ненависть, гнев, ярость, но над всем этим доминировало что-то тяжелое, гнетущее, точно все ужасы русской действительности внезапно сконцентрировались в одном фокусе, обдавшем нас своими темными смрадными лучами. Потом долгие, томительные дни ожидания, что вот-вот случится то, что должно случиться, ибо бывают злодейства, которые фатально влекут за собой немедленную расплату, — наконец, выстрел, произведенный рукой еврейского рабочего, и мы облегченно вздохнули...

Глубоко ошибаются те, которые в выстреле Лекерта видят поворот в сторону какой-то новой тактики. Там, где массовое рабочее движение является до такой степени доминирующим, что отодвигает на самый задний план мечтания слишком нетерпеливых или романтически настроенных натур, там террор — способ борьбы, по самому существу своему приспособленный к условиям кружковой или групповой деятельности, — не может стать в сознании организации путем к освобождению. Выстрел Лекерта явился только реакцией возмущенной человеческой совести на насилия, перешедшие за предел возможного даже в России, где этот предел почти безконечен.

Лекерт облек в плоть и кровь затаенную мысль каждого честного человека; поэтому его поступок встретил такое единодушное горячее сочувствие, поэтому, мы думаем, перед свежей могилой этого мстителя все честные люди сольются в одном чувстве благоговения к памяти человека, который освободил нас от тяжелого кошмара, в течение немногих, но долгих и томительных дней давившего нас свинцовой гирей.

Лекерт отомстил за глумления над личностью еврейских рабочих, он отомстил за поруганное человеческое достоинство вообще, и память о нем неизгладимыми чертами запечатлеется не только в великом сердце еврейского пролетариата, но в сердцах всех честных людей, еще не утративших способности ненавидеть произвол“ [1]).

---

1) „Посл. Изв.“ № 74.

Увлечение террором части еврейских рабочих объясняется зверством полиции, с одной стороны, и проповедью террора, которая в это время велась в России с большой энергией социалистами-революционерами, с другой. Тенденции эти усиливались благодаря удаче некоторых террористических актов.

Откликом террористического оживления являются резолюция 5 конференции „Бунда" об „организованной мести" и образо вание террористической бундовской группы в Риге.

Конференция подавляющим большинством высказалась за включение в тактику „Бунда" „организованной мести" в ответ на произвол полиции. В официальной мотивировке конференция отгораживается от могущего возникнуть обвинения их в увлечении террором. „Было бы большим заблуждением думать, что такой род мести имеет что-либо общее с терро ром". „... Сама организуя каждый раз акты мести и не предо ставляя вещей их естественному ходу, партия сможет предо хранить своих членов от ложных шагов, как и от системати ческого террора".

В виду большой важности этой резолюции приводим ее полностью. Из официальной мотивировки: „... Как мы, рево люционеры, должны отвечать на эту новую систему (систему опозоривания)?... Само собой понятно, что против таких ди ких деяний мы должны протестовать всеми силами, как в Рос сии, так и за границей, как путем печати, так посредством демонстраций, политических стачек и пр. Но ни для кого из членов конференции не было сомнения в том, что про тесты, в какой бы форме они ни выражались, не являются достаточным средством против таких азиатских насилий. Честь революционной партии требует мести за унижение ее членов.

Было бы большим заблуждением думать, что такой род мести имеет что-либо общее с террором. Когда партия решает наказать того или другого царского слугу, она этим не имеет в виду устранить правительство или вообще воспользоваться этим для достижения своих целей. Цель таких актов только в том, чтобы смыть пятно с партии, отмстить за позорное

оскорбление. И организованная революционная партия, стоящая на твердой принципиальной и тактической почве, всегда будет в состоянии не допустить, чтобы единичные акты мести пре вратились в систематический террор. Именно поэтому все такие акты должны организовываться самой партией, потому что, только сама организуя каждый акт мести и „не предо ставляя их естественному ходу“, партия сможет предохранить своих членов от ложных шагов, *как и от систематического террора*.

Но прежде всего необходимо, чтобы те, против которых правительство применяет систему опозоривания, не ждали, пока совершится месть партии. Они должны сами, тут же на месте, оказать сильное и энергичное сопротивление. Месть партии лишь тогда будет иметь смысл, когда каждый револю ционер в отдельности будет в каждый данный момент сам отстаивать свою честь и честь своей партии, когда каждый будет до последней возможности защищаться против оскорбле ний со стороны царских слуг.

Исходя из этих соображений, конференция приняла сле дующую резолюцию. Конференция признает: А) Что необхо димо вести усиленную массовую агитацию за необходимость самого энергичного сопротивления в случаях обесчещения личности участников революционной борьбы. В) Что на акты обесчещения следует каждый раз ответить организованными актами мести и массового протеста, при чем одно не исключает другого“ [1]).

С резким осуждением к резолюции об „организованной мести“ отнеслись заграничный комитет „Бунда“ и „Искра“. Социалисты - революционеры торжествовали, увидя в „Бунде“ своего нового союзника.

Собравшийся в следующем (1903) году 5 съезд „Бунда“ отменил решение 5-й конференции об „организованной мести“.

Под влиянием вышеуказанных террористических настроений в Риге среди бундовцев образовалась боевая соц.-дем. орга низация. Начальник рижского жандармского управления, при

---

[1]) „Посл. Изв.“ № 88.

лагая устав, сообщил о ней в департамент полиции следую щие сведения:

„... По имеющимся сведениям за последнее время среди членов рижской организации „Бунда“ возникло намерение выделить из своего состава особую „Боевую группу“, которая приняла бы на себя „выполнение в особенно выдающихся случаях насилия актов мести“. По этому поводу состоялось собрание членов Комитета, на котором и выработан проект программы новой группы и намечены уже некоторые из членов ее.

Во главе означенной группы, по всей вероятности, станет освобожденный недавно из-под стражи член рижской органи зации „Бунда“ б. студент Риж. Пол. Инст. Абрам Браун, ближайщим же его помощником явится привлеченный с ним по одному делу и также недавно освобожденный из-под стражи б. ученик VI кл. Рижской гимназии Лазарь Аронштам. Кроме того, в состав этой группы предназначены известный по предыдущим сведениям „Бачки“, оказавшийся, как и пред полагалось, Залманом Хацкелевым Зеликсоном, затем при бывший 2 сего июля в Ригу неизвестный, наконец, некто по фамилии Ривлин“ [1]).

Приведем программу этой боевой бундовской организации.

ПРОГРАММА

Рижской социал-демократической боевой организации 1903 г.

Вступление.

В виду того, что правительство в настоящее время прибегает к таким мерам, которые даже и при нашем самодержавном режиме являются крайне возмутительными, чем вызывают в обществе возбуждение, которое стремится вылиться в форму единичных актов мести, что связано с неудачами, — мы признаем более целесообразным те же силы организовать в одну це лую группу, чем значительно облегчится выполнение подобных актов, при чем мы считаем нужным оговориться, что мы отрицаем террор как средство освобождения, а признаем лишь организованную месть в особенно выдающихся случаях насилия и заявляем, что в активной деятельности в этой группе примут участие только сознательные социал-демократы, пришедшие к тому убеждению, что деятельность этой группы не находится в противо речии с основными принципами социал-демократов.

---

[1]) Д. арх. деп. пол. № 1700, ч. IV, с. 70.

Рижская социал-демократическая боевая группа.

§ I. Функции.

Боевая группа возлагает на себя следующие функции:

1) Группа преследует лиц, выдающих сознательно товарищей и откры вающих тайны революционных организаций.

2) Группа преследует лиц, обращающихся грубо и насильственно с рево люционерами и вымогающих насильственные показания.

§ II. Компетенция.

1) Рижская боевая группа подчиняется в вопросах общего свойства указаниям Центральной группы (Ц. Г.), в прочих же делах она предоста влена собственному усмотрению, т. е. решению большинства голосов, входя щих в ее местный состав.

2) Карательные меры вырабатываются всеми членами группы; исключе ние составляют случаи, когда Ц. Г. указывает лиц и меры, при чем местная группа может отказаться от участия в подобном акте.

§ III. Средства.

Средства боевой группы черпаются из взносов ее членов, лиц, сочув ствующих ее стремлениям и др.

§ IV. Расходы.

Все поступления распределяются следующим образом: а) 40% обыкно венных доходов и 1/2 пожертвований отчисляются в пользу Ц. Г., б) остальная сумма расходуется на нужды группы по общему усмотрению, при чем кассир может по своему личному усмотрению израсходовать на нужды группы не более 3 р., расход каковых он должен указать в ближайшем собрании.

§ V. Внутренняя организация.

1) Члены группы выбирают из своей среды лиц, на коих они могут возложить следующие обязанности:

2) а) кассира, б) библиотекаря легальных книг и в) библиотекаря нелегаль ных книг.

3) При чем Ц. Г. сохраняет за собою право назначить представителя для сношения с ней, а местная группа выбирает ему помощника.

Обязанности выбранных:

4) Представитель Ц. Г. получает от последней средства и сведения, пересылает ей деньги и отчеты о состоянии деятельности местной группы.

5) а, Все сведения из Ц. Г. сообщаются всей местной группе помощни ком представителя.

5) в, Отчеты местной группы составляются представителем Ц. Г. и его помощником, при чем отчеты должны быть подписаны обоими.

5) с, Группа имеет право просить о перемене представителя Ц. Г., а последняя, по рассмотрении просьбы, обязана удовлетворить желание

местной группы. Все подобные заявления должны быть посылаемы представителем и его помощником совместно.

6) Кассир получает все поступления, хранит их у себя и расходует по усмотрению группы. Он представляет отчет группе не менее 2-х раз в месяц.

7) Библиотекарь легальных книг хранит у себя легальную библиотеку, выдает книги членам группы и представляет отчет о состоянии библиотеки не менее одного раза в месяц.

8) Библиотекарь нелегальных книг несет те же обязанности, что и библиотекарь легальных книг.

§ VI. Изменение устава и перебаллотировка.

1) Устав может быть изменен по решению большинства членов, за исключением § 1 и § IV п. I.

2) Всякий член имеет право возбудить вопрос об изменении Устава и перебаллотировке членов.

Рижская социал-демократическая боевая группа.

О „Рижской соц.-дем. боевой группе“ сохранились весьма краткие, приведенные выше, сведения, заимствованные из жандармских источников, и, к сожалению, остается неподтвержденным личный состав и деятельность этой группы.

Почему террористические настроения не нашли подходящей почвы в „Бунде“ и в нем не укрепились? Увлечение некоторой части бундовцев террором было кратковременно. Это — недолгая полоса, быстро изжитая. Среди организованных еврейских рабочих соц.-дем. пропаганда и агитация велись уже свыше 10 лет, создались твердые традиции, имелся слой сознательных рабочих. Некоторые из них могли только временно поддаться общему увлечению, неожиданно вспыхнувшему чувству. „Бунд“, опиравшийся на массовое политическое движение пролетариата, связанный тысячью нитей с рабочей массой, перенес увлечение террором, как временную болезнь.

Глава X

Полемика „Бунда“ с „Искрой“ после IV съезда „Бунда“. — Взгляды „Искры“ на национальный вопрос. — Статьи тов. Ленина. — II-ой съезд „РСДРП“. — Выход „Бунда“ из „РСДРП“. — Полесский и Сев.-Зап. Комитеты „РСДРП“. — Кишиневский и Гомельский погромы. — Усиление националистических настроений среди еврейского населения. — Русско-японская война. — Якутские события. — 1 мая. — Белостокская бойня. — Канун 1905 года.

После 4-го съезда „Бунда“, принявшего резолюции о необходимости федеративного построения РСДРП и о культурно-национальной автономии, возникла полемика между „Бундом“ и „Искрой“. Обе они стояли на диаметрально противоположных позициях. „Искра“ видела решение национального вопроса в ассимиляции и считала необходимым содействовать ускорению этого процесса. Евреи — не нация, мысль о еврейской национальности — идея сионистическая и реакционная. Может лишь идти речь о слиянии еврейской нации с другими. Поэтому решения „Бунда“ — реакционны и вредны для еврейского пролетариата. Мы приведем дальше несколько цитат из статей тов. Ленина, помещенных в „Искре“. Знакомство с ними необходимо для понимания позиции „Искры“, на коей в тот период стояло подавляющее большинство РСДРП.

„...Объявление „Бунда“ самостоятельной политической партией, — пишет тов. Ленин, — есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще. „Автономия“ устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и

съезды, выставление особых требований в развитие одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого „майоризирования" при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах *еврейского* движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой „федерации" [1]).

Центр тяжести вопроса о положении „Бунда" в партии, — писал Ленин в „Искре": — состоит в декларации определенного принципа организации, в выборе пути. „Узаконить ли особность „Бунда", исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь бóльшего и бóльшего, теснейшего и теснейшего сближения и слияния со всей партией. Сохранить обособленность или *повернуть к слиянию*. Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли „Бунда", ибо „насильно мил не будешь", как говорили мы еще в № 33. Если вы *хотите* повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете автономию. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния,

---

[1]) „Искра" № 34, 15 февраля 1903 г., ст. В. И. Ленина „Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату". Собр. соч. т. IV, стр. 215 — 216.

при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, что еврейское рабочее движение ничего не потеряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию, — тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться „майоризирования“, тогда вы превратите печальную обособленность „Бунда“ в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении „Бунда“, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею еврейской „*нации*“, то прибегать к демагогии и к сплетням“ [1]).

„...Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими „принципами“ партийной особенности или партийной „федерации“. Проще и легче, конечно, идти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: „моя хата с краю“, как хочет теперь устроиться и „Бунд“. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках, — тем меньше склонны мы довольствоваться „простым“, но кажущимся и глубоко фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью в лагере пролетарской партии, — тогда не надо и фиговых листочков „федерации“, тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна „сторона“ не хочет в сущности и ре

---

[1]) „Искра“ № 49, 1 октября 1903 г., ст. В. И. Ленина „Максимум беззастенчивости и минимум логики“, собр. соч. т. IV, стр. 262 — 263.

шать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать о необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее объединяющейся буржуазии"[1]).

Подчеркивая, что идея „еврейской нации" есть идея сионистическая, Ленин указывает, что она носит реакционный характер, толкает еврейский пролетариат к вредной обособленности.

„Совершенно несостоятельная в научном отношении идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической действительности. Во всей Европе падение средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и объявить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются *против* ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос *стоит* именно так: ассимиляция или обособленность? И идея еврейской „национальности" носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского про

[1]) „Искра" № 44, 15 июля 1903 г., ст. В. И. Ленина „Национальный вопрос в нашей программе", собр. соч. т. IV, с. 247.

летариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение „гетто“ [1]).

Чем мотивировалась „Бундом“ необходимость его автономного положения в РСДРП? Обсуждая этот вопрос, „Arbeiter Stimme“ писала: „... Положение евреев в России, политика царского правительства по отношению к ним и другие особенности (как, например, отдельный язык) создали у еврейского пролетариата специальные интересы, требующие специальной защиты. Защиту-то этих специальных еврейских интересов может взять на себя отдельная еврейская организация, имеющая полное право защищать их так, как она находит это нужным, при чем Партия не вмешивается в деятельность этого Союза. В делах же, касающихся всего русского пролетариата без различия национальности и религии, „Еврейский Союз“ обязан, как часть Партии, подчиняться „Центральному Комитету“. Понятно, что „Еврейский Союз“ не имеет особой привилегии в Партии. Партия относится к „Еврейскому Союзу“ так же, как она относится ко всякой рабочей организации, защищающей специальные интересы какой-либо нации. Эта политика Партии умна и практична. Партия не желает, чтобы все рабочие союзы плясали по одной дудке. Дела, касающиеся отдельных групп рабочих, она оставляет за теми, которые сумеют лучше справиться с ними: общие же дела решаются представителями всех групп по одному определенному плану...“

„Партии предстоит трудная задача: ее главная обязанность заключается в борьбе за общие политические и экономические интересы, затрогивающие одинаково все группы российского пролетариата. Эта главная задача Партии и без того достаточно обширна и требует напряжения всех ее сил, так что Партия поневоле не в состоянии будет заботиться о специальных интересах иноплеменных рабочих, и, в частности, об интересах еврейских рабочих. Партия не может доставлять им своевременно на их родном языке нужную нелегальную лите-

---

[1]) „Искра“ № 51, 22 октября 1903 г., ст. В. И. Ленина „Положение „Бунда“ в партии“, собр. соч. т. IV, с. 272.

ратуру, не может помочь им в достаточной мере деньгами и людьми; Партия не в состоянии всегда точно знать, как ведется борьба еврейского пролетариата и, в силу этого, не может хорошо знать его нужды и формулировать его требования. Она не в состоянии пользоваться для пропаганды идеи о гражданском равноправии среди еврейского пролетариата позорными преследованиями евреев царским правительством, и, наконец, — это чрезвычайно важно, — когда наступит решительный и давно ожидаемый момент, Партия не сумеет с такой же энергией и силой защищать специальные интересы еврейской массы, с какой она будет защищать интересы пролетариата всей России; последнее ведь является ее главной задачей; такая организация, важнейшей задачей которой является достижение гражданского равноправия для представляемой ею нации, может употребить всю свою энергию для достижения своей цели. Таким образом, мы видим, что только специальная еврейская рабочая организация может взять на себя задачу доставления необходимых средств и сил для ведения успешной борьбы еврейского пролетариата. Только она одна может во-время точно узнать о нуждах еврейского пролетариата. Только она одна может познакомить русских рабочих с политической и экономической борьбой еврейского пролетариата посредством статей в главном органе Партии и тем помочь развитию у русского пролетариата сознания солидарности их общих интересов. Благодаря этому, у правительства отнимается возможность пользоваться национальной враждой, в интересах самодержавия и против интересов эксплоатируемых рабочих масс. В силу этого, существование отдельной организации еврейского пролетариата облегчает Партии ее тяжелую работу и сберегает ее силы для выполнения первой и главной задачи Партии“ [1]).

С такой же полнотой развита точка зрения „Бунда“ и в другом официальном бундовском издании — в брошюре Вл. Косовского „К вопросу о национальной автономии и преобразовании РСДРП на федеративных началах“:

---

[1]) „Arbeiter Stimme“ № 9 — 10, ст. „Наши цели“. Цитируем по „Работнику“ № 5 — 6, Женева, 1899 г., стр. 96, 98 — 99.

„С уничтожением самодержавия центробежные силы в еврей ской среде получат полный простор, евреи потеряют свои осо бенности, воспримут чужую культуру, чужие нравы и пр. и растворятся в окружающей их массе других народностей; на ционального вопроса в применении к евреям в будущей осво божденной России не будет. Отсюда вывод: кроме уничтоже ния самодержавия и в дальнейшем уничтожения капитализма, никаких других задач у еврейских рабочих масс не может быть. Эта точка зрения не нова. Во время оно она имела очень много сторонников среди передовой еврейской интелли генции. Это было в недалекую от нас эпоху, когда еврейская рабочая масса еще спала глубоким сном, и еврейские револю ционеры даже не подозревали, что в забитом и загнанном на роде восстанет сила, которая поднимет знамя борьбы против капиталистов и правительства и тем самым станет во главе освободительного движения еврейской нации. Эмансипации еврейской массы они ждали от русского и польского движения, и лучший исход для евреев они видели в том, чтобы они асси милировались с окружающим их населением, отдавая свои луч шие элементы на служение русскому и польскому революцион ному движению. Но, когда еврейское рабочее движение стало быстро развиваться, когда оно окрепло, пустило глубокие корни и приняло определенную физиономию, тогда все более стало выясняться, что оно само является могучим освободительным фактором, и что, когда *общими* усилиями пролетариата всей России падет самодержавный строй, то эмансипация евреев явится не актом милосердия к угнетенным и даже не актом справедливости с точки зрения принципов социал-демократии, а результатом той роли, которую играет и будет играть еврей ский пролетариат в освободительном движении, имеющем своей ближайшей целью свержение самодержавия. Но это же еврей ское рабочее движение, по мере того, как оно расширялось и становилось *массовым*, неизбежно должно было стать не только интернациональным, но и национальным. Интернационализм его заключается в том, что еврейские рабочие сознают себя членами одной всемирной социал-демократической семьи, нацио нализм его в том, что они чувствуют себя *еврейскими* рабо

чими, а не русскими или польскими. Как рабочие, они несут двойной гнет самодержавного правительства и капиталистов, как еврейские рабочие, они несут дополнительный двойной гнет исключительных законов и подавленных национальных проявлений. Съезду не зачем было строить гипотезы насчет того, будут ли какие-нибудь национальные проявления и стремления у евреев в освобожденной России. Ему не зачем было спорить о том, растворятся ли евреи в окружающих народах или сохранят свою национальную физиономию, воспримут ли они культуру соседей или разовьют собственную, усвоят ли они русский, польский и другие языки или сохранят свой жаргон. Для него ясно было: в настоящее время еврейский пролетариат по своей психике, по своему языку и т. д. вполне индивидуализированная национальная группа, а потому естественным выводом являлось, что на национальную автономию, буде он ее пожелает, он имеет такое же право, как и всякая другая *национальность*“ [1]).

* * *

Приближался созыв второго съезда РСДРП. Предстояло обсуждение устава и программы партии. Уже задолго до съезда в печати велась страстная полемика между „Искрой“ и „Бундом“. „Искра“ резко критиковала постановления IV съезда „Бунда“ о федералистическом построении партии и культурно-национальной автономии. Судя по происходившей полемике, можно было предвидеть, что и на съезде возникнут обостренные дебаты по вопросу о положении „Бунда“ в партии. Так оно, действительно, и было.

Весною 1903 г. собрался в Лондоне II-й съезд РСДРП. В делегацию „Бунда“ входили: Медем („Гольдблат“), Айзенштадт („Юдин“), Левинсон („Коссовский“, „Гофман“) и Гольдман („Либер“).

Споры между делегацией „Бунда“ и остальной частью съезда начались с самого открытия съезда. Несмотря на протест де

---

[1]) „К вопросу о национальной автономии и преобразовании РСДРП на федеративных началах“, стр. 13 — 14.

легации „Бунда“, съезд решил в первую очередь заняться вопросом о „Бунде“, не отлагая обсуждения его до рассмотрения организационного вопроса.

На съезде стали обсуждать, нужен или не нужен „Бунд“. Кавказский делегат высказался в том смысле, что русские товарищи сделали ошибку, допустив разростись „Бунду“ и предоставив ему на I-м съезде РСДРП широкую автономию; другие предложенный „Бундом“ проект устава характеризовали, как организационный сепаратизм, шовинистическую затею и пр. в том же духе. Так, например, т. Русов (Кнуньянц, Баку) сказал: „Бунд“ проявляет в последнее время организационный сепаратизм. Существование особой еврейской организации, ошибочно допущенное I-м съездом, имеющее, может быть, свое историческое оправдание, привело к очень нежелательным результатам“. Тов. Львов (Мошинский, союз горнозаводских рабочих) заметил: „поскольку в конце 90-х годов „Бунд“ играл в партии роль объединителя, постольку теперь он действует в ней разлагающим образом. „Бунд“ не объединяет, а разъединяет нас“. Тов. Мартов прямо назвал (тогдашнее) положение „Бунда“ не имеющим смысла и созданным ненормальными условиями, между прочим, борьбою „Бунда“ с „ППС“.

„Бунд“ на съезде внес проект национально-федеративного построения партии. Это встретило на съезде резкое осуждение со стороны подавляющего большинства делегатов. С другой стороны, проект, разработанный редакцией „Искры“, сводил самостоятельность „Бунда“ к технической автономии, которой пользовался любой местный комитет с той только разницей, что техническая автономия осуществляется в „Бунде“ на большей территории.

Под давлением противодействия съезда делегация „Бунда“ взяла обратно свой проект национально-федеративного построения партии и внесла другой, обеспечивавший „Бунду“ широкую автономию.

После отклонения пункта 1-го его делегация заявила, что уходит со съезда, и что „Бунд“ выступает из РСДРП.

Приводим оба проекта устава, внесенных делегацией „Бунда“ на II-й съезд РСДРП.

1-й проект.

§ 1. „Бунд“ есть федеративная часть РСДРП.

§ 2. „Бунд“ — социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя; при чем выступление от имени всего пролетариата определенной территории, на которой, кроме других входящих в Партию организаций, действует и „Бунд“, допустимо лишь при участии последнего.

§ 3. В ЦК, ЗК и на съезды Партии „Бунд“ избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция съездов „Бунда“. Способ представительства должен быть основан на принципах, одинаковых для всех договаривающихся сторон.

Компетенция „Бунда“

§ 4. Программой „Бунда“ является общепартийная программа, которую он по вопросам, обусловливаемым особенным положением еврейского пролетариата в России и взаимоотношением общественных сил в среде еврейской нации, имеет право дополнять для себя особыми пунктами, не противоречащими партийной программе.

§ 5. „Бунд“ имеет свои съезды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, свой Центр. Ком. и Загран. Комитет.

§ 6. „Бунд“ имеет право разрешать, руководствуясь программой Партии, такие общие вопросы, по которым партийными съездами не вынесено резолюций. Решения эти имеют лишь временную силу — до постановлений общих съездов по соответствующим вопросам.

§ 7. „Бунду“ предоставляется свободное распоряжение делами своей организации.

§ 8. „Бунд“ имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках. С обращениями к пролетариату другой национальности „Бунд“ имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей Партии, к пролетариату же всей страны — с согласия Ц. Ком. Партии.

Примечание. При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других договаривающихся сторон требуется согласие ЦК „Бунда“.

§ 9. а) „Бунд“ имеет право вступать во временные соглашения для практических предприятий с революционными организациями, не входящими в состав Партии, и относительно соглашения с которыми нет специального запрета ни со стороны партийного съезда, ни со стороны Центр. Комитета Партии. О каждом таком соглашении ЦК „Бунда“ доводит до сведения Ц. Комитета Партии. Совместное выступление в литературе с не социал демократическими организациями недопустимо.

б) С особого на то разрешения Ц. Ком. Партии, „Бунд“ имеет право вступать и в постоянные соглашения с невходящими в Партию соц.-дем. организацыями, для совместного выполнения некоторых сторон революционной работы.

§ 10. Съезд Партии имеет право отменять все постановления съездов „Бунда“, за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции.

Если ЦК Партии усматривает в каких-либо действиях ЦК „Бунда“ противоречие с постановлениями общих съездов Партии, то он (ЦК Партии) имеет право потребовать от него объяснений.

§ 11. В случаях необходимости Ц. Ком. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями „Бунда“, но лишь с согласия Ц. Комитета „Бунда“. Как должны вестись эти сношения, в каждом отдельном случае определяет Ц. Ком. „Бунда“.

§ 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия договаривающихся сторон [1]).

2-й проект.

§ 1. Положение „Бунда“ в Партии определяется следующими пунктами:

§ 2. „Бунд“ есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя.

§ 3. В Центральный Ком. Партии, в Заграничный Комитет Партии и на съезды Партии „Бунд“ избирает свое представительство.

§ 4. Программой „Бунда“ является общепартийная программа.

§ 5. „Бунд“ имеет свои съезды для разрешения всех вопросов, касающихся специально еврейского пролетариата, свой Центральный Ком. и свой Заграничный Комитет.

§ 6. „Бунду“ предоставляется свободное распоряжение делами своей организации.

§ 7. „Бунд“ имеет право на беспрепятственное издание — кроме литературы на еврейском языке — и литературы на других языках.

§ 8. Съезд Партии имеет право отменять все постановления съездов „Бунда“.

§ 9. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы большинством двух третей голосов участников съездов Партии [2]).

После ухода делегации „Бунда“ II съезд принял следующую резолюцию по вопросу о работе среди евреев: „Принимая во внимание: а) что теснейшее объединение еврейского пролетариата с пролетариатом тех рас, среди которых он обитает,

---

[1]) „V съезд Вс. Евр. Раб. Союза в Литве, Польше и России“. Лондон, 1903 г., стр. 6 — 7. Издание „Бунда“.

[2]) Протоколы II съезда РСДРП, изд. „Истпарта“ под редакцией П. Н. Лепешинского, стр. 90 — 91. Ленинград, 1924, „Прибой“.

безусловно необходимо в интересах его борьбы за политическое и экономическое освобождение; б) что только такое теснейшее единство гарантирует социал-демократии успех в борьбе со всяким шовинизмом и антисемитизмом; в) что такое единство нисколько не исключает самостоятельности еврейского рабочего движения во всем, что касается частных задач агитации среди еврейского населения, создаваемых особенностями языка и условиями быта, — II-й съезд РСДРП высказывает свое глубокое убеждение, что перестройка организационных отношений между еврейским и российским пролетариатом на началах федерации явилась бы существенным препятствием для более полного организационного сближения сознательных пролетариев разных рас и неминуемо принесла бы огромный ущерб интересам всего вообще, и в частности еврейского, пролетариата России, и потому, решительно отклоняя, как безусловно недопустимую в принципе, всякую возможность федеративных отношений между Российской Соц.-Дем. Раб. Партией и „Бундом“, как ее составной частью, съезд устанавливает, что „Бунд“ занимает в единой РСДРП положение автономной составной части, пределы автономии которой должны быть определены при выработке общепартийного устава“ [1]).

* * *

В связи с выступлением „Бунда“ из РСДРП последняя, приблизительно с 1903 года, начала вести работу и в Польше и Литве. С целью борьбы с „Бундом“ и вовлечения в революционное движение русского населения, были образованы Северо Западный и Полесский Комитеты РСДРП, которые объединяли группы, имевшиеся в Вильне, Минске, Гомеле, Двинске, Витебске, Ковно, Новозыбкове, Клинцах, Черикове, Могилеве и др. местах. Так как в этих районах „Бунд“ работал уже свыше 10 лет и успел пустить глубокие корни, „Группы РСДРП“ особенно большим влиянием не пользовались. В частности, они очень бедны были интеллигентскими силами, и им не удалось даже создать какую-либо агитационную литературу на еврейском языке.

---

[1]) „Протоколы II съезда РСДРП“, изд. „Прибой“, стр. 11.

* *
*

В 1903 году Плеве сорганизовал погромы в Кишиневе 6—7 апреля, в дни Пасхи, и в Гомеле 29 августа — 1 сентября.

Погромы эти, в особенности Кишиневский, сопровождались неслыханными жестокостями и надругательствами над евреями: не жалели ни детей, ни женщин. В Гомеле погром не принял больших размеров благодаря тому, что здесь бундовцы сорганизовали еврейскую самооборону.

Кишиневский и Гомельский погромы, как и погромы 80 гг., произвели на еврейское население огромное впечатление: непосредственным результатом этого было усиление националистических настроений и взрыв симпатии к сионистскому движению.

* *
*

Начавшаяся в январе 1904 года русско-японская война повлекла за собой усиление революционной агитации среди населения. В связи с войной было выпущено ЦК „Бунда“ и местными комитетами много прокламаций. Центральный Комитет „Бунда“ занял „пораженческую“ позицию и в выпущенной им прокламации писал следующее о русско-японской войне:

„... Война ведется не в интересах отечества, она ведется в интересах небольшой кучки капиталистов, главная ее цель— спасение русского самодержавия. Стране же она несет одни только бедствия: застой в промышленности, безработицу, смерть, нищету и раззорение.

Но мы убеждены, что война будет той последней каплей, которая переполнит чашу страданий, причиняемых самодержавием всему русскому народу вообще и нам, пролетариям, в частности. Час расплаты самодержавия за все свои деяния, за все свои преступления приближается. Мы, социал-демократы, должны напречь все свои силы, чтобы этот желанный час как можно скорее настал. Теперь, когда правительство пользуется всякими случаями, чтобы затуманить сознание народа, разбудить в нем самые низкие кровожадные инстинкты, наш долг еще более энергично развивать классовое самосознание рабочих масс, разоблачать скрытые цели правительства, доказать всю преступность войны. Мы не питаем никакой

вражды к японскому народу, а с японскими рабочими нас соединяют братские чувства пролетарской солидарности. Мы без душевного содрогания не можем подумать о том, что нам, быть может, придется встретиться на поле битвы с нашими братьями, японскими рабочими, и вместо того, чтобы протянуть друг другу руки, нести смерть один другому. Проклятие буржуазным правительствам, буржуазному строю, который связан с такими позорными и ужасными преступлениями!“

Мобилизация сопровождалась во многих местах погромной агитацией. Распространялись слухи о японских деньгах, об измене евреев, в чайных, ресторанах и на улицах открыто раздавались угрозы перерезать евреев. Настали тревожные дни. В некоторых городах ждали погромов. Мобилизованные солдаты местами грабили еврейское население, расхищали на базарах еврейские лавки и пр.

При таких неблагоприятных условиях началась первомайская агитация. Она проходила довольно оживленно. Предварительные собрания, на коих разъяснялось значение празднования первого мая, состоялись в следующих местах: Гомеле (присутствовали на одном 900 чел. и на другом—250), Вильно (20 собраний, участвовало 592 чел.), Речице, Мозыре, Борисове (5 собраний), Бобруйске (несколько собраний в 700—800 чел.), Витебске, Лиозно, Рудне, Невеле, Полоцке (несколько собраний, присутствовало свыше 400 чел.), Гродно (15 собраний, присутствовало свыше 600 чел.), Скидели (около 100 чел.), Озерах (около 50 чел.), Индуре (около 40 чел.), Слониме, Яново (60 чел.), Одессе (одно в 130 рабочих и несколько мелких в 10—15 и 30—40 рабочих), Сморгони (несколько массовых собраний), Белостоке (несколько мелких собраний по 50 и 100 рабочих), Крынки, Свисловичи, Городке, Волковыске и др.

Первого мая не работали в следующих пунктах: Гомеле (свыше 700 раб.), Гродно, Ковно (150—200 раб.), Лодзи (около 500 раб.), Витебске (300 раб.), Вильне (2.000 раб.), Сморгони (около 500 чел.), Волковыске (около 350 чел.), Слониме (около 1.000 раб.), мест. Ветка, Мозыре (около 80 чел.), Бобруйске, Невеле (250 раб.), Лиозно (40 чел.),

Полоцке (600 раб., всего здесь рабочих около 1.000 чел.), мест. Индура, Вилькомире, Кальварии, Мариамполе, Виштинцах, Свисловичи (свыше 200 раб.[1]).

В других местах, где первого мая не удалось устроить стачки, состоялись первомайские собрания. Мы имеем сведения о подобных собраниях в мест. Городня, Стародубе, Петрикове и некоторых других.

В районе „Бунда" в день первого мая распространялись: первомайский номер журнала „Der Bund", воззвание Центрального Комитета „Бунда" и карточки с приглашением праздновать 1 мая, выпущенные местными организациями.

* * *

В марте в Якутске произошла так называемая „Романовская история". Группа ссыльных, среди них и несколько бундовцев, с целью протеста против притеснений властей, 4 марта вооруженные забаррикадировались в доме Романова. Солдаты осадили дом и открыли форменную бомбардировку. Было несколько убитых (политический — Юрий Матлахов и 2 солдат) и раненых. Ссыльных судили и приговорили к 12 годам каторжных работ.

В районе „Бунда" по поводу протеста ссыльных в Якутске состоялся целый ряд сочувственных демонстраций и стачек.

* * *

В сентябре имело место первое открытое выступление еврейского пролетариата по поводу полицейского произвола в Белостоке.

В Белостоке в 1904 г., в связи с русско-японской войной, замечался подъем и оживление в местном еврейском рабочем движении. Бундовская организация вела очень интенсивную работу: часто устраивала большие митинги в ближайшем лесу и в разных загородных местностях, а 22 февраля и 4 августа она организовала многолюдные демонстрации. От полиции, конечно, не укрылось начавшееся оживление. Она выжидала удобного момента, чтобы расправиться с еврейскими рабочими.

---

[1]) „Посл. Изв." за 1904 год.

Белостокская полиция отличалась своими жестокостями. Она положительно неистовствовала. Произвол ее не знал границ. Помощником начальника жандармского управления Белостокского уезда тогда состоял ротмистр Грибоедов, впоследствии убитый в Гродне. На улицах хватали без всякого повода рабочих и жестоко их избивали в участках. Полиция в своих расправах с рабочими выделялась своим зверством, — к тому, на что не решались в других городах, в Белостоке полиция смело прибегала.

12 сентября состоялось в лесу большое собрание, закончившееся расправой полиции с рабочими. Корреспондент „Последних Известий“, органа Заграничного Комитета „Бунда“, передает об этом следующие подробности:

„12 сентября вечером, во второй день праздника Кущей, у нас было собрание рабочих, человек в 300. Уже после окончания собрания, когда рабочие шли толпой к городу, они у опушки леса столкнулись с полицией. Полицейские были одеты все в черное, и в ночной темноте их нельзя было разглядеть. Раздался полицейский окрик: „Стой!“, и рабочие остановились. Некоторые пытались бежать, но товарищи их удержали. Несколько минут стояла толпа мирно лицом к лицу с полицией; вдруг без всякого предупреждения раздался залп, и лес огласился душераздирающими криками. Полицейские выстрелили в мирную толпу рабочих и не холостыми зарядами, а пулями. Толпа пришла в ужас, ряды расстроились, рабочие бежали, и следом за ними неслась полиция, и свистали пули. Раненые падали от изнеможения, а полиция продолжала стрелять и рубить шашками направо и налево. Отдельные группы останавливались, пытались дать отпор, но разбегались пред полицейскими пулями. Особенно ужасно было положение работниц, их крики были слышны далеко в лесу. Это была воистину резня беззащитных, напоминающая собой разве только армянскую резню. Опомнившись после первых минут испуга, рабочие пытались дать отпор, но должны были отступить. Характерно, что пули попадали в спину, что ясно показывает, что полиция стреляла не в сопротивляющуюся толпу, а в бегущую“.

Во всех городах и местечках района „Бунда“ известие о диком насилии, которому подверглись белостокские рабочие, вызвало возмущение и негодование. Рабочие требовали от местных организаций ответа на это демонстрациями и забастовками. Центральный Комитет „Бунда“ разослал следующий циркуляр:

„Центральный Комитет „Бунда“ решил, чтобы всеми нашими организациями, по возможности немедленно (приблизительно в течение 8—10 дней по получении этого циркуляра) был проявлен *энергичный протест против белостокской бойни*, описание которой при этом прилагается (было разослано гектографированное описание). Выбор формы протеста зависит от местных условий, и этот вопрос решается вами. Рекомендуем: демонстрации, однодневные забастовки, собрания протеста (с вынесением резолюций). В виду невозможности в течение такого короткого времени подготовить необходимое число прокламаций, предлагаем ограничиться гектографированными карточками с указанием *повода к протесту*. Это решение должно быть немедленно сообщено по всему вашему району. Обо всем состоявшемся просим *немедленно* сообщить, как нам, так и Заграничному Комитету „Бунда“ („Посл. Известия“, № 198 от 5 октября н. ст. 1904 г.).

Но еще до получения циркуляра ЦК „Бунда“, организации в некоторых местах по собственной инициативе решили протестовать против варварского поступка белостокской полиции и с этой целью вывести рабочие массы на улицу.

Все бундовские комитеты дружно откликнулись на призыв своего Центрального Комитета.

На местах началась предварительная агитация, устраивались собрания, на коих разъяснялось значение предстоящего выступления. Они были организованы в Бобруйске (3 собрания, участвовало 400 раб.), Ковно (4 собр., 250 раб.), Бердичеве (ряд собраний), Гомеле (4 собр., в 128, 140, 160 и 63 чел.), Минске, Пинске (несколько собраний, 350 раб.), Борисове (2 собрания), Лодзи (несколько собраний), Ровно (2 собрания, 100 раб.), Слониме (2 собрания, 700—800 чел.), Креславке, Житомире и др. мест.

В ближайшие праздничные дни — субботу и воскресенье, — почти везде между 1 и 10 октября, в районе „Бунда" состоялись многолюдные рабочие демонстрации, а именно: в Могилеве (400 — 500 раб.), Бобруйске (600 раб.), Ковно (500 раб.), Паричах, Двинске, Риге (400 рабочих), Бердичеве, Варшаве (500 раб.), Пинске (80 — 100 раб.), Ровно, Слониме (300 раб.), Шавлях, Креславке (200 раб.), Мозыре (600 раб.), Лодзи (1.200 раб.).

В некоторых городах и местечках, где по полицейским условиям не представлялось возможным вывести массы на улицу, устроены были всеобщие забастовки, напр., в Минске (принимало участие 2.000 раб.), Одессе (200 раб.), Шклове, Слониме (700 раб.).

В других местах этот день был отмечен митингами протеста: м. Щедрин (70 раб.), Лунинец (25 раб.), Балта (22 раб.), Шклов (4 митинга по 25 — 40 раб.), Житомир (3 м. по 150 р.), м. Дятлово, Городок (500 раб.), Волковыск (300 раб.), Свисловичи, Ружаны (200 — 300 раб.), Брест-Литовск, Высоко-Литовск, Семятичи (3 собр. в 70, 70 и 150 раб.), Гродно (9 собр., 460 раб. и 4 сходки солдат по 10 чел. каждая).

Демонстрации почти везде прошли удачно, мирно и без жертв. Полиция узнавала о них поздно и обычно прибывала на место демонстрации, когда рабочие уже расходились. Только в Житомире и Вильне она чрез провокаторов была заранее уведомлена о готовящихся демонстрациях, и здесь от них пришлось отказаться. Столкновения с полицией имели место в Могилеве, Бобруйске и Бердичеве. В Бобруйске во время демонстрации один рабочий камнем ударил городового в грудь; стоявший поблизости полицеймейстер крикнул городовому: „Стреляй!", и сам выстрелил в толпу. Боевой отряд ответил залпом. Произошла паника. Полиция продолжала стрелять. Боевой отряд отвечал. Один из приставов, бросившийся на демонстрантов, был избит. С обеих сторон было выпущено много пуль (со стороны демонстрантов 50 — 60). Полиция ранила несколько человек из посторонней публики, преимущественно тех, которые спасались от выстрелов во дворы.

По поводу демонстраций организации „Бунда“ на местах распространяли гектографированные прокламации и карточки [1]).

В Витебске состоялась большая демонстрация в городском театре. Корреспондент „Последних Известий“ об этом сообщает следующие подробности:

„В пятницу, вечером, в театре ставили „Гальку“. Накануне трудно было уже достать билеты, так как пятница совпадала с русским праздником, и сбор был полный. Первые два действия прошли тихо. На галлерее атмосфера была напряженная. Незаметно было оживленных аплодисментов. У многих лица серьезные, как бы чего-то ожидающие. Это, вероятно, не ускользнуло от внимания полиции, и к третьему действию галлерея, всегда наводненная официальными и неофициальными „охранителями“, заметно стала пополняться переодетыми городовыми и шпионами. Подымается занавес. В середине действия на сцене начинается танец, который приковывает к себе взоры зрителей. Музыка умолкает. Вдруг с галлереи раздается громкий голос: „Мы протестуем против белостокской бойни!“. Не успело раздаться ответное „Долой самодержавие!“

---

[1]) Мы располагаем сведениями о том, что это имело место в следующих городах: Могилеве, Одессе („К рабочим и работницам г. Одессы“, окт., на русском языке), Двинске (на русском и еврейском языках), Риге (на русском языке, изд. Федеративного комитета), Минске („Ко всем минским рабочим“, октябрь, на еврейском языке, 4000 экз.), Варшаве (на еврейском и польском языках, 700 экземпляров), Бобруйске („Ко всем“, на русском языке, 1000 экз.), Пинске (на русском и еврейском языках), Борисове („Ко всем борисовским рабочим“, окт., на еврейском языке 400 экз. и на русском — 350 экз.), Лодзи („По поводу последних событий“, окт., на евр. языке 4.000 экз. и на польском — 3.500 экз.), Бердичеве („Ко всем рабочим и работницам“, на евр. яз. 2.000 экз., на русском — 600 экз.), Слониме („Ко всем слонимским рабочим и работницам“, на русском — 400 экз. и на еврейском яз. — 200 экз.), м. Свисловичах и Ружанах, Витебске, Ковно (800 экз.), Ровно и др. Кроме того, белостокским событиям посвящены были еще следующие прокламации: Дерптской группы соц.-дем. и белостокского комитета „Бунда“ — „Ко всем белостокским рабочим и работницам“ (Белостокская бойня и состоявшиеся в разных городах района „Бунда“ массовые протесты против нее, призыв к энергичной борьбе с самодержавием и за конечный пролетарский идеал не при помощи единичного террора, а посредством дружного натиска рабочего класса), ноябрь, на еврейском языке 3.000 экз., на польском — 1.500 экз.

как театр огласился дружными „ура“, и в партер посыпались дождем сотни карточек, объясняющие причину манифестации. Началась необыкновенная суматоха. Внизу публика бросается подымать карточки, наверх бросается полиция. Двери галлереи запираются, все умолкает. Полициймейстер посылает в партер отряд шпионов и городовых подбирать карточки и отнимать у публики, *но многие карточки не возвращают* и указывают свой адрес. Финал понятен. Арестовано человек 35 (многих уже освободили), против которых, разумеется, никаких улик их участия в манифестации нет. Впечатление от манифестации, как в театре, так и в городе, получилось грандиозное. Все о ней говорят и комментируют на всевозможные лады, общее ликование рабочих и молодежи. „Возмутительная бойня не осталась без ответа“, — вот что написано на всех лицах.“

Предвидя возможность столкновений с полицией, бундовские комитеты во многих местах организовали боевые отряды, которые были вооружены кинжалами, браунингами, нагайками и пр. Во время демонстрации боевой отряд плотным кольцом окружал толпу. Таким отрядам пришлось действовать в Могилеве, Бобруйске и Лодзи.

Интересно, как отнеслись к белостокским событиям другие партии. В Минске сионисты приняли участие в забастовке, но в Шклове были против нее, в Пинске „поалей-ционисты“ были против устройства демонстрации, в Шклове и Минске группа Сев.-Зап. Ком. РСДРП была против участия в забастовке. В Шклове она мотивировала свое отношение тем, что забастовка не протест, а в Минске тем, что бундовцы по этому поводу предварительно не вошли с ними в переговоры. По поводу неучастия этой группы в забастовке в Минске в заграничной соц.-дем. прессе велась большая полемика, и, например, бундовский комитет объяснял, что он не считал нужным входить со сторонниками группы Сев.-Зап. Ком. РСДРП в переговоры, так как „они здесь составляют микроскопическую величину, которая не в состоянии сколько-нибудь увеличить силу или значение какого-либо революционного предприятия“.

Выступление еврейского пролетариата по призыву Ц. К. „Бунда“, в связи с белостокскими событиями, было для всех неожиданностью. Поразительны были организованность, боевое настроение забитых нуждою и бесправием еврейских рабочих, да, наконец, эффект, какой производила демонстрация. На рабочих это произвело прекрасное впечатление, усилило их боевое настроение, ободрило в дальнейшей борьбе с самодержавием и, в общем, создало для бундовских комитетов благоприятную почву для усиления их деятельности. Всех радовало, что варварский поступок белостокской полиции не остался без ответа. Среди же остального еврейского населения это вызвало большую тревогу, так как опасались, что полиция ответит погромами. В Могилеве 10 октября того же года подобный погром, действительно, произошел.

Белостокские события вызвали тревогу и переполох в департаменте полиции. Грибоедов был запрошен об обстоятельствах расстрела рабочей демонстрации. Он, как и следовало ожидать, извратил события и представил дело в таком виде, что, расходясь с собрания, рабочие, при встрече с полицией, первыми открыли стрельбу, полиция же отвечала, находясь в состоянии самообороны. По его словам, „рабочие первыми стали стрелять, бросать камни, что и побудило чинов полиции прибегнуть к оружию“.

Но вот в сообщении начальника гродненского жандармского управления Паульсона иначе рисуются эти события: он признает ненужным происшедшее кровопролитие и допускает возможность усиления, вследствие этого, террористических настроений. „... Действия огнестрельным оружием, — пишет Паульсон, – при встрече с демонстрантами 12 сентября в Белостоке не вызывались, повидимому, крайней необходимостью, вследствие чего организация „Бунда“ сильно озлобилась против полиции, и в массе еврейства раздаются голоса о возмездии, могущем выразиться в форме открытой демонстрации или в покушении на кого-нибудь из чинов полиции. Таковое намерение среди местной партии „Бунда“ объясняется тем обстоятельством, что сходка 12 сентября, не преследовавшая никаких террористических целей, была разогнана выстрелами, при чем,

кроме задержанных полициею, партия насчитывает раненых, спасшихся бегством, до двух десятков человек" [1]).

Департамент полиции, обеспокоенный напряженным настроением „Бунда", предложил гродненскому губернатору усилить военные части в Белостоке в виду возможных беспорядков [2]).

Было снаряжено гродненским губернатором Осоргиным следствие над помощником пристава Галкиным, отдавшим приказание прибегнуть 12 сентября к стрельбе, но очень скоро, как и следовало ожидать, Осоргин сообщил в департамент полиции о том, что не установлено, чтобы Галкин в данном случае распоряжался „нетактично или неосторожно" [3]).

Виновники зверской расправы с белостокскими рабочими, как и 10 лет спустя на Лене, остались безнаказанными [4]).

---

1) Д. ист. рев. арх., № 5, ч. 46, ос. отд., 1904 г., отнош. от 18 сент. 1904 г. за № 6184.

2) Ibid., тел. деп. полиции от 24 сент. 1904 г. за № 11062, л. 82.

3) Ibid., отнош. Гродн. губ. от 27 сент. 1904 г. за № 6719, л. 84.

4) Материалом для главы о белостокской бойне послужили корреспонденции, помещенные в органе Заграничного Комитета „Бунда" — „Посл. Известия", №№ 197 — 210 от 1904 — 1905 гг., и дело деп. полиции № 5, ч. 46, 1904 г., ос. отд.

Глава XI

1905 год. — 9 января. — 1 мая. — Восстание в Лодзи. — События в Одессе и Двинске. — Октябрьские дни. — Всеобщая забастовка. — Еврейские погромы. — Самооборона. — Декабрьская всеобщая забастовка.

Петербургские события 9 января вызвали большой отклик в еврейском рабочем движении: они повлекли за собой почти во всей „черте еврейской оседлости“ массовое выступление еврейского пролетариата.

Во главе этого выступления стоял „Бунд“. Он был его организатором и руководителем. Центральный комитет призвал все местные бундовские организации присоединиться к петербургским пролетариям и стачками и демонстрациями выразить свою с ними солидарность.

Благодаря тому, что „Бунд“ здесь работал уже свыше 10 лет и успел пустить глубокие корни и тесно связаться с массами, движение, организованное им, прошло с большим успехом.

Стачечная волна разлилась по всем городам и местечкам „Бунда“. Забастовки происходили между 11 и 25 января в следующих пунктах: в Вильне (3 дня, участвовало свыше 2.500 раб.), Минске (3 дня), Гомеле (неделю, участвовало свыше 2.000 раб.), Двинске (3.000 раб.), Могилеве (1.000 раб.), Борисове (1.200 раб., продолжались 2 дня), Сморгони (2.000 раб.), Витебске (1.200 раб., прод. 6 дней), Полоцке (800 раб., прод. 2 дня), Невеле (400 раб., прод. 2 дня), Ковне (7 дней, участв. 3.000 раб.), Межеречьи, Шклове (200 раб.), Поневеже (2 дня), м. Шадрине, Креславке (5 дней), Черкассах, мест. Смеле, Золотоноше, Бобруйске (2 дня), Паричах (400 раб.), Шавлях, Брест-Литовске (350 раб.), Лиде, Толочине, Житомире (900 раб.),

Бердичеве (2.000 раб., прод. 4 дня), мест. Ветка, Мозыре (2 дня), Сувалках, Дубровне, Рогачеве (250 раб.), м. Черее, Мог. губ. (30 раб.), Гродне (5 дней), м. Крынках, Ошмянах (600 раб.), Городке, Ровне (300 раб.), Бельске, Ново-Вилейске (198 раб.), Режице, Лодзи (70.000 раб.), Варшаве, Калише, Здуневой Воле, Згерже, Белостоке, Новорадомске, Пабианицах, Томашове, Ченстохове, Сосновицах, Люблине, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Риге (8 дней), Митаве (неделю), Ревеле (10.000 раб.), Либаве (2 недели).

* * *

Получив призыв Ц. К. „Бунда“, местные комитеты созывали собрания цеховых представителей, в некоторых местах много людные, где разъяснялись цель и значение предстоящей стачки.

Избирались стачечные комиссии для руководства забастов кой. В тех местах, где „Бунд“ входил в соглашение с дру гими социалистическими партиями, комиссии составлялись на коалиционных началах.

Начало забастовки везде представляло одну и ту же кар тину: небольшие отряды комитета „Бунда“ обходили мастер ские, заводы и фабрики, призывая рабочих прекратить работы. В большинстве случаев удавалось произнести небольшие крат кие речи, в которых сообщалось о петербургских событиях и формулировались требования.

Агитаторов почти всегда встречали чрезвычайно радушно. Под влиянием известий о событиях 9 января настроение среди рабочих было напряженное и тревожное, во многих местах они требовали от организаций скорейшего объявления стачки, чтобы хоть этим выразить свою солидарность петербургским проле тариям. Они с нетерпением ждали сигнала.

Толпы рабочих, быстро возраставшие, переходили от завода к заводу, от мастерской к мастерской и везде останавливали работы.

В некоторых случаях, где встречали сопротивление, они насильно выпускали пар, снимали шины, и фабрика останавли валась.

В Минске были избиты некоторые приказчики, отказавшиеся присоединиться.

Почти везде стачка, в первые дни коснувшись лишь части предприятий, вскоре превращалась во всеобщую.

Повинуясь призыву организаций, в течение каких-нибудь нескольких часов бросали работу сотни и тысячи пролетариев, вслед за тем прекращалась и замирала оживленная городская промышленная жизнь, закрывались заводы, фабрики, мастерские, магазины, конторы, останавливался трамвай, прекращался выход газет, и город принимал тревожный и необычный вид.

В стачках почти повсеместно участвовали одни еврейские рабочие. Русские же рабочие не везде присоединялись. В мастерских со смешанным составом на ряду с евреями оставляли работу и русские рабочие. Те же предприятия, где работали исключительно русские, во многих местах вовсе не примыкали к стачкам. В целом ряде городов при попытках остановить заводы и фабрики русские рабочие оказывали сильное сопротивление. Так обстояло, например, в Минске, Бобруйске, Пинске, Дубровне, Бердичеве, Брест-Литовске.

Еврейские рабочие, начиная стачки, ждали присоединения христианских рабочих; отказ последних сильно влиял на настроение бастующих; в некоторых городах это послужило причиной преждевременного прекращения забастовок.

Агитационная работа среди русского населения слабо или почти вовсе не велась, поэтому оно осталось вне движения. „Бунд“ с ним совершенно не имел связи. Некоторая возможность вовлечь его в движение создавалась в случае заключения соглашения с другими партиями, которые вели работу среди русских рабочих. Подобные объединения имели место с группами РСДРП в Бердичеве, Вильне, Минске, Бобруйске, Могилеве, Сморгони, Витебске, Невеле, Гомеле и Полоцке, с ПСД и Лит. СД в Вильне, Варшаве, Лодзи, Сувалках, м. Крынки, с латышской соц.-дем. партией в Либаве и Риге, с П. соц.-рев. в Минске, Бобруйске, Вильне и м. Шавлях. В Киеве не удалось добиться соглашения с группой РСДРП, вследствие ее решения выступать самостоятельно.

Однако, соглашения эти мало отражались на ходе движения, так как в частности группы РСДРП вели слабую работу среди русского населения и пользовались небольшим влиянием.

* * *

В Вильне стачка началась 11 января. Оставили работу сапожники, заготовщики, чулочницы, цветочницы, некоторые литографии и скоропечатни, многие портняжные мастерские, кожевенные заводы. По приблизительному подсчету в этот день забастовало от 1.500 до 2.500 чел. В последующие дни эта стачка стала всеобщей. 12 января присоединились табачные фабрики, лесопильные заводы, многие мелкие ремесленные мастерские, некоторые магазины и конторы, часть булочников. В этот день число бастовавших превышало 4.000 чел. На третий день в городе уже стояли все фабрики и заводы, мастерские, типографии, пекарни и т. д. Не удалось остановить лишь некоторые крупные предприятия, охранявшиеся полицией. 14 января стачка пошла на убыль. Среди рабочих стала замечаться тяга к работе, и забастовка в этот день закончилась.

В Минске 13 января вечером стали все типографии, табачные фабрики, некоторые мастерские. 14 января присоединились 2 банка и 1 контора. 16 января стала конка. Вечером настроение среди еврейских рабочих резко изменилось. Причина этого заключалась в следующем. Толпа солдат начала громить на Нижнем Базаре еврейские лавки и избивать прохожих евреев. Дикие крики „бей жидов!“ оглашали улицу. 4 лавки были разгромлены, товар частью расхищен, частью брошен в находившуюся поблизости реку. Рабочие были подавлены возможностью новых еврейских погромов. Организация, с одной стороны, считая происшедшие беспорядки предостережением со стороны полиции и, с другой, видя, что настроение масс пало, решила ликвидировать забастовку.

В Гомеле с 16 января не работали все еврейские рабочие, к ним присоединилась часть русских. Далее примкнули фармацевты, учителя, учительницы, служащие в магазинах и кон

торах, 150 кухарок и служанок. В общем бастовало свыше 2.000 чел. Город был наводнен казаками и полицией. Войска держали себя крайне вызывающе по отношению к прохожим рабочим и пытались их провоцировать на выступление. В не которых местах произошли на этой почве стычки между каза ками и рабочими. 18 января полиция и войска окружили боль шое собрание рабочих и без предупреждения открыли стрельбу. Были убитые и раненые. 19 и 20 января состоялись похороны павших товарищей. Они привлекли массу народа и преврати лись в грандиозные манифестации против старого строя. Не смотря на тяжелые события, которыми сопровождалась стачка, настроение среди рабочих было бодрое и боевое. Забастовка в Гомеле продолжалась неделю. Были широко распространены прокламации „Бунда", гектографированные листки группы уча щихся, фармацевтов и учителей.

В м. Крынках (Гродненской губ.) было устроено в синагоге массовое собрание всех рабочих разных ремесл. По оконча нии его огромная толпа (свыше 2.000 чел.) направилась по улицам города. Были разгромлены почтовая контора, полицей ское управление и мещанская управа. Полиция в страхе бе жала из города. Город оказался в руках восставших рабочих. Организация „Бунда" для охраны порядка назначила особые патрули. На следующий день из соседних городов подошли войска и в большом числе полиция. Рабочие вооружились чем попало, женщины собирали камни и кричали: „Братья, будем бороться на жизнь и на смерть — не отступим!" Офи церы вступили в переговоры с рабочими и обещали не стре лять, если они мирно разойдутся. Рабочие на это согласи лись.

В Седлеце 17 января оставили работу сапожники, столяры, пекаря, мастерская детских игрушек, завод сельско-хозяйствен ных орудий и паровые мельницы.

В м. Городке, Белостокского уезда, 18 января забастовали рабочие местных шести суконных фабрик и нескольких ткац ких заведений.

В Гродно стачка коснулась местного чугунно-литейного завода, паровой мельницы, мелких механических мастерских,

19*

табачной фабрики Шерешевского, всех ремесленных мастерских, пробочной фабрики, машино-строительного завода, аптек, пекарен, типографий.

В Ковно 11 января забастовали рабочие гвоздильного завода Тильманса, пивоваренного завода, чугунно-литейного Рекуша, металлических изделий Шмидта и др. Закрылись магазины, типографии, стала конка. Присоединились рабочие жел.-дор. вагонных мастерских. Всего забастовало свыше 3.000 чел.

В Двинске, Лодзи, Белостоке, Варшаве, Риге, Либаве, Ревеле и ряде других мест стачка была всеобщей, захватив все фабрики, заводы и мастерские. В Лодзи и Варшаве забастовки сопровождались боями с войсками, постройкой баррикад и т. п.

В эти дни полицейский террор свирепствовал с чрезвычайной жестокостью. В Бердичеве демонстрация закончилась диким избиением полицией рабочих. Хватали с улиц первых попавшихся рабочих и тут же жестоко избивали, а затем их отправляли в участок, превратившийся в средневековую инквизиционную палату: мучения и издевательства, которым подвергались здесь заключенные, в особенности женщины, не поддаются описанию. Арестованных бросали на пол, покрывали шинелью, и удары шашками, дубинами и сапогами сыпались градом; избивали специальными резиновыми нагайками или били по голому телу женщин до тех пор, пока тело покрывалось сплошь опухолью. Потом их водой отливали, чтобы иметь возможность продолжать свою расправу.

В Могилеве арестованный по коридору и по лестницам проходил сквозь строй заранее расставленных городовых, пожарных, дворников и шпионов; на него беспощадно сыпались удары со всех сторон. Били шашками, палками, топтали ногами, таскали за волосы, одному разбили глаз, другому голову, третьему раздавили палец и т. д. Многие падали в обморок. Изувеченных и окровавленных их потом, как снопы, бросали в камеру. Полицейские отказывались дать воды, чтобы привести в чувство лежавшего в глубоком обмороке товарища, и на него пришлось брызгать кровью, в изобилии лившейся

из разбитой головы другого товарища. В другом случае на поваленном на пол товарище городовой буквально танцовал, наигрывая при этом на гармонике. Только каким-то чудом этот товарищ остался жив.

В Житомире полицийместер Яновицкий приказал бить по ногам, чтобы искалечить избиваемых. Демонстрантов здесь избивали шашками и прикладами, не разбирая ни мужчин, ни женщин, упавших топтали ногами, в участке вновь избивали. Помогали полиции какие-то личности в тулупах, представлявшие собой „русский народ" и оказавшиеся переодетыми городовыми и жандармами. В Сувалках одному арестованному заткнули рот, растянули по полу, и полицийместер буквально топтал его ногами, бил шашкой по чем попало, так что он весь распух. Подобные же избиения имели место в Брест-Литовске, Горы-Горках, Пинске, м. Ветке.

В ряде городов были расстреляны мирные толпы демонстрантов (Гомель, Могилев, Лодзь, Варшава, Рига, Ковна, Бердичев, Мозырь, Горы-Горки, Полоцк, Пинск).

Похороны погибших товарищей повсюду превращались в грандиозные демонстрации против старого строя.

В Минске, Брест-Литовске, Шавлях, Ковне полиция пыталась вызвать еврейские погромы; в Бобруйске, Креславке и Горы-Горках она ограничилась одними лишь угрозами.

В ряде городов при организации „Бунда" созданы были боевые отряды с целью борьбы с полицейским террором. Они вооружены были револьверами, кинжалами и тупым оружием и мужественно бились против превосходивших их войск и банд громил (Гомель, Лодзь, Белосток, Житомир, Бердичев).

* * *

Во время стачек устроено было множество собраний: в Лодзи, Минске, Гомеле, Белостоке, Варшаве, Митаве, Риге; на них присутствовали десятки тысяч народа. Говорили о петербургских событиях и о необходимости активной борьбы с самодержавием. Рабочие приветствовали это решение и расходились с возгласами, революционными песнями и выстрелами. Резолюции выносились повсюду однородные, они содер

жали в себе требования Учредительного Собрания, демократической республики, ответственности виновников кровопролития 9 января и т. д. В Риге, Митаве, Кременчуге и некоторых других городах предъявляли и экономические требования: повышение заработной платы и 8 час. рабочего дня.

Каково было отношение к событиям, вызванным 9 января, других еврейских социалистических партий?

Еврейские соц.-дем. раб. группы „Поалей Цион“ в целом ряде городов выступили против забастовок. Так было в Бобруйске, Лодзи, Борисове, Паричах, Могилеве. В Борисове их члены являлись штрейкбрехерами. В Паричах они в первый день поддерживали забастовку, но на другой день выпустили воззвание против нее.

Другая еврейская социалистическая партия — сионисты-социалисты — в ту пору была еще слаба и лишь начинала складываться. В Бобруйске она выпустила листовку, в которой призывала к поддержке забастовки.

Стачки в некоторых городах сопровождались террором со стороны рабочих по отношению к хозяевам. В Витебске владелец мануфактурного магазина М. был облит серной кислотой за отказ закрыть магазин, в Белостоке был ранен во время переговоров типограф В., в Бельске (Белостокского у.) ворвались в квартиру столяра и портного Л. и грозили убить их, в Брест-Литовске был ранен владелец фабрики жестяных изделий П., в Белостоке стреляли в фабрикантов Ф. и Я., в содержателя портняжной мастерской Е. и в владельца типографии М. за нежелание удовлетворить требования рабочих.

* * *

Каковы итоги движения, вызванного событиями 9 января?

В районе „Бунда“, в отличие от других местностей, происходило не стихийное выступление масс, а старательно подготовленное и организованное, конечно, поскольку это было возможно в условиях царистского режима.

В эти дни еврейские рабочие выказали много революционного героизма, бесстрашия и готовности умереть в борьбе с самодержавием.

События содействовали распространению и углублению социал-демократических идей в населении; вскоре после них наблюдался большой прилив новых членов, спрос на литературу сильно возрос, социал-демократия пускала глубокие корни, движение захватывало все большие круги.

В целом ряде городов, где выставлены были и экономические требования, рабочие добивались иногда весьма существенных завоеваний.

Значительность происшедших событий становится тем более ясной, если вспомнить беспрерывные репрессии, которые пали на „Бунд"; постоянные полицейские разгромы вносили дезорганизацию в работу, лишали лучших работников, ослабили, но не уничтожили организаций, и они оказались достаточно крепкими и сильными, чтобы руководить движением.

Движение показало сильно развитую солидарность и огромную потенциальную революционную силу масс. И, действительно, революционное брожение, вызванное событиями 9 января, хотя и улеглось сравнительно быстро, но вскоре вспыхнуло с новой, еще более значительной силой, еще более сплоченно, организованно, еще в большем числе и еще с большей решительностью.

Подводя итоги январьским дням, орган Заграничного Комитета „Бунда" писал: „Здесь (в бундовском районе) насчитывается лишь сравнительно небольшое число более или менее крупных промышленных центров; за исключением того контингента рабочих, который сосредоточен в них, вся остальная масса рассеяна по целому ряду мелких городов и местечек, заполняющих собою всю „черту", и эта-то разбросанность служила постоянно причиною к тому, чтобы многие относились с тем пренебрежением, которое вызывает к себе всякая незначительная политическая величина. И в самом деле, какое, казалось бы, значение могут иметь для читателя, узнающего о революционной борьбе из бегло просматриваемых телеграфных известий или наскоро пробегаемых корреспонденций, попадающиеся ему, на ряду с сенсационными сообщениями из Петербурга или Москвы, безвестные имена каких-нибудь Крынок или Сморгони? Мудрено ли, что даже в нашей революцион

ной братии, которая за границей живет наиболее острыми сен сациями дня, а в России, на местах, видит пред собою лишь узкий горизонт своего города, лишенной возможности в силу невероятных русских условий иметь сколько-нибудь полную картину движения в целом, еще довольно крепки самые несо образные суждения на этот счет и самое неправильное отно шение к революционной жизни малых центров.

Нужно именно взглянуть на эту картину во всей ее сово купности, взглянуть на нее в момент, подобный январьским дням, чтобы стало ясно ее значение и ценность. Окиньте в такой момент общим взором весь этот нескончаемый ряд городков и местечек, в которых живет, казалось бы разбитый и бессильный, атомизированный пролетариат, и присмотритесь к тому, как под влиянием одного импульса, повинуясь одному призыву, как один человек поднимается вся эта многотысячная масса, раскинутая географически и, несмотря на это, живущая единой, общей жизнью; взгляните на то, как она, сплотившись вокруг одной и цельной организации, повсюду раскинувшей свои далеко разветвленные ветви и корни, единообразно и сильно работающей везде по общему плану, — повсюду, вплоть до самых глухих закоулков, налагает свою руку на всю жизнь города, останавливает все и вся, вызывает несказанное возбу ждение, терроризирует агентов правительственной власти и расшатывает на громадном протяжении государственный аппа рат; взгляните так на эту картину, — а, именно, такова была она в недавние революционные дни, — и, на место ничтожных, на первый взгляд, попыток мелких рабочих групп, пред вами выростает во весь свой импозантный рост величественная кар тина революционной Вандеи“ [1]).

* * *

Январские стачки были почти везде политическими. Эконо мические требования мало где выставлялись. Но в феврале уже начались, главным образом, экономические стачки; разбу женная январскими событиями, масса устремилась к борьбе

---

[1]) „Посл. Изв.“ № 226, ст. „Еврейский пролетариат и революция“. Материалом для главы о 9 января послужили „Посл. Известя“ за 1905 год.

за улучшение своей жизни. Эта волна коснулась и самых захолустных местечек и городков „черты еврейской оседлости“.

В феврале произошли кровавые события в Двинске. 17 февраля здесь началась всеобщая стачка, организованная „Бундом“. Требовали 8 час. раб. дня, прекращения войны, демократической республики и пр. 18 февраля во время многотысячной демонстрации войска открыли стрельбу. Были раненые (свыше 30) и убитые. 21 февраля состоялась вновь огромная, свыше двадцатитысячная, демонстрация при похоронах убитых. Стачка продолжалась 5 дней. Добились 9 час. раб. дня, повышения заработной платы, улучшения гигиенических условий в мастерских и фабриках и пр. [1])

В Минске в марте бундовский комитет организовал большую стачку приказчиков, которая продолжалась 10 дней. Недели за две до стачки велась подготовительная работа к ней, устраивались собрания в 100 — 300 чел. Всего на них перебывало по приблизительному подсчету 1.200 чел. Стачка началась 15 марта; были предъявлены следующие требования: 1) 12-ти часовой рабочий день (с 9 час. утра до 9 час. веч.), 2) полуторачасовой перерыв для обеда и получасовой для завтрака, 3) в субботу вечером магазины должны быть закрыты, 4) еженедельная уплата жалованья, 5) двойное вознаграждение 4 раза в году на праздники: Пасхи, Пятидесятницы, Нового Года и Кущей, 6) вежливое обращение со всеми служащими, 7) не посылать приказчиков на работы, которые не относятся к обязанностям их службы, 8) не заставлять мальчиков носить большие тяжести, 9) уплатить жалованье за все время забастовки, 10) никто из забастовавших не должен пострадать.

Забастовка охватила все магазины и привлекла к себе внимание всего города. В синагоге устраивались собрания приказчиков, на коих присутствовало по 2, 4, 5 тыс. человек. Они являлись грандиозными политическими митингами, на которых пред многотысячной толпой раздавалось свободное революционное слово.

[1]) „Посл. Изв.“ № 227.

„Кто хоть раз был на одном таком собрании, — пишет очевидец: — тот не забудет его. Огромная зала битком набита. Все скамьи заняты; стоят не только на скамьях, но даже на спинках. Стоят на столах, на подоконниках, во всех проходах. Ораторы говорят с амвона. На амвоне же находится и бюро, составленное из представителей нашей организации. У одной из стен расположились торговки со своими лотками и корзинами. Во время перерывов публика закусывает и утоляет жажду. Собрания обыкновенно начинались в одиннадцатом часу и заканчивались в третьем. Проходили приблизительно в следующем порядке. Сначала дела текущие. Приказчичья делегация, которая вела переговоры с хозяевами, знакомила собрание с положением дела и с ходом переговоров. Затем начинались речи. Эти девять собраний, бывших в синагоге, наши товарищи использовали весьма целесообразно. На них говорилось о современном моменте, о неизбежности и близости падения самодержавия, о тех паллиативах, к которым прибегает самодержавие для того, чтобы отсрочить свою гибель, говорилось о необходимости бороться за демократическую республику, о революционной социал-демократии, о международной солидарности пролетариата всего мира; говорилось о восстании, охватившем всю Россию, о забастовках, волнениях, беспорядках, имевших место во всех городах, среди всех слоев населения; говорилось о той роли, которую сыграл, играет сейчас и еще сыграет еврейский пролетариат в жизни еврейского народа; проводилась параллель между старым евреем, носившем на себе печать гетто, и новым евреем-пролетарием, который борется за новую жизнь; говорилось о необходимости пролетариату всех национальностей совместно бороться под единым знаменем против деспотизма и капитализма и т. д.

На одном из собраний — на третьем — с амвона читался список штрейкбрехеров. И каждое прочитанное имя вызывало крики негодования по адресу изменников общему делу. Но вот кто-то просит слово. На амвоне появляется какой-то пожилой еврей и клянется именем бога и св. Торы, что он по недоразумению попал в список штрейкбрехеров, и просит снять с него пятно позора...

Одним из самых интересных собраний было последнее, на котором были подведены итоги тому, что было сделано во время забастовки, и решено было стачку прекратить. На этом же собрании были предложены нашей организацией две резолюции: одна, требовавшая немедленного созыва учредительного собрания для введения демократической республики, установления 8 час. рабочего дня, немедленного прекращения войны и освобождения всех пострадавших за политические и религиозные убеждения; другая, приветствовавшая ЦК „Бунда", как представителя организованного еврейского пролетариата. Обе эти резолюции были *единогласно* приняты собранием в 4 тысячи слишком человек. На этом же собрании некоторые приказчики предложили собранию выразить благодарность минскому комитету „Бунда" за энергичное и умелое руководство забастовкой. Предложение было принято. Председатель объявил стачку законченной и закрыл собрание. Выйдя из синагоги, толпа устроила на Школьной улице и на Немиге импровизированную демонстрацию" [1]).

Стачка была приказчиками выиграна. Хозяева согласились почти на все предъявленные приказчиками требования; по спорным же вопросам достигли соглашения.

В Варшаве 2 апреля собралась 30.000 толпа провожать тело умершего в тюрьме товарища Израиля Гравера. Покойный, отбивая товарища во время демонстрации по поводу якутской истории, попал в руки полиции. Бесчеловечное обращение в тюрьме, 7 дней голодовки, 7 дней и ночей, проведенных в темном и холодном карцере, преждевременно свели Гравера в могилу. Администрация, опасаясь беспорядков, запретила выдать тело покойного. Тогда 30.000 толпа устроила огромную демонстрацию, и с пением революционных песен она прошлась по центральным улицам. Когда толпа стала расходиться, спрятавшаяся в засаде полиция открыла стрельбу по отдельным группам рабочих. 20 человек было ранено, несколько убито, в том числе выдающиеся бундовские работники — Сол.

---

[1]) „Посл. Изв." №№ 229 и 233, ст. „Всеобщая забастовка приказчиков в Минске".

Марголин и Франя Грабельская („Вера“). 5 апреля варшавский комитет „Бунда“, в особой прокламации, призывал варшавский еврейский пролетариат почтить память павших товарищей однодневной всеобщей забастовкой. И пролетариат откликнулся на этот зов. Уже с утра стояли все еврейские фабрики и мастерские, а с полудня к забастовке примкнуло и большинство товарищей - христиан.

* * *

Первое мая в 1905 г. в районе „Бунда“ было отпраздновано с невиданным ранее успехом: ни в один из дореволюционных годов в нем не участвовало столько народа и не наблюдалось столько энтузиазма, как в этом.

Внешние условия были крайне неблагоприятные. Полиция в одних местах распространяла слухи о том, что евреи в день 1 мая, чтобы отомстить христианам за кишиневский и гомельский погромы, намереваются взорвать храмы, церкви и костелы, в других — пыталась спровоцировать ритуальные процессы, в третьих — угрожала погромом в случае выступления еврейского пролетариата. Подобные явления наблюдались в Гродно, Лидах, Минске, Риге, Мозыре, Нежине, Проскурове, Шклове, Новогрудке, Могилеве, Белостоке, Киеве, Двинске, Борисове, Брест-Литовске, Рогачеве, Быхове, Ковне, Гомеле, Невеле, Полоцке, м. Смела, Толочин, Соколка, Августове, Чуднове, Плотнице (Пинского у.), Тирасполе, Мелитополе. В м. Толочин (Могилевской губ.) полиция раздавала крестьянам оружие, в церкви распространялись воззвания, изданные могилевской духовной консисторией. В Минске, под руководством местного жандармского полковника Хрипова и чинов полиции, составилась черная сотня.

Несмотря на это предмайская агитация велась весьма интенсивно и с невиданным до тех пор размахом. Она началась задолго до наступления 1 мая, в начале апреля, а местами даже в марте. Об интенсивности подготовительных работ свидетельствует следующее. Предмайские собрания были устроены: в Ковне (массовка в 1.000 чел. и ряд мелких, в частности среди интеллигенции 2 по 50 чел.), Двинске (3.500), Люцине, Лидах

(500 — 600), Минске (свыше 2.000), Мозыре (600), Киеве (20, 35 и 40), Черкассах, Смеле (несколько по 200), Нежине, Лубнах, Кременчуге (50), Кишиневе (400 и 500), м. Шадове (80), Волковыске, м. Толочин, Шклове, Паричах (несколько собраний и большое в лесу около 300), Августово (70), Луках (80), Скиделе (90), Виштинце (50), Рудне, Сморгони (1.000), Могилеве (400), Одессе (несколько массовых и небольших собраний по 50 — 60, перебывало на них 700 — 800 чел.), Чуднове (200), Черикове (массовка), Ковно (по цехам, более 20 собраний, со средним числом участников каждого в 40 чел., 2 собрания учащихся), Невеле (7 собраний по 40 — 50 и 4 летучих по 20 — 30 чел., всего на собраниях перебывало 400 чел.), Полоцке — 7 (свыше 700 чел.), Креславке (2.000 — 2.500), Бобруйске (несколько собраний в 150 — 200 человек каждое, одна массовка в синагоге свыше 600), Либаве, Варшаве (присутствовало по 1, 2 и 5 тыс. человек), Лодзи, Риге (в кружках). Агитация велась на больших собраниях „массовках", в кружках, на „бирже", в синагогах, мастерских, фабриках и заводах.

В районе „Бунда" очень широко была распространена прокламация ЦК „1 мая". Своевременно разосланная, она попала в самые отдаленные местности. Так, по сведениям корреспондентов „Последних Известий" и сообщениям местных жандармских отделений, посылавшимся в департамент полиции, прокламация ЦК „Бунда" была распространена в Седлеце (900 экз. на еврейском и польском языках), Межиречье, Люцине, Лидах, Житомире (1.200), Минске (5.000), Мозыре (800 на еврейском и 100 — русском языках), Киеве (1.500 на русском и еврейском языках), Либаве (500), Риге, Гомеле (на русском и еврейском языках), Черкассах, Лубнах (на русском и еврейском языках), Поневеже (600), Паричах, Яновичах, Сморгони, Варшаве (на еврейском и польском языках — 1.000 и 6.000 экз.), Кальварии (200), Вилькомире (300), Могилеве, Одессе (5.000 на еврейском и 4.000 — русском языках), дер. Каржовке и Карговке, Черниг. губ., Чуднове, Проскурове (500), Борисове, Брест-Литовске (100 на еврейском и 150 на польском языках), Волковышках, Невеле (500 на еврейском и русском языках), Сувалках (евр. язык), Полоцке (900 на еврейском и 150 на русском языках),

Белостоке (на еврейском, русском и польском языках), Боб руйске, Мариамполе, Пинске, мест. Лоеве, Кишиневе.

Местные прокламации к 1 мая были выпущены в немногих местностях, а именно: Седлеце (250), Лидах (гектогр. карточки), Риге (на еврейском языке), Влоцлавске (красные карточки с революционными надписями), Гомеле, Паричах (гектогр. на еврейском языке, 450 экз.), мест. Виштинце (200), Могилеве (гектогр. карточки), м. Толочин, Борисове (карточки), м. Кей данах, Невеле (400), Полоцке (гектограф. листок), Бобруйске (гектогр. листки), Двинске, Либаве (совместно с латышской соц.-дем., на латышском языке — 2.500, русском — 600 и на еврейском — 400), Сувалках (гектогр., на русском и польском языках), Варшаве (карточки на еврейском и польском языках — 20.000 и 10.000).

В виду возможных еврейских погромов, на местах при бун довских организациях были образованы отряды самообороны. Они имелись в следующих городах: Гродне, Минске, Проску рове, Шклове, Августове, Одессе, Борисове, Брест-Литовске, Белостоке, Гомеле, Риге и некоторых других. Самооборона была снабжена холодным и огнестрельным оружием. Средства на содержание ее составлялись из сборов пожертвований, кото рые производились среди еврейского буржуазного населения. Инициатива по организации отрядов самообороны исходила почти везде от бундовских организаций. Вступать в нее могли и не принадлежащие к организации лица, но организация ста вила непременным условием, чтобы самооборона находилась под ее подчинением.

В Минске по инициативе бундовской организации образовался объединенный комитет самообороны, куда вошли представители „Бунда“, „Группы РСДРП“, группы соц.-р., „поалей-цион“ и „сионистов-социалистов“. По уставу в О. К. С. могли всту пать представители всех организаций, имеющих вооруженные отряды, и представители отдельных, неподчиненных какой-либо организации отрядов. О. К. С. имел целью координировать действия всех наличных сил в момент возникновения погрома, при чем каждая организация сохраняла за собой право свобод ного распоряжения всеми своими силами. Между финансовой

буржуазной комиссией и О. К. С. соглашения не состоялось, а вслед затем произошел раскол и в самом О. К. С. Представителем „Группы РСДРП“ было внесено следующее предложение: если при возникновении погрома удастся путем агитации на столько воздействовать на погромщиков, что представится возможным превратить погром в демонстрацию, то устройство такой должен взять на себя О. К. С. Бундовская организация заявила, что в таком случае не считает для себя возможным совместное выступление с сионистами. Следствием этого было выступление „поалей-цион“ и „сионистов-социалистов“.

В некоторых местах в самообороне участвовали и русские рабочие.

Если 1 мая в 1905 г. не омрачилось еврейскими погромами, то лишь благодаря наличию отрядов еврейской самообороны.

Считаясь с погромной агитацией полиции, с одной стороны, и с другой — стягиванием к городам больших количеств войск, ЦК „Бунда“ предложил местным организациям отметить 1 мая устройством всеобщей забастовки и воздерживаться в этот день от открытых, уличных демонстраций, отложив их до ближайшей субботы и воскресенья, когда бдительность полиции уменьшится.

По зову организаций в районе „Бунда“ 18 апреля была проведена действительно „всеобщая забастовка“. В этот день не работали в Гродно, Пинске, Плоцке, Калушине, Соколове, Венгерове, Лошице, Межиречье, Бяле, Двинске, Бобруйске, Люцине, Лидах, Житомире, Минске (3.500 — 4.000), Мозыре (1.000), Черкассах, м. Смеле, Лубнах, Поневеже, м. Шадово, Волковыске, мест. Соколке (250 — 300), Паричах, Августове (свыше 150), Лубнах, Скиделе, Яновичах, Сморгони, Оргиево (около 200 чел.), Стародубе (около 600), Могилеве, Чуднове, м. Толочин (б. 200), м. Черикове, Борисове, мест. Кейданах, Вилькомире, Брест-Литовске, Орше, Лядах, Быхове, Рогачеве, Сенном, Чаусах, Дрибени, Поневеже, Ковно (около 2.000 раб.), Слониме, Гомеле, Невеле, Бобруйске, Мариамполе, Варшаве, Калише, Либаве, Риге, Лодзи и др.

Обычно в этот день рабочие, празднично одетые, разгуливали по городу. Собирались небольшими группами, а то и

большой толпой. Вечером в разных частях города рабочие пускали ракеты, фейерверки и т. д. Не работали в этот день не только организованные рабочие, но и многие другие: извозчики, прислуга и т. д. И в этом году праздновали пролетарский праздник самые широкие массы еврейского населения. Русские рабочие в этот день все равно не работали, так как 18 апреля совпало со вторым днем пасхи. Из Шклова сообщали и „Последние Известия“: „Улицы кишели народом, высыпали на улицу все — стар и млад, все разодетые, в приподнятом, праздничном настроении“. Это отнюдь не характерно для Шклова, то же самое наблюдалось почти везде в районе „Бунда“.

Полиция и войска в одних местах ограничивались одним лишь наблюдением того, как рабочие праздновали свой праздник, но в других — набрасывались на мирно гулявшую толпу, разгоняли ее и при этом зверски избивали прикладами ружей, шашками и нагайками. Столкновения с полицией, сопровождавшиеся большим количеством жертв, произошли в Варшаве, Лодзи, Калише.

В Варшаве днем была устроена большая демонстрация ПСД. Она продолжалась около двух часов. Сначала войска мирно наблюдали ее, но потом, когда десятитысячная толпа свернула с Панской к Уяздовской аллее, они без предупреждения открыли беспорядочную стрельбу. По словам корреспондента „Последних Известий“, было убито 30 чел. и ранено свыше 100. „Толпа бросилась в разные стороны, но солдаты преследовали и добивали раненых, врывались за убегавшими во дворы и даже квартиры и там убивали их. Убивали даже детей. У одной девушки была почти отрублена голова: она осталась висеть только на одном куске кожи. Избиение было ужасное, пощады не было никому“... („П. И.“, № 231).

Один из очевидцев рисует следующую картину избиения рабочей демонстрации в Варшаве: „В минуту, когда безоружная толпа отступила к ул. Железной, войско осыпало ее градом пуль. Стреляли без команды, одиночно. Трупы и раненые падали, загораживая дорогу бегущим. Паника все росла. Казаки давят лежащих, саблями рубят старцев, женщин, детей и ране

ных пулями. Одному рабочему отрубили половину лица, у какой-то женщины все лицо разрублено. Часть демонстран тов, скрывшаяся в ближайших воротах, чтобы избежать смерти от пуль, пала жертвой рассвирепевшей солдатчины. Лежащих в воротах расстреливали, кололи штыками, рубили саблями. Крики бегущих, стоны раненых, предсмертные конвульсии уми рающих, гул выстрелов, свист пуль наполняли воздух. Неко торые бежали через забор — стреляли за ними в забор, который пробивали пули, стреляли также через деревянные стены в дома. Солдаты выломали оконные рамы, через выломанное окно за стрелили лежащего в кровати больного еврея, убили дочь сторожа в квартире. В конторе склада извести, помещающейся под № 101 в Иерусалимских Аллеях, занята была писанием отчетов бухгалтерша. Солдат без всякого повода выстрелил и положил ее мертвой на месте. Один дотащился до лечеб ницы, швейцар запер перед ним двери, отказав молившему во всякой помощи; подошли солдаты и добили стонущего прикла дами. Все раненые и убитые были подстрелены с тылу. Такого гнусного насилия над безоружной толпой не пом нит свет. Ружейная пальба продолжалась 15 минут. Цели ли в одиночных людей". (Из „Czerw. Standart", цит. по „Искре", № 100). В этот день в общем, по сведениям корреспондента „Пролетария", было убито 60 чел. и ранено до двухсот.

В Лодзи при столкновении с полицией было убито чел. 7, из полиции 5 чел. и несколько шпионов („П. И.", № 232).

Бундовские организации не везде выступали самостоятельно, в некоторых местностях вступали в соглашения с другими пар тиями: в Киеве — с Р. П. У., в Риге — с „меньшевиками" и ла тышской соц., в Либаве — с латышской соц., в Орше и Смор гони — с северо-западным комитетом Р. С. Д. Р. П., в Лодзи и Варшаве — с П. С. Д.

Об отношении других еврейских партий к первомайскому празднику мы располагаем следующими сведениями: в Чер кассах, Киевской губ., сионисты, по словам корреспондента „П. Изв.", „пустили в ход все средства, чтобы расстроить де монстрацию", в Бобруйске поалей-ционисты не присоедини

лись к всеобщей стачке, и их силой приходилось снимать с работы, в Екатеринославе и Николаеве они участвовали в первомайской стачке.

Первомайский праздник в районе „Бунда“, за исключением Либавы и Риги, везде праздновался по новому стилю — 18 апреля. В этих же городах — по старому.

Неудачны были попытки устроить его в Екатеринославе и Киеве.

Хотя Ц. К. призывал местные организации 18 апреля не устраивать демонстраций, но они все же произошли в некото рых местах, как, например, в Плоцке (участвовало в одной 500 чел. и в другой демонстрации — 1000 евреев и поляков), в Седлеце (1000), Люцине (одна 40 — 50 и другая — 150 — 200), Мозыре, Влоцлавске, Лодзи, Калише, Варшаве, Ковне, Орше, Быхове, Рогачеве, м. Шадово, Креславке (300 — 400), м. То лочин, Шклове, м. Виштинце (50), Яновичах, Сморгони, Минске, Слониме, Риге. Почти везде — без ведома и помимо желания местных комитетов.

Празднование 1 мая в 1905 г. в районе „Бунда“ отмечено единством выступления еврейского пролетариата. Оно удалось благодаря тому, что было заранее подготовлено и организо вано.

Полиция своими провокационными действиями не добилась главной своей цели: срыва празднования пролетарского празд ника. Оно несомненно сократилось в своем размере, но все же было весьма значительно. Еврейский пролетариат в этот день продемонстрировал мощь своих организаций, со знательность, активность, готовность к борьбе, которые нако пились в массах, глубокие корни, которые пустило движение в еврейскую рабочую массу, и, тем самым, посодействовал их дальнейшему укреплению.

И, действительно, после 1 мая влияние бундовских орга низаций на местах возрастает: увеличивается спрос на неле гальную литературу, увеличивается число рабочих, желающих попасть в партию, охотнее посещаются бундовские собрания, пропаганда охватывает все более и более широкие массы. И это несмотря на репрессии, которые беспрерывно сыпа

лись на бундовские организации, несмотря на то, что при надлежавших к ней ожидали лишь тяжкие страдания [1]).

24, 25 и 26 мая несознательные еврейские рабочие в Варшаве начали избивать так называемых „лобузов“ (босяки и хулиганы) и громить дома терпимости. Выступление этой части варшавских еврейских рабочих явилось ответом на беспорядки лобузов, учиненные ими во время январских стачек. Лобузы тогда, под охраной полицейских и солдат, подстрекаемые провокаторами, громили магазины и избивали население.

Эти события в свое время вызвали много шуму. Полиция изобразила их как акты, организованные „Бундом“. На самом деле это — выдумка, имевшая целью скомпрометировать организацию еврейского пролетариата. Наоборот, члены бундовской организации старались, насколько возможно, успокоить массу, раскрыть пред ней карты полиции и, таким образом, предотвратить дальнейшее кровопролитие [2]).

Варшавский Комитет „Бунда“ по поводу этих событий писал в своей прокламации: „План правительства в Варшаве ясен. Оно хотело вызвать побоище между рабочими и босяками, чтобы затем наброситься на рабочих, усмирить их и восстановить „порядок“. В городе произошла бы бойня. Варшавские улицы были бы залиты кровью. Тогда правительство объявило бы город на военном положении и кричало бы на весь мир, что евреи сами вызвали бойню, что еврейский пролетариат дик и звероподобен, что он грабил, нарушал порядок, и что войско вынуждено было для усмирения его пустить в ход крайние средства. В этом духе уже писали сегодня польские газеты. Старая погудка!“ [3])

---

[1]) Материалом для главы о 1 мае послужили дела Ист.-рев. архива деп. полиции: IV дел., 1905, № 4 г. 4, 7, 9, 11—13, 15, 17, т. II, III, IV 19, л. А, 23, 24, 28, 31—35, 39—42, 48, 49, 51, 56, 63, 66—69, 75; № 5, ос. отд., ч. 3, л. А, Б, В. 4, л. А—Е т., Ж, 6, л. А, т. 2, 3, л. Б., 7, л. Б 23, л. А, 30, л. А, 32, 32, т. II, III, л. А, 35—40, 46, 48, 56, л. Б. 57, 62, л. А; „Посл. Известия“, „Искра“, „Вперед“, „Пролетарий“, „Рев. Россия“, „Освобождение“ и „Фрайнд“.

[2]) „П. Изв.“ № 233, „Контр-революция в Варшаве“.

[3]) Ibid.

В этом же смысле объясняли события в Варшаве и „Посл. Известия“, орган Заграничного Комитета „Бунда“. „Цель правительства, вызвавшего погром против варшавского люмпен пролетариата, ясна; разрядить революционную энергию еврейского пролетариата, направив ее против самых несчастных жертв капиталистического строя, и, таким образом, задержать быстрый рост еврейского рабочего движения в Варшаве; набросить тень на еврейский пролетариат и его организацию, поставив на их счет дикости и зверства, совершенные некоторыми несознательными элементами; внушить буржуазии страх перед надвигающейся революцией, носителем которой является пролетариат, способный к таким эксцессам, и бросить ее в объятия контр-революции; посеять глубокую рознь между еврейскими рабочими и обитателями трущоб и притонов, чтобы тем легче эксплоатировать еврейских босяков, как орудие в борьбе против революции; наконец, заручиться благовидным предлогом для усиления казацкого режима в Варшаве и для жестоких репрессий против варшавского пролетариата“ [1]).

В мае происходила всеобщая стачка еврейских щетинщиков во всем районе щетинного производства. Стачка была решена съездом представителей рабочих-щетинщиков при участии представителя от Ц. К. „Бунда“. Главное требование щетинщиков было введение 8-час. рабочего дня, к которому прибавлены еще следующие: установление понедельной платы или повышение поштучной (с пуда щетины) соразмерно сокращению рабочего времени, гарантия работы не менее, чем в течение 40 недель в году, инструменты приобретаются за счет фабриканта [2]).

В июне произошло вооруженное восстание в Лодзи, в котором большое участие принимали и еврейские рабочие. 18 июня н. ст. состоялась демонстрация рабочих до 1.000 человек из П. С. П., П. С. Д. и „Бунда“. Казаки налетели на демострантов и без предупреждения открыли стрельбу. Им отвечали градом камней и выстрелами из домов; были попытки строить баррикады. Много было раненых и убитых. 20 июня П. С. Д.

---

1) Ibid.

2) Ibid.

и „Бунд“ при похоронах убитых товарищей организовали огромную демонстрацию. Фабрики, заводы и мастерские были остановлены. Участвовало в похоронной демонстрации около 50.000 народа. Было много венков, красных и черных знамен П. С. Д., П. П. С. и „Бунда“. Шествие прошло по центральным улицам. Пение революционных песен не прекращалось. „Грандиозность картины не поддается описанию, — пишет очевидец. — Солидарность между еврейскими и христианскими рабочими удивительная. Местная пресса утверждает, что даже в январские дни Лодзь ничего подобного не видала. Стечение массы на кладбище было так велико, что добрая треть ее осталась за оградой. Гробы опущены были на землю, круг около них обозначился высоко поднятыми соединенными красными и черными знаменами. Начались речи на польском и еврейском языках. Одними нашими ораторами произнесены были восемь речей. В виду громадности аудитории говорили сразу, в разных концах, по пяти ораторов. Воздух то и дело оглашался могучими революционными возгласами и криками „ура“, вырывавшимися из десятков тысяч грудей. Что это была за торжественно грандиозная картина! Такие минуты переживаются только раз в жизни“ [1]).

На другой день, 21-го, вновь состоялась огромная демонстрация, участвовало до ста тысяч человек. „Тут были женщины, дети, старики и молодые. Окна, балконы, крыши домов, боковые улицы кишели людьми. Воодушевление, пение и крики „да здравствует революция!“ — потрясали воздух, и все верили, что цепи рабства порвались навсегда, что революция окончательно восторжествовала; это было написано на всех, дышавших готовностью к борьбе, лицах... Кругом мы встречали один лишь привет и общее сочувствие; полиции нет, — кто же еще остался, кто бы нам не сочувствовал“?.. [2])

Полиция и войско устроили демонстрантам западню: на центральных, широких улицах они их не трогали, но лишь демонстранты свернули к узким и тесным улицам окраин, как

---

[1]) „Посл. Изв.“, № 238, „Кровавая неделя в Лодзи“.
[2]) Ibid.

начался беспощадный расстрел мирной толпы. Оказалось много убитых и раненых.

На другой день П. П. С., П. С. Д. и „Бунд“ призывали рабочих к политической забастовке. В городе шла перестрелка с войсками. Строились баррикады. „Материал добывали, откуда только могли. Сами дворники помогали строить. В одном дворе заготовлены были ящики, бочки; на Петроковской улице взрывали мостовую; срывали вывески. Фонари были разбиты; кругом царил мрак. Ливший в это время дождь никого не останавливал: вот один везет тачку, другой тащит стол, третий — бочку, четвертый — камни... Вдруг улица осветилась: на Всходной подожгли „монопольку“. Все в один голос кричат: „давайте нам бомб, бомб, бомб!“ [1]).

В Лодзи 22 и 23 июня происходило восстание лодзинского пролетариата, сопровождавшееся кровопролитными сражениями с войсками и полицией. С 22-го июня „началась всеобщая стачка, все кафе, рестораны, гостиницы, не говоря уже о фабриках и магазинах, закрыты; всякое движение в городе прекратилось, на улице не видно ни одного извозчика. В течение дня было много нападений на шпионов, полицейских и казаков. К вечеру в еврейских рабочих кварталах начали строить баррикады, которых сооружено более 10 (а по другим сведениям даже до 30). Битва в течение вечера и всей ночи между казаками и солдатами, с одной стороны, и рабочими, преимущественно еврейскими, с другой — была крайне ожесточенная. Рабочие стреляли с баррикад, с крыш, из окон; стреляли из револьверов, из ружей, отнятых у солдат, бросали каменьями, обливали нападающих керосином; некоторые дома были превращены в настоящие крепости, из которых в течение долгого времени вели перестрелку с осаждающими. В одну из казарм была брошена бомба. Из солдат и казаков убито несколько десятков, в том числе несколько офицеров; тяжело ранен жандармский полковник Андреев. Число павших рабочих трудно установить даже приблизительно, но даже по официальной телеграмме

---

[1]) Ibid.

оно достигает 2.000. Раненые по целым часам оставались на улице без всякой медицинской помощи. В пятницу было со жжено до 30 „монополек". Подвоз съестных припасов совер шенно прекратился. Спешно готовятся помещения для 8.000 солдат. В пятницу (23) ночью стали строиться баррикады в польских и немецких кварталах" [1]).

Восстание в Лодзи нашло отклик и в Варшаве. „Бунд" и П. С. Д. пытались устроить в понедельник, 13 (26) июня, все общую забастовку и демонстрацию. Стали все фабрики, за воды и мастерские. Однако, забастовка была проведена пол ностью только в еврейских кварталах. В других же частях города она была неудачна. Устроить демонстрацию не удалось, так как город был весь переполнен войсками. В еврейских кварталах начали строиться баррикады. На одной Малой улице было устроено 5 баррикад, на других — по не скольку. Рабочие разрушали мостовую, срывали с магазинов вывески, таскали с дворов бочки, мусорные ящики, все это складывали вместе и скрепляли телефонной проволокой. Но и эти немногочисленные группы рабочих не были вооружены достаточно, и долго держаться на баррикадах против солдат ских ружей не было никакой возможности. Солдаты расстре ливали баррикады и брали их одну за другой. Тут же про исходили усиленные аресты [2]).

В июньских волнениях рабочих, происшедших в Одессе, бундовцы принимали большое участие. Здесь происходила стачка пересыпских рабочих, продолжавшаяся уже шесть не дель, но все безуспешно, так как хозяева не шли на уступки. Тогда среди остального рабочего населения началось движение за устройство всеобщей стачки, чтобы поддержать пересыпских рабочих. 13 июня ст. ст. одесский бундовский комитет, под держанный „меньшевиками", призвал пролетариат Одессы ко всеобщей забастовке. Рабочие охотно бросали работу, в некоторых местах произошли перестрелки с полицией, пыта

---

[1]) Ibid. По сведениям газет, мирное еврейское население из страха тыся чами бежало из города. Так, за 25 июня выехало 20.000 евреев.

[2]) „П. Изв.", № 239, ст. „Отклики Лодзинского восстания в Варшаве".

вшейся помешать приостановлению работ. 14 июня отряды продолжали снимать рабочих. „Толпы рабочих на улицах все росли. Казаков, пытавшихся разгонять толпу, всякий раз встречали градом камней, вырываемых тут же из мостовой. В бомбардировке камнями очень деятельное участие принимали и девушки. Столкновения с полицией и казаками происходили на всех улицах. Со всех сторон члены нашей (бундовской) организации приносили вести о сражениях с полицией и казаками, о случаях обезоружения и убийства полицейских. Нет возможности перечислить все случаи проявления революционной активности массы. К вечеру на Успенской, между Преображенской и Мещанской, и на Мало-Арнаутской появились баррикады вышиной в несколько аршин. Первую баррикаду солдаты кинулись брать приступом, но на них сверху посыпались камни и револьверные пули. Баррикада держалась полчаса. Еще до этого все магазины были закрыты. Конки на нескольких улицах неоднократно останавливались и опрокидывались рабочими поперек улицы". „Подводя итоги этому дню, мы можем сказать, что все еврейские рабочие города Одессы за этот день перебывали на улицах. Настроение было такое, что все время нападающими являлись не казаки, а рабочие. Последние дрались с самоотвержением, хотя вооруженных среди них было сравнительно немного". „... Наша организация может считать этот вторник днем своего торжества. Замечательно, что, несмотря на поразительную самодеятельность, проявленную в этот день не только членами нашей организации, но и широкими слоями еврейской массы, последняя все время не выходила из под нашего влияния и все спрашивала: какие решения приняты организацией относительно дальнейшего. Русских рабочих за этот день было очень мало, так как окраины были оцеплены. В стычках в этот день участвовали почти исключительно еврейские рабочие, при чем всюду принимали участие члены нашей (бундовской) организации" [1]).

По словам другого участника одесских событий, бундовца, „революционное настроение массы все возрастало; члены на

---

1) „Посл. Изв.", № 241, ст. „Одесское восстание".

шей (бундовской) организации выказывали огромную энергию и боевую готовность; наш же боевой отряд действовал превосходно, он всюду поспевал, везде давал дружный отпор полиции". „... Действий других организаций совершенно незаметно было" [1]).

На следующий день, 15-го, к Одессе подошел восставший броненосец „Потемкин-Таврический". Бундовцы одними из первых проникли на корабль, и их ораторы произнесли пламенные речи пред матросами. Делегация из „большевиков", „меньшевиков" и „бундовцев" была приглашена командой броненосца для обсуждения хода революционных действий. В порту беспрерывно происходили огромные митинги. Среди ораторов наибольшим успехом пользовалась бундовка, которую прямо несли на руках [2]).

С июня особенно усилились репрессии полиции. Участились массовые расстрелы рабочих „бирж". Раненые и убитые во многих местах насчитывались десятками и сотнями. В Бердичеве раненых было свыше 60, в Гомеле до 30, в Пинске убиты трое, ранены многие. В Минске во время столкновения с казаками убито 20 чел., а раненых масса. В Риге много убитых; в Варшаве избито и арестовано до 350 человек, в Вильне около 100 чел.

Особенно жестокая расправа произошла 30 июля в Белостоке. Анархистом здесь была брошена бомба в патруль, стоявший около бундовской „биржи". Осколком бомбы была убита деятельный член бундовской организации Э. Рискинд. Войска открыли стрельбу. По словам очевидца-корреспондента, „со всех сторон стали раздаваться залпы. Выстрелы продолжались несколько часов, до позднего вечера. Стреляли в прохожих, в окна, двери, в ворота; раненых *добивали и докалывали*. Больше всего стреляли на улицах, прилегающих к Суражской, но стреляли и на других. Стреляли в детей и стариков, мужчин и женщин. Какой-то еврей высунул голову, чтобы посмотреть, что делается на улице; его застрелили.

---

[1]) „Посл. Изв.", № 242, ст. „Одесское восстание".

[2]) Ibid.

Сын бежит к отцу, — его убивают. Отец пошел искать своих детей, — его убили. По улице шел какой-то столяр с женой и детьми; услышав выстрелы, жена и дети бросились в квартиру, муж отстал и спрятался за подворотню. Подошел солдат и выстрелил в него в упор. 65-ти-летний старик-еврей возвращался с вечерней молитвы. Солдат застрелил его в 20-ти шагах от его квартиры. Это увидел через окно 24-х-летний сын убитого, недели две тому назад вернувшийся, по болезни, с войны. Он бросается к отцу; в него стреляет тот же солдат, — обливаясь кровью, сын падает на мертвое тело своего отца. Ужасные картины избиения не поддаются описанию. Солдаты рассвирепели и стреляли не только в евреев, — целились же только в них. Других убивали более или менее случайно. И все это совершалось с расчитанным, холодным зверством“ [1]).

Избиение было подготовлено. Солдаты частью были пьяны. Убитых оказалось свыше 50, а раненых свыше полутораста. Бундовская организация и ПСД в знак траура объявили на один из ближайших дней всеобщую забастовку. В Варшаве, Радоме, Пинске и некоторых других городах в знак протеста против белостокских избиений состоялись всеобщие стачки.

* * *

На фоне грандиозных событий, всеобщих забастовок, демонстраций и баррикадных боев, увлекших большое русское население, выступление немногочисленного еврейского пролетариата в октябрьские и ноябрьские дни занимало значительно меньшее место в общей картине революционных событий в стране, нежели в январские и майские дни.

По решению „Бунда“ и „группы РСДРП“, в Витебске 17 октября началась всеобщая стачка. Накануне в синагоге был устроен митинг, на коем присутствовало 4.000—5.000 чел. Произнесены были речи с призывом ко всеобщей забастовке, и разбрасывались воззвания коалиционного комитета „Бросайте работу!“ 17 октября бросили работу все рабочие города, за

---

[1]) „П. Изв.“ № 247.

исключением местного железнодорожного депо. Войска и полиция арестовывали рабочих и жестоко их избивали. В одном месте рабочие напали на патруль, который арестовал рабочего. После этого началась зверская расправа. Казаки наезжали на тротуары, загоняли массу в узкие переулки и там жестоко избивали. Городовые работали шашками. Многие бросались в Двину, чтобы только спастись от избиения. Около пожарного депо проходивших евреев и учащихся тащили во двор и там немилосердно избивали. Вечером произошел еврейский погром. Пьяные рекруты и запасные, под руководством городовых и околоточных, избивали евреев и грабили еврейские магазины. Коалиционный комитет решил организовать самооборону.

На следующий день в городе стало известно, что издан „Манифест". Однако, казаки и 18 октября продолжали стрелять в прохожих. Было убито 7 человек, из них 4 бундовца. Толпы народа манифестировали по улицам. Устроены были большие митинги в 20 тысяч человек. В одном месте хулиганы попробовали напасть на толпу, произошла перестрелка и драка. Представители коалиционного комитета потребовали от губернатора освободить всех политических заключенных и от городской думы ассигнования средств на организацию милиции. 19 октября состоялись похороны павших товарищей. Было свыше 40 тысяч человек. Масса знамен и венков с революционными лозунгами. В ближайшие дни полиция опять повела погромную агитацию, сорганизовала хулиганов, вызвала из 7 волостей староверов, устроила патриотические манифестации и еврейский погром.

В Гомеле 11 октября началась стачка железно-дорожных рабочих, 12-го присоединились рабочие железнодорожных мастерских. 13-го была объявлена всеобщая стачка. Стали все мастерские, фабрики и заводы. Устроены были большие митинги. На следующий день произошли стычки с полицией. Во время демонстрации завязалась перестрелка с патрулем и полицией. В двух местах бросили бомбу в солдат и казаков. В ответ на это войска беспорядочно обстреливают дома. Несколько человек убито. После этого несколько дней свирепствует

в городе полицейский террор. Организация даже не решается устроить торжественные похороны павших товарищей, чтобы не вызвать новые жертвы. Пришлось прекратить всеобщую стачку, так как она прошла бы бледно, без демонстраций и митингов. В ближайшие дни по получении „Манифеста" устроены были большие митинги и манифестации. Затем началась реакция: патриотические манифестации и погромы [1]).

Ход событий в октябрьские дни в других городах протекал так же, как и в Витебске и Гомеле. Везде в „черте еврейской оседлости" призыв ко всеобщей забастовке встречал среди населения большой отклик: останавливались все предприятия и торговые заведения, фабрики, мастерские и заводы. Толпы, радостно настроенные, наполняли улицы, устраивались манифестации и большие митинги. В движение вовлекались самые отсталые профессии. Почти везде происходили кровавые столкновения с полицией и солдатами. Вслед затем устраивались торжественные многолюдные похороны павших товарищей. Известие о „манифесте 17 октября" восторженно принималось населением. По этому поводу устраивались манифестации и митинги. Однако, вслед затем полиция, по директивам из Петербурга, устраивала патриотические манифестации и еврейские погромы, которые произошли почти по всей черте, их было не менее 690, при чем оказалось 810 убитых и 1.770 раненых. Еврейские социалистические партии („Бунд", „сион.-соц.", „сеймовцы", „поалей-цион.") организовали в некоторых местах, из рабочих и студентов, отряды самообороны, которые везде дрались геройски и понесли массу жертв.

В декабре, вслед за Петербургом и Москвой, в „черте еврейской оседлости", произошли во многих местах всеобщие стачки, но они были сравнительно незначительны, так как еврейский пролетариат был напуган и обессилен октябрьскими погромами.

---

[1]) „Der Bund", № 10.

Глава XII.

Выступление „Бунда" на легальную политическую арену.—Объеди нение „Бунда" с РСДРП. — Реорганизация партии на основах демократического централизма. — Участие „Бунда" в профессио нальном движении. — Централизованные профессиональные союзы щетинщиков и кожевенников. — Отношение „Бунда" к „советам рабочих депутатов". — Выборы в I, II, III государ ственные думы.

С наростанием революционных событий были изжиты суще ствовавшие раньше разногласия, и пред РСДРП и „Бундом" встал вопрос об объединении. Инициативу в этом направле нии проявила РСДРП. На третьем съезде РСДРП (больше виков), происходившем в апреле 1905 года, была принята сле дующая резолюция „Об отношении к национальным соц.-дем. организациям": „Принимая во внимание: 1) что интересы эко номической и политической борьбы пролетариата требуют объединения с.-д. организаций всех национальностей России, 2) что начавшаяся открытая революционная борьба против са модержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым,—3-й съезд, подтвер ждая отношение 2-го съезда к вопросу о федерализме, пору чает как ЦК, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными с.-д. организациями в целях согласования местной работы и подготовления, таким образом, возможности объединения всех с.-д. партий в единую РСДРП".

Вопрос о возможном объединении „Бунда" с РСДРП стал усиленно обсуждаться в печати и на партийных собра ниях. Он вызвал к себе среди бундовцев различное отноше ние. В то время, как одна часть отстаивала необходимость объединения, другие высказывали опасение, что „Бунд" может раствориться в РСДРП. Во главе первых стоял Медем,

во главе вторых — Зельцер. Борьба вокруг этого вопроса усилилась в 1906 г. В частности, разногласия обострились в вопросе об условиях вхождения в РСДРП и сохранения за „Бундом“ признания его единственным представителем еврейского пролетариата, столь усиленно защищавшееся делегацией „Бунда“ на 2-ом съезде РСДРП.

Сторонники объединения шли на большие уступки и готовы были совершенно отказаться от ультимативного требования — признания „Бунда“ единственным представителем еврейского пролетариата.

„Идеальный тип организационных отношений, — писал Медем: — основан на размежевании по национальностям. Этого-то размежевания и добивались те товарищи, которые на 7-ой конференции и после нее отстаивали ультимативность пункта о единственном представительстве. Они желали, чтобы Российская Партия отказалась от ведения массовой работы среди евреев. Это было равносильно требованию превращения ее из территориальной в национально-русскую. Мы все разделяем это требование. Но нечего закрывать глаза на то, что в сколько нибудь близком будущем оно совершенно невыполнимо, и что ставить его ультимативным условием объединения значит отложить объединение не более и не менее, как на целый исторический период“ [1]).

7-я конференция „Бунда“, состоявшаяся в апреле 1906 г., приняла большинством голосов резолюцию о вхождении „Бунда“ в РСДРП и об отказе от ультимативного требования признания „Бунда“ единственным представителем еврейского пролетариата, принятого 5-ым съездом.

В апреле 1906 года состоялся в Стокгольме объединительный съезд; на нем присутствовала и бундовская делегация. Большинство делегатов указывало, что объединение необходимо при условии уступок с обеих сторон, на компромиссных началах. Против „Бунда“ высказались, как и на 2-ом съезде, кавказские делегаты, отметившие, что, в случае положитель

---

[1]) Вл. Медем „Объединение „Бунда“ с РСДРП“, „Наше Слово“, № 2, стр. 3.

ного решения этого вопроса, оно может разрушить кавказские организации, так как тогда надо будет удовлетворить подоб ные же требования армян и др. Съезд решил объединиться с „Бундом“, при чем вопрос о национальной программе „Бунда“ оставил открытым.

„Объединительный“ съезд РСДРП принял следующий проект объединения „Бунда“ с РСДРП:

1. „Бунд“ входит в РСДРП, как с.-д. организация еврейского пролета риата, не ограниченная в своей деятельности районными рамками.

2. „Бунд“ принимает программу РСДРП.

Примечание. Вопрос о национальной программе остается откры тым, в виду нерассмотрения его объединительным съездом.

3. Все постановления общепартийных съездов обязательны для „Бунда“.

4. В пределах общих постановлений съездов РСДРП и общих директив ЦК партии „Бунд“ сохраняет самостоятельность в вопросах агитации, орга низации и пропаганды.

5. „Бунд“ имеет свои местные организации, центр, учреждения и съезды, и самостоятельно распоряжается всеми делами своей организации.

6. Все местные организации, входящие в состав РСДРП, образуют на основе общих выборов, без различия национальности членов партии, единый руководящий общегородской комитет РСДРП.

Примечание. Комитет решает все вопросы, общие для всего про летариата данного города, при чем решения принимаются простым большинством. Способ избирания общегородского комитета опреде ляется общими основаниями, принятыми в партии.

7. Организации „Бунда“ посылают на общепартийные съезды и конфе ренции своих представителей на началах, одинаковых с остальными органи зациями РСДРП.

Примечание. По соглашению местных организаций допустимы выборы на съезд на общих избирательных собраниях.

8. „Бунд“ пользуется представительством в ЦК РСДРП.

Примечание. Способ представительства „Бунда“ в ЦК партии устанавливается по соглашению ЦК „Бунда“ и ЦК РСДРП.

В делегации от РСДРП на международных социалистических конгрессах „Бунд“ посылает своих представителей“.

В конце съезда от имени делегации „Бунда“ было прочи тано следующее заявление: „Делегация „Бунда“ на объедини тельном съезде, на основе резолюции 5-го и 6-го съездов и 7-й конференции „Бунда“, заявляет, что пункты 1, 2, 4, 5, 7, 8 являются необходимым условием существования „Бунда“ в пар

тии, и что их изменение съездом партии без согласия на то „Бунда“ вызовет необходимость выхода „Бунда“ из партии“.

VII-ой съезд „Бунда“ в сентябре 1906 г. большинством одобрил этот проект объединения „Бунда“ и РСДРП.

И до раскола „Бунда“, происшедшего после октябрьской революции, это соглашение оставалось в силе и определяло положение „Бунда“ в РСДРП. При этом, проект о националь ной программе, оставленный открытым на объединительном съезде в 1906 г., был дополнен на „обще-российской конфе ренции с.-д. организаций“ в августе 1912 г. признанием лозунга „Бунда“ — „национально-культурной автономии“.

* * *

С выходом из подполья, пред „Бундом“ встал вопрос о видоизменении своих организационных форм. Теперь, когда в партию устремились широкие массы, нельзя было оставаться при старых организационных формах, соответствовавших усло виям подпольного существования, но совершенно непригод ных для легальной деятельности.

В первые годы существования „Бунда“, в конце 90-ых годов, когда деятельность его заключалась почти исключительно в экономической борьбе, „Бунд“ был построен на демократи ческих основах: в „кассах“ и на сходках проводился выбор ный принцип. Позже, с переходом к политической борьбе, выборное начало было совершенно устранено, руководство движением перешло к строго законспирированным комитетам.

Характеризуя партийный строй тогдашних бундовских организаций, тов. Рафес пишет: „Организация „Бунда“ была построена на основе строжайшего централизма, связанного с планомерным и настойчивым подбором и выдвиганием снизу, из рабочей массы вождей — середняков. Подполье почти вовсе не знало выборного принципа в партийной организации. Все назначалось сверху. И только тесная связь верхов и низов предупреждала возможность острых трений.

В течение 1905 года, еще задолго до „октября“, все же постепенно начали выявляться противоречия между центра лизмом с его системой назначенства и массовым характером

организации. Движение выдвинуло кадр „профессиональных революционеров“, членов местных комитетов и агитаторских сходок, которые перебрасывались центральным комитетом с места на место. ЦК „Бунда“ мог, действительно „дойти до последнего человека“. Хорошо зная личный состав руково дящих организаций, центральный комитет фактически, пере бросками, создавал местные комитеты. Отсутствие каких бы то ни было серьезных принципиальных разногласий и фрак ционных группировок устраняло возможность борьбы против этого „своеволия“ Центрального Комитета, которое к тому же требовалось самими условиями революционной борьбы с ее массовыми провалами. Дисциплина была строгая, аппарат работал без зазубринки. Если бывали конфликты и возвра щение обратно в ЦК присланных работников, то это было лишь исключением, вытекавшим из личных особенностей того или иного работника. Впрочем ЦК пользовался каждым слу чаем и, при отсутствии срочности, даже предварительно опра шивал местные комитеты о направляемых работниках.

Комитет образовывал группы из рядовых членов партийной организации и ставил во главе их сходки. Путем подбора выдвигались руководители этих сходок, входившие в „Центр“ (агитаторскую сходку); кое-где эти представители предвари тельно намечались официально или полуофициально по соглаше нию со „сходками“. Раньше или позже вопрос о „выборности“ и о „правах“ должен был стать на очередь. Трения и „оппози ции“ в течение 1905 г. в отдельных организациях возникали часто; имели место—правда, редко—и настоящие „бунты“, когда с биржи прогоняли слишком докучавших представителей комит.

В „дни свободы“ в городах, куда еще не дошло осадное положение, особенно в Вильне, рядом с профсоюзами была построена сеть клубов,—организация переходила к полуле гальному существованию. Выборность *низовых* партийных комитетов стала фактом, раньше чем партийная организация успела, как целое, вопрос предусмотреть. Затем дошла очередь и до самих общегородских комитетов „Бунда“ [1]).

---

[1]) *М. Рафес.* „Очерки по истории „Бунда“, М. 1923, стр. 158—159.

Превратившись из кружковой в массовую партию, „Бунд“ организационно должен был перестроиться, чтобы сплотить вокруг себя тяготевшие к нему, в силу неожиданно создавшихся легальных возможностей, элементы.

В результате этого бундовские организации на местах начали переходить к выборной системе, перестроиваясь на основах демократического централизма. Однако, начавшаяся вскоре реакция помешала этому. Она показала, сколь призрачны были иллюзии насчет долговечности легальных возможностей. Пришлось отказаться от выборной системы и перейти к старым формам партийного строительства.

* * *

После январских событий в „черте еврейской оседлости“, как и во всей стране, быстрым темпом пошло профессиональное строительство: профессиональные союзы открывались явочным порядком почти повсеместно. Особенно широко профессиональное строительство развернулось после октябрьских дней. Наступившая вслед затем реакция почти совершенно разгромила движение. Закон 4 марта 1906 года лишь в малой степени улучшил положение профессиональных союзов: по прежнему наблюдался неограниченный произвол полиции. Являясь в профессиональные союзы, полиция арестовывала наиболее активных членов, уничтожала делопроизводства, ломала мебель, срывала вывески и пр.

В вопросе о характере профессиональных союзов между различными еврейскими социалистическими партиями не было единогласия: „Бунд“ отстаивал партийный их характер, т. е. идейное и руководящее на них влияние партии, непосредственное воздействие и организационную зависимость от партии. В противоположность ему, все другие евр. социал. партии: „п. ц.“, „с. с.“, „е. с.“, солидаризуясь с меньшевиками и соц. рев., защищали нейтральность профсоюзов, указывая, что для вовлечения широких масс населения надо открыть доступ всем рабочим данной профессии. Следует, однако, заметить, что за нейтральностью профсоюзов, малочисленных, маловлиятельных и недолговечных, в действительности скрывалось

фактическое влияние на них той или другой партии — „с. с.“, „е. с.“, „п. ц.“ и др.

Подробно взгляды Бунда на профессиональное движение выражены в следующей резолюции, принятой на 7-й конферен ции, происходившей в 1906 году: „Принимая во внимание, что профессиональные союзы, поскольку они замыкаются в тесные рамки узкого профессионализма или увлекаются на путь революционного синдикализма, не могут выполнить своих задач в качестве орудия классовой борьбы пролетариата; что опасность увлечения в сторону узкого профессионализма или революционного синдикализма увеличивается при оторванности профессиональных союзов от социал-демократии, руководящей классовой борьбой пролетариата во всем ее объеме; исходя, далее, из того, что так называемые нейтральные профессио нальные союзы, стремящиеся объединить всех рабочих данной профессии, независимо от их отношения к классовой борьбе пролетариата, либо обречены на раскол вследствие возникаю щих внутри союза коренных, принципиальных противоречий, либо стараются затушевать эти противоречия в интересах целостности союза, тормозя таким образом развитие классового самосознания пролетариата; принимая во внимание, — с другой стороны, — что политической партии пролетариата, лишенной тесной связи с его экономической борьбой, грозит опасность одностороннего увлечения парламентской (политической) дея тельностью и переоценки ее значения в общей борьбе проле тариата, — конференция признает, что лишь тесная связь между профессиональными союзами и социал-демократией может обеспечить правильное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата. Связь между профессиональными сою зами и соц.-дем. партией должна выражаться в следующем:

1) члены профессиональных союзов должны признавать принципы классовой борьбы в их применении к профессио нальному движению и руководство социал-демократии в этой области;

2) партия посылает на съезды профессиональных союзов, в их местные и центральное бюро, как и в их Ц. О., своих представителей с правом решающего голоса“.

Наконец, конференция рекомендовала „в тех местах, где и другие соц.-дем. организации стоят на точке зрения социал-демократичности профессиональных союзов, устраивать общие союзы, с представительством в них от каждой из этих организаций“.

В таком же духе была составлена и резолюция о национальных секциях в профессиональных союзах: „Принимая во внимание, что профессиональные союзы только тогда могут успешно вести экономическую борьбу, когда они объединяют рабочих определенных профессий без различия пола, вероисповедания и национальности; что в задачи профессиональных союзов, кроме непосредственной борьбы за улучшение экономического положения рабочих, входит также культурная работа среди членов союза, и что в этой деятельности союзы необходимо должны считаться с национальными особенностями различных частей пролетариата, — конференция признает необходимым устройство с этой целью национальных секций внутри общих союзов“ [1]).

В некоторых городах, как, например, в Одессе, Киеве, Симферополе, Мелитополе, Екатеринославе, Лодзи, Варшаве, Вильне, Двинске и нек. др., местные союзы объединялись общегородским центральным бюро профессиональных союзов, которые координировали деятельность отдельных профессиональных союзов [2]).

Являясь боевой организацией, профессиональные союзы одну из главных своих задач видели в экономической борьбе за улучшение условий труда. И, действительно, этому они в те годы уделяли много сил и внимания. Далее деятельность их заключалась в поднятии умственного, нравственного и культурного уровня рабочих путем устройства лекций, библиотеки; наконец, во время безработицы они урегулировали работу, улаживали конфликты между хозяевами и рабочими и т. д.

Исчерпывающее описание характера деятельности профессиональных союзов в те годы находим в отчетах виленских

---

[1]) В. В. Святловский. История проф. движ. в России. 1924 г. Ленинград, стр. 202—203.

[2]) В. В. Святловский. История проф. движения в России, стр. 136.

делегатов на II всероссийском съезде профессиональных союзов. Хотя они имели в виду Вильну, но их изложение дает представление о деятельности профессиональных союзов и в других городах, где она протекала, может быть, менее интенсивно, но в главных своих чертах в общем совпадала.

„Основаны они (проф. союзы) по инициативе бундовских организаций: наши политические сходки созывали известных им рабочих какой-либо профессии на учредительное собрание; собрание это выбирало организационную комиссию для выработки устава, который потом обсуждался и принимался на следующем учредительном собрании. В некоторых профессиях политическая сходка сама вырабатывала устав и вносила его на обсуждение учредительного собрания... В уставе их отмечено, что они стоят на почве классовой борьбы и признают руководство „Бунда" в своей профессиональной борьбе; по уставу некоторых союзов от членов требуется еще признание политической борьбы в форме парламентаризма. Это требование выставлено в виду имеющихся у нас анархистов, агитирующих против политической борьбы. Союзы автономны и самостоятельны в своих делах. В бюро каждого союза входит представитель от местной бундовской организации, которому принадлежит право veto (право veto не распространяется на личный состав бюро и применяется только в случае отклонения союзов от принципов классовой борьбы в сторону цехового профессионализма); кроме того, союзы отчисляют 25% из своих доходов (в иных 20%) в пользу организации „Бунда" [1]).

„В последние годы еврейские рабочие все свои претензии против хозяев предъявляют не суду, а бундовской организации, решениям которой предприниматели волей-неволей должны подчиняться, иначе им грозит стачка или бойкот. Очень часто и хозяева обращаются к организации со своими претензиями. Теперь роль бундовской организации в этом отношении выполняют бюро профессиональных союзов. Бюро улаживает споры между предпринимателями и рабочими, заставляет предпринимателей принимать тех рабочих, которых оно

---

[1]) „Вторая конфер. проф. союзов", докл. т.т. Литвака и Соломонова, стр. 109.

ему рекомендует, распределяет работу, не дает расчитывать рабочих и приказчиков без согласия товарищей по мастерской, фабрике и магазину, заставляет платить за время болезни; бюро устанавливает время, в течение которого рабочий сохраняет место в случае ареста, болезни или отлучки при призыве к воинской повинности; следит за тем, чтобы предприниматели выполняли договор найма. Вообще бюро осуществляет ту промышленную конституцию, которой рабочие добились у нас под руководством „Бунда". Во всех этих областях бюро оказывает помощь всем рабочим данной профессии, членам и не членам союза. Союзы руководят стачками всех рабочих данной профессии независимо от того, состоят ли они членами союза или нет. Медицинской помощи наши союзы не оказывают за неимением средств. Помощь безработным оказывают деньгами из особых для этого взносов и из части доходов с концертов и рефератов. Делятся также работой: отдают или по два дня в неделю, или, как у заготовщиков, постоянные рабочие работают только полдня, а остальное время дня дают работать безработным. Предприниматели этим очень недовольны, но ничего сделать не могут. Союзы за последнее время выпустили два воззвания: одно к прислуге (агитация за вступление в союз) и одно к приказчикам и обществу (по поводу бойкота старшего приказчика и сына купца Залкинда). Союзы помогли местной организации „Бунда" провести политическую забастовку 9 января. Союз типографских рабочих боролся за свободу печати, и до самого последнего времени ценою голода типографские рабочие упорно отказывались от печатания книг, пропущенных цензурою. Почти все союзы имеют свои библиотеки, состоящие (кроме приказчиков и типографских рабочих) почти исключительно из еврейских книг; теперь союзы объединились в этом деле. Составлена комиссия из представителей всех бюро для основания общей библиотеки всех прочих союзов города. В союзах чулочниц, конвертниц, сапожников, рабочих строительного дела и др. ведутся вечерние занятия (по) русской и еврейской грамоте, при чем эти занятия в большинстве случаев, благодаря полицейским условиям, происходят нелегально. Вплоть до конца декабря

союзы организовали для своих членов лекции, рефераты, дискуссии; теперь это по полицейским условиям почти невозможно. Дискуссии происходят, да и то редко, только в двух сохранившихся клубах и у чулочниц на частной квартире. По тем же условиям нельзя часто созывать общих собраний членов союзов; приходится пользоваться уличными фаховыми (цеховыми) биржами, но и это теперь неудобно: полиция их разгоняет, массовые рабочие неохотно их посещают. Собрания у нас, однако, бывают; разрешений мы не просим, полиция о наших собраниях не знает“ [1]).

Из многочисленных еврейских профессиональных союзов, развернувшихся особенно широко в 1905 — 1907 г.г., наиболее значительными были централизованные союзы: щетинщиков и кожевенников.

Стачечное движение среди евреев-щетинщиков возникло в начале 90-ых годов. В короткое время движение охватывает почти весь район щетинного производства. Этому сильно содействуют „летучие отряды“ агитаторов. Переезжая из одного городка в другой, они везде организуют борьбу рабочих за улучшение условий их труда. В 1895 г. происходит первый съезд рабочих-щетинщиков, а в начале 1898 г. — VI съезд, положивший начало организации „Союз еврейских рабочих-щетинщиков Польши и Литвы“. Тогда же центральный комитет выпустил прокламацию „Ко всем еврейским рабочим-щетинщикам“, в коей излагает задачи и программу „Союза“. Ко времени VI съезда, как видно из прочитанных отчетов, число организованных рабочих в тех городах, где существуют организации, доходит до 60%. В некоторых городах организованы все щетинщики, в других около 33% всех наличных рабочих-щетинщиков [2]).

„Союз щетинщиков“ объявил себя частью „Бунда“, оставаясь автономным в вопросах своей профессии. На центральный комитет союза щетинщиков возложено сношение с „Бун

---

[1]) „Вторая конференция проф. союзов“, Спб., 1906, с. 111 — 113, доклад из Вильны тт. Литвака и Соломонова.

[2]) Г. Я. „Бунд“ в журнале „Жизнь“, № 2 — 3.

дом", руководство профессиональным движением и распростра нение среди щетинщиков легальной и нелегальной литературы.

Состоявшийся в 1898 г. VII съезд решил издавать профес сиональный орган „Wecker". № 1 его вышел в декабре 1898 г. Всего вышло 12 №№; из них первые шесть печатались за гра ницей, а остальные в России. Это был первый профессиональ ный орган, положивший начало профессиональной печати в России. Он особенно был богат материалом, освещавшим жизнь на местах.

„Союз щетинщиков" вел, главным образом, экономическую борьбу. В деле успешности этой борьбы большое значение имели резолюции состоявшегося в конце 1899 г. VIII съезда. Он принял, между прочим, следующие решения: „1) Все города Литвы и Польши, где существует щетинное производство, делятся на несколько районов, с особым центром в каждом районе; 2) стачки в каждом районе должны организовываться так, чтобы район самостоятельно мог поддержать стачечников средствами, и потому 3) раньше, чем начать стачку в каком-нибудь районе, необходимо посоветоваться с комитетом этого района; 4) каждый район должен иметь центральную стачечную кассу. Все эти меры приняты для материального облегчения стачечной борьбы" [1]).

Разросшееся движение щетинщиков, выход нелегального „Wecker'a" привлекли внимание властей. Правительство обру шилось свирепыми репрессиями: щетинщики были отданы под надзор полиции, им было запрещено без ведома полиции отлучаться в другие города. Происходят массовые аресты и ссылки в Сибирь. Арестованных членов „союза щетинщи ков" С. Зубатов пытался сделать сторонниками легального рабочего движения: обещал легализовать их союз и отпустить 20.000 руб. Его старания не увенчались успехом, и план его потерпел полный крах.

В 1905 году, как только создались более или менее благо приятные условия, местные организации щетинщиков вышли из подполья и приняли активное участие в знаменательных

---

[1]) Ibid.

событиях этого замечательного года. По инициативе централь ного комитета „Бунда“, в сентябре 1906 года, был созван учре дительный съезд союза щетинщиков. Присутствовали деле гаты от 14 пунктов, всего 17 человек, представлявших 1.530 членов, и с совещательным голосом представители Цент. Ком. „Бунда“, Заграничного Комитета и 2 приглашенные на съезд.

Согласно принятому съездом уставу, союз щетинщиков являлся централизованным союзом, имевшим на местах свои отделения. Во главе местного отделения стояло местное пра вление (бюро), выбранное членами местного отделения; в засе даниях бюро участвовал с правом совещательного голоса пред ставитель местной организации „Бунда“. Во главе всего союза стояло Центральное бюро, не менее, чем из 3-х человек, в котором с правом решающего голоса участвовал предста витель „Бунда“. Высшей инстанцией является съезд союза, созываемый не реже одного раза в 6 месяцев [1]).

Далее съезд в своих резолюциях указал, что щетин щики должны бороться за: 1) 8-ми часовой рабочий день, 2) запрещение пользования трудом детей моложе 16 лет, 3) оплату целиком хозяевами медицинской помощи рабочим, 4) повышение заработной платы и 5) уничтожение попудной оплаты и введение оплаты „по годовую“.

Затем съезд решил усилить агитацию среди христианских рабочих — щетинщиков и щеточников; открыть своевременно большую кампанию по празднованию 1 мая; издавать ежеме сячный орган печати; признал, что в некоторых случаях можно входить в соглашения с беспартийными союзами щетинщи ков и щеточников, включить в союз щеточников и назвать союз „Центральный союз еврейских щетинщиков и щеточни ков“, и, наконец, выбрал центральное бюро союза.

Следует отметить решение съезда не легализоваться на основании закона 4 марта 1906 года. На съезде по этому поводу возникли большие дебаты. По сообщению „Фолксцай

---

[1]) С. Айнзафт. „Первый этап профессионального движения в Рос сии“, вып. I, стр. 222—223.

тунг“, противники легализации ссылались на то, что при сложившихся политических условиях закон 4 марта не может быть ими использован, что легализация может поставить в опасность дальнейшее существование союзов, так как полиция во многих местах закрыла профессиональные союзы, сослала членов бюро и совершенно разрушила профессиональные союзы, возникшие на легальной почве и работавшие в условиях легального существования. „Было бы большой оплошностью, — говорили некоторые противники, — поставить организацию, которая пустила глубокие корни в рабочую массу и проявила столь продуктивную деятельность, под контроль полиции, которая не считается ни с какими законами и по своему капризу может разрушать то, что создано со стольким трудом“ [1]).

„Решение оставаться нелегальным, — пишет историк профессионального движения С. Айнзафт: — объясняется целым рядом обстоятельств. Из приведенных цифр количества членов, представленных на съезде, можно видеть, что это были мелкие союзы, с небольшим сравнительно количеством членов в каждом (15—30 членов на 14 пунктов — свыше ста человек в среднем на союз). Таким мелким союзам существовать нелегально было гораздо легче, чем крупным союзам, с большим количеством членов. С другой стороны, произвол административной власти в захолустных местечках был гораздо сильнее, чем в крупных городах. Легализовать централизованный союз вообще было невозможно. Все эти обстоятельства создали на съезде настроение против легализации“ [2]).

После съезда в щетинном производстве имела место целая полоса оборонительных стачек и локаутов. Центральное бюро успешно руководило действиями рабочих. Подробно на этих локаутах мы остановимся в одной из следующих глав.

За щетинщиками, по значительности своей деятельности, следуют кожевенники.

Первые попытки по объединению евреев-кожевенников относятся к 1898 году. Уже задолго до этого времени коже

[1]) „Фолксцайтунг“, № 167, 1906 г.

[2]) С. Айнзафт. „Первый этап проф. движения в России“, вып. I, стр. 224.

венники вели экономическую борьбу. При содействии центрального комитета „Бунда“ ими был созван первый съезд, вернее совещание, никем не уполномоченных, передовых рабочих-кожевенников. Съезд избрал комитет, на который возложил создание местных организаций. Решение это, однако, не было осуществлено. Через 7 месяцев был созван 2-й съезд, на котором присутствовали представители почти всего северо-западного края. Съезд рассмотрел краткий организационный устав, вопросы об ученичестве, о поштучной плате и пр. Впоследствии организации кожевенников вели работу и среди христианских рабочих. По их инициативе возникли христианские организации кожевенников в Сморгони, Вильне, Крынках и т. д. 5-ый съезд союза кожевенников решил попытаться объединить польские, русские и еврейские союзы кожевенников. Вскоре им это удалось осуществить: в 1903 году был образован „Всеобщий социал-демократический федеративный союз кожевенников“. Был выпущен на русском, еврейском и польском языках специальный „манифест“, составленный д-ром П. Розенталем. Полицейские репрессии разрушили начавший складываться „федеративный союз кожевенников“, — арестами были „изъяты“ многие активные работники, и был захвачен весь литературный материал, предназначенный для № 1 „Борьбы“, который, согласно решению V съезда кожевенников, должен был выходить в качестве оффициального органа союза на русском, еврейском и польском языках.

Позже несколько раз делались попытки восстановить организации кожевенников, но неудачно. Лишь в 1906 году, по инициативе центрального комитета „Бунда“, была создана организационная комиссия, которой, наконец, удалось созвать в Гродно учредительный съезд „всеобщего союза кожевенников“. Съезд продолжался 5 дней. Присутствовало 26 делегатов с решающим голосом, представители от 17 профессиональных союзов 16 городов и местечек. Кроме 26 делегатов от профессиональных союзов, на съезде присутствовал представитель центрального комитета „Бунда“ и 1 приглашенный товарищ, читавший доклад о партийных и нейтральных сою-

зах [1]). В этих союзах насчитывалось от 4 до 4 с половиной тысяч организованных рабочих. В самом крупном — 1.000 членов, в самом мелком — 40. Отмеченные города и местечки относятся к северо-западному краю, части Польши и юга. Не представлены были центральные губернии и север. По объяснению, данному организационной комиссией, отсутствие сведений о состоянии дел в этих губерниях, невозможность быстро с ними связаться и необходимость спешить созывом съезда вынудили комиссию ограничиться на этот раз указанным крупным районом.

Центральным вопросом съезда послужил вопрос о нейтральности или партийности „союза кожевенников". 18 голосами против 5, при 3 воздержавшихся, принята резолюция о партийности, при чем за первую ее часть, высказывающуюся принципиально за необходимость устройства соц. дем. професс. союзов, голосовало 22 делегата и воздержалось 4. Таким образом, даже нейтралисты не решались голосовать против принципиальной части.

Вот резолюция, принятая съездом:

„Принимая во внимание: 1) что профессиональное движение, только стоя на почве классовой борьбы, является одной из важнейших форм социал демократического рабочего движения; 2) что задачи профессионального движения с точки зрения социал-демократии сводятся по существу к двум пунктам: а) к борьбе за непосредственное улучшение положения рабочих масс в пределах капиталистического строя и б) к развитию классового сознания пролетариата и подготовки его как к восприятию социалистического идеала, так и к борьбе за его осуществление; 3) что прочное осуществление обеих этих основных целей требует постоянного и правильного сочетания экономической борьбы с борьбой политической, а след. и тесной связи между профессиональными союзами и политической партией пролетариата — социал-демократией; 4) что связь эта лежит одинаково в интересах и профессиональных союзов, и политической партии, — в интересах первых потому, что профессиональное движение при отсутствии этой связи, предоставленное собственному, независимому развитию, может привести союзы к одной из двух вредных для интересов всего пролетариата форм: или к узко-цеховому профессионализму, или к одностороннему антиполитическому синдикализму; в интересах же самой социал-демократической партии потому, что в противном случае ей грозит опасность переоценки значения поли

---

[1]) „Наша Трибуна" № 12, ст. *И. Ю.* „Учредительный съезд всеобщего союза кожевенников".

тической, парламентской борьбы, опасность впасть в парламентский кретинизм.

Учредительный Съезд Всеобщ. Союза кожевенников высказывается принципиально за устройство социал-демократических професс. союзов, т. е. таких, в которых работа велась бы в социал-демократическом духе и под руководством соц.-дем. партии.

Констатируя далее на основании выслушанных отчетов от делегатов съезда громадное, безусловно преобладающее влияние социал-демократии среди кожевенников, Учредительный Съезд находит, что професс. союзы последних могут и должны быть социал-демократическими.

Но считаясь с некоторыми конкретными условиями, в которых приходится работать професс. союзам кожевенников, и с наличностью еще среди них отсталых элементов, Учред. Съезд постановляет:

В тех случаях, когда значительные слои кожевенников, вследствие недостаточного еще развития их классового самосознания и непонимания ими истинных целей професс. движения, относятся явно отрицательно к устройству социал-демократических союзов, допустимо учреждение союзов нейтральных. Но при этом социал-демократы, входящие в эти союзы, обязаны стремиться к тому, чтобы союзы эти возможно скорее превратились из нейтральных в социал-демократические.

Далее Учред. Съезд постановил: центральное бюро Всеобщего Союза Кожевенников должно вести свою работу под руководством социал-демократической партии и, с своей стороны, путем определенного представительства на партийных съездах оказывать свое влияние на дела партии“ [1]).

Съезд принял следующие постановления: 1) 1 мая праздновать всеобщей забастовкой, 2) издавать центральный орган — „Голос Кожевенника“, 3) легализоваться на основании закона 4 марта 1906 года, 4) принять „устав“ союза кожевенников и 5) послать приветственную телеграмму соц.-дем. фракции Государственной думы.

В дальнейшем деятельность избранного на учредительном съезде 1906 года центрального бюро союза кожевенников заключалась, главным образом, в руководстве экономической борьбой рабочих-кожевенников. Во время широко распространившихся в годы реакции локаутов оно успешно боролось с ними. Для координирования во время локаутов деятельности местных организаций центральное бюро созвало несколько конференций. Ц. бюро просуществовало до 1908 г., когда на конференции в Сморгони решено было, „в виду усиления

---

[1]) Ibid.

реакции и невозможности в этих условиях продолжать работу, распустить центральное бюро и передать Центральному Комитету „Бунда“ весь архив Ц. Б. и другие материалы и документы“ [1]).

* * *

Во время событий 1905—1907 годов „Бунду“ пришлось столкнуться с вопросом об его отношении к „советам рабочих депутатов“. Сначала в Петербурге, а потом и в провинции образовались подобные „самозванные“ рабочие учреждения. Бундовцы относились отрицательно к „советам“, полагая, что, будучи беспартийными и находясь под постоянным воздействием малосознательных элементов рабочего населения, они представляют некоторую опасность для роста влияния социал-демократии. Официальный орган „Бунда“—„Фолксцайтунг“—писал следующее о „советах“:

„... Нам кажется, что советы рабочих депутатов (являются) уже прошедшей фазой и для русского пролетариата. От октябрьских дней русская социал-демократия настолько усилилась, что не нуждается уже в том, чтобы повторилась старая история, старая попытка, которая в свое время принесла огромную пользу движению и которая теперь принесла бы больше вреда, чем пользы.

В западных районах, в Польше, в прибалтийском крае никогда не было советов рабочих депутатов. Насколько нам известно, только в одном городе, в Белостоке, попытались организовать совет, но это исходило от анархистов и соц. революционеров, и его деятельность имела печальную участь. Отсутствие здесь почвы для рабочих советов объясняется тем, что соц.-дем. организации сильны и тесно связаны с массами. Бунд, латышская соц.-дем. и П. С. Д. всегда были против рабочих советов.

Мы считаем, что и для русской соц.-дем. наступило время отказаться от такого бесполезного и опасного для политической организации средства, возложить эту задачу на ее пар

---

[1]) С. Айнзафт. „Первый этап профессионального движения в России“, стр. 234—236.

тийный аппарат и не идти по пути наименьшего сопротивления, по пути, который при теперешних условиях может оказаться очень сложным и запутанным“... [1]).

Совещание южных организаций „Бунда“ в ноябре 1905 году сформировало отрицательное свое отношение к „советам“ в следующей резолюции: „Исходя из того, что так называемые Советы Рабочих Депутатов стремятся и не могут отказаться от стремления взять в свои руки руководство всей политической и экономической борьбой рабочего класса, что Совет Рабочих Депутатов состоит из представителей, которые избираются различными слоями рабочих, не проникнутых еще классовым самосознанием, а потому Совет должен приспособлять свою программу и тактику к политическим симпатиям и стремлениям этих масс; что таким образом, не будучи сами соц.-дем. руководителями классовой борьбы пролетариата, Советы Рабочих Депутатов уменьшают влияние соц.-демокр. партии, как единственной представительницы пролетариата, в его борьбе за политическое и социальное освобождение; принимая далее во внимание, что нынешнее революционное время, как период, возбуждающий к политической жизни массы и разъясняющий им их положение, создает выгодные условия для усиления существующих соц.-дем. партий, что социал-демократия может принести много вреда для ее развития, если она откажется от своей руководящей роли в рабочем классе и будет помогать развитию не соц.-дем., хотя и пролетарских, организаций,—совещание считает, что пролетариат должен вести свою борьбу под руководством соц.-дем. и категорически высказывается против того, чтобы социал-демократические партии основывали беспартийные рабочие Советы.

Но в тех местах, как, например, в некоторых городах нашего южного района, где создаются или уже созданы такие Советы без ведома нашей организации, под влиянием различных причин, и где наши организации не в состоянии помешать их основанию или бороться с их влиянием на массы, совеща

---

[1]) Ст. „Совет рабочих депутатов“ (передовая), „Фолксцайтунг“, № 98, 1906 г.

ние считает необходимым вести широкую агитацию за то, чтобы Советы были превращены в партийные соц.-дем. учреждения или за полное их уничтожение. Притом, если будет необходимо в целях этой агитации, — разрешить нашим членам временно принимать участие в Советах Рабочих Депутатов“ [1]).

Бундовцы принимали деятельное участие в „советах рабочих депутатов“ в Петербурге, Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Смоленске и некоторых других местах.

* * *

При выборах в I Государственную Думу меньшевики предлагали, на ряду с выборами в это легальное учреждение, производить выборы в нелегальное, в „Народную Думу“. Это беспартийное учреждение, представляющее все оппозиционное население, должно было, по их мысли, „влиять“, „подталкивать“ Государственную Думу и, в конце-концов, созвать Учредительное Собрание. В противоположность меньшевикам, большевики предлагали бойкотировать Государственную Думу и готовиться к вооруженному восстанию. „Бунд“ был как против меньшевиков, так и большевиков. Проект меньшевиков о „революционном самоуправлении“ „Последние Известия“ называли „кошмаром“. Ошибку меньшевиков бундовцы усматривали в том, что они забыли, что при осуществлении своего проекта им придется иметь дело не с интеллигентскими кружками, а с народными массами. „Народные массы можно привести в движение только во имя реального дела, в интересующем нас случае — лишь тогда, когда предстоят действительные выборы, могущие заинтересовать своими осязательными, непосредственными результатами; ради потешных, примерных выборов, ради игры в выборы, для посылки депутатов неведомо куда и зачем, в несуществующее, никем не созываемое Учредительное Собрание — вы не поднимете народных масс“ [2]).

---

[1]) Рафес, с. 172 — 173.

[2]) Ст. „Дума контр-революции“, „Посл. Изв.“ № 247.

Рабочему будет непонятно, как можно участвовать в выборах того учреждения, которое следует уничтожить, которое заранее обречено на гибель, которое должно скорее „пойти на слом и быть заменено совсем другим учреждением — всенародным Учредительным Собранием“.

„Массовому рабочему, не искушенному в умственных спекуляциях, эта философия психологически совершенно недоступна. В сознании рабочих масс давление на привилегированных избирателей, сообщение им своих мнений и требований и прочие манипуляции, в которых должно выразиться косвенное участие в выборах, преломятся совершенно иначе, чем в сознании интеллигенции; в голове массового рабочего это участие будет связываться с определенными осязательными результатами, которых он может ожидать и требовать от Думы; оно вселит в него надежду, что Дума начнет улучшать его экономическое и политическое положение, что она проведет реформу системы выборов и пр. Для рабочих участие в выборах будет означать примирение с Думой, ослабление интереса к идее Учредительного Собрания и революционного переворота, понижение их революционности“ [1]).

Далее „Бунд“ отвергает и большевистские призывы к вооруженному восстанию, не веря в его возможность.

„Поднять агитацию против Думы во имя „вооруженного восстания“ вообще нельзя, так как восстание, будучи только средством совершения политического переворота, не может в данном случае служить агитационным лозунгом. Ответить на Думу можно и должно расширением и углублением политической агитации за Учредительное Собрание на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голоса. Эту идею мы должны внести в сознание самых широких народных масс (в этом отношении сделано далеко не все, что можно сделать), дискредитировать в их глазах идею Государственной Думы и подвинуть их на широкие протесты против этой новой контрреволюционной попытки самодержавия.

[1]) „Бойкотировать или не бойкотировать Государственную Думу“, „Посл. Известия“ № 249.

„Акт 6 авг.“, несмотря на свой явно-полицейский характер, может только повести к расширению поля нашей политической агитации: выборы в Думу, если им суждено будет состояться, разбудят от спячки самые отсталые слои населения и бросят их в водоворот политической жизни. Сама Дума, если она действительно соберется, явится независимо от ее состава и характера деятельности, тем политическим центром, который будет давать новые толчки политическому сознанию населения. Думе придется работать в атмосфере высокого политического напряжения, и перед ней будут только два пути: или очень скоро сойти совершенно со сцены, или вступить на путь революции, т. е. изменить свой антинародный и антидемократический характер. И то и другое будет означать крушение идеи Думы и оправдание нашего лозунга: долой Государственную Думу, эту политическую форму коалиции самодержавия и имущих классов против народных масс!“

„... Активный бойкот — прямой и косвенный, прямой для тех, кто имеет право участвовать в выборах, косвенный для тех, кто этого права лишен, — вот наш ответ на Думу. Всеми средствами, которые окажутся целесообразными при данных условиях, мы должны помешать реализации закона о Государственной Думе“ [1]).

Первую государственную думу „Бунд“ бойкотировал, но во второй и третьей участвовал, при чем развил огромную агитационную деятельность. Стараясь по возможности вести самостоятельную избирательную кампанию, „Бунд“ вступал в блоки лишь в редких случаях. Везде борясь против кандидатур буржуазных еврейских партий, „Бунд“ проделал огромную работу по развитию классового самосознания еврейского пролетариата. Ему удалось втянуть в выборы самые отсталые слои. Однако, вследствие полицейских репрессий, „Бунду“ ни во II, ни в III государственные думы не удалось провести ни одного депутата.

---

[1]) „Дума контр-революции“, „Посл. Изв.“ № 247.

Глава XIII

Сионизм.—Ховеве-Цион.—Политический сионизм д-ра Т. Герцля.— Выделение из сионистского движения социалистических элемен тов. — „Хейрус“. — Кружки „Поалей-Цион“. — Сионистско-социа листическая рабочая партия. — Еврейская социал-демократиче ская рабочая партия „Поалей-Цион“. — Еврейская Социалистиче ская Рабочая Партия („Серп“). — Их теория и практика. — Участие их в событиях 1905 — 07 г.г.—в профессиональном дви жении, советах рабочих депутатов, при выборах в I, II и III гос. думы. — Еврейские буржуазные организации и партии: „Союз для достижения полноправия евреев в России“, „Еврейская на родная группа“, „Фолкспартей“, „Российская сионистская орга низация“. — Их программа и участие в событиях 1905 — 07 г.г.

В начале 80-х годов в России, под влиянием еврейских по громов, реакционной политики Александра III и антисемитизма русского общества, среди евреев распространилось так назы ваемое палестинофильское течение, „Ховеве Цион“, стреми вшееся к основанию в Палестине еврейских земледельческих колоний и подъему национального самосознания евреев по средством изучения еврейской истории и литературы и пре вращения древне-еврейского в живой разговорный язык.

В 1884 г. в Каттовице состоялся съезд представителей кружков „Ховеве Цион“, на коем было положено основание обществу „Друзей Сиона“, имени М. Монтефиоре, с временным комитетом в Одессе. Съезд имел большое значение в деле объединения разрозненных кружков.

В дальнейшем движение это мало распространялось. Оно име ло небольшое влияние и не пошло дальше образования немногих кружков, оказывавших материальное содействие поселившимся в Палестине колонистам.

Новую эпоху в сионистском движении открыл своим высту плением д-р Т. Герцль. В середине 90-х годов венский жур налист д-р Т. Герцль выпустил на немецком языке книгу

„Еврейское Государство", в которой призывал рассеянный по всему миру еврейский народ к политическому и национальному возрождению и организации еврейского государства в Палестине. В своей книге д-р Герцль указывает, что основание еврейского государства есть не только насущная потребность евреев, но и всего цивилизованного мира. Путь к образованию самостоятельного еврейского государства на его „исторической земле" Герцль видел в мировом объединении еврейства и достижении в результате международного соглашения уступки со стороны Турции территории в Палестине для образования еврейского государства.

Выступление д-ра Т. Герцля имело огромный успех. Ему удалось привлечь к своему выступлению внимание мирового еврейства.

В 1897 г. д-р Т. Герцль организовал в Базеле первый конгресс сионистов, который принял следующую программу: „Сионизм стремится создать для еврейского народа правоохраненное убежище в Палестине. Для достижения этой цели конгресс имеет в виду следующие средства: 1) целесообразное способствование заселению Палестины еврейскими земледельцами и ремесленниками; 2) организацию всего еврейского народа посредством подходящих местных и общих союзов, сообразно законам различных стран; 3) усиление еврейского национального чувства и самосознания; 4) подготовительные шаги к получению согласия держав на приведение в исполнение целей сионизма".

После первого конгресса сионистское движение в России стало быстро усиливаться. В частности, этому содействовали погромы в Гомеле и Кишиневе.

В своей прессе и на собраниях „Бунд" вел с сионизмом усиленную борьбу. Бундовцы доказывали, что движение это мелко буржуазное и реакционное, что, проповедуя аполитизм, общность интересов разных классов в еврействе, сионизм, отвлекая еврейских рабочих от активного участия в борьбе с абсолютизмом и насаждая химерический идеал — образование еврейского государства в Палестине, — крайне вреден.

Впоследствии, под влиянием роста революционного настроения в стране и агитации „Бунда", из сионистского движения стали выделяться демократические и пролетарские и социалистические элементы. Так, образовались: „Сионистское братство", „Молодой Израиль", „Хейрус", „Поалей Цион", „с. с.", „Возрождение" и др.

В 1905 г. на VII сионитском конгрессе, по поводу предложения английского правительства заселить евреями Уганду (Вост. Африка) произошел раскол между сионистами. „Палестинцы" противились этому проекту, считая возможным содействие лишь поселению евреев в Палестине, территориалисты же отстаивали этот проект, высказываясь за поселение евреев на какой угодно автономной территории. К территориалистам примкнули почти все социалистические элементы сионизма.

Приблизительно с 1900 года стали образовываться кружки еврейских рабочих-сионистов, „Поалей-Цион". Они не имели определенной программы и вели обособленную друг от друга жизнь. В теоретическом отношении среди них наблюдался полный разброд. Об идейной путанице, господствовавшей в рядах „Поалей Цион", в одном официальном документе мы читаем следующее: „каждая местная организация вела свою обособленную жизнь, наполняла свою работу своим особым содержанием, руководствовалась своей собственной программой, собственной тактикой: одна группа, например, признавала необходимость только экономической борьбы, другая признавала необходимость и борьбы политической, но даже те организации, которые отстаивали необходимость политической борьбы, различно определяли ценность и значение политической свободы в диаспоре для нашей конечной цели и, в зависимости от этого, различно формулировали содержание и форму этой борьбы. Кружки „Поалей-Цион" являли собой картину полной анархии и в отношении теории, и в отношении организационной жизни" [1]).

Первая организация Сионистов-Социалистов „Поалей-Цион" была основана, благодаря агитации Бера Борухова и Ш. До

[1]) „Декларация „Сион.-соц. раб. партии", ст. 3.

бина („Шимойни“), в Екатеринославе зимой 1900—1901 г.г.; в нее сразу вошли свыше 100 рабочих, приказчиков и экстернов. В следующем году возникли подобные же организации в Одессе, Варшаве, Двинске, Вильне, Витебске и некоторых других городах [1]).

Они не были между собою объединены, программа и деятельность их была разрознена. Позже образовались районные центры. На юге такими центрами были Екатеринослав, а впоследствии Одесса; на юго-западе — Киев, на Литве — Минск, Двинск, Вильна и Витебск; в Польше — Варшава, а впоследствии — Лодзь [2]).

В Минский поалей-ционистский центр входили: И. Бергер, А. Рубинчик, А. Лапидус, А. Грингауз, Г. Гольдберг и Хая Кан. Паолей-ционистский центр издал два номера литографированного журнала, имел связь с Бобруйском, Гродно, Белостоком, Борисовом и Вильной [3]).

Районные центры устроили несколько совещаний. Важное значение имели совещания в Вильне в 1903 г. и так называемая конференция „Возрождение“. В Виленском совещании участвовали: от Вильны — А. Кунин, Б. Тонтак, Марк Аранович, Хаим Меркин, Мендель Кантор и Гутман; от Минска — Рубинчик, Бергер, Лапидус; от Двинска — Алтер Иофе, Залмом Абрамсон; от Варшавы — Яков Лещинский и Зусман; от Бобруйска — Давидсон; от Гомеля — Алтер Махнович; от Могилева — Славин и Юда Пинес; от Креславки — С. Гольдберг; от Ковно — Лея Зак; от Гродны — Ноах Бас; от Лиды — Фаня Гинзбург; от Екатеринослава и Витебска делегатов не было [4]).

На совещании развернулась большая борьба по вопросу об отношении к социализму и политической борьбе в диаспоре.

---

[1]) „Из истории партии“, изд. ЦК Евр. Комм. Партии „Поалей-Цион“, Москва, 1923.

[2]) Сборник „Серп“, т. II, „Материалы к истории еврейского рабочего движения“.

[3]) Сборник „Ройтер Пинкос“, Варш. изд. (на еврейском яз.), статья А. Гутмана.

[4]) По воспоминаниям З. Абрамсона, от Витебска был Баскин.

Обозначались три направления: „минское“ (правое), „двинское“ (центр) и левое. „Минское“, руководимое И. Бергером, было против включения в программу социализма и политической борьбы. К нему примкнули делегаты Минска (не все), Вильны (меньшая часть), Могилева, Бобруйска, Гродно и Ляды. „Двинское“ направление (делегаты Двинска, некоторые от Вильны, Ковны, Креславки и Гомеля) признавало наличие классовой борьбы у евреев и было за включение в программу социализма. По вопросу об участии в политической борьбе в России оно занимало колеблющуюся позицию. Сильно симпатизируя русскому революционному движению, оно считало, что польза, которую принесет русская революция еврейскому пролетариату, не столь велика, чтобы стоило *целиком* отдаться политической борьбе, чтобы поставить ее своей основной и ближайшей задачей. Размер революционной активности еврейского пролетариата должен в каждом отдельном случае зависеть от пользы, которую тот или иной революционный акт может принести еврейскому пролетариату. Третье направление отстаивало признание социализма основной задачей и активное участие в освободительном движении. На совещании избрали центр из большинства „минского“ направления, который должен был находиться в Минске [1]).

В период 1903—05 гг. поалей-ционистские кружки распространились почти по всей „черте еврейской оседлости“.

В период 1905—07 гг. из разрозненных поалей-ционистских кружков образовались три еврейские социалистические партии: „Сионистско-Социалистическая Рабочая Партия“ („с. с.“) „Еврейская Социал-Демократическая Рабочая Партия „Поалей Цион“ („п. ц.“) и „Еврейская Социалистическая Рабочая Партия“ („сеймовцы“ или „е. с.“).

* * *

В январе 1905 г. в Одессе собралась конференция нескольких групп „Поалей-Цион“. На одном из первых же заседаний конференция провалилась. Все участники ее были арестованы

---

[1]) Цит. ст. А. Гутмана.

Будучи вскоре освобождены, они созвали другую конференцию, на которой было положено основание „Сионистско-социалистической рабочей партии“.

В чем заключалась теория и практика этой партии? По мнению „сионистов-социалистов“ еврейский пролетариат, живя в ненормальных условиях, численно не растет, еврейское население не пролетаризуется [1]), т. е. неспособно стать пролетариями и заполняет ряды пауперов и люмпен-пролетариата. Евреи вытесняются из крупной промышленности, экономическое развитие выбрасывает их из данной страны и создает громадную эмиграцию. Однако, еврейский пролетариат, эмигрируя в Америку или в Англию, не может там попасть в крупное производство и заполняет ряды почти исключительно мелких торговцев. Единственно правильное решение „еврейского вопроса“ они видели в образовании, при благоприятных условиях, еврейского государства в Палестине или временно на любой территории, где евреи, составляя большинство, будут жить компактной массой и создадут национальное хозяйство и условия, обеспечивающие нормальное развитие еврейского пролетариата.

В „декларации“, извещавшей об образовании новой партии, „с. с.“ следующим образом излагают свою теорию:

„При господствующих в капиталистических странах социально экономических условиях еврейская народная группа, как народ без национального хозяйства, должна постоянно испытывать острый социально-экономический и национально-политический гнет, который проявляется в возрастающем пауперизме и культурном бесплодии широких еврейских масс. Эмиграция, вызываемая этим положением и направляющаяся в капиталистически развитые страны, где положение еврейских масс не может радикально измениться, должна, разростаясь, наталкиваться на своем пути на разные ограничения и непреодолимые препят

---

[1]) Позже „не пролетаризацию“ они заменили „не индустриализацией“. Автором теории „не пролетаризации“ был д-р Х. Д. Гурович. Подробное обоснование ее пытался дать Я. Лещинский в своей книге „Дер идишер арбайтер“. Впоследствии оба эти лица признали эту теорию ошибочной и отказались от нее.

ствия. Чтоб создать необходимые условия для свободной социально-экономической и национально-политической жизни, еврейские массы должны приобрести территорию, на которой они могли бы концентрироваться и вести свою жизнь на национально-автономных началах“ [1]).

„... Еврейский рабочий вопрос не разрешается общим рабочим вопросом тех стран, где евреи живут; он может быть разрешен лишь тогда, когда еврейский народ образует самостоятельное общество на собственной территории“ [2]).

Сионисты-социалисты имели организации в следующих городах и местечках: Лодзь, Вильна, Варшава, Ковна, Могилев, Петроков, Мозырь, Шавли, Витебск, Люблин, Кобрин (Гродн. губ.), Пинск, Вилковишки (Сув. губ.), Минск, Кременчуг, Борисов, Харьков, Горки, Городищ (Киевской губ.), Ченстохов, Копысь, Лубны (Полт. губ.), Новорадомск, Черкассы, Двинск, Ровно, Ломжа, Сморгонь, Лович, Житомир, Баку, Жагоры, Воложин, Антополь, Харол, Купишки, Чернигов, Заславль, Полонье, Речица, Дубно, Владимир-Волынск, Ковель, Славуты, Шепетовка, Люцин, Корец, Плоцк, Холм, Любатов, Замочь, Рарцов, Смела, Свенцяны, Шклов, Кайданово, Слуцк, Мстиславль, Балта, Бердичев, Ветка, Слоним, Киев, Орел, Поневеж, Кракишово, Лезриг (Седл. губ.), Велиж, Бендин, Малякт, Молин, Златополь, Николаев, Слоним, Быхов, Фридрихштадт, Дрогичин, Верхнеднепровск, Оникшт, Новодвор, Рославль, Косово, Сосновицы, Левертов, Зомбров, Мина, Самара, Бобруйск, Митава, Златополь, Бутек, Владимир-Волынск, Люблин, Лепель, Переяслав, Сумячи, Гомель, Хелм, Туккум, Мариамполь, Клеван, Кишинев, Кужаны, Дисна, Екатеринослав, Ляховичи, Режица, Митава, Сувалки, Юрбург, Средник, Почеп, Ромны, Томашев, Новозыбков, Елисаветград, Борисов, Жалудок, Орлово, Камен, Винница и др. [3]).

За границей „с. с.“ имели группы в Париже, Лейпциге, Галиции: Пшемышле, Горлице, Кракове и др. Берлине, Лондоне, Манчестере, Канаде и др.

---

[1]) „Декларация“ etc., цит. по книжке „Мелкобуржуазный социализм на еврейской почве“, стр. 4, изд. „Трибуна“.

[2]) Ibid.

[3]) Корреспонденции с мест в „Der najer Weg“ и „Dos Wort“.

Во многих местах „с. с.“ активно участвовали в профессиональном движении. В отличие от „Бунда“, „с. с.“ отстаивали беспартийность профессиональных союзов. Из корреспонденций, посылавшихся в партийную „с. с.“ прессу, видно, что в следующих пунктах „с. с.“ частью основали, частью же пользовались большим влиянием в профессиональных союзах: Мозырь (приказчики, горничные и др.), Пинск (приказчиков свыше 150 членов), Могилев (швеи, конторщики, приказчики), Петроков (печатники, портные, приказчики, рабочие мясных лавок, конторщики), Черкассы (сапожники), Сморгонь (портные, приказчики, валькеры и др.), Чернигов (приказчики, заготовщики), Варшава (перчаточники, цветочницы и т. д.), Житомир, Ковно (рабочие на мельницах, часовщики, приказчики и др.), Лодзь (модистки, носильщики, приказчики, портнихи), Новозыбков (портные), Бендин (приказчики, маляры, извозчики), Херсон (тандетники), Малянт (чулочницы), Николаев (шапочники, часовщики, картонажники, маляры, слесари), Лида, Верхнеднепровск, Прилуки (приказчики), Новорадомск (чулочницы), Ковна (приказчики, рабочие мельниц, конторщики и др.), Ковель (приказчики, сапожники), Винница (рабочие махор. фабр.), Сосновицы (рабочие мясн. лавок, печатники, переплетчики, изготовляющие чернила, приказч., портные, шапочники, сапожники и ткачи), Левертов, Мина (портнихи), Златополь (приказчики), Минск (приказчики, портные и др.), Люблин и др. [1]).

Отношения между бундовцами и сионистами-социалистами были крайне враждебные. Приведем некоторые факты. Так, например, бундовцы в Пинске рвали листки „с. с.“ к 1 мая, в Ченстохове был убит бундовцем „с. с.“ Буссель, в Томашеве бундовцы стреляли в окна квартиры, где происходило собрание „с. с.“, в Шавлях у одного портного бундовцы рабочие потребовали удаления „с. с.“ рабочего, и хозяин был вынужден это требование исполнить. На „бирже“ между „с. с.“ и бундовцами часто бывали столкновения и драки.

„С. с.“ принимали большое участие во время событий 1905 г. Для борьбы с погромами они самостоятельно, или совместно с

---

1) Ibid.

федеративными комитетами различных социалистических партий, организовали самооборону. Влияние „с. с.“ в ряде городов было значительно. Так, например, в Ровно (Вол. г.) во время все общей забастовки они играли доминирующую роль; в Кобрине (Гродн. губ.) в октябре, ноябре и декабре „диктатура была в руках нашей организации“, говорится в корреспонденции из этого города: — „Масса митингов и демонстраций. Во время второй железнодорожной стачки мы вошли в официальные сно шения с железнодорожниками и выпустили листовку к насе лению, в коей разъяснили причины забастовки и запрещали торговцам поднимать цены на продукты. Из железнодорож ного двора не выдавались никакие товары (грузы) без разре шения нашей организации; тогда говорили в городе, что вся власть у „с. с.“, что надо обращаться только к организации, и все к нам обращались“.

Местами „с. с.“ прибегали к террору: так, в Ченстохове их членами были убиты некоторые шпионы, жандармы и поли цейские.

В отличие от „Бунда“, „сионисты-социалисты“ относились к „советам рабочих депутатов“ положительно. Высказываясь за образование „советов“ в тех местах, где соц.-дем. слаба, „с. с.“ считали их лишними в „черте оседлости“, где их вполне могут заменить федерации или коалиции социалистических партий. „...В момент наивысшего напряжения, когда революционный воздух сгущается, когда решительные всеобщие выступления неизбежны, тогда должна быть создана широкая организация, которая может обнять передовые части революционной армии — пролетариат. Такой организацией, могущей руководить высту плениями широких народных масс,.. может быть только беспар тийная организация, совет рабочих депутатов. Подобно октябрь ской политической забастовке, и совет рабочих депутатов про дукт творчества *не отдельной партии, но всего рабочего класса*. В этом — причина его авторитета. Восстающий класс будущего создает в полицейской России в образе совета рабо чих депутатов парламент, в котором выражает свою волю. На развалинах старой самодержавной власти вырастает новая власть, которая опирается на санкцию всего общества“. Указы

вая далее, что Петербургский совет являлся правительством обновленной России, что это — боевой орган, покоющийся на взаимном доверии рабочего класса, крестьянства и армии, тов. Фейгензон приходит к выводу, что при определенной политической конъюнктуре совет рабочих депутатов возникает неизбежно, стихийно и крайне желателен. Во время открытого политического движения, когда ни одна политическая партия не может объединить под своими знаменами обширные массы, лишь „совет" может явиться регулятором движения. Переходя к вопросу о „советах" в „черте оседлости", тов. Фейгензон пишет: „Еврейские революционные социалистические организации имеют под своими знаменами почти весь еврейский пролетариат и имеют доверие широких слоев еврейского населения. В еврейскую рабочую среду „советы рабочих депутатов" не вносят ничего нового по сравнению с коалицией или федерацией комитетов революционно-социалистических организаций"... „...Там, где влияние еврейских организаций не выходит за национальные границы, где рабочие массы и окружающее население на достигли той ступени культурного и политического развития, когда они были бы морально способны стать под руководство федеративного коалиционного комитета,— там мы выставляем лозунг „советов рабочих депутатов"... „...Итак, в районе русского рабочего движения, т. е. в западных городах и во многих городах Литвы, мы должны помогать создавать советы рабочих депутатов. В Польше, где революционные социалистические организации, составляя коалицию, в силах охватить все движение, мы считаем советы рабочих депутатов излишними" [1]).

Во многих городах „с. с." выпустили в 1905—1907 г.г. большое количество различных листовок. Ц. К. выпустил свои листовки к 9 января и 1 мая 1906 г., получившие широкое распространение. 15 мая 1906 г. в целом ряде мест была отпразднована первая годовщина существования партии.

В Ковенской губ. (3 пунктах) „с. с." с успехом вели работу среди солдат.

---

[1]) „Der najer Weg", № 16, ст. А. Фейгензона „О советах рабочих депутатов".

В 1905—07 г.г. созваны были несколько районных и областных конференций.

Первую государственную думу „с. с.“, как и другие социалистические партии, бойкотировали. При выборах во вторую госуд. думу, несмотря на развитую ими большую предвыборную агитацию, они не провели ни одного депутата.

* * *

В феврале 1906 года в Полтаве состоялся съезд поалей-ционистских кружков, положивший основание „Еврейской Соц.-Дем. Рабочей партии „Поалей-Цион“. На съезде присутствовало свыше 20 человек: Борухов, Борухсон (Хашин), Матес, Бен-Цви, Вл. Лурье, „Гольда“, „Павел“ (Киев), „Натан“ (студент из Харькова), „Гершон“ (сапожник), „Нисен“, Борух Чижик (рабочий, из Сорок), Л. Хаит (Вильна), Мойше Бессарабер (студент из Одессы), „Шимойн“, „Фейгеле“, Пинхос и Шлойме Шульман (Лодзь), Феликс Менчиковский („Вл. Адим“), „Адольф“ (А. Аронов), Кивин (С. Капелюш), Я. Яновский (Белосток) и „Зерубавель“.

Съезд выработал основы программы новой партии, избрал центральный комитет (он должен был находиться в Вильно) и решил издавать центральный орган партии на русском и еврейском языках [1]).

Вскоре Ц. К. выпустил листок об учреждении партии и первомайскую прокламацию, распространенную в несколько тысяч экземпляров.

Далее, в период 1905—7 г.г., поалей-ционисты издавали следующие органы: на русском языке—„Еврейская Рабочая Хроника“ в Полтаве и „Молот“ в Симферополе, на еврейском—„Пролетаришер Геданк“ и „Форвертс“.

В событиях 1905 года „п.-ц.“ во многих местах принимали деятельное участие: в самообороне, организованной во время

---

[1]) Сборник „Ройтер Пинкос“ (на евр. яз.), варшавское изд., ст. „Зерубавля“.

еврейских погромов, было их около 8.000 человек (убито около 100), они входили в коалиционные комитеты в разных горо дах во время декабрьской забастовки на ряду с соц.-дем. и соц.-рев., первую государственную думу „п.-ц.“ бойкотировали, но во время выборов во вторую развили большую избиратель ную агитацию и провели своих выборщиков в некоторых городах Полтавской губернии, Лодзи, Нижнем-Новгороде, а также в Полтаве, Симферополе и Харькове. Под влия нием поалей-ционистов находились в целом ряде городов, в частности в Польше, профессиональные союзы, по преимуществу ремесленных рабочих и торговых служащих. „Поалей ционисты“, как и „с.-с.“, отстаивали непартийность, „нейтраль ность“ профессиональных союзов. Во время выборов во вто рую госуд. думу „п.-ц.“ отрицали соглашения с буржуазными партиями.

В первые годы своего существования „п.-ц.“ продолжали участвовать на сионистских конгрессах. И лишь на конферен ции 1909 г. „п.-ц.“ постановили не участвовать на конгрессах.

Ко времени выборов во вторую гос. думу „п.-ц.“ имели свои организации в следующих городах: Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Кельцах, Бендзине, Влоцлавле, Кутно, Плонске, Вильне, Брест-Литовске, Гродне, Киеве, Миргороде, Полтаве, Симферополе, Чернигове, Харькове и др.

По официальному отчету, „п.-ц.“ в середине 1906 года имели 16.000 членов.

* * *

„Еврейская социалистическая рабочая партия“, („Серп“) вела свое происхождение от конференции „Возрождение“.

Осенью 1903 года в Киеве состоялось совещание предста вителей различных направлений в поалей-ционистских кружках; среди них были: сионисты-социалисты, соц.-революционеры, социал-демократы и др. Присутствовали: 1) З. Абрамсон, 2) Ш. Добин, 3) Ш. Вайнцвайг, 4) М. Зильберфарб, 5) А. Иоффе, 6) В. Вольф, 7) Л. Мандельберг, 8) В. Фабрикант,

9) Б. Фридлянд, 10) М. Ратнер, 11) А. Розин, 12) Н. Штиф, 13) „Залман“ (рабочий из Двинска [1]).

Конференция определила отрицательное отношение к сионизму и „Бунду“.

Констатировав большой рост национально-социалистических настроений среди еврейского населения, она все же признала преждевременным образование новой еврейской национально-социалистической партии. Конференция определила лишь следующие основные принципы будущей партии: 1) социализм, как конечная цель; 2) революционная борьба против самодержавного и бюрократического режима и 3) территориализм, т. е. стремление к приобретению собственной территории для еврейского народа, как радикальное и полное решение еврейского вопроса [2]).

Далее конференция решила издавать орган на русском языке „Возрождение“ [3]) и на еврейском „Dos naje Leben“ и основать издательство литературы национально-социалистического направления.

За границей, в целом ряде университетских центров, имелись группы содействия „Возрождению“, например, в Мюнхене, Берне, Дармштадте и Гейдельберге.

В апреле 1905 года, на конференции „Возрождения“ некоторых поалей-ционистских кружков и активных работников сионистов-социалистив, был образован организационный комитет по созыву учредительного съезда „Еврейской социалистической рабочей партии“ („е. с.“). Самый же съезд состоялся в Киеве в апреле 1906 года.

„Е. С.“ („сеймовцы“), в отличие от поалей-ционистов и „с. с.“, считали себя марксистами. По своей идеологии они были близки к соц.-революционерам, с которыми позже

---

1) „Roiter Pinkos“, варш. изд., цит. ст.

2) Отчет о конференции „Возрождения“. Лондон. 1904 г.

3) Вышло всего 4 №№ „Возрождения“. В редакцию входили Ратнер, Бен-Адер и Фабрикант. Позже редакция „Возрождения“ была перенесена за границу и в редакционную коллегию вместо Ратнера вошел Базин.

и объединились на федеративных началах [1]). Считая конечным и идеальным решением еврейского вопроса — образование еврейского государства на свободной территории, „е. с.“ рассматривают это, как дело далекого будущего; по пути к этому еврейская жизнь может эволюционизировать, проходя через целый ряд промежуточных стадий. Одной из таких стадий является достижение для еврейского народа национально-политической автономии, которая должна включить в себе не только вопросы культуры, но и общественного призрения, народного здравия, взаимной и трудовой помощи, распространения сельско-хозяйственных знаний, статистики, и, наконец, руководство эмиграцией и переселенческим делом [2]). Крайне характерно для „е. с.“ требование созыва экстерриториальных национальных парламентов („сеймов“, отсюда и название членов этой партии — „сеймистов“, „сеймовцев“). По мнению партии, это правовое решение национального вопроса вытекает из основных тенденций исторического развития государства с разноплеменным составом населения.

В революционном движении 1905 года „Евр. Соц. Раб. Партия“ принимала большое участие. На учредительном съезде в 1906 г. присутствовали делегаты от 12.500 — 13.000 организованных членов: 5.000 из Литвы, 5.000 с юга и 2.500—3.000 с юго-запада. Главный район деятельности „е. с.“ — юг и юго-запад, слабее на Литве, где издавна работал „Бунд“. По инициативе и под руководством организации „е. с.“ состоялись стачки более чем в 20 городах, с участием в них на Литве

[1]) Делегат „е. с.“ участвовал, с совещательным голосом, на внеочередном съезде партии социалистов-революционеров. Между прочим, на съезде он внес предложение о созыве съезда всех национально-социалистических партий, которые близки между собою в понимании национального вопроса. Предметом съезда должно послужить обсуждение вопросов о национально-политической и областной автономии, выработка программы по этим вопросам и создание соответствующего объединения. Съезд п. соц.-рев. принял предложение „е. с.“. Представители с.-р. и е. с. действительно созвали подобный съезд. О нем ниже.

[2]) „Протоколы конференции Росс. нац.-соц. партии“, Спб., 1908 г., доклады делегатов „е. с.“ — М. Ратнера и Самойлова.

не менее 10.000 рабочих и на юге и юго-западе 50.000; 90% стачек окончилось победой. Далее, „е. с.“ образовали в целом ряде городов отряды самообороны, в общем свыше 8.000 чел. (из них „е. с.“ — 3.000), входили в коалиционные комитеты различных социалистических партий: в Харькове, Павлограде, Мариамполе, Могилеве-Подольске, Витебске, Черкассах, Велиже, Вилькомире и др., создавшиеся, главным образом, для борьбы с погромами, участвовали в Смоленске в совете рабочих депутатов; в Екатеринославе, недопущенные под давлением „Бунда“ в коалиционный комитет, „е. с.“ организовали „Еврейский Совет Рабочих Депутатов“, в коем было представлено несколько тысяч еврейских рабочих. Участвуя в профессиональном движении, „е. с.“ отстаивали „интерпартийность“ профессиональных союзов, выступая как против партийности, так и нейтральности. Под влиянием „е. с.“ находилось 75 профессиональных союзов, при чем 25—30 из них было под исключительным руководством „е. с.“. В университетах Москвы и Харькова имелись студенческие группы „е. с.“. Выборы в первую государственную думу „е. с.“ бойкотировали, при выборах во вторую гос. думу они выставили в нескольких местах своих кандидатов [1]), которые были частью „разъяснены“ администрацией, частью же, наравне с другими профессиональными партиями, забаллотированы. При выборах там, где были шансы провести собственными силами своего кандидата, „е. с.“ выступили самостоятельно, но там, где нельзя было этого сделать, они отдавали предпочтение с.-р. перед с.-д., „Бунду“ — перед „с. с.“. С буржуазными партиями вступали в блоки лишь в случае черносотенной опасности. О численности „е. с.“ мы выше указали, что на учредительном съезде присутствовали делегаты от 12.500 -- 13.000 членов, позже, в период наивысшего своего роста, партия насчитывала 15.600 человек.

По инициативе „е. с.“, весною 1907 г. состоялась конференция „Росс. Нац. Социал. партии“, с участием делегатов от: п. соц. революционеров, польской социалистической партии,

[1]) В Могилевской, Витебской (д-ра Житловского), Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской.

армянской партии „Дашнакцутюн", грузинской партии социа листов-федералистов, белорусской „Громада" и латышского социалистического союза. Конференция избрала постоянный секретариат, которому было поручено созвать съезд нацио нально-социалистических партий, но из этого ничего не вышло: секретариат вскоре распался, и проектировавшийся съезд не был созван.

* * *

В период первой русской революции в открытом полити ческом движении принимали деятельное участие, помимо еврей ских социалистических партий, и еврейские буржуазные пар тии и организации: „Союз для достижения полноправия евреев в России", „Российская организация сионистов", „Ев рейская Народная Группа" и „Еврейская Народная Партия" („Folkspartei").

Под влиянием общественного подъема, последовавшего за событиями 9 января, на политическую арену выступили мелко буржуазные элементы еврейской общественности. Еврейская буржуазия и дипломированная интеллигенция объединились в Вильне в (феврале) 1905 года в „Союз для достиже ния полноправия евреев в России". Это было объедине ние самых разношерстных общественных элементов: на ряду с ассимиляторами в него входили сионисты и даже примы кавшие к группе „Возрождения" (М. В. Ратнер). „Союз" поставил себе целью — достижение полноправия для евреев; в вопросах обще-политической жизни он разделял взгляды к. д. „Союз" организовал общественный протест против лишения евреев избирательных прав по проекту о Булыгинской Думе; по его предложению евреи-гласные, еврейским населением не избиравшиеся, а назначавшиеся администрацией, вышли из состава городских дум. Во время октябрьских событий члены „Союза" в некоторых местах участвовали в организации забастовки и самообороны. После еврейских погромов „Союз" собрал огромный материал о причинах, организаторах и участ никах погромов и обеспечил пострадавших юридической по мощью. Но главная деятельность „Союза" развернулась

во время выборов в первую государственную думу. Бойкот, объявленный первой думе еврейскими социалистическими партиями, создал для „Союза“ благоприятные условия: при отсутствии других конкуррирующих еврейских партий он провел в государственную думу 12 депутатов евреев. Все они, за исключением двух, вошли в к. д. партию. Евреи-депутаты в государственной думе образовали группу, почти целиком проводившую тактику к. д. В 1907 году „Союз“ раскололся: из него вышли сионисты, решившие повести самостоятельную избирательную кампанию, и национально настроенная, но враждебная сионистам, дипломированная еврейская буржуазная интеллигенция, образовавшая „Еврейскую Народную Группу“.

Сионисты, как мы выше сказали, все свое внимание уделяли исключительно пропаганде переселения в Палестину. Участие в политической жизни в диаспоре, в частности в России, они считали крайне вредным. Однако, в 1906 году, в период политического оживления, они изменили свою программу в этом вопросе. На всероссийском съезде в Гельсингфорсе сионисты отказались от тактики невмешательства в политическую жизнь России и признали, что сионисты, стремясь к демократизации России, должны активно участвовать в освободительном движении. Вот что сказано в резолюции Гельсингфорского съезда сионистов: „Принимая во внимание, что в странах диаспоры национальные организации могут развиваться только при условии их признания со стороны государств, каковое возможно лишь при демократическом устройстве этих стран — III-й съезд санкционирует естественно присоединение сионистских масс к освободительному движению территориальных народностей России и считает необходимым, на почве совершившегося преобразования государственного строя России, объединения российского еврейства, в целях признания еврейской национальности и законоутвержденного самоуправления во всех делах еврейской национальной жизни. В виду этого постановления сионистская организация в России будет защищать следующую платформу: „демократизация парламентаризма, широкая политическая свобода, автономия национальных областей и гарантия национальных меньшинств“.

В качестве необходимого предварительного условия для прочной организации еврейского населения и свободного развития его национальных сил и национальной самодеятельности, сионистская организация в России присоединяется к выраженному прогрессивными элементами всех территориальных народов России требованию—демократизации государства, всеобщей равноправности без различия происхождения, вероисповедания и пола, свободы совести, слова, союзов и собраний, свободы стачек и т. п. Для осуществления всех этих задач, сионистская организация ведет в России *самостоятельную политическую деятельность*, при чем для конкретных целей сионистской организации она *вступает в соглашение с другими партиями и союзами*, поскольку их программа не противоречит задачам сионизма в России".

„Сионистская организация" входила в состав „Союза полноправия". При выборах в первую государственную думу самостоятельную избирательную кампанию сионисты не вели, — их кандидаты шли под флагом „Союза". Из 12 избранных — 5 оказались сионистами. При выборах во вторую государственную думу был избран один депутат — сионист.

„Еврейская Народная Группа" определила свою ближайшую задачу в борьбе с сионизмом. В области политической программа ее содержала требование полного уравнения евреев в правах с остальным населением России и создания условий, обеспечивающих культурный и экономический рост сил еврейства.

Другая еврейская буржуазная партия „Еврейская Народная Партия" (Фолкспартей) была образована известным еврейским историком С. М. Дубновым. Она сложилась из национально-настроенных элементов „Союза полноправия". Выставляя общие с другими партиями (сионистами и „Еврейской Народной Группой") требование демократизации России, „Еврейская Народная Партия выставляет еще особые требования для еврейской нации, а именно еврейское национальное самоуправление, органом коего являются местные еврейские общины, объединяющиеся союзом их и устраивающие периодические съезды. сферу компетенции еврейского самоуправления (общины) вклю

чаются: вопросы народного просвещения, трудовой помощи, руководство переселением, ведение дел благотворительности и т. д. Средства их составляются из отчисления из государственного бюджета на содержание еврейских школ и специального обложения еврейского населения.

Деятельность „Еврейской Народной Партии“ ограничилась выпуском программы и воззвания. Предполагаемый учредительный съезд, в виду наступившей реакции, не был созван.

Глава XIV

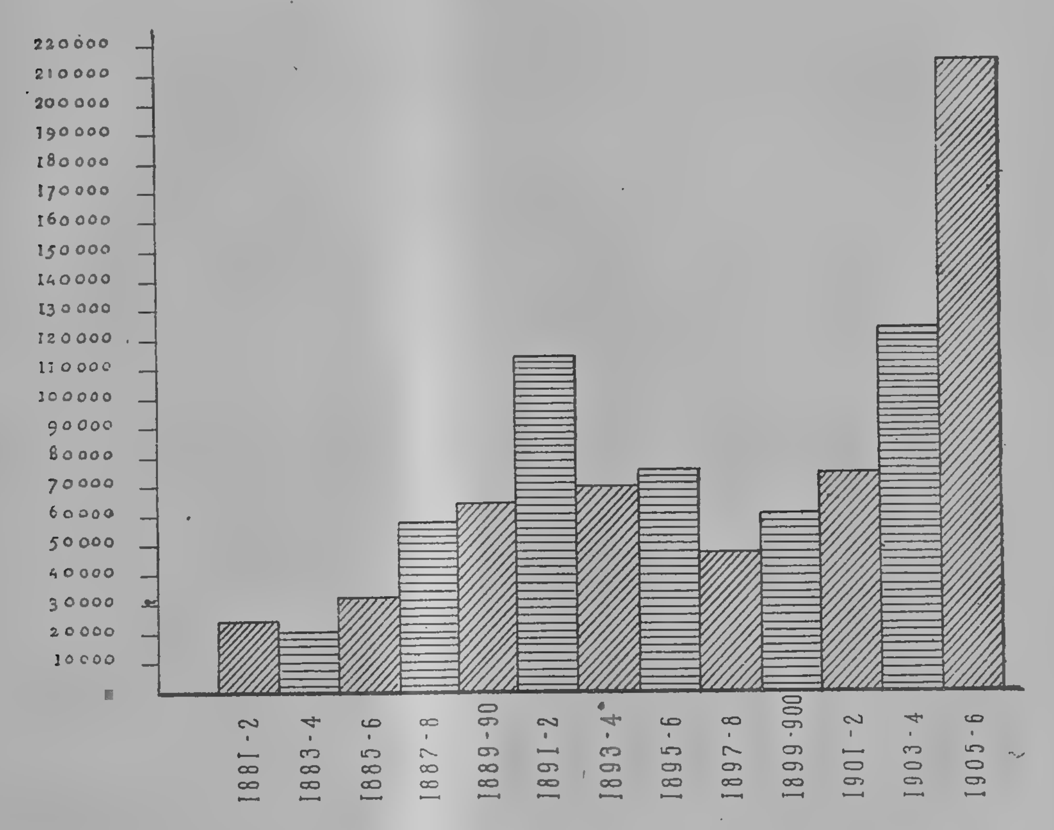
Годы реакции. — Разгром революционного движения. — Правительственные репрессии. — Эмиграция. — Локауты. — Предпринимательские объединения. — Отход интеллигенции от движения. — Усиление националистических настроений. — „Идишизм“. — Увлечение легальной культурнической работой. — „Ликвидаторство,“ его отражение в еврейском рабочем движении. — Некоторое оживление с 1909 г. — VIII конференция „Бунда“. — Сближение „Бунда“ с меньшевиками. — Августовский блок. — Ленский расстрел. — Оживление в движении после ленских событий. — Возобновление рабочей печати.

После бурных октябрьских событий правительство, оправившись от нанесенных ему ударов, перешло в наступление и обрушилось сильнейшими репрессиями на участников революционного движения. Начались многочисленные аресты, избиения, ссылки в Сибирь, жестокие расправы карательных отрядов, широкой волной прошли погромы по „черте еврейской оседлости“.

С усилением реакции чрезвычайно возросла эмиграция. Все молодое, здоровое, энергичное в еврействе эмигрировало в Америку, Англию, Австралию, Канаду, Аргентину, Южную Африку. Бежали все так или иначе замешанные в революционном движении и опасавшиеся репрессий. Эмиграционная волна захватила огромное количество еврейского населения.

В общем, за 27 лет, с 1881 по 1907 гг., из России эмигрировало в Америку 1.120.699 человек. Если же прибавить к этому и эмигрировавших в Бразилию, Канаду, Аргентину, Австралию, Южную Африку и другие страны, то, вероятно, всего окажется не менее $1^1/_2$ миллиона человек, т. е. больше $^1/_4$ всего еврейского населения России.

Наглядное представление об еврейской эмиграции в те годы дает следующая диаграмма:

Эмиграция протекала неравномерно: замечались приливы и отливы. Это находилось в зависимости от правового и экономи ческого положения евреев в России: с усилением реакционной политики русского правительства обычно возростала и эмигра ционная волна. Так, например, сильные подъемы в эмиграции наблюдались в 1892 году после изгнания евреев из Москвы и из сел и деревень (76.417 чел.), в 1904 году после киши невского и гомельского погромов (77.544 чел.) и в 1906 году (125.234 чел.).

Относительно возрастного состава эмигрантов мы распо лагаем следующими цифрами: в 1899—1910 гг. среди эмигри ровавшего населения в возрасте до 14 лет было 25%, от 14 до 45 лет — 70% и старше 45 лет — 5% [1]). Таким образом, эмигрировало почти исключительно наиболее работоспособное население.

[1]) Л. Гирш, цит. соч., стр. 30.

Эмиграция унесла местами целые партийные организации. Опасаясь репрессии, уезжали большей частью самые активные работники.

Еврейская эмиграция в Америку [1]).

Год	Из России	Год	Из России	Год	Из России
1881	8.193	1891	42.145	1901	37.660
1882	17.497	1892	76.417	1902	37.846
1883	6.907	1893	35.626	1903	47.689
1884	15.122	1894	36.725	1904	77.544
1885	16.603	1895	33.232	1905	92.388
1886	17.309	1896	45.137	1906	125.234
1887	28.944	1897	22.750	1907	114.932
1888	31.256	1898	27.221	1908	71.978
1889	31.889	1899	24.275	1909	39.150
1890	33.147	1900	37.011	1910	59.824

После крушения революции 1905 года еврейские социалистические партии, вследствие правительственных репрессий, эмиграции и отхода от движения интеллигенции, принимавшей в нем раньше, в период революционного подъема, большое участие, пережили сильнейший кризис. Они вскоре почти совершенно распались; лишь „Бунд“, как более значительная организация, уцелел и во все годы реакции подавал слабые признаки жизни.

* * *

В годы реакции частым явлением стали локауты. Принужденные в годы подъема революционного движения пойти на значительные уступки, предприниматели попытались теперь отнять их. Они потребовали от рабочих отказаться от завоеванных ими раньше достижений: повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д., угрожая в противном случае закрытием своих предприятий. В 1906 — 07 гг. в западном крае и на юге России имело место не менее 40 локаутов [2]).

Остановимся несколько подробнее на более значительных локаутах, захвативших большое еврейское рабочее население.

---

[1]) Д-р К. Форнберг, Еврейская эмиграция, опыт статистического исследования. Киев, 1908, стр. 19. Ср. приват-доцент Л. Гирш „Еврейская эмиграция (на евр. яз.). Вильна, 1914, стр. 5, 10 и след.

[2]) С. Айнзафт. „К истории локаутов в России“, „Вестн. Труда“, № 4, 1924 г.

В Лодзи, в ноябре — декабре 1907 года, на фабрике Познан ского возник мелкий конфликт между рабочим и инженером. Фабрикант Познанский воспользовался происшедшим инциден том для ухудшения условий работы. Рабочим было объявлено, что фабрика закрывается на две недели. По истечении этого срока им были предложены новые условия, согласно коим, между прочим, за оскорбление, нанесенное раньше рабочим инженеру, увольняются по одному человеку на каждые 5 рабочих. Таким образом, было намечено к увольнению 98 человек. Рабочие отказались приступить к работе. Вскоре еще 6 фабрикантов Лодзи приостановили свои предприятия, пока рабочие Познанского примут предложенные им усло вия. Вследствие этого локаута около 30.000 рабочих лиши лись работы и оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Легального профессионального союза не было; к тому же генерал-губернатор издал приказ о выселении из Лодзи всех стачечников, не являющихся его постоянными жителями. Голодало более 150.000 человек. „Страдания рабочего населения, — писал лодзинский корреспондент „Фолксцай тунга“, — неописуемы. Десятки людей падают на улицах от голода. Рабочие продали все, что имели, чтобы только хоть день-два прокормить семью, и теперь остались без всяких средств к жизни. Нет надежд на помощь... Отчаяние в го роде страшно велико... По улицам сотнями бродят безработные, похожие не на людей, а на призраки, истощенные, изголо давшиеся, продрогшие от голода... Воруют... капусту, карто фель, каменный уголь, корку хлеба, многие падают в изнемо жении. Голод и нужда огромны“.

Рабочие организации, из чувства братской солидарности, пришли на помощь Лодзинскому пролетариату: крупные суммы прислали петербургское центральное бюро профсоюзов, москов ское центральное бюро, областное бюро текстильщиков цен трального промышленного района и др. От германской цен тральной комиссии профсоюзов поступило 12.000 руб. Однако, вся эта помощь оказалась каплей в море, и положение лод зинских рабочих все ухудшалось. Тем не менее, они дер жались стойко и не шли на уступки.

Вскоре положение осложнилось еще и тем, что среди лодзинских рабочих началась братоубийственная война: подкупленные фабрикантами темные, несознательные рабочие-националисты „народовцы" начали нападать на сознательных рабочих стачечников. В результате затевавшихся ими драк пострадало около 100 человек, при чем было убито несколько десятков рабочих и многие были ранены.

Лодзинский локаут продолжался 18 недель и кончился поражением рабочих [1]).

В конце 1906 года произошел большой локаут в щетинных предприятиях Польши, Литвы и Северо-Западного края, охвативший около 3.000 рабочих. Начался он в Межеричах. К нему присоединились фабриканты и других мест. Они устроили в Витебске конференцию, которая приняла следующие характерные решения: „1) поддерживать друг друга в случае возникновения конфликта между фабрикантом и рабочим; 2) не принимать друг от друга рабочих, за исключением того случая, когда рабочий представит письмо от прежнего фабриканта; 3) фабриканты, у которых работают щетинщики из Польши (выброшенные из фабрик локаутом), обязаны немедленно расчитать польских рабочих; 4) так как в Польше фабриканты приостановили работу и выставили требования рабочим, то все владельцы фабрик по обработке щетины, входящие в „Союз фабрикантов", обязаны закрыть фабрики до тех пор, пока рабочие не пойдут на уступки; 5) фабрикант, не желающий войти в союз, лишается права счета в Лейпциге; 6) фабриканты получают из союза поддержку. Все эти решения должны быть представлены на общий съезд фабрикантов во время Лейпцигской ярмарки.

Требования же фабрикантов были следующие: 1) не вести никаких сношений с бюро профессиональных союзов щетинщиков; 2) вместо понедельной платы ввести попудную, а где попудная существует — уменьшить заработную плату, т. е. вместо повременной платы вводилась сдельная" [2]).

---

[1]) „Фолксцайтунг" № 242, 364 — 365.

[2]) В. В. Святловский. История профессионального движения в России, Ленинград, 1924, стр. 171.

Локаут продолжался свыше 2 месяцев и кончился полной победой рабочих.

В 1909 году локаут охватил все щетинное производство Северо-Западного края. Хозяева потребовали от рабочих отказаться от 8-ми часового рабочего дня и заменить его 10-ти часовым. Рабочие на это не соглашались. Локаут начался в Вилковишках, затем к нему примкнули фабриканты Орши, Витебска, Невеля, Креславки, Вержболова, Нейштадта, Выстинца, Кальварии, Поневежа и Шклова. В некоторых местах хозяева пробовали использовать услуги штрейкбрехеров христиан. Однако, в конце концов, фабриканты должны были сдаться. Победе рабочих содействовало вмешательство цен трального бюро союза щетинщиков (оно созвало специальную конференцию, которая приняла ряд мер, укрепивших единство рабочих) и значительная помощь, оказанная центральным коми тетом, соц.-дем. фракцией государственной думы и рабочими других районов, не затронутых локаутом [1]).

Помимо щетинного производства, большие локауты произо шли и в кожевенном производстве. В конце декабря 1907 г. в Свисловичах кожевенные фабриканты заявили рабочим, что они могут в дальнейшем продолжать свое производство только в том случае, если они согласятся на понижение заработной платы на 30%. Рабочие готовы были пойти на некоторое понижение заработной платы, но фабриканты ультимативно требовали понижения ее на 30%. Тогда рабочие оставили работу. В самом-же начале локаута свислочские кожевники допустили ошибку, за которую им пришлось впоследствии тяжело поплатиться — они не сняли сырьевщиков, „мокрых“ рабочих. Если бы они это сделали, товар начал бы портиться („гореть“, ржаветь) в чанах и фабриканты, возможно, пошли бы на уступки. Затем, хозяева начали вывозить полуобра ботанный товар. Рабочие этого не предвидели и начали волноваться: одни готовы были согласиться на условия хозяев, другие-же предлагали расправиться с ними „своим“ судом. Фабриканты тогда обратились к содействию полиции. Под

---

[1]) „Отклики“ „Бунда“, № 2.

охраной стражников товар был упакован и отправлен на вокзал. Когда их окружила возмущенная толпа рабочих, был дан залп, никого, однако, не ранивший. Это подействовало подавляюще на рабочих. Они впали в отчаяние и согласились было стать вновь на работу на условиях, предложенных хозяевами, но в это время рабочим пришло на помощь центральное бюро союза кожевенников, которое созвало экстренную конференцию представителей организаций кожевенников Гродненской и части Виленской губерний. Конференция решила, что кожевенники Свислоча не должны идти на уступки, так как это может повлечь за собой локаут во всем кожевенном производстве. Рабочие в Свислочи, в согласии с этой резолюцией, продолжали стойко отстаивать свои условия, и через 2 недели локаут окончился частичной победой рабочих [1]).

В ноябре 1908 года кожевенные заводчики Сморгони и Вильны объявили локаут, захвативший свыше 2.000 рабочих. Хозяева предложили рабочим следующие новые условия: 1) заработная плата во всех отделениях понижается на 20—23%; 2) рабочий день увеличивается с 8-ми до 10 часов; 3) право принимать и увольнять рабочих отнимается у рабочих и возвращается администрации; 4) старшие назначаются администрацией; 5) устанавливается определенное количество рабочих на заводе, т. е. прекращается распределение работы между *всеми* рабочими [2]). В Вильне локаут продолжался 22 недели и кончился, как и в Сморгони, полным поражением рабочих.

Для борьбы с рабочими предприниматели объединялись в союзы и периодически устраивали совещания. Выше мы привели любопытные резолюции конференции хозяев щетинных предприятий. В общем в годы реакции подобных предпринимательских объединений было создано сравнительно много. В № 283 „Торгово-промышленной газеты“ за 1907 год приведены сведения о 120 союзах предпринимателей, зарегистрированных на основании закона 4-го марта 1906 года. Территориально эти союзы распределяются следующим образом: южный

---

[1]) „Голос кожевенника“, № 1.

[2]) „Петербургский кожевенник“, № 2, от 28 января 1909 г.

район — 39 союзов, Прибалтийский край — 19, Польша — 15, центральный промышленный район — 14, северо-западный — 11, северный — 10, юго-западный — 9. По профессиям эти союзы группируются следующим образом: владельцев торгово-промышленных заведений — 43 союза, фабрикантов и заводчиков — 18, владельцев портняжских мастерских — 11, владельцев типографий — 9, владельцев пекарен и кондитерских — 9, извозопромышленников — 3 и пр. профессий — 23 союза [1]).

* * *

В еврейской жизни в годы реакции большое распространение получило культурническое течение, так называемый „идишизм“, находившее сторонников, главным образом, среди демократической интеллигенции. Разочаровавшись в революционном движении, интеллигенция бросилась культивировать народный язык „идиш“, пропагандировать пользование им в повседневном быту, создание на нем изящной литературы, школ и театра. Недавние члены различных еврейских социалистических партий теперь принимают активное участие в „Еврейском литературном обществе“ и „Обществе распространения просвещения между евреями“, имевших отделения во многих провинциальных городах. В частности, среди „бундовцев“ „идишизм“ нашел много сторонников.

* * *

Другим вопросом, волновавшим уцелевшие немногочисленные ряды „бундовцев“, был вопрос о еврейской общине. Раньше „бундовцы“ отрицательно относились к этому религиозному учреждению, находившемуся в руках клерикалов, и отстаивали необходимость его полного уничтожения. Теперь же, в пору реакции, появились сторонники работы в общине, стремившиеся к ее демократизации. Между прочим, на этой точке зрения стоял и Вл. Медем, который в еврейской общине склонен был видеть зачатки будущей культурно-национальной автономии.

„Как бы ни были уродливы эти учреждения, — писал Медем: — это все же органы еврейского самоуправления, и путь

---

[1]) Цит. ст. С. Айнзафта.

к автономии лежит через них, ибо в общем автономия — все та же община, правда, упорядоченная, демократизованная, обогащенная кой-какими новыми функциями и лишенная некоторых старых, но все же община. И от нее должен идти мост; провести его — задача политического творчества грядущих лет“ [1]).

„В прежние годы, — продолжает Медем: — вопрос об общине пред нами не вставал, совсем или почти. Почему? Да, во первых, как я уже сказал, для политического творчества в ту пору не было и намека на возможность. Какое в самом деле творчество при Плеве! Смешно и говорить. Все, что можно, и все, что нужно делать, — готовиться к штурму. И в связи с этим (и это быть может еще важнее), — не было психологической почвы, на которой мог бы вырасти интерес к такого рода вещам. Не до них было.

Теперь — дело другое. Можно спорить о том, имеются ли на лицо достаточные политические и полицейские предпосылки, чтобы вести широкую работу над реформированием общины. Но кое-что — пусть в скромных размерах — делать можно. А с другой стороны, изменились и психологические предпосылки. И пред нами открывается весьма интересная работа — и практическая, и теоретическая. Работа над чисткой этих засоренных органов еврейского самоуправления, над отметанием устарелого, постепенной выработкой новых форм, в которые могла бы отливаться зреющая национальная жизнь“ [2]).

VIII конференция „Бунда“, состоявшаяся в 1910 г., приняла об общине резолюцию в подобном же духе. Однако, дальше литературного обсуждения вопроса и участия в 1909 году в ковенском съезде общественных деятелей дело не пошло: на местах бундовцы фактически нигде не работали в общине, которая по-прежнему оставалась в руках еврейской мелкой буржуазии.

* * *

В годы реакции русская социал-демократия раздиралась борьбой сторонников сохранения нелегальных партийных орга

---

[1]) „Отклики „Бунда“, № 1, ст. „Прежде и теперь“.

[2]) Ibid.

низаций с „ликвидаторами“. Это нашло отклик и в еврейском рабочем движении. К „ликвидаторам“ принадлежали — Либер, Абрамович, Розенталь и др., к их противникам — Юдин (Айзенштадт), Михалевич (Избицкий), Койген („Иона“) и др. Обе стороны в своей борьбе приводили те же доводы, что и русские социал-демократы, ничего по существу нового в их полемике не было. Выдвигая на первую очередь использование легальных возможностей, организацию профессиональных союзов, общеобразовательных, музыкально-драматических обществ, кооперативов, вечерних школ и пр., „ликвидаторы“ отодвигали на второй план партийную работу в подпольи. „Использование легальных возможностей, — говорили они, — *основа*, нелегальная же организация — вспомогательное *средство*“.

Со всей полнотой обрисована позиция „ликвидаторов“ и их противников в интересной полемике Абрамовича с Койгеном („Иона“) на страницах „Stimme fun Bund“.

„К нашему стыду, к великому нашему стыду мы ничего не сделали, — писал „ликвидатор“ Абрамович: — чтобы провести в жизнь план легальной работы, который мы было наметили. О, да, мы много, очень много говорили о легальных возможностях, но мы не использовали и сотой доли тех маленьких возможностей, которые были в нашем распоряжении (да, мы их имели, несмотря ни на что!). Причины ясны! Не было людей, не было денег, не хватало сил, чтобы преодолеть, пробить ту тупую атмосферу сонливости и общей апатии, которая охватила широкие круги наших рабочих и интеллигенции. Но нужно это сказать откровенно! Нельзя „из нужды делать добродетель“ и валить всю вину на внешние условия. Нельзя принимать горделивую позу радикального бойкотиста, который хочет „все или ничего“! Твердят, что легальная работа невозможна и бесполезна. При современных условиях такая агитация не только ошибочна, она в высшей степени вредна. Ибо такая агитация подводит теоретический базис под пассивность, ибо она дает радикальное оправдание преступной бездеятельности, ибо она парализует последние остатки общественной жизни! Более того — эта агитация реакционна, ибо она направлена против линии общественного развития.

Посмотрите вокруг себя! Сравните общественное состояние средних слоев российского общества теперь и несколько лет тому назад. Сосчитайте количество газет и журналов, сосчитайте число обществ, союзов и клубов — политических и культурно-образовательных; обратите внимание на число членов, которое они насчитывают; взгляните на афиши, которыми пестрят все улицы, на огромное число анонсов о лекциях, чтениях, рефератах, курсах, — и вы увидите, какая громадная перемена произошла; вы увидите, какой колоссальный процесс организации и концентрации происходит на наших глазах в средних слоях общества!..

И ведь это происходит в момент самой страшной правительственной реакции. Это проводится на основе вот этих самых ничего не стоющих правил 4-го марта, на основе временных правил о печати и т. д.“...

„... Разве не ясно, что указывать на трудности имеет смысл лишь тогда, когда за этим следует призыв к более энергичной работе? Но если вместо этого говорят: „оставьте, не стоит тратить силы, уйдем лучше назад в подполье“, то мы должны признать, что говорящие это оказывают пролетариату медвежью услугу! Ибо они советуют ему сдать без боя те позиции, которые мы отвоевали в борьбе, ибо они рекомендуют ему отказаться от остатков своей собственной победы! Ибо это значит отстать, спасовать, в сравнении с буржуазными слоями, в процессе организации сил, в борьбе за влияние на широкие слои народа! Это значит: бросить то, что есть, обменяв его на пустое место! Да, на пустое место!

Ибо пора уже освободиться от фетишизма слова и назвать вещи их собственными именами.

Наивно убаюкивать себя надеждой, что в 1909 году можно будет привлечь большие массы рабочих в нелегальную организацию. Смешно думать, что в нелегальных кружках нелегальной пропагандой вам удастся воспитать значительные слои рабочей интеллигенции, когда нам и до октября это не удавалось. Столь же утопично стремление через посредство нелегальных организаций вести организованную и планомерную борьбу рабочего класса против правительства и против легально

организованных экономических, политических и духовных сил буржуазии. Это значит — выступить на войну с дубиной против пулемета, с нелегальной типографией против ротационной машины, с нелегальным собранием против всероссийской трибуны. Это значит, что в то время, когда силы, враждебные пролетариату, будут использовывать в полной мере плоды его победы — октябрьские завоевания, сам пролетариат добровольно ограничит себя в выборе оружия, добровольно повернется спиной к целым областям общественной работы!

Пролетариат не может не использовать всех легальных возможностей и должен это делать в полной мере! „Не течет река обратно“... И то, что однажды было в истории великой трагедией, повторяется в виде банального фарса, сказал Маркс.

Весна нелегальных организаций пролетела и вновь не вернется. То, что в 1904 и 1905 годах, на заре русской революции, когда она делала свои первые, робкие шаги, было плодотворно и величественно, теперь в 1909 году, при дифференцированном обществе, при легально организованной буржуазии и на европейский маневр вооруженной реакции, будет лишь смешной пародией.

Пора уже перестать поклоняться словам, пора признать, что призыв, который некогда был так революционен, призыв: „в подполье“ уже отжил свое время, стал объективно реакционным. Когда-то он для соц.-дем. звучал: „на баррикады“; теперь он означает: „уйдите с арены общественной жизни! Устранитесь от воздействия на широкие массы! Боритесь от воздествия на широкие массы! Боритесь против врага наиболее слабым оружием!“ [1]).

Ему возражал И — ов, который указывал, что М. Абр. предлагает обратить партию в группу содействия при легальных возможностях. Группы социал-демократов, которые будут заниматься организацией легальных возможностей, и будут составлять „организацию“, а совокупность их и будет нелегальной

---

[1]) Ст. М. Абр. в № 1 „Stimme fun Bund“, цитиров. по № 1 „Откликов „Бунда“.

ствующих легальных культурно-просветительных обществах и создать новые (клубы, образовательные общества, литературные ферейны), при чем „вся работа во всех этих областях должна объединяться и направляться местной партийной организацией“. 4) *О языке.* — Конференция считает, что: 1) „недопустимо разделение языков на господствующие и терпимые; 2) государственные учреждения и органы местного и областного самоуправления должны сноситься с населением на местных языках; 3) выполнение этого требования должно быть обеспечено специальными законодательными нормами; 4) впредь до осуществления культурно-национальной автономии, передающей школьные и вообще культурные дела в ведение самих наций, необходимо добиваться, чтобы для каждой национальной группы населения государственная школа создавалась на родном языке; 5) должны быть отменены все стеснения в употреблении родного языка в общественной жизни, на собраниях, в печати, в обществах, частных школах и т. п. — Еврейская социал-демократия должна бороться „за то, чтобы во всех областях еврейской общественной жизни и, в первую очередь, — в школе и культурных учреждениях еврейский язык занял то место, которое должно ему принадлежать, как национальному языку еврейского населения“.

Выше мы говорили об увлечении, под влиянием политической и общественной реакции, еврейской интеллигенции и рабочих националистическими настроениями. Для VIII конференции „Бунда“ весьма характерно признание необходимым начать борьбу с этим увлечением и предложением Центральному Комитету в дальнейшем „выдвигать на первое место вопросы социального законодательства и рабочей жизни“.

* * *

„Бунд“ принимал деятельное участие в различных предпринимавшихся за границей попытках восстановления разгромленной соц.-дем. партии. В 1912 году „Бунд“ участвует в Вене в конференции, создавшей так называемый „августовский блок“. На этой меньшевистской конференции, как известно, присутствовали все социал-демократические партии и организации, за исключением „большевиков“, поставивших условием

своего участия исключение „ликвидаторов“. Конференция избрала партийный центр—Организационный комитет („О. К.“), в который входили и представители „Бунда“. С этого времени „Бунд“, раньше находившийся вне фракций, шел в ногу с меньшевиками, солидаризуясь с ними во всех возникавших политических вопросах дня.

* * *

Ленские события повлекли за собой оживление в еврейском, как и в русском рабочем движении. Настроение придавленности прошло. Бундовские организации вновь обросли рабочей массой. Возобновилась рабочая печать. С 1912 г. в Петербурге начинает выходить еженедельный бундовский орган „Ди Цайт“ при ближайшем участии Абрамовича (Рейна), Ольгина, Фрумкиной („Эстер“), Д. О. Заславского, А. Д. Киржница и Б. Оршанского. Появление „Ди Цайт“ вызвало среди рабочих неподдельную радость. Газета получила из различных мест много приветствий, написанных с большой теплотой. Приведем, например, приветствия от групп рабочих Витебска и Лодзи. Из *Витебска* писали: „С большой радостью наши сознательные товарищи встретили первый номер еврейской рабочей газеты. Каждый пережил внутреннюю душевную радость, увидя газету. Каждый думал, что пройдет много времени, пока он увидит еврейскую рабочую газету. Нам казалось, что еврейская рабочая газета в наше время есть фантазия, греза, которая в действительности не может осуществиться, но, к удивлению, мы имеем теперь во время тьмы — светоч, который светит нам высоко в нашей темноте. Мы желаем от души, чтобы зажженный светоч светил нам не каждую неделю, а ежедневно...“ Из *Лодзи*: — „Появление газеты „Ди Цайт“ — праздник на еврейской рабочей улице. Мы верим, что, несмотря на тяжелые условия, сознательные еврейские рабочие поддержат свою газету. Мы приветствуем редакцию „Ди Цайт“ и желаем ей успеха и продуктивной работы на ее тернистом пути...“

Вскоре, вслед за политическим органом „Ди Цайт“, начал выходить и профессиональный бундовский журнал „Дер Шнайдер“ (портной).

С целью оказания помощи пострадавшему еврейскому населению, возникли различные новые и оживились старые еврейские общественные организации: „Общество охранения здоровья еврейского населения“, Общество распространения просвещения между евреями“, „Общество распространения ремесленного труда“ и т. д. Устраивались школы и очаги на еврейском языке („идиш“), приискивались занятия безработным беженцам, открывались столовые и пр. На ряду со специально еврейскими организациями, нужды пострадавшего еврейского населения обслуживало и „Вольно-экономическое общество“. Пред бундовцами встал вопрос об отношении к этим организациям. Возникли разногласия по вопросу, нужны ли национальные или общие комитеты помощи пострадавшим. Большинство было за необходимость специально-национальных обществ. Член центрального комитета „Бунда“ Либер работал в „Вольно-экономическом обществе“, состоял его уполномоченным и, в качестве такового, был арестован в Одессе в январе 1915 года.

В те дни наблюдался какой-то национальный подъем: еврейская интеллигенция и, в особенности, молодежь целиком ушла в работу по оказанию помощи раззоренному еврейскому населению. Бундовцы принимали в этом деле большое участие, стараясь вовлечь в нее рабочие массы и несколько сорганизовать их. Юго-западная бундовская конференция, состоявшаяся в 1915 году, приветствовала участие отдельных лиц и партийных организаций в еврейских общественных учреждениях, но рекомендовала ограничиваться работою в тех секциях, которые наиболее способны содействовать сплочению рабочих, т. е. по преимуществу в бюро труда. Участие в руководящих учреждениях было отклонено. Однако, совещание центрального комитета „Бунда“ с делегатами районов, состоявшееся несколько позже, признало такое участие допустимым [1]).

В начале 1915 года партийная бундовская работа начала вновь налаживаться. Местами возродилась партийная жизнь.

---

[1]) „Наше Слово“, Париж, № 196.

В Киеве комитет „Бунда“ к 9 января 1915 года выпустил на еврейском языке прокламацию с протестом против войны и ареста соц.-дем. фракции. Здесь же велась работа около профессиональных союзов, имелись и некоторые рабочие кружки [1]). В Житомире и Холме к 1 мая 1915 года были распространены прокламации центрального комитета „Бунда“ с призывом к выступлению против войны [2]). В Двинске 4-го апреля 1915 года была арестована сходка [3]). В Вильне имелся коллектив. Происходили партийные собрания и велись занятия в кружках. Когда в ночь с 17 на 18 февраля 1915 года был арестован бундовский коллектив, вместо него вскоре же был образован другой [4]). В Риге бундовцы также вели работу и имели влияние в „Профессиональном обществе рабочих по обработке обуви“ [5]). В Гомеле 18 апреля 1915 года была распространена прокламация центрального комитета „Бунда“, осуждавшая войну и излагавшая тяжелое положение евреев, гонимых в Царстве польском [6]). Бундовские ячейки были в Одессе, Кременчуге, Харькове, Екатеринославе и других местах. В Петербурге успешно велась работа среди еврейского студенчества; при психо-неврологическом институте и университете образовались бундовские группы (активными работниками среди них были: Вайнраух, Харит, Хацкелес и др.), которые устраивали лекции, рефераты, собрания и в 1916 году издали на русском языке сборник „Наш путь“.

В Польше, занятой оккупационными войсками, бундовцы вели оживленную партийную деятельность. В Варшаве под влиянием „Бунда“ находилось 12 еврейских профессиональных союзов, с общим числом членов в 10.000 человек, и некоторые общеобразовательные курсы для взрослых. Профессиональные союзы устроили для безработных рабочие столовые, рабо

---

[1]) Д. ист. рев. арх., № 6, ч. 32, л. В., 1915 г., агент. свед.

[2]) Ibid., д. № 6, ч. 15, л. Б., 1915 г., агент. свед. и д. № 6, ч. 73, л. А.

[3]) Ibid., д. № 6, ч. 12.

[4]) Ibid., д. № 6, ч. 11, л. В, 1915 г., отчеты нач. Вил. губ. жанд. упр.

[5]) Ibid., д. № 6, ч. 40, л. Б., 1915 г., сообщение нач. Лифляндского губ. жанд. упр.

[6]) Ibid., д. № 6, ч. 45, л. Б., 1915 г., агент. свед.

ное движение в Америке. В то время в Америке самыми разнообразными кругами велась большая пропаганда за созыв всемирного еврейского конгресса, который должен был отстаивать у лиги наций при ликвидации войны признание ею гражданского, политического и национального равноправия евреев во всех странах. В России бундовцы, по примеру своих американских товарищей, относились к этой идее положительно и пропагандировали ее на нескольких легальных собраниях, устроенных в Петрограде под флагом „Общества изучения родной литературы“.

В годы империалистической войны наблюдалось некоторое оживление и среди „поалей-ционистов“. Восстановились их организации в Петрограде (исключительно студенческая группа: Цви Фридлянд, З. Брейтер, Шейдлина, Е. Почтивая, Менделев, С. Долгопольская, Стерлин и др., которой руководил Т. Нир (Рафалькес), Москве (И. Тененбойм, Берлинраут и др.) и Нижнем-Новгороде. „Поалей-ционисты“ в некоторых местностях участвовали в организации помощи беженцам. В Москве они открыли партийное издательство „Перевал“. Среди „поалей-ционистов“ по вопросу об отношении к войне подавляющее большинство стояло на интернационалистической позиции.

Что же касается других еврейских социалистических партий: „с. с.“ и „е. с.“, то, по имеющимся у нас сведениям, в годы войны в России оформленных организаций вовсе не существовало; лишь отдельные лица, бывшие члены этих партий, принимали активное участие в легальных обществах помощи беженцам: в Москве—Я. Лещинский, Раскин, Мотылев, Соколовский, Дайховский, в Петрограде—Херсонский, Хургин и др.

381
с 382-353-

УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ